

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»

На правах рукописи

КИСЛИЦЫНА Наталья Николаевна

**КОНЦЕПЦИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОННОТОЛОГИИ
(КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор А. Д. Петренко

СИМФЕРОПОЛЬ – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА КОННОТАЦИИ	29
1.1. Генезис понятия «коннотация»: логико-философские и психологические основания	29
1.2. Эволюция термина «коннотация» в лингвистике: ретроспективная проекция	41
1.3. Статус коннотации в гибридных науках	48
1.3.1. Антропололингвистический, этно- и социоллингвистический аспекты рассмотрения коннотации.....	51
1.3.2. Коннотация как объект рассмотрения в лингвокультурологии.....	69
1.3.3. Коннотация в свете когнитивной лингвистики.....	82
1.4. Дискурсивно-прагматический подход к изучению коннотации	98
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I	109
ГЛАВА II. КОНЦЕПЦИЯ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: КРОСС-КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД	115
2.1. Дискуссионность понятия «коннотативное значение слова»	116
2.1.1. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова.....	124
2.1.2. Структурная и типологическая характеристика лексической коннотации	130

2.2. Значимость понятия «коннотация»: коннотация и смежные лингвистические и нелингвистические понятия	133
2.2.1. Корреляция понятий «коннотация», «мотивированность» и «внутренняя форма слова»	135
2.2.2. Корреляция понятий «коннотация», «переносное значение слова» и «метафора»	140
2.2.3. Корреляция понятий «коннотация», «ассоциация» и «стереотип»: психолингвистический аспект.....	143
2.2.4. Корреляция понятий «коннотация» и «оттенок значения слова»: стилистический аспект.....	149
2.2.5. Корреляция понятий «коннотация» и «средство речевой выразительности»: прагматический аспект.....	165
2.3. Коннотация и контекст: конситуативный детерминизм	173
2.4. Коннотация как потенция полисемии	182
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II	188
ГЛАВА III. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОННОТОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ	192
3.1. Содержание и принципы лингвистической коннотологии ...192	
3.1.1. Статус коннотологии в системе языковедческих дисциплин.....	192
3.1.2. Лингвистическая коннотология: межкультурный аспект проявления антропоцентризма в языке	197
3.2. Коннотация в свете теории лакунарности	203
3.3. Методология экспликации коннотативного значения	213
3.3.1. Компонентный анализ как метод выявления коннотативных сем	214
3.3.2. Использование сравнительно-сопоставительного и контрастивного анализа для изучения коннотации.....	227

3.3.3. Субъективность, возведенная в ранг объективности: контент-анализ коннотации.....	236
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ III	246
ГЛАВА IV. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОННОТОЛОГИИ	250
4.1. Коннотативное значение на лексическом уровне – экстериоризация когнитивной деятельности человека	257
4.2. Коннотативное значение на синтаксическом уровне – мотивирующие сочетаемостные конструкции	276
4.3. Коннотативное значение на гиперсинтаксическом уровне: корпусная репрезентация контекстуализации и деконтекстуализации	283
4.4. Коннотативное значение на дискурсивном уровне: субъективная прагматика смыслообразования.....	298
4.5. Коннотативная диасемия в аспекте межъязыковых трансформаций.....	341
ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ IV	351
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	361
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	369
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА	442
ПРИЛОЖЕНИЕ А	459
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	460

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ¹

ВФС – внутренняя форма слова

ДТЯЕ – денотативно тождественные языковые единицы

ДЯЛ – дискурсивная языковая личность

КЗЯЕ – коннотативное значение языковой(ых) единиц

КЗ – коннотативное значение

КЗС – коннотативное значение слова

ККК – коэффициент коннотативной координированности

КМЯЕ – коннотативно маркированные языковые единицы

КНЯЕ – коннотативно немаркированные языковые единицы

МПД – медиаполитический дискурс

НКК – нормативный конвенциональный контекст

ННК – нормативный неконвенциональный контекст

УУСМ – условно устойчивая сочетаемостная модель

ЯКМ – языковая картина мира

ЯЕ – языковая единица

ЯЛ – языковая личность

¹ В список сокращений не включены аббревиатуры, используемые в работе для наименования лексикографических источников на электронных и бумажных носителях, национальных корпусов текстов, в силу их многочисленности. Данные материалы представлены в виде отдельного перечня «Лексикографические источники и источники языкового материала», включающего 158 позиций.

ВВЕДЕНИЕ

Содержание современной лингвистической теории демонстрирует значительный интерес ученых к разработке фундаментальных вопросов, связанных с существованием человека в социуме и ролью языка как средства коммуникации, обуславливающего успешность взаимодействия индивида с окружающим миром. Исследование феномена коннотации в номинативном, когнитивном и дискурсивном аспектах дает возможность выявить особенности формирования коллективного знания, отраженного в значениях языковых единиц, инкорпорировав в процедуру анализа учет фактора действующих лиц как неотъемлемых актантов коммуникативного процесса.

Более тридцати лет назад вышел в свет труд В. Н. Телии, посвященный описанию коннотативного аспекта семантики номинативных единиц. В нем автор осветила вопросы, связанные с пониманием коннотации в лингвистике, и обозначила актуальную на тот момент проблематику дальнейших изысканий.

Представленная в настоящей работе теория – это результат осмысления проблемы, связанной с пониманием значимости лингвистической коннотации, в новом ракурсе, выбранном с учетом современного состояния гуманитарных наук, отчетливо и осознано ориентированных на учет факторов антропоцентричности языка и социокультурного контекста коммуникации.

Проведение данного исследования было продиктовано необходимостью восполнить лауну холистического описания коннотации в свете когнитивно-дискурсивного подхода, стремлением модернизировать обозначенную в трудах В. И. Говердовского, 1977, 1989; Л. Н. Иорданской, 1980; В. В. Левицкого, 1983; В. А. Масловой, 1989; И. А. Мельчука, 1980; Э. Г. Ризель, 1980; В. Н. Телии, 1986; А. В. Филиппова, 1978; В. И. Шаховского, 1980; J. L. Bruning, 1972; S. Bullon, 1990; В. Buchanan, 1971; T. Czeżowski, 1979; S. P. Harbin, 1966; W. Nicolaisen, 1978; L. Urdang,

1979; J. E. Williams, 1966, проблематику в аспекте парадигмальных изменений, произошедших за последние десятилетия в гуманитарной сфере.

Подчеркнем, что «новый ракурс» не означает нивелирования значимости прежних подходов. Наоборот, использование имеющихся наработок, в том числе полученных и в междисциплинарных областях, позволяет дополнить существующее учение о коннотации, более убедительно представить объект исследования, воспользовавшись новыми знаниями, которые еще не были доступны предыдущим поколениям филологов.

В качестве базового познавательного принципа авторской концепции изучения феномена лингвистической коннотации в настоящей работе предлагается принцип конвергенции, позволяющий выйти за пределы системы координат, задаваемой языковой системой. Убежденность в целесообразности его применения базируется на теореме австрийского математика К. Гёделя [Gödel, 2001], определяемой как «теорема о неполноте познания». Данная теорема постулирует невозможность целостного познания некой системы, находясь внутри этой системы. Структурная лингвистика ограничила изучение предмета и объекта своего познания исключительно формально-структурными параметрами. Достигнув несомненных и значительных успехов на пути строгого описания языка как знаковой системы, структурализм столкнулся с кризисной ситуацией – невозможностью истолковать многие не виртуально наблюдаемые в языке закономерности, будучи ограниченным рамками лингвистической системы. Этим в настоящей работе объясняется активное привлечение в процесс исследования коннотативного значения положений и методов, используемых в разнообразных научных направлениях, связанных с формированием, сохранением и передачей смысловой информации.

Так, в данной диссертации классические лингвистические теории, разработанные В. Гумбольдтом, А. А. Потебней, Л. Вайсгербером, Э. Сепиром, Б. Л. Уорфом, Л. Блумфилдом, конвергируются с концепциями, освещаемыми в области психологии (Л. С. Выготский), этнологии

(Б. Малиновский), когнитивной лингвистики (Н. Д. Арутюнова, Н. Н. Болдырев, Э. В. Будаев, Е. С. Кубрякова, Г. Н. Манаенко, М. Минский, Т. Ю. Тамерьян, Ч. Филмор, З. Р. Хачмафова, N. Chomsky, R. S. Jackendof, G. Lakoff, R. W. Langacker), лингвокультурологии (В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. В. Катермина, В. А. Маслова, Р. В. Патюкова, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов), социолингвистики (W. Labov, А. Д. Петренко), коммуникативистики и прагмалингвистики (В. А. Буряковская, Г. Г. Почепцов, С. В. Серебрякова, Т. А. van Dijk) и дискурсологии (Н. Д. Арутюнова, С. Н. Бредихин, З. И. Резанова, В. Е. Чернявская, Е. И. Шейгал).

Анализ и синтез воззрений на коннотацию, выработанных в сферах перечисленных научных направлений, позволил обозначить ее научную ценность, а также значимость нелингвистических факторов, влияющих на возникновение и актуализацию коннотативного значения.

Проблематика коннотации и коннотативного значения языковых единиц (далее – КЗЯЕ) долгое время находилась на периферии лингвистической теории значения. Чаще всего она поднималась в исследованиях, носящих прикладной характер, и, как периферийное понятие, характеризующее высокой степенью субъективности, оставалось вне поля активных системных исследований.

Следует отметить, что в современной лингвистической науке наблюдается значительное расхождение в трактовке коннотации, результирующее, в частности, отсутствием единства терминологии. Так, во многих научно-исследовательских работах термин «коннотация» употребляется недифференцированно с терминами «ассоциация», «стереотип» «стилистическое значение», «переносное значение», «метафорическое значение», «контекстное значение» и др. Использование перечисленных слов и словосочетаний, употребляемых как собирательные наименования, определяющие ряд смежных понятий, порождает проблему терминологического пересечения, требующую выяснения причин

сложившейся *диффузности* [Киклевич, 2007 : 11–113] и определения специфики фокуса внимания, направленного на отдельный аспект изучаемого лингвистического явления. В научных работах, посвященных исследованию коннотации, неоднократно отмечалась проблематичность определения значимости коннотации, обусловленная многомерностью исследуемого понятия и отсутствием ясности относительно его статуса в «семантическом пространстве языка» [Быкова, 2005 : 5; Булдаков, 2011].

Такое положение вещей не может удовлетворять современное языкознание: в связи с формированием новых междисциплинарных направлений, появлением технических возможностей работы с массивами лингвистического материала возникла необходимость систематизировать полученные данные, усовершенствовать теории, связанные с понятием лингвистического значения, расширить горизонты постижения языка как средства номинации, коммуникации и познания. Важнейший для лингвистической теории вопрос о значении слова не может получить объективного и целостного ответа без системного рассмотрения коннотативного значения.

Все вышесказанное определяет **актуальность** настоящего исследования, которая также обусловлена:

- соответствием тематики работы общей антропоцентрической направленности современной лингвистики на выявление и теоретическое обоснование опосредованного присутствия индивида в языке и влияния человеческого фактора на вербальную составляющую коммуникации;

- возможностью немеханистического истолкования взаимовлияния человеческого мышления, языка и социокультурных условий, открывающейся благодаря конвергированию принципов когнитивной науки, дискурсивного подхода и сравнительно-сопоставительного метода. Включение коннотации в число гносеологических констант позволяет определить универсалии человеческого мировидения, выявить

кросскультурную интерференцию, а также специфику образного освоения окружающего мира, отраженную в разных языках;

- перспективой заполнить лакуну в теоретическом представлении феномена коннотации посредством построения целостной концепции **лингвистической коннотологии**.

На основании приведенных выше положений представляется возможным выдвинуть следующую **гипотезу**: – целостное раскрытие особенностей образования и реализации коннотативного значения языковых единиц возможно исключительно при условии интегративного использования когнитивно-дискурсивного подхода и принципа межъязыкового сопоставления, что обеспечивается интродуцированием **лингвистической коннотологии**. Такой комплекс дает возможность выявить и охарактеризовать изоморфные и алломорфные аксиологические установки лингвосоциумов, проследить влияние когнитивного суперстрата на формирование производных эмоционально-оценочных значений языковых единиц, установить синергетическое воздействие контекста и конситуации, провоцирующее коннотемизацию лексем.

Коннотативное значение языковой единицы понимается в работе как факультативный производный компонент лексического значения слова, обладающий ярко выраженной оценочностью, эмоциональностью и экспрессивностью, воплотивший в семантической структуре слова результат когнитивной интерпретации окружающего мира носителями языка. Оценочность коннотации объясняется ее связью с положительными и отрицательными эмоциями и чувствами человека, что позволяет коннотативному значению языковых единиц выражать отношение автора к объекту или субъекту речи, отражать психические процессы и состояния личности, продуцирующей текст. Словосочетание «коннотативное значение» (КЗ) употребляется в работе недифференцированно с термином «коннотация».

Теоретическую основу настоящей работы составляет гносеологическая концепция синтетизма коннотации: феномен коннотации возникает благодаря взаимодействию интуиции (иррациональная составляющая), эмоций и чувств (психологическая составляющая) и познавательной активности (когнитивная составляющая) носителей языка. Формирование коннотативного значения происходит в результате вербализации эмоционально-оценочного отношения субъекта к объекту, а конституирование КЗ осуществляется благодаря регулярному функционированию коннотативно маркированных языковых единиц в повседневной дискурсивной практике [ДПСИК, 2015 : 10] членов лингвосоциума.

В роли операционной единицы, в зависимости от уровня рассмотрения реализации коннотативного значения, в работе выступает как слово (лексический уровень), так и сочетание слов (синтаксический уровень), находящихся в таких сочетаемостных отношениях [Аракин, 1972; Апресян, 1995(а); Гак, 1998 : 272–297; Юдина, 2006], которые способствуют актуализации коннотативного значения одного из них. На гиперсинтаксическом уровне – уровне текста – как зафиксированного результата языковой деятельности [Кибрик, 2003, 2015 : 30–32; Красных, 1998; Кубрякова, 1997] в качестве операционной единицы выступает микро- или макроконтекст в форме высказывания или фразового единства, достаточного для определения актуализированного коннотативного значения анализируемого слова. На дискурсивном уровне в качестве операционной единицы выступает коммуникативный акт – отдельный фрагмент коммуникативного действия, представленный в виде текста, трактуемого в настоящей работе как конфигурация интеракционного языкового общения, учитывающая особенности участников общения и позволяющая проводить конситуативную интерпретацию с целью экспликации и разъяснения коннотации языковой единицы.

Возможность системного рассмотрения КЗЯЕ расширяет предлагаемый в настоящем диссертационном исследовании интегративный когнитивно-

дискурсивный подход с использованием сопоставительной методики, позволяющей наиболее ярко продемонстрировать национально-культурную специфику объекта исследования и вместе с тем объяснить некоторые особенности менталитета определенного лингвосоциума, которые послужили триггером для возникновения сходной или различной коннотации у языковых единиц-эквивалентов, принадлежащих разным языкам.

Представляемая в работе **концепция лингвистической коннотологии** как отдельного лингвистического направления ставит своей целью изучение способности естественных языков образовывать, сохранять и реализовывать коннотативное значение языковых единиц в межязыковом, межкультурном и междисциплинарном контекстах, руководствуясь принципами когнитивного подхода к исследованию языка. Иными словами, основным назначением лингвистической коннотологии является осмысление выявленных закономерностей языковой системы в аспекте реализации коннотативного значения в интра- и интерязыковой проекции, обобщение и систематизация релевантных данных, создание предпосылок для избежания коммуникативных неудач в практике вербального взаимодействия людей.

Выделение лингвистической коннотологии в отдельный вектор научных исследований представляется возможным ввиду:

- релевантности коннотативного значения для языковых единиц, обладающих формой и значением;
- значительного объема языкового материала, представленного на высших уровнях языка, имеющего и/или способного генерировать коннотативное значение;
- синергии методологических принципов лингвистической коннотологии, инкорпорирующей антропоцентрический подход к изучению языковых явлений и принцип когнитивно-дискурсивного рассмотрения исследуемого материала, что позволяет сформулировать теоретические обоснования, обладающие большим объяснительным потенциалом.

Следует отметить, что одним из предназначений лингвистической коннотологии является привлечение внимания специалистов к таким свойствам языковых единиц, которые онтологически немаркированы для носителей языка, воспринимающих данные явления как «реальное положение вещей», как «так и только так» [Залевская, 2007 : 148], но при этом демонстрируют мотивированность исследуемых языковых единиц, которая «“отражает” стоящие за ними когнитивные структуры» [Кибрик, 2015 : 32].

Коннотативное значение, будучи культурно- и этномаркированным, несомненно, можно отнести к явлениям языка и речи, отображающим «дух народа» [Гумбольдт, 1984], специфику мировидения лингвосоциума, «многоцветье и изменчивость с одной стороны и универсалии, присущие Homo Sapiens, Loquens, Legens и Scribensque, <...> с другой» [Черниговская, 2016 : 15]. В процессе вербализации образов, представлений и концептов коннотативное значение воплощается в определенной языковой форме, постепенно гипостазируясь благодаря регулярному функционированию в языковом коллективе, утрачивает когнитивную маркированность и начинает оказывать миромоделирующее влияние на сознание носителей языка, задавая особый фокус восприятия действительности.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые коннотативное значение языковых единиц рассматривается как ингерентная часть значения слова в ракурсе когнитивно-дискурсивной парадигмы и сопоставительного изучения языков и культур. Обращение к данным разных языков, многоаспектное и многоуровневое исследование с применением интегративного подхода, конвергирующего классические методы структурной лингвистики и современные методы когнитивно-дискурсивной направленности, создают условия для обоснования необходимости интродуцирования оригинального исследовательского вектора современной лингвистики – лингвистической коннотологии.

Системное описание реализации коннотативного значения языковых единиц в статике и динамике позволяет представить коннотацию в новой

перспективе, продемонстрировав ее холистичность, обусловленную синергетическим слиянием когнитивных, психологических, прагматических, социокультурных и собственно лингвистических факторов, получивших благодаря КЗЯЕ воплощение в языке и речи.

Для осмысления и уточнения основных положений работы в число используемых терминологических единиц автором были введены следующие:

Коэквивалентность – эквивалентность языковых единиц, принадлежащих разным языкам, определяемая на основании соответствия их коннотативного значения.

Коннотемизация – процесс активизации периферийной семы, приводящий к образованию у языковой единицы дополнительного переносного эмоционально-оценочного значения.

Коннотативная диасемия – расхождение коннотативных значений слов-эквивалентов, являющихся тождественными на основании соответствия их денотативных значений.

Коннотативная коллинеация – построение синонимических рядов интра- и интерязыковых эквивалентов на основании соответствия КЗЯЕ с целью установления тождеств, т. е. «предельных случаев равенства» с учетом их системно-структурных, лексико-семантических, контекстуальных и когнитивно-дискурсивных свойств.

Конституативная интерпретация – анализ значения языковых единиц с учетом компонентов ситуативного контекста, позволяющий установить закономерности актуализации КЗЯЕ.

С целью объективации дивергентности коннотации языковых единиц и стоящих за ними концептов, используемых для оформления результатов коллективной когнитивной деятельности членов различных лингвосоциумов, предлагается формула выведения коэффициента коннотативной координированности сравниваемой пары языков.

Связь работы с научными темами. Проблематика диссертационного труда соответствует профилю исследований, которые выполняются в Институте филологии (СП) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского в рамках научной темы «Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (государственный регистрационный номер 115121010053).

Объектом исследования является феномен коннотации как универсальное когнитивно-коммуникативное явление.

Предметом исследования являются когнитивные основания формирования коннотативного значения языковых единиц, особенности дискурсивной реализации коннотативно маркированных языковых единиц, коннотативная диасемия как результат разновекторности вербализации коллективного знания, выявляемая при сопоставлении родственных и неродственных языков.

Цель диссертационной работы – разработка и обоснование концепции интегративного описания особенностей языкового воплощения коннотативного значения с позиций когнитивно-дискурсивного подхода в рамках лингвистической коннотологии.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- 1) рассмотреть феномен коннотации в ретроспективном междисциплинарном аспекте, определить характеристики коннотации, релевантные лингвистической сфере, экстраполировать полученные выводы на существующее понимание объекта исследования;
- 2) представить комплексное описание этапов становления понятия и термина «коннотация» в лингвистике, обозначив ключевые дефиниционные локусы;
- 3) охарактеризовать статус коннотации в гибридных науках² гуманитарного профиля;

² Прилагательное «гибридный» употребляется в работе для определения наук, сформировавшихся в междисциплинарном пространстве на стыке двух (социолингвистика, этнолингвистика,

4) разграничить и определить качественное соотношение между коннотацией и смежными лингвистическими и нелингвистическими явлениями-коррелятами;

5) обосновать необходимость интродуцирования лингвистической коннотологии в систему современных научных направлений;

6) определить общеобразовательную важность, языковедческую значимость и прикладную ценность лингвистической коннотологии;

7) разработать содержательную и методологическую составляющую лингвистической коннотологии;

8) раскрыть специфику языкового воплощения и дискурсивной реализации коннотативного значения в родственных и неродственных языках в свете интегративного подхода.

Теоретическое значение работы состоит в разработке нового направления языковедческих исследований – лингвистической коннотологии. Предложенные теоретико-методологические принципы лингвистической коннотологии, конвергирующие когнитивно-дискурсивный и коммуникативный подходы, позволяют представить коннотативное значение слова не как периферийное или паралингвистическое явление, а в качестве неомогенной сущности, обладающей большой значимостью для лингвистики, когнитивной науки, психолингвистики, лингвокультурологии, переводоведения, социолингвистики, дискурсологии, коммуникативистики и ряда других наук.

Систематизация знаний и положений о коннотативном значении, выработанных в различных частнонаучных и гибридных научных направлениях, дает возможность не только расширить представление об

лингвокультурология, etc.) и более («интерлингвокультурология» [Кабакчи, 2012], «психолингвокультурология» [Уфимцева, 2017]) направлений и конституировавшихся в формате монографических исследований, фундаментальных университетских дисциплин и инновативных элективных курсов, входящих в вариативную или базовую часть Федерального государственного образовательного стандарта.

исследуемом объекте, но и определить гносеологическую, аксиологическую, психологическую и коммуникативную ценность данного феномена.

Привлечение сопоставительного метода для рассмотрения и интерпретации коннотативного значения языковых единиц-эквивалентов родственных и неродственных языков способствует раскрытию значимости коннотативного значения для общего языкознания, содействуя целенаправленному накоплению и систематизации эмпирического материала. Кросс-языковое сопоставление реализации коннотативного значения открывает перспективы описания лингвистических и других ментальных процессов, позволяющие сделать теоретические обобщения относительно проявления ментальности лингвосоциума в языковых единицах и организации дискурса.

Систематизация теоретических знаний и положений о коннотативном значении языковых единиц, выработанных в рамках лингвистической коннотологии, расширяет границы понятий лакуарности, эквивалентности, а также список критериев успешности межъязыковой коммуникации.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов в процессе разработки и преподавания курсов по общему и сопоставительному языкознанию (в разделах, посвященных когнитивным, культурным, коммуникативным, социальным, психологическим аспектам языка и речи, лингвистике текста); частной и сопоставительной лексикологии (в разделах, посвященных антропоцентризму лексической системы языка, типам лексического значения слова и лексико-семантическому варьированию); элективных курсов по когнитивной лингвистике и семантике (в разделах, посвященных изучению фиксации результатов познавательной деятельности в значении языковых единиц).

Материалы исследования могут найти применение в процессе подготовки, чтения лекций и проведения практических занятий по иностранному языку (формирование межкультурной и коммуникативной

компетенции), лингвострановедению (лингвострановедческая компетенция общения, языковые реалии со страноведческой направленностью), лингвокультурологии (культурный компонент содержания языковых единиц, языковая картина мира, аспекты межкультурной коммуникации), практике преподавания перевода (межъязыковые трансформации эмоционально-оценочной лексики). Выводы и результаты исследования могут быть использованы при подготовке курсов по теории дискурса и лингвистической экспертизе текста.

Отдельные положения и идеи настоящего диссертационного исследования получают развитие в работах аспирантов и соискателей академических и научных степеней, которые выполняют под руководством автора свои изыскания в Институте филологии (СП) Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского.

Материал исследования. Анализ реализации КЗЯЕ проводился на разных языковых уровнях (лексическом, синтаксическом, гиперсинтаксическом и дискурсивном) родственных и неродственных языков. Критерием отбора языкового материала являлось наличие у языковых единиц положительного или отрицательного коннотативного значения, зафиксированного в словаре либо детерминированного контекстуально.

На лексическом уровне выборка лексем с фиксированным коннотативным значением осуществлялась из тридцати общих и аспектных толковых, а также двуязычных переводных словарей (18 русскоязычных и 12 англоязычных). С целью демонстрации существующей коннотативной диасемии, кроме русскоязычных и англоязычных источников, привлекался эмпирический материал из других языков (персидский, польский, украинский, японский). Репрезентативность результатов исследования КЗЯЕ обеспечена привлечением контекстов, извлеченных из ресурсов Корпуса современного американского языка (The Corpus of Contemporary American English [COCA]), Британского национального корпуса (British National Corpus [BNC]), Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также печатных и

электронных источников (32 сайта), содержащих тексты публицистической и художественной тематики (общий объем – 1315 контекстов, 39465 словоупотреблений). С целью проведения исследования на дискурсивном уровне эмпирический материал был отобран из специализированных интернет-форумов, созданных для многоцелевого общения участников (403 коммуникативные интеракции).

Теоретической основой настоящего исследования послужили труды, выполненные в русле следующих научных направлений:

– **логи́ко-фи́лософское и математическое** – с целью определения онтологических основ феномена коннотации и принципов, легших в основу настоящего диссертационного исследования (А. Арно, К. Лансло, Ф. Эрфуртский, К. Gödel, J. S. Mill, J. Mill, C. S. Peirce);

– **психологическое** – с проекцией на аксиологические, эмоциональные и образные компоненты коннотации (В. И. Аршинов, Л. С. Выготский, А. А. Залевская, С. Д. Кацнельсон, К. Г. Крушельницкая, М. Коул, В. В. Левицкий, А. Н. Леонтьев, Н. В. Могутова, А. Н. Морозова, N. Chomsky, R. A. Hoppe, J. F. Kess, R. J. Martin, R. L. Solso, W. M. Wundt);

– **когнитивная лингвистика** в аспекте рассмотрения коннотативной системы языка, вербально воплощающей результаты концептуализации и категоризации, сохраняющей в своей семантике знания носителей языка об окружающем мире (Н. Н. Болдырев, Э. В. Будаев, В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. А. Кибрик, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, А. Д. Кошелев, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, М. Минский, М. В. Пименова, З. Д. Попова, А. А. Потеня, А. М. Приходько, И. А. Стернин, Л. О. Чернейко, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, А. Д. Шмелев, S. M. Dickey, T. A. van Dijk, C. J. Fillmore, D. Geeraerts, D. G. Holland, R. S. Jackendof, L. A. Janda, M. Jonson, G. Lakoff, R. W. Langacker);

– **лексическая семантика и семасиология** в аспекте рассмотрения соотношения коннотативного и денотативного значений (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, О. С. Ахманова,

А. Н. Баранов, Р. Барт, В. В. Виноградов, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, Р. С. Гинзбург, Е. В. Гулыга, А. А. Зализняк, М. А. Кронгауз, А. М. Кузнецов, Ю. М. Лотман, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, О. Н. Селиверстова, Е. И. Шендельс, D. Bolinger, J. A. Fodor, W. H. Goodenough, J. J. Katz, K. Krippendorf, E. A. Nida);

– **дискурсология** в аспекте интегративной связи языка и речемыслительной деятельности (М. А. Андросова, Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Л. М. Болсуновская, С. Н. Бредихин, А. Д. Диденко, Л. И. Зубкова, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Г. Н. Манаенко, А. В. Олянич, Т. А. Островская, В. В. Петров, Г. Г. Почепцов, З. И. Резанова, В. Е. Чернявская, Е. И. Шейгал, Т. А. van Dijk, Н. Р. Grice);

– **теория метафоры** как способа мышления и познания действительности, как механизма образования производных значений слова (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Л. Д. Гудков, В. З. Демьянков, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов, M. Jonson, G. Lakoff);

– **теория коннотативного значения** (Р. К. Асабин, В. А. Булдаков, О. А. Бурукина, О. И. Быкова, Н. Г. Глебова, В. И. Говердовский, Ю. А. Ладыгин, О. А. Никитина, А. И. Приходько, О. Г. Ревзина, В. Н. Телия, В. И. Шаховский, V. Garza-Cuarón, G. Philip);

– **лингвистический и контекстологический анализ текста** в аспекте функционирования коннотативно маркированных языковых единиц в минимальном и развернутом (широком) контекстах (Л. Г. Бабенко, А. Н. Баранов, Г. И. Богин, А. Э. Левицкий, А. А. Леонтьев, К. А. Neuendorf);

– **теория коммуникации в межкультурном аспекте и прагмалингвистика** с фокусом на условиях употребления языковых единиц с коннотативным значением в определенном коммуникативно-прагматическом контексте (С. Г. Агапова, Ю. Д. Апресян, Ш. Балли, Л. Г. Викулова, Д. Б. Гудков, В. З. Демьянков, А. А. Заводчикова, В. Ларина, А. Э. Левицкий, М. Минский, Г. Г. Почепцов, И. А. Стернин, С. Г. Тер-Минасова, Л. В. Цурикова, Э. Чернокожева, M. Bierwisch, S. Blum-Kulka,

J. Corbett, T. A. van Dijk, H. P. Grice, J. House, G. Kasper, F. Kiefer, R. Porter, L. Samovar, J. R. Searle, A. Wierzbicka, M. R. Zheltukhina);

– **лакунология, лингвокультурология**, освещающие национально-культурную специфику коннотации (И. А. Бубнова, Е. М. Верещагин, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулова, В. В. Катермина, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, Ю. М. Лотман, М. Ю. Марковина, В. А. Маслова, Э. Сепир, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов, Т. Ю. Тамерьян, Е. А. Эйнуллаева, Т. Anokhina, J. Atkins, F. G. Lounsbury, A. Рум, A. F. C. Wallace, A. Wierzbicka);

– **социо- и этнолингвистика** в аспекте социальной и национальной обусловленности коннотативного значения (Р. Т. Белл, Б. Малиновский, А. Д. Петренко, W. Labov, L. W. Neuman);

– **сравнительно-сопоставительная лингвистика** с фокусом на рассмотрении проблем экспликации универсальных и культурно-специфических эмоционально-оценочных смыслов, воплощенных в языковых единицах с актуализированным коннотативным значением (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. Вежбицкая, Ю. О. Жлуктенко, В. Б. Кашкин, В. Н. Манакин, М. М. Покровский, Е. Д. Поливанов, В. Скаличка, Л. В. Щерба, В. Н. Ярцева, A. Chesterman, J. Darbelnet, C. Goddard, S. Johansson, T. P. Krzeszowski, R. Lado, J. P. Vinay).

В период работы с вышеобозначенными источниками были критически проанализированы и отобраны релевантные теме диссертации параметры, позволяющие синтезировать целостное описание объекта исследования, представить феномен коннотации не только в качестве языковой универсалии, но и как результат ментальных процессов адресанта, пытающегося выразить свое отношение, оценку происходящего и оказать вербальное воздействие на адресата или аудиторию.

Методологические основы исследования непосредственно связаны с когнитивно-дискурсивным направлением, конвергирующим ряд гуманитарных дисциплин, ориентированных на изучение особенностей реализации Homo Loquens, Legens и Scribensque в языке и речи.

Методологический арсенал исследования включает: характерологический и индуктивный методы, позволившие обобщить частные наблюдения и описать закономерности образования коннотативного значения; компонентный анализ (для установления изоморфных и алломорфных компонентов смысла и описания процесса коннотемизации), контент-анализ (для определения мотивов адресанта и возможных результатов воздействия языковых единиц с актуализированным коннотативным значением на адресата).

В качестве инструмента, способствующего осуществлению коннотативной коллинеации языковых единиц, используется лингво-переводческий метод. Сравнительно-сопоставительный анализ был применен с целью определения коннотативной диасемии в родственных и неродственных языках. Контекстологический анализ использован в работе для определения условий реализации коннотативного значения; интерпретационный метод способствовал объяснению когнитивных процессов, обуславливающих формирование КЗ. При проведении опроса информантов методом элицитации [Chelliah, De Reuse, 2011 : 228–236; Федорова, 2016 : 12] была осуществлена интерпретация особенностей восприятия коннотативного значения слов родного и иностранного языков. Подготовка и анализ языкового материала, используемого в анкетах, проводились с привлечением инструментария Национального корпуса русского языка (НКРЯ³) и Корпуса современного американского варианта английского языка (Corpus of Contemporary American English (COCA)), программного обеспечения «Numbers» и «Google Forms». Дискурс-анализ применялся для интерпретации содержательной составляющей продуктов вербальной интеракции коммуникантов.

При определении единиц-эквивалентов, описании особенностей их употребления в настоящей диссертации в качестве метаязыка описания используется русский язык.

³ Аббревиатуры названий электронных и печатных словарей и корпусов текстов представлены в списке «Лексикографические источники и источники языкового материала».

Положения, выносимые на защиту:

1. Рассмотрение феномена коннотации в ретроспективном междисциплинарном аспекте позволяет определить в качестве ее сущностной характеристики способность онтологизировать результаты когнитивной деятельности человека, его психических, эмоциональных реакций и аксиологических установок в единой вербальной форме.

2. Комплексная характеристика этапов становления понятия и термина «коннотация» в лингвистике дает основания для выделения в качестве возможных ключевых дефиниционных локусов межуровневость, кросс-дисциплинарность и интеракционность. Данные локусы предопределили в роли доминирующего качественного свойства коннотации *некомпозиционность*. Некомпозиционность коннотации позволяет ей реализовываться на всех уровнях языка, мимикрируя в соответствии со структурными особенностями последних.

3. Исследование механизмов образования и реализации КЗ с опорой на данные гибридных наук эксплицирует взаимодействие между языком, культурой и менталитетом лингвосоциума. В качестве связующего звена данного взаимодействия выступает дискурсивная языковая личность. Рассмотрение коннотации в фокусе лингвокультурологии, социолингвистики, антропо- и этнолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики позволяет определить коннотацию как: а) знак межкультурного уровня, отражающий культурно-мировоззренческие установки носителей языка; б) маркер национального менталитета, значимый для языковых картин мира; в) факт языка, свидетельствующий о его деятельностной направленности; г) мыслительно-языковой феномен, отражающий когнитивные модели коллективного бессознательного.

4. Характер соотношения между коннотацией и смежными лингвистическими и нелингвистическими явлениями-коррелятами демонстрирует диффузность границ, отделяющих одно понятие от другого, что обусловлено ценностно-познавательным синкретизмом коннотации,

представляющей вербализованную форму когнитивной интерпретации окружающего мира.

5. Интродуцирование лингвистической коннотологии в систему современных научных направлений обусловлено значимостью осмысления коннотации в рамках общего и специального языкознания, межкультурной коммуникации, переводоведения и иных дисциплин гуманитарного профиля, теоретические и прикладные аспекты которых весьма чувствительны к интерпретации коннотации. Нивелирование коннотации, являющейся воплощением метафорического переосмысления, идеологических представлений и эмоционально-оценочного отношения носителей языка к окружающему миру, приводит в условиях межъязыкового взаимодействия к коммуникативному диссонансу, вызванному аномальным истолкованием КЗЯЕ.

6. Философия лингвистической коннотологии зиждется на трех столпах: I) общеобразовательная важность, обусловленная междисциплинарными связями лингвистической коннотологии и иных гуманитарных дисциплин, взаимодополняющих друг друга в аспекте материала исследования, методологического аппарата и терминологической номенклатуры; II) лингвистическая значимость, связанная с необходимостью построения теоретических основ нового научного направления, когда сама постановка проблемы способствует активизации предметной научной дискуссии; III) практическая польза, объясняемая востребованностью полученных результатов при разработке методики преподавания иностранных языков, чтении курсов по переводоведению и практике межкультурного и межъязыкового общения.

7. Содержательная и методологическая составляющие лингвистической коннотологии представляют собой интегративный комплекс, фиксирующий новую систему рассмотрения коннотации, конвергирующую сравнительно-сопоставительную методику анализа языкового материала и когнитивно-дискурсивный подход. Такой фокус

исследования позволяет продемонстрировать на материале разных языков некомпозиционность и динамичность коннотации, ее способность совмещать в себе не только логически-рациональную, но и иррациональную и экспрессивно-оценочную сущности.

8. Особенности языкового воплощения и дискурсивной реализации КЗ в разных языках в свете интегративного подхода демонстрируют объективацию представлений, знаний, эмоционально-оценочных и духовных установок носителей языка. Исследование коннотации на лексическом уровне способствует экстерииоризации когнитивной деятельности человека. Эффективность взаимодействия мотивирующих сочетаемостных конструкций на синтаксическом уровне позволяет говорить о существовании моделей-алгоритмов, способствующих актуализации КЗ. Реализация КЗ на гиперсинтаксическом уровне, применение приемов контекстуализации и деконтекстуализации позволяют выявить используемые с целью актуализации КЗ языковые механизмы и структуры и перевести их из разряда гипотетических в разряд очевидных. Реализацию КЗ на дискурсивном уровне следует квалифицировать как субъективную прагматику смыслообразования. Коннотативная диасемия обусловлена дифференцированной направленностью векторов метафоризации в различных языках.

Апробация работы. Основные положения работы были представлены на конференциях различного уровня. Список научных, научно-практических и научно-методических мероприятий с участием автора за последние пять лет включает девятнадцать позиций, инкорпорирующих рекуррентное участие: I–V Международный научный конгресс «Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы» (Симферополь, 1–30 апреля 2016, 3–28 апреля 2017, 2–20 апреля 2018, 1–19 апреля 2019, 09–24 апреля 2020); Polish Cognitive Linguistics Association Conference «Cognitive Linguistics in the Year 2019» (Poland, University of Bialystok, 26–28 September 2019); Международная научно-практическая конференция «Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных

коммуникаций» (Краснодар, 1–2 марта 2019); Международная конференция Британской ассоциации славянских и восточноевропейских исследований (BASEES), Кембридж, Великобритания (Cambridge, United Kingdom, 5–7 April 2014, 12–14 April 2019); I, III Международная научно-практическая конференция «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход» (Симферополь, 27–29 апреля 2017, 25–27 апреля 2019); VIII Международный конгресс по когнитивной лингвистике «Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире», МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, 10–12 октября 2018); II-я Международная научная конференция «Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении» (Симферополь, 23–26 апреля 2018); I–V Научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского» (Симферополь, 2015–2019 гг.); I–V Международная междисциплинарная научная конференция «Конвергентные технологии XXI: вариативность, комбинаторика, коммуникация» (Симферополь, 2016–2020 гг.); VII Международная конференция по компьютерной обработке тюркских языков «TurkLang 2019» (Симферополь, 3–5 октября 2019); VII Международная научно-практическая конференция «Язык и личность в поликультурном пространстве» (Севастополь, 16–18 ноября 2016); XV конференция Ассоциации когнитивных славистов (SCLC-2017), Институт лингвистических исследований Российской академии наук (Санкт-Петербург, 12–14 октября 2017); III-rd International Symposium on Figurative Thought and Meaning. Faculty of Humanities and Social Sciences University of Osijek (Croatia, Osijek, 26–28 April 2017); Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика» (Ялта – Симферополь, 4–5 мая 2017); VIII Международная научно-методическая конференция «Англистика XXI в.», Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, 20–22 января 2016); I Международная научно-практическая

конференция «Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик», Московский городской педагогический университет (Москва, 14–16 апреля 2016); II Международная научно-практическая конференция «Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания», МГИМО (У) МИД РФ (Москва, 24–25 апреля 2015); Международная научная конференция, посвященная 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения проф. Ю. А. Гвоздарева «Язык как система и деятельность – 5», Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации (Ростов-на-Дону, 24–27 сентября 2015); X Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация», Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, 18–19 ноября 2015).

По теме исследования опубликовано 57 научных работ, в том числе: 20 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, монография, 4 статьи изданы в журналах, индексируемых в базах данных научного цитирования Web of Science и Scopus. Объем публикаций автора составляет 24,44 п. л.

Более 40 работ опубликовано в международных научных журналах (в том числе 24 статьи в изданиях ВАК Украины, вышедших в свет до 1 января 2015 года и признаваемых «в качестве публикаций в рецензируемых научных изданиях в Российской Федерации без ограничения срока» на основании распоряжения Минобрнауки России, Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников «Об аттестации лиц, признанных гражданами Российской Федерации» № 13-3869 от 02.10.2014), а также в журналах, включенных в национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ. Личный вклад автора в работы, опубликованные в соавторстве, заключается в формулировании целей и задач исследования, определении методологии исследования, теоретическом

обосновании концепций, освещаемых в публикациях, анализе языкового материала.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, списка аббревиатур, четырех глав с выводами к каждой из них, заключения, двух приложений, библиографического списка, включающего 658 наименований, в том числе 245 позиций на иностранных языках, списка лексикографических источников и источников языкового материала, включающего 158 наименований. Общий объем диссертации составляет 460 страниц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА КОННОТАЦИИ

1.1. Генезис понятия «коннотация»: логико-философские и психологические основания

Изучение феномена коннотации неизменно подводит исследователя к необходимости определения таких глобальных явлений как значение и смысл, что, в свою очередь, обязывает начинать анализ с поисков философских и логических основ вербального оформления результатов когнитивной деятельности человека.

В случае с коннотацией этот поиск, с одной стороны, дает возможность ознакомиться с трудами известных авторов, школ и направлений, которые уже включили понятие «коннотация» в круг своих исследовательских интересов. С другой стороны, углубленный анализ существующих работ на определенном этапе приводит ученого в некоторое замешательство из-за огромного разнообразия трактовок, подходов и аспектов рассмотрения исследуемого феномена.

Традиционно происхождение понятия «коннотация» связывают с построением соответствующей концепции в схоластической логике и философии, именно в этот период появилось первое задокументированное использование термина «коннотация». Поэтому критико-аналитический обзор формирования понятия «коннотация» целесообразно начать с изложения ряда постулатов, сформулированных в рамках средневекового логико-философского направления, нашедшего впоследствии развитие в грамматике Пор-Рояля.

Первичные установки трактовки коннотации, получившие в дальнейшем развитие в трудах А. Арно и К. Лансло, прослеживаются в трудах доминиканского монаха Петра Испанского (Peter of Spain/Petrus Hispanus, 1277 г.). В рассуждениях о сущности понятий «supposition» и «signification» автор высказывает мнение о том, что «signification»

соответствует некой форме (a form), которая обозначает объект, в то время как «supposition» предполагает значение, заключенное в некую форму [Dinneen, 1987 : 117–127]. Такие рассуждения были характерны для схоластов, убежденных сторонников мнения о том, что во всех языках, как в латинском языке, каждое значимое слово отражает сущностные свойства определенного предмета, который тем или иным способом определяет значение слова (William Shyreswood, 1271, Peter of Spain, 1277).

Иную, но не менее оригинальную точку зрения на понимание природы коннотации высказывал У. Оккам (William of Ockham), представитель номиналистического направления (XIV в.) [Goddu, 1993]. Из его многочисленных умозаключений относительно семантики языковых знаков следует выделить три имеющие непосредственное отношение к формированию понятия коннотации. Это, во-первых, разделение абсолютных и коннотативных терминов: absolute terms (слова, обладающие первичным значением и connotative terms (слова, обладающие первичным и вторичным значением), что впоследствии привело к изменениям в частеречной парадигме, а именно: в рамках спекулятивной грамматики данные положения послужили основой для выделения из класса существительных отдельного класса прилагательных [Эрфуртский, 2006].

Абсолютные термины, по глубокому убеждению У. Оккама обозначали нечто безотносительно к конкретному предмету и имели единственное прямое значение⁴, в то время как коннотативные термины обозначали одновременно одно явление в первом, прямом, значении и нечто иное во втором, непрямом, значении: «An absolute term signifies its object directly and without at the same time signifying something else indirectly or secondarily; in other words, an absolute term is one that calls an object to mind, and only that object. Correspondingly a connotative tern is one which calls to mind not only the

⁴ Ср. с высказыванием В. Н. Телии о денотативном значении как о «классе объектов, объединяемых выделенными при их номинации свойствами» [Телия, 1986 : 17].

object it signifies directly, but also something else which it signifies indirectly» [Ockham, 1990 : 32–32].

Во-вторых, У. Оккам отметил двойственную природу знака: как концептуальной сущности, а также сущности, функционирующей в письменной или устной форме. Из этого постулата вытекает следующее положение, значимое для определения содержания коннотации, а именно положение об актуализации знака в связи с его отношением к экстралингвистической реальности. Инновационность подхода У. Оккама к природе значения знака в целом и коннотативного значения в частности заключалась в том, что он поставил под сомнение *прямую* связь между словом и экстралингвистическим объектом, его свойствами, качествами, формой: «a change of outlook almost as epoch-making as the Copernican revolution in astronomy» [Ockham, 1990 : 37]. В аспекте рассмотрения коннотативного значения в настоящей работе данное положение является продуктивным для развития идеи иррациональности коннотации.

В дооккамский период развития средневекового логико-философского, лингвистического знания доминировало представление о синтезе языка, мысли и окружающего мира, тогда как У. Оккам основным назначением знака, а вместе с ним и слова и языка считал постижение и понимание человеком реальности посредством размышлений, способности говорить и устанавливать сущностные связи. Эти положения оказались весьма прогрессивными для лингвистической мысли того времени и нашли свое продолжение в работах других авторов. Таким образом, можно говорить о том, что в XIV в. в рамках логико-философского направления складывается представление о коннотации как о чем-то вторичном или дополнительном, обусловленном когнитивной интерпретацией окружающего мира.

В период Ренессанса, период признания языкового разнообразия, в рамках дескриптивной грамматики термин «коннотация» употребляется для обозначения конкретных значений прилагательных. Важным источником, дополняющим и модифицирующим трактовку коннотации, возникшую в

период Средневековья, является совместный труд Антуана Арно и Клода Лансло «La Grammaire de Port-Royal». Книга, которая без преувеличения заложила основы многих принципиальных положений современной лингвистики, не обошла стороной и понятие коннотации, которое к тому времени уже часто использовалось в процессе рассуждений о «принципах и соображениях, на которых основаны формы значения слов» [Арно, 1991 : 29].

Выбор именно этого труда в качестве отправной точки исследования феномена коннотации обусловлен как его значимостью для становления теории языкознания в целом, так и «прозрениями» авторов относительно значимости сравнительно-сопоставительного изучения материала различных языков для выявления универсальных законов, лежащих в основе человеческого языка. Именно на этом этапе формирования представлений о взаимоотношениях означающего и означаемого, взаимосвязи мира вещного и мира ментального, воплощенного в языке, встает вопрос о природе и сущности коннотации. Более того, многие точки зрения (порой противоречивые), изложенные в этот период относительно коннотации языковых единиц, продолжают оставаться предметом дискуссий и в наши дни.

Так, для понимания основ зарождения понятия «коннотация» очень важными являются дискуссии о значении терминов «денотат» (*denotatum*) и «десигнат» (*designatum*), «сигнификат» (*significatio*), «предполагаемое» (*suppositio*) и другие, в процессе определения значимости которых сформировался эмбрион современного понятия коннотации.

В грамматике Пор-Рояля коннотативное значение подразумевает значение прилагательного, дополняющее значение субстантива. Кроме того, отрицается сама возможность функционирования прилагательных отдельно от существительных, иными словами, подчеркивается неразрывная связь существительных и прилагательных. При этом первые – *substantive nouns*, или *absolute nouns* – называют вещи или идеи, а вторые – *adjective nouns*, или *connotative nouns* – модифицируют нечто в этих названиях. Рассуждения о

коннотации ученые-философы завершают выводом о том, что коннотация – это весьма неопределенный «confused» способ указания на объект [Арно, 1991 : 106–107].

Такой подход к коннотации как к весьма расплывчатому указанию на некие *качества* субъекта продолжает оказывать существенное влияние на представление коннотации в логике и лингвистике в настоящее время. Отметим, что в современной лингвистике понятие коннотации как «со-значения» или «дополнительного» значения слова не ограничивается рамками прилагательного.

Следует подчеркнуть и то, что пор-роялисты ввели разграничение терминов *comprehension* и *extension*, сыгравших существенную роль в истории становления понятия значения в целом и понятия «коннотация» в частности. Впоследствии данная пара стала ассоциироваться с парой *connotation/denotation* и с парой *intensional/extensional*, введенной Г. В. Лейбницем, хотя, безусловно, строгого соответствия между этими парами быть не может.

В аспекте настоящего исследования важно указать на высказанную авторами грамматики Пор-Рояля мысль о том, что коннотация стала своеобразным индикатором присущего субъекту некоторого качества. Несмотря на то, что эти рассуждения велись в плоскости описания характеристик прилагательных и их отличий от существительных, считаем важным подчеркнуть суждение, высказанное А. Арно и К. Лансло, что качества, приписываемые субъекту, не обязательно были связаны с его объективными свойствами. Приписываемые субъекту свойства и качества могли быть результатом мыслительной обработки человеком информации, поступающей из окружающего мира и, возможно, не имеющей ничего общего с реальным положением вещей. Именно поэтому при объяснении свойств прилагательных вообще и коннотации в частности авторы определяли их как «акциденции», у которых «есть еще смутное, которое

можно назвать сопутствующее обозначение вещи (*connotation d'une chose*)» [Арно, 1991 : 31].

Еще одно свойство коннотации, которое имплицитно высвечивается в грамматике Пор-Рояля, – это регулярные «отсылки» на «употребление в речи» [Арно, 1991 : 31–32], что впоследствии, как нам видится, результировало в установлении факта контекстуальной и дискурсивной обусловленности коннотации, ее некомпозиционности [Падучева, 1999; Fodor, 2001; Fulop, 2002; Hodges, 2001; Janssen, 2012; Partee, 1995].

Повседневное употребление слов (не научное) часто провоцирует у говорящих возникновение различных ассоциаций, а повторяющиеся ассоциации постепенно закрепляются за словом в виде дополнительных значений настолько прочно, что «прикрепляются» к основному значению и «включаются» в структуру значения слова вплоть до фиксации в словаре.

Созвучное мнение высказала испанский лингвист Beatriz Garza-Cuarón, утверждая, что: «What the Port-Royalists called accessory ideas is now frequently termed *connotation*. By this we mean, for example those additional meanings that arise in given speech situation, written context, period, style, ideology, personal history, and so on; in other words any occasional usage of the word that goes beyond its defined meaning as an isolated term. Under connotation also fall those affective nuances that often form part of the meaning of the word and may even be included in the dictionary definition» [Garza-Cuarón, 1991 : 56] – «То, что пор-роялисты называли сопутствующими идеями, теперь часто называют коннотацией. Под этим мы подразумеваем, например, те дополнительные значения, которые возникают в определенной речевой ситуации, в письменном контексте, в определенный период времени, с учетом стиля, идеологии, персонализированных событий и т. д.; иными словами, любое случайное использование слова, выходящее за рамки его определенного значения как отдельного термина. В понятие коннотации включаются также те аффективные нюансы, которые часто составляют часть значения слова и

даже могут быть включены в словарное толкование» (здесь и далее – перевод наш. – Н. К.).

Резюмируя сказанное выше, отметим, что, несмотря на то, что многие положения, высказанные о феномене коннотации в период его зарождения, экстраполировались на его дальнейшее развитие, прослеживается значительная разница между тем, как коннотацию трактовали ученые-схоласты, авторы грамматики Пор-Рояля и современные лингвисты.

Понимание коннотации, более близкое современной трактовке, встречается в работах Джеймса и Джона Миллей (James Mill, John Stuart Mill). Джеймс Милль (1773–1836) подошел к рассмотрению коннотации с позиции, которую можно было бы назвать реверсивной по отношению к воззрениям его предшественников: определение коннотации в его работах в некоторых аспектах звучит прямо противоположно интерпретации коннотации учеными-схоластами. В частности, Джеймс Милль в своей работе «*Analysis of the Phenomena of the Human Mind*» утверждал первостепенную значимость прилагательных как слов, обозначающих одно качество, которое можно соотнести со многими объектами.

Так, рассуждая о свойствах значения прилагательного black (черный), британский философ дифференцировал его первое, основное значение – наименование цвета вообще, и второе значение, определяющее свойство некоторого объекта и относящее его к определенному кластеру черных объектов, т. е. создающее «cluster meaning» [Mill, 2018 : 299]; именно второе значение Джеймс Милль определял как коннотацию. Иными словами, по мнению Д. Милля, у прилагательных имеется два значения: специфическое, первичное – собственно содержание понятия – и дополнительное, или кластерное, которое характеризует субъект или субъекты, обладающие данным качеством.

Ученый однозначно высказывался о том, что определенный класс слов может обозначать одну определенную вещь или явление и при этом обозначать еще нечто дополнительное, и это свойство значений слов он

определял как возможность *коннотировать*: «this last, they are said to connote» [Mill, 2018 : 391]. По Д. Миллю, прилагательные, которые всегда являются конкретными и могут относиться к одному или нескольким объектам, теряют свою способность коннотировать качества или свойства объектам при изменении формы. В качестве примера автор приводит словообразовательную парадигму существительных, образованных от прилагательных с помощью суффикса -ness ‘sweetness’, ‘dryness’, ‘lightness’ и, по мнению Д. Милля, лишенных коннотации. Следует отдать должное Д. Миллю за то, что он использовал термин «коннотация» по отношению не только к прилагательным, но и к другим частям речи, в частности глаголам, которые, обозначая движения или действия, коннотируют (to connote) наличие действующего лица.

На примере прилагательного *white* Д. Милль поясняет свое понимание коннотации следующим образом: существует большой класс слов, которые обозначают две вещи одновременно (denote two things, both together), при этом совершенно ясно, что они обозначают разные вещи, одна из которых воспринимается как основная (the one, primarily), а другая как производная (may be called secondary). Так, в словосочетании «белая лошадь» (*white horse*) слово *white* означает две вещи: цвет и лошадь, при этом обозначение цвета первично по отношению к обозначению животного, что позволяет сказать, что слово *white* обозначает (notes the primary) цвет и коннотирует (connotes the secondary) вторичное значение – лошадь [Mill, 2018 : 34]. В отличие от представленного ранее в настоящей работе понимания коннотации логиками, философское прочтение сущности коннотации подводит Д. Милля к мысли о том, что особенностью языковых знаков является возможность отражения того, как человек воспринимает и оценивает мир вокруг него.

Чрезвычайно важными видятся нам высказывания Джеймса Милля относительно связи значения слова и ассоциаций. Автор настаивал на важности ассоциаций при определении значения слова («I recognise the

meaning of names solely by association»). Более того, автор подчеркивал, что когда два слова являются сходными по значению, то ассоциации являются единственным критерием, который позволяет установить разницу между ними: «When of two names, applied to the same thing, one is of less, another of greater extent, the association is more complex; but in that is all the difference» [Mill, 2018 : 388–389].

Для последующего анализа этапов эволюции понятия «коннотация» следует отметить еще одну линию рассмотрения коннотативного значения, обозначенную в трудах ученого. Он обратил внимание на то, что употребление одного и того же слова по отношению к разным объектам или субъектам накладывает на него очень крепкую **сеть ассоциаций**, которая впоследствии легко актуализируется в сознании членов определенного лингвосоциума: «becomes associated with every individual, and every variety of the species, and calls them all up in one very complex idea» [Mill, 2018 : 296]. Способность слова с актуализированным коннотативным значением «to call up a very complicated idea» позволяет думать о связи коннотации с метафорой, о ее когнитивной обусловленности и идеологической «нагруженности».

Эти высказывания ученого, несомненно, являются очень важными для понимания социальных и психологических основ коннотации, а также совершенно естественно показывают каузальность употребления термина «ассоциация» по отношению к коннотации современными учеными, отражающую синкретизм данных понятий, обусловленный спецификой когнитивных процессов.

Сын Джеймса Милля, Джон Стюарт Милль (1806–1873), дополнил изыскания своего отца относительно понимания коннотации введением в обиход терминологической оппозиции «**коннотация – денотация**», о соотношении членов которой лингвисты-теоретики дискутируют и в наше время. Проведя демаркационную линию между коннотацией и денотацией, ученый не столько разделил их, сколько ассоциативно объединил в представлениях последователей. Обратим внимание на то, что понимание

сущности коннотации у Джона Милля гораздо шире, чем у его отца. Содержательный анализ работ Д. С. Милля показывает, что он понимал коннотацию как явление, создающее значение слова, наряду с денотацией.

Учитывая этимологию слова «коннотация», Д. С. Милль считал его синонимом термина «значение», т. е. набором зафиксированных признаков, свойств, характерных черт объекта (notation), с помощью которых он (объект) определяется. Придерживаясь позиций эмпиризма или, как ученый сам предпочитал называть, экспериментализма, Д. С. Милль определял различие между денотацией имени и его коннотацией как «one of the most important distinctions... which go deepest into the nature of language» [Mill, 2009 : 38].

Существенное различие между денотацией и коннотацией, по Джону Миллю, заключается в их природе «означивания» реальности (signification). Под денотацией имени Д. С. Милль понимал объекты, экстралингвистические сущности, которые слово может предиктировать (predicate). В качестве примера автор привел слово *white*, которое денотирует все белые вещи, такие как снег, бумага, морская пена, и в то же время подразумевает или коннотирует свойство, признак *белизны*. Поясняя свое понимание денотации и коннотации, Д. С. Милль утверждает: «A non-connotative term is one which signifies a subject only or an attribute only. A connotative term is one which denotes a subject, and implies an attribute...» [Mill, 2009: 38] – «Неконнотативный термин – это термин, который обозначает только предмет или только признак, качество предмета. Коннотативный термин – это термин, который обозначает предмет и подразумевает некий признак или качество» (перевод автора. – Н.К.).

Только родовые, выражающие самое общее понятие, конкретные существительные, такие как *man*, *snow*, *white* и некоторые абстрактные имена, которые способны коннотировать несколько свойств, являются коннотативными, по мнению Д. С. Милля. Таким образом, у Д. С. Милля коннотация – это уже не только некое свойство, приписываемое объекту, указанному в пропозиции, выражении, но также и совокупность свойств,

необходимых для того, чтобы понять, каким объектам некое понятие соответствует в максимальной степени.

Прогностическим оказалось наблюдение Д. С. Милля о том, что если некоторая группа объектов получает определенное обозначение «the name», в дальнейшем это имя будет нести/сохранять/изменять свои коннотации и, таким образом, модифицировать знания носителей языка об этом(их) объекте(ах). Предикат, по Миллю, означает любой атрибут, не связанный с субъектом. Коннотируемые свойства дополняют наши знания: они передают информацию, не связанную с используемыми именами («they convey information, not already involved in the names employed» [Mill, 2009 : 92].). Подобная информация расширяет наши знания о мире и о значении слов, связанных с описанием определенного фрагмента (факта) данного мира: «I learn from this proposition a new fact; a fact not included in my knowledge of the meaning of the words, nor even of the existence of things answering to the signification of those words» [Mill, 2009 : 92]. В этом утверждении определенно прослеживается связь между значением языковой единицы и знанием индивида.

Важными в плане теоретического осмысления природы коннотации представляются рассуждения Д. С. Милля, которые могут интерпретироваться как этимологическая или мотивационная основа коннотации. Так, ученый считал, что момент, когда класс объектов обозначается словом, имеет особую значимость, т. к. с этого времени «поименованным» объектам будут коннотироваться свойства, заложенные в значении слова-имени (данная тема получила развитие в трудах Е. С. Отина, 2003; М. Brzozowska, 2009; R. Tokarski, 1999).

Заключая обзор теоретических воззрений Д. С. Милля на коннотацию, следует отметить, что ученый считал необходимым фиксировать коннотацию в словаре, т. к. это единственный способ установить непротиворечивые отношения между обозначенными свойствами и денотируемым объектом. В современной лексикографической практике вопрос о представлении

коннотативного значения в словарях остается открытым, он неоднократно поднимался Ю. Д. Апресяном, 1992; Е. С. Отиным, 2004; М. А. Тульновой, 1996; Х. Abdiu, 2019; S. Bullon, 1988; R. Moon, 2008; М. Р. Jaskot, 2015; Р. Xiao, 2009.

Принципиально важным в связи с этим является понимание того, что размышления о природе значения, которые были приведены выше, осуществлялись с позиций теологов, философов, логиков, а не лингвистов. Основной ряд вопросов в обозначенных трудах выстраивался вокруг таких ключевых тем, как отношение сознания к материи, мышления к бытию; истинность значения высказываний, а также особенности построения высказывания с целью сохранения смысла; проблемы разума и бытия. Иными словами, данная тематика, безусловно, связана с языком и речью, ибо мышление и сознание оперируют языковыми единицами и не могут без них существовать, но в то же время лингвистические изыскания не являлись для цитируемых авторов приоритетом.

Более того, некоторые суждения звучат противоположно бытующим ныне теоретическим положениям. Так, например, Д. С. Милль, руководствуясь предположительно апеллятивной функцией имен собственных, утверждал, что последние не являются коннотативными единицами: «Proper names are not connotative: they denote the individuals who are called by them; but they do not indicate or imply any attributes as belonging to those individuals. When we name a child by the name Paul, or a dog by the name Cæsar, these names are simply marks used to enable those individuals to be made subjects of discourse» [Mill, 2009 : 36]. Имена собственные являются просто знаками, используемыми для того, чтобы сделать соответствующих референтов субъектами дискурса. В современной лингвистике распространено противоположное мнение о коннотации имен собственных, теоретически обоснованное и подкрепленное репрезентативным языковым материалом [Зыкова, 2016; Отин, 1999 : 120–130; Arboleda-Guirao, 2020;

Bruning, 1972; Buchanan, 1971; Nicolaisen, 1978; Vorobyova, 2020; Vrublevskaya, 2020; Williams, 1964, 1966, 1969].

В связи с этим из множества существенных положений, высказанных учеными, мы остановились лишь на тех, анализ которых является важным для понимания первоисточков эволюции понятия коннотации. Самым важным, на наш взгляд, тем, ради чего был проведен данный критический анализ, является стремление:

- продемонстрировать волатильность взглядов на феномен коннотации;
- описать различия содержания термина «коннотация» в работах средневековых логиков, ученых-философов посткартезианского периода и взглядами современных ученых;
- выявить истоки многозначности данного термина, а также первопричины принадлежности к терминологической номенклатуре различных дисциплин.

1.2. Эволюция термина «коннотация» в лингвистике: ретроспективная проекция

Возникновение новых терминов и понятий, как правило, «обуславливает необходимость их сопряжения с уже устоявшимися определениями» [Кислицына, 2015(а): 588]. Включение понятия «коннотация» в лингвистический терминологический аппарат в первую очередь связывают с научным наследием Л. Ельмслева и Л. Блумфилда. Выделение позиций именно этих ученых, связано с тем, что существующие в современной лингвистике взгляды на рассмотрение коннотации во многом базируются на постулатах, высказанных данными классиками языкознания, и являются их успешным развитием, обусловленным накоплением новых фактов, необходимостью их интерпретации, а также реинтерпретации полученных данных в связи с формированием новых парадигм знания.

Принятый в настоящей работе подход к изложению истории становления термина «коннотация» в работах лингвистов-классиков заключается в анализе ключевых позиций освещения феномена коннотации, которые сохранили свою актуальность и в наши дни.

Выбор такого подхода обусловлен необходимостью разработки по возможности всеобъемлющей концепции коннотации, представления последней как цельнооформленного фрагмента теории языкознания, с последующим интродуцированием теории лингвистической коннотологии, подкрепленной репрезентативным эмпирическим материалом, способствующим переводению гипотетических умозаключений в плоскость теоретически значимых, гармонично «встраиваемых» в существующие рамки современной лингвистической науки.

Леонард Блумфилд известен в первую очередь вкладом в теорию и практику фонологии, морфологии и синтаксиса. Семантика не входила в фокус научных интересов ученого, более того, будучи создателем школы американской структурной лингвистики (American structural linguistics) и истинным приверженцем теории бихевиоризма и логического подхода к исследованию языка, он предложил свою концепцию значения, которая носила дескриптивный характер. Поэтому воззрения Л. Блумфилда на феномен коннотации, учитывая потенциал «взгляда со стороны» по К. Гёделю, обладают особой важностью.

Исходной точкой трактовки коннотации ученым-лингвистом можно считать его понимание значения в целом, которое Л. Блумфилд излагает в ряде работ. В частности, в «A set of postulates for the science of language» автор определяет значение, соотнося его с формой: «Thus a form is a recurrent vocal feature which has meaning, and a meaning is a recurrent stimulus-reaction feature which corresponds to a form» [Bloomfield, 1926 : 155], где форма – это повторяющиеся звуковые характеристики, имеющие некоторое значение, а значение – это повторяющиеся «стимул-реакция» характеристики, соответствующие некоторой форме. Л. Блумфилд, рассуждая о стабильности

значения («stability of a given meaning») (а для Л. Блумфилда это, в первую очередь, значение, зафиксированное в словаре), отмечал, что значение является результатом определенного соглашения между людьми, «заключенного» с целью успешной вербальной коммуникации. В результате такого «соглашения» одни значения языковых единиц считаются основными, другие периферийными, второстепенными, производными.

Ребенок, связывая звучащую форму с определенным значением, усваивает ценность каждого слова и его значимость в системе других слов («the child, however, learns to give them these meanings just as it learns the value of any other words») [Bloomfield, 1914 : 12]. При этом, как подчеркивал ученый, связь определенных звуковых групп («sound-groups») и значений зафиксирована многократно повторяемой ситуацией употребления, закрепившей таким образом традиционный формат функционирования языковых единиц в определенном лингвосоциуме («have come to be traditionally connected by the adult speech-community with certain meanings») [Bloomfield, 1914 : 12]. Эта «договоренность» о закреплении определенного значения за определенной звуковой формой, морфемой, словом, фразеологической единицей, как мы увидим далее, непосредственным образом связана с культурно-национальной спецификой коннотативного значения [Бавдинев, 2005; Фрост, 2006; Шабалина, 2005, 2013; Bassnett, 1998; Feresztyn, 2006; Natim, 2006; Li, 2020; Wierzbicka, 1992].

Коннотацию Л. Блумфилд считал «важным проявлением неустойчивости значения» и определял ее как «дополнительные оттенки значения», или «отклонения» от «общепринятых» употреблений языковой единицы (формы) [Блумфилд, 1968 : 156]. Придерживаясь бихевиористского подхода в лингвистике, ученый рассматривал коннотацию и значение в целом как нечто «производное от ситуаций», в которых использовалась та или иная языковая единица. Описывая виды коннотации, Л. Блумфилд соблюдал технику дескриптивизма и выделял следующие ее разновидности [Блумфилд, 1968 : 156–164]:

- коннотация, обусловленная социальными различиями говорящих: автор относил к этой группе вульгаризмы, деревенский диалект, официальные формы речи и архаизмы;

- локальные коннотации: национальные, местные языковые особенности, англицизмы в американском варианте английского языка;

- коннотация профессиональной лексики, зависящая, по мнению ученого, от престижности той или иной профессии;

- коннотация разговорной и книжной лексики, при этом автор указывал на то, что «книжные, изысканные и устаревшие дополнительные оттенки значения во многих формах сливаются воедино» [Блумфилд, 1968 : 158];

- коннотация заимствований, «отражающая наше отношение к иностранцам» [Блумфилд, 1968 : 159];

- коннотации сленговых выражений;

- коннотации неприличных/непристойных языковых выражений и табуированных в силу своей зловещности языковых единиц, «обозначающих что-либо болезненное или опасное» [Блумфилд, 1968 : 159].

В качестве специализированных типов коннотации Л. Блумфилд представил восклицания, выраженные в форме междометий, а также коннотацию символических форм, под которыми ученый понимал ассоциативное соответствие звуковой оболочки значению слова: «хлоп» в значении `хлопок`, «щелк» в значении `щелчок` и т. п.

Относительно последнего типа коннотации, обозначенного Л. Блумфилдом, хотелось бы отметить возможность его экстраполяции в область переводоведения, связанную с неизбежностью различий звучания ономатопоических слов, форма которых обусловлена своеобразием фонетической системы каждого из существующих языков.

Отдельным видом коннотаций Л. Блумфилд считал детские коннотации и уменьшительно-ласкательные имена, а также коннотацию бессмысленных форм, т. е. слов, придуманных говорящим, которые, в отсутствие договоренности между членами лингвосоциума о закреплении за ними

значения, лишены денотативного значения вообще. Следует отметить, что денотативного значения лишены и междометия, о которых речь шла выше.

Краткое перечисление типологической классификации коннотации, предложенной Л. Блумфилдом, показывает широкий диапазон вариативности критериев, которые ученый положил в ее основу. Трудно назвать такую классификацию логически согласованной: слишком велик охват перечисленных явлений, недифференцируемо представлены лингвистические и нелингвистические факторы, влияющие на значение языковых единиц.

Однако позиция Л. Блумфилда, ярко отраженная в его высказывании о «бесчисленных разновидностях коннотации» [Блумфилд, 1968 : 161], которые порой невозможно определить, потому что «в конечном счете каждая языковая форма имеет собственную эмоциональную окраску, сходную для всего языкового коллектива» [Блумфилд, 1968 : 161], и при этом может дополнительно варьировать под воздействием личного опыта индивида, вызывает понимание в силу стремления автора представить всеобъемлющее характерологическое описание исследуемого явления.

Завершая аналитический обзор взглядов Л. Блумфилда на коннотацию, отметим трактовку автора, характеризующую взаимоотношения членов оппозиции «денотация – коннотация»: по методологическим соображениям ученый, безусловно, их разделял, хотя признавал, что в некоторых случаях это сделать достаточно сложно: «The varieties of connotation are countless and indefinable and, as a whole, cannot be clearly distinguished from denotative meaning» [Bloomfield 1984 : 155].

Так, и в настоящее время вопрос классификации многих диффузных лингвистических явлений, к которым с полным правом можно отнести и коннотацию, вызывает многочисленные дискуссии. Например, Laura A. Janda и Stephen M. Dickey в совместной работе «Cognitive Linguistics: A Neat Theory for Messy Data», говоря о новых подходах к исследованию языка, в частности когнитивном подходе, который позволяет представить последний как целостный организм, сегментируемый исследователями-языковедами на

различные категории исключительно с целью его интенсивного исследования, отмечают «непрерывность языковых явлений», их неподдающуюся строгой организации «неупорядоченность», связанную с реальными условиями существования языка: «Основная сила когнитивной лингвистики состоит в том, как она фокусирует наше внимание на непрерывной природе языковых явлений. Вместо того чтобы постулировать жесткие категории и строгие определения, когнитивная лингвистика обращается к беспорядочным реалиям языка, облегчая извлечение последовательных шаблонов из “шума” человеческого общения» [Janda, Dickey, 2017 : 367]. Авторы статьи указывают на необходимость учета многочисленных флуктуаций, наблюдаемых в языковых единицах, обусловленных взаимодействием различных форм и значений, модальности, жанровых модификаций, варьирующих от одного говорящего к другому, а также зависящих от времени и места коммуникации.

Таким образом, представляется, что в рассмотренных выше постулатах Л. Блумфилда заложены идеи, связанные с определением в качестве значимых характеристик коннотации ее ситуативной и контекстуальной обусловленности, социальной и индивидуальной природы, существования коннотации на уровне языка и речи. Перечисленные оппозиции, порой воспринимаемые как противоположные сущности, с одинаковой силой проявляют себя в коннотации и делают объект исследования чрезвычайно многогранным и потому особенно заманчивым для исследователей.

Одна из важнейших логических операций, сказавшаяся на последующем восприятии коннотации как маргинального явления, связанная с демаркацией денотации и коннотации, была осуществлена в работах Л. Ельмслева. Автор ввел и отчетливо разграничил оппозиционную пару «денотативная семиотика» и «коннотативная семиотика» [Ельмслев, 2006 : 368-369]. Как и у Л. Блумфилда, ельмслевская коннотативная семиотика включает в себя широкий перечень различных коннотаторов, среди которых

автор называет стиль, регистр, тональность, идиомы, жаргоны, территориальные и национальные разновидности языков.

В целом, можно сказать, что понимание Л. Ельмслевым коннотативной семиотики находилось ближе всего к сфере стилистики и системе языка. Семиотика для Л. Ельмслева выступала, в первую очередь, как некоторая иерархия: «*hierarchy, any of whose components admit of further analysis into classes defined by mutual relations, so that any of these classes admits of an analysis into derivatives defined by mutual mutation* [Hjelmslev, 1961 : 134] (можно предположить, что такое понимание является своеобразным наследием сосюрговской диады «язык – речь»).

Однако как истинный ученый Л. Ельмслев не мог не понимать, что заключение науки о языке в рамки одной системы невозможно: как только мы сталкиваемся с реальными фактами вербальной коммуникации, рамки системы раздвигаются до бесконечности. Попытки Л. Ельмслева внести ясность в механизм параллельного сосуществования денотативной семиотики, коннотативной семиотики и метасемиотики свидетельствуют об осознании ученым сложности объекта исследования. Язык, по мнению Л. Ельмслева, является инструментом, с помощью которого ученые пытаются его (язык) изучить: «*our special science... can be resolved satisfactorily only from premises peculiar to the science*» [Hjelmslev 1961 : 121].

Поль Гарвин в своем ревью ельмслевских пролегоменов резюмировал: коннотативная семиотика Л. Ельмслева иными словами может быть описана как лингвистическая, диалектная, идиолектная модель, функционирующая как сигнал определенного нелингвистического культурного факта или события, либо как определение происхождения человека, его идентичности посредством анализа речевой специфики последнего и тех коннотаций, которые проявляются в соответствующих речевых актах: «*The “connotative semiotic” can thus be described in non-Hjelmslevian terms as the linguistic, dialectal, idiolectal pattern itself, functioning as a signal of the non-linguistic cultural fact associated with it; the identification of a person's regional origin (or*

identity) by his speech is an example of a “connotative semiotic” in its usage» [Garvin, 1954 : 88].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что Л. Блумфилд и Л. Ельмслев инициировали активное введение понятия коннотации в лингвистический терминологический аппарат. Многие из положений, намеченных в их работах в качестве направляющих ориентиров, в дальнейшем получили развитие в дискурсологии, коммуникативной лингвистике, когнитивной лингвистике и многих других гибридных дисциплинах.

В то же время ряд положений, высказанных учеными, о демаркации сферы денотативного и коннотативного, типологии коннотативных значений, соотношении коннотации с понятиями значения и смысла, статусе коннотации в лингвистике, до сих пор не получили однозначного ответа. Потребовались годы исследований, перенесение коннотации как объекта или предмета исследований в сферу иных наук, чтобы приблизиться к пониманию сущности феномена коннотации.

1.3. Статус коннотации в гибридных науках

В исследованиях начала XXI в. часто высказывалась мысль о неизбежности интеграции фундаментальных наук, независимо от их принадлежности к гуманитарной или естественной сфере знаний. При этом подчеркивалось, что эра примата естественных наук заканчивается по мере углубления научных знаний в различных областях человеческой деятельности. Так, Ю. Н. Караулов отмечал наличие тенденций «гуманизации научного знания, “очеловечивания” науки – идет ли речь об экономике, астрономии, биологии или лингвистике, – обретение антропного характера науки в целом» [Караулов, 2010 : 19].

Наблюдения над эволюционными процессами в научном познании привели многих исследователей к выводу о том, что параллельное развитие

наук возможно только на начальном этапе. Накопленные, проанализированные и систематизированные данные в определенных областях науки в конечном итоге свидетельствуют о том, что все в мире взаимосвязано и любое локальное изменение вызывает ответные реакции в других сферах, какими бы далекими они не казались.

Таковыми «сообщающимися» сферами оказываются сферы естественных и гуманитарных наук, резкое разграничение которых с некоторым обесцениванием последних свидетельствовало лишь об этапе становления и сбора данных, формировании собственной методологической и терминологической базы. Как только определенная наука прочно обосновывается в парадигме современных дисциплин, становится возможным проследить своеобразное «переливание» терминов из одной сферы в другую, порождающее в результате явление терминологического полисемантизма. Данный процесс вовсе не свидетельствует об «узости воображения» ученых, а доказывает существование глубинных многообразных связей, единства принципов бытия, создающих определенный порядок из хаоса.

Термин «коннотация» с полным правом можно отнести к междисциплинарным понятиям, активно используемым в логике, философии, лингвистике, социологии, культурологии, межкультурной коммуникации, литературоведении, переводоведении, психологии и многих других гуманитарных науках. Так, феномен коннотации исследуется в аспекте его реализации в музыке [Попов, 2003; Pekkilä, 2005], в архитектуре [Эко, 1998], рекламе [Doyle, 2010; Kryukova, 2020; Putra, 2017, Sembiring, 2019, Wogalter, 1996], менеджменте трудовых отношений (Employee relation Management (ERM)) [Flamholtz, 1978; Weißenberger, 2013; Wines, 2006]. Актуальность исследования коннотативного значения в межкультурной и межъязыковой перспективе обуславливается тем, что его изучение является обязательным требованием, согласно Рекомендациям Совета Европы в области изучения и

преподавания современных языков, а также оценивания уровня владения иностранными языками [MLLTA, 2001 : 115].

В настоящее время исследования коннотации осуществляются в различных гуманитарных областях. Лингвистический аспект исследования коннотации тесно связан с психологическим, когнитивным, антропологическим, культурологическим, этно- и социолингвистическим аспектами. Изучение феномена коннотации под разными углами зрения в общем плане показывает актуальные вопросы, связанные с важными характеристиками коннотации с точки зрения именно этих наук. Данные характеристики присутствуют и в лингвистических изысканиях, однако либо в несколько ином виде или по-иному представленные в связи с отличающимися научными подходами и методологическим инструментарием, используемым в доменах различных наук.

В настоящем разделе предпринята попытка охарактеризовать представление коннотации в аспектах ряда гуманитарных наук. Однако сразу оговоримся, что такое разграничение является вынужденным техническим приемом, так как рассуждения о лингвистической значимости коннотации влекут за собой необходимость прибегать к фактам из области культурологии, а делая выводы о культурных коннотациях, приходится обращаться к результатам исследований ученых – специалистов в области антропологии, этнологии, социологии и др.

В целом, взаимодействие между языком, культурой и обществом рассматривается в настоящей диссертации как основополагающая проблема теоретической лингвистики, определившая векторы ее развития. Осознание взаимовлияния языка, культуры и общества повлекло за собой признание того, что за фактами языка стоят «данные человеческого опыта взаимодействия со средой, результатов человеческой познавательной и ценностной активности в мире» (Радбиль 2017 : 23), которые находят свое

непосредственное выражение и в коннотативных значениях языковых единиц.

Неоднозначность и смысловая «перегруженность» термина «коннотация», связанная с широким употреблением последнего в различных научных сферах, требует его отдельного рассмотрения в рамках отдельных дисциплин. Кроме того, интегративный подход к изучению коннотации обуславливается «внутренними закономерностями развития языкознания», которые, по мнению В. И. Карасика, характеризуются поэтапным «последовательным расширением науки о языке», когда осуществляется переход от «системы единиц и правил» к изучению «функционирования этой системы», затем к исследованию «ситуативно-личностной обусловленности такого функционирования» и, наконец, к «его социокультурной детерминированности» [Карасик, 2009 : 13].

Анализ развития таких отраслей гуманитарной науки, как коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, лингвостилистика, контрастивная лингвистика, переводоведение, когнитивная лингвистика, антрополингвистика и социолингвистика, наглядно демонстрирует, что ни одно из этих направлений не может игнорировать коннотативный аспект языковых единиц.

1.3.1. Антрополингвистический, этно- и социолингвистический аспекты рассмотрения коннотации

Аналитический обзор значимости коннотации в гибридных науках начнем с областей знания, которые наиболее ярко демонстрируют истоки антропоцентричной природы феномена коннотации. Перечисленные в подзаголовке аспекты соответствуют научным направлениям, основным объектом которых является человеческое сообщество и разнообразные стороны сосуществования людей.

Язык, отражая человеческий опыт и новое знание, представления об окружающих объектах и разнообразные эмоциональные реакции на эти объекты и явления, удивляет и заставляет задуматься ученых о причинах различия языковой картины мира и интегрированной модели реального мира. «Человек постоянно желает больше узнать об окружающем мире, научно и творчески порождая, заново воспроизводя и многогранно осознавая окружающий его мир, пытаясь оптимально воплотить мыслительную деятельность в пространстве языка. Поэтому неудивительно, что взаимоотношения между языком и объективной действительностью практически во всех концепциях теоретической лингвистики предстают приоритетной сферой научной мысли, особенно с первой половины XX столетия» [Агапова, Кислицына, 2017 : 56].

Вне всяких сомнений, интеллектуальные процессы в социуме – как и функционирование самого социума – не могут объективироваться без активного участия языка, а язык – это домен лингвистики. Традиционные сферы, такие как историческая, теоретическая и описательная лингвистика с опорой на свои подразделы (фонологию, морфологию, лексическую семантику и синтаксис) рассматриваются как «сердцевина» языковедческой мысли. Пересечение теоретических интересов лингвистики с другими науками предопределяет возникновение «гибридных» отраслей, обладающих ярко выраженным междисциплинарным характером.

Выделим среди этих отраслей антрополоингвистику, этно- и социолингвистику, в фокусе исследовательских интересов которых находится проблема взаимоотношений между языком, социумом и экстралингвистическими факторами. Указанные отрасли гуманитарного знания делают особый акцент на исследовании дихотомии «язык и общество», которая становится основой разнообразных академических курсов, преподаваемых в университетах. Структура и исследовательские акценты этих курсов могут различаться, однако они носят преимущественно сравнительный характер, прослеживают, как различные социумы и языки

репрезентируют, организуют и выражают мысли, знания, оценочные установки и эмоции, предлагают более широкую перспективу воззрений на теорию языка.

Проблематика, освещаемая в представленных выше гибридных направлениях, свидетельствует о том, что язык является важнейшим инструментом социализации, а в случаях межкультурной коммуникации – средством, репрезентирующим «идентичность» и «инаковость» личности [Викулова 2013 : 33].

Антропологическая лингвистика – это дисциплина, традиционно ассоциируемая с проблемами многогранного взаимоотношения языка и его носителей, которая изучает вариации языка и их использование в аспекте актуальных культурных моделей и верований. Ее теоретической основой являются изыскания Б. Малиновского, проведенные на Тробриандских островах [Малиновский, 2004 : 12]. С целью исследования социальных аспектов местных сообществ ученый делал особый акцент на языковом поведении туземцев и, таким образом, дополнил лингвистическую теорию тем положением, что язык – это в большей степени способ действия, чем отражение характера мышления. Именно в исследованиях Б. Малиновского первичное объяснение получают такие понятия, как:

1. «фатическая коммуникация»: язык используется не только для передачи мысли или обмена информацией, но и для выражения личностного и социально значимого сообщения;

2. «контекст ситуации» – конкретное использование языка в повседневной деятельности.

Следует отметить, что взаимосвязь лингвистики и антропологии уходит своими корнями в структуралистскую концепцию Ф. де Соссюра, который заложил основу для новых направлений в социологии и антропологии, предложив модель языка как эталон для исследования других знаковых систем.

На поступательное развитие антропологической лингвистики оказала также влияние мысль Ф. де Соссюра о языке как о системе взаимно определяемых сущностей, в частности его семантическая теория, в которой актуальными предстают такие понятия, как «означающее», «означаемое», «знак», «денотация», «коннотация», а само значение не рассматривается как следствие элементарного соответствия знака внешнему объекту.

Антрополог К. Леви-Стросс полагал, что не только язык, но и культура может трактоваться как код значений: отдельные аспекты значения взаимодействуют и поддерживают друг друга [Леви-Стросс, 2016].

В настоящем исследовании проблематика антропологической лингвистики связывается с тем, каким образом языковые характеристики способны идентифицировать представителя сообщества в рамках определенной социальной группы, а также каким образом антропологическая семантика актуализируется в языковых единицах с коннотативным значением [Чанышева, Асабин, 2009], каким знаком (положительным или отрицательным) коннотирует общество людей с врожденными недостатками, больных, пожилых, детей, мужчин, женщин, иностранцев [Косиков, 1994; Ханзен, 2018; Kuzmanović, 2005].

Как уже отмечалось выше, рассуждения о коннотации в рамках одной дисциплины неизменно приводят к необходимости апеллировать к положениям, высказанным или доказанным другими науками. Так, проблематика антропологической лингвистики в определенной степени оказывается сходной с тем комплексом вопросов, которые исследуются в рамках этнолингвистики, которая, в свою очередь, анализирует язык в аспекте специфики этнических групп и поведения членов лингвосоциума [Filler, 1971; Williams, 1970].

Ключевым понятием этнолингвистики выступает язык как способ этнической идентичности: этничность манифестируется в специфическом использовании определенных языковых вариантов, в акте выбора языковых средств в процессе коммуникации с другой этнической группой. Значимость

коннотации в аспекте этнолингвистики определяется ее возможностью отражать устоявшееся этноспецифическое представление людей об объектах, субъектах, действиях и явлениях окружающего их мира в целом и конкретной среды бытования.

В данной части работы мы намеренно не говорим о культурной и когнитивной составляющих, хотя они явно «просвечиваются» в излагаемом контексте. В частности, и в этнолингвистике, и в лингвокультурологии исследователи часто прибегают к понятию языковой картины мира, фрагменты которой отражают этническую/культурную самобытность того или иного сообщества. В когнитивной науке оппозиция языковой и концептуальной картин мира также используется для выявления национальной специфики, так как «язык является формой выражения понятийного содержания, добытого человеком в процессе своей деятельности» [Колшанский, 1990 : 25].

Замечательным примером синкретического исследования коннотации, выполненного соответственно «интегральной парадигме современной лингвистики», является работа О. И. Быковой, посвященная этноконнотации, рассматриваемой автором как «вид культурной коннотации», репрезентирующей отдельные фрагменты смыслового содержания культурных концептов [Быкова, 2005 : 5–12]. Таким образом, каждый носитель языка прибегает к коннотативно окрашенным языковым единицам в процессе коммуникации, однако коннотации языковых единиц-эквивалентов разнятся в зависимости от культурных стилей того или иного народа, образуя своеобразные «коммуникативные этностили» [Ларина, 2009; Larina, 2015].

Антропологическое и этническое измерения лингвистики фокусируют исследовательское внимание на взаимоотношениях языка и *некоторых* аспектах социальной жизни и ролей.

Социоллингвистика нацелена на выявление *всех* аспектов данных взаимоотношений в рамках общества. Все языковые события реализуются в социальном контексте, что предопределяет особую форму функционирования

языка. Социоллингвистика изучает, как язык используется в сообществе, включая соотношение между языковыми вариациями и их использованием в определенных социальных ситуациях, а также социальное отношение к языку, модели и потребности национальных языков. Последний подход, который в большей степени фокусируется на конструктивной роли языка в обществе и исходит преимущественно из социологического, нежели лингвистического объяснения фактов, также известен под названием «социология языка».

Социоллингвистическое истолкование коннотации заключается в использовании коннотации в качестве маркера проявления национального менталитета. Коннотация языковых единиц в определенном смысле является продуктом социальных отношений, отражением стереотипов, культурных традиций, системы ценностей, закрепленных в сознании носителей языка [Арутюнова, 1991; Сторожева, 2009; Фролова, 2017, 2020; Чу, 2016; Zhicheng, 2020; Heise, 1970; Klenner, 2017; Osgood, 1957, 1965; Rashkin, 2017].

Все указанные выше аспекты социально релевантных вариаций языка фокусируются преимущественно на таких параметрах, как пользователь языка, его этническая принадлежность, социальное происхождение. Другие аспекты фокусируются на проблемах использования языка, отражающего определенные системно-функциональные [Гаврилова, 2015] или тематические контексты. Так, в частности, исследование специфики функционирования коннотативно маркированных языковых единиц проводится на материале текстов, тематически ориентированных на изучение священных книг [Abdelaal, 2018; Predko, 2020], коммуникации в военной сфере [Budlong, 2009], создании «фейковых» новостей [Conforti, 2018], инвективной лексики [Klenner, 2018], картографических символов [Klettner, 2020], терминологической лексики [Wogalter, 2010], киноматографии [Benini, 2011; Maarten, 2017].

Подобные языковые вариации формируют стиль и стилистическую дифференциацию общения. В этом случае в изысканиях часто задействуется

такое понятие, как «регистр». Вариации языка предопределяются множеством факторов, в том числе и гендерным, ставшим предметом экстенсивных изысканий последние десятилетия [Ласкова, Лазарев, 2016].

Продемонстрируем значимость коннотации для вышеобозначенных дисциплин на примере общей и по-своему значимой для каждой из них проблемы, а именно вопроса гендерного взаимодействия, который определенно вывел исследования языковых явлений за рамки собственно лингвистики и поставил их на уровень «человек в языке».

С точки зрения антропологистики гендерные отношения – это отраженное в языке взаимодействие мужчин и женщин, специфические отношения, обусловленные полом участников коммуникации как совокупностью анатомических и биологических особенностей человека. Понятие гендера в антропологистике пересекается с понятием языковой личности, введенным в активное употребление Г. И. Богиным и Ю. Н. Карауловым [Богин, 1980, 1984; Караулов, 2004].

В аспекте гендерного рассмотрения языковой личности (ЯЛ) важным представляется раскрытие сущностных характеристик языка и речи отдельных индивидов, особенности выбора тех или иных языковых средств для самопрезентации и самоопределения в процессе коммуникации. По точному выражению Е. С. Кубряковой, «точкой отсчета» в лингвистических исследованиях становится человек [Кубрякова, 1995 : 212] как индивид или как совокупный, обобщенный, типизированный образ.

Типизированный образ позволяет обратиться к понятию коллективной ЯЛ, под которым понимается собирательный портрет носителя языка определенного лингвосоциума, что, в свою очередь, позволяет говорить о его этнолингвистических особенностях.

С точки зрения этнолингвистики гендер отражает языковые нормы коллектива относительно взаимодействия полов в аспекте ценностных установок, мировоззренческих позиций и стереотипов определенной этнической группы. В таких объединениях актуализируется оппозиция

«свой – чужой» на всех уровнях бытования: совместное/раздельное проживание, обучение, посещение религиозных учреждений и т. д. [Kislitsyna, 2020]. Языковая и речевая специфика входит в ряд критериев, определяющих этнокультурный типаж, присущий данному культурному сообществу.

В этом аспекте нельзя не согласиться с утверждением С. А. Герасимовой о том, что «фундаментальными характеристиками бытия человека и общества являются оценочность и ценностные характеристики. Современное антропологическое знание (и социально ориентированная лингвистика в том числе) ставит задачу определения закономерностей и особенностей развития ценностных смыслов общества» [Герасимова 2011 : 104].

Социолингвистика трактует гендер как совокупность характеристик, обусловленных социальной средой, в которой проживают мужчины и женщины. В социолингвистических исследованиях часто фигурируют такие термины, как маскулинность и фемининность, в тех случаях, когда лингвисты говорят о гендере. В каждом социуме, отдельной социальной группе существует определенная ценностно нагруженная модель образа мужчины и женщины, наделенная разными коннотациями, при этом данные социальные группы могут сосуществовать в одном этнокультурном пространстве.

Антропологические и этнологические факторы обусловили гегемонию маскулинности в современной социосфере. Сложившаяся ситуация находит подтверждение в различных социальных опросах и статистических расчетах. Так, если рассмотреть отдельный структурный элемент государственного устройства, например парламент, государственную думу или иной орган, уполномоченный осуществлять государственную власть, то в сложившихся социальных институтах можно увидеть значительное количественное превосходство представителей сильного пола.

Проведенный автором [Кислицына, Мельниченко, 2020 (а)] анализ международных аналитических отчетов показал, что, в соответствии с

данными межпарламентского союза (Inter-Parliamentary Union [The IPU]) за 2019 год [IPU, 2019(a)], женщины в правительственных организациях стран мира составляют в среднем 24,5 %. Даже в считающейся образцом достижения гендерного равенства Исландии доля женщин в парламенте, по данным World Economic Forum за 2016 год, составила всего лишь 41 % [WEF, 2016].

С целью исследования коннотационного потенциала языковых единиц, используемых в процессе создания и моделирования образа женщины-политика, был проведен анализ медиаполитического дискурса англоязычных СМИ США, Великобритании и Австралии. В государственных органах этих стран наблюдается относительно высокое количественное представительство женщин, что обуславливает значительную степень вовлеченности женщин в политический дискурс: политические дебаты, парламентские выступления, общение с избирателями [Кислицына Н. Н., Мельниченко, 2020 (a)].

Перечисленные виды политической коммуникации оказывают мощное прагматическое воздействие на реципиентов информации, что позволяет рассматривать язык не только как средство общения, но и как инструмент воздействия на адресата. Важность прагматической функции языка подчеркивал Л. Вайсгербер, указывая на то, что наиболее сильный эффект языковых манипуляций проявляется в таких сферах духовной культуры, как религия, наука, искусство и политика [Вайсгербер, 1993].

На наш взгляд, реализацию коннотативного значения языковых единиц в социолингвистическом аспекте может представлять политический дискурс, воплощенный в медиапространстве. Медиаполитический дискурс обладает важными, с точки зрения изучения коннотации, свойствами, во-первых, он затрагивает актуальные для социума темы, во-вторых, отражает ценностные и идеологические установки, лоббируемые определенными социальными институтами, в-третьих, языковая и речевая культура данного дискурса соответствует наиболее распространенному, общепринятому стандарту

общения, с целью оказания персуазивного воздействия на максимальное число членов лингвосоциума.

Медиаполитический дискурс, активно реализующий функцию оказания прагматического воздействия на массовую аудиторию, детально исследуется в работах Э. В. Будаева, С. Г. Корконосенко, О. Ф. Русаковой, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал, [Будаев, Чудинов, 2008; Корконосенко, 2019; Русакова, Грибовод, 2014; Шейгал, 2000]. Учеными отмечается единодушное признание факта оказания средствами массовой коммуникации все более сильного и эффективного воздействия на общество. Президентские выборы, состоявшиеся в США в 2020 году, неопровержимо свидетельствуют, что СМИ становятся элементом политического управления и манипулирования общественным мнением.

В настоящем исследовании поддерживается трактовка медиаполитического дискурса (МПД), предложенная Е. С. Прониной, которая охарактеризовала МПД как явление гибридное, как совокупность «медiateкстов, связанных политической тематикой и созданных журналистами» [Пронина, 2014 : 48]. Функционирование политического медиадискурса, по мнению исследователей, подчинено задаче «формирования коллективной политической картины мира», которое происходит путем конструирования и тиражирования определенных «образов и смыслов, мифологем и идеологических установок, ценностных ориентиров и политических предпочтений» [Русакова, Грибовод, 2014 : 67–68] и требует активного использования коннотативно нагруженных языковых единиц. Следует отметить, что, определяя феномен коннотации, мы разделяем точку зрения В. Н. Телии, которая определила последний как «семантическую сущность, узуально илиokkaзионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [Телия, 1986 : 5].

Образ женщины-политика складывается из определенного набора признаков, включающих политические взгляды, профессиональные и личные качества, интеллект, возраст, семейное положение, внешность, пол и др. Как видно из этого перечня, каждый из перечисленных пунктов фактически повторяет важные для антропологистики, этно- и социолонгвистики параметры.

Ключевым критерием создания образа политика является аксиологический, соответственно которому все качества делятся на два полярных класса: с положительной и отрицательной коннотацией. К положительным качествам относят ум, высокий уровень профессионализма, моральные качества. Отрицательными считаются такие качества, как неопытность, низкий уровень профессионализма, склонность давать пустые обещания, популизм, радикализм и др.

Изучение медийного образа политика, специфики его вербального конструирования требует умения выявлять определенные черты дискурсивной языковой личности, представляющие ядро и периферию образа, предполагает изучение языковых средств, которые служат для выделения в качестве локуса внимания (*locus of attention*) обособленной части целостного образа субъекта, фрагмента «портрета» политического деятеля, на котором, таким образом, преднамеренно акцентируется и фокусируется восприятие реципиентов МПД [Кислицына Н. Н., Мельниченко, 2020 (а)].

В отличие от сферы-мишени (*target domain*), имеющей определенную структурную композицию [Будаев, Чудинов, 2013 : 9], локус внимания маркирует отдельное место в целостной структуре образа политика с помощью языковых единиц с положительной или отрицательной коннотацией. Таким образом, выявление реализации коннотационного потенциала языковых единиц при создании образа женщины-политика можно осуществить с помощью определения соответствующих локусов внимания.

Иллюстрацией данного утверждения может служить работа О. Н. Кондратьевой, в которой автор проанализировала цикл анекдотов, посвященных выдвижению К. Собчак в президенты Российской Федерации. Автор исследования отметила, что в период выдвижения К. Собчак в президенты коннотация анекдотов, посвященных молодой женщине-политику, сместилась от «легкой иронии» в сторону «сарказма» с «усилением негативного потенциала используемых зооморфных метафор» [Кондратьева, 2019 (а) : 40]. Локус внимания реципиентов намеренно был сосредоточен на отдельных составляющих внешности кандидата, при этом повторяющаяся тематика анекдотов служила своеобразным дистрактором по отношению к положительным характеристикам К. Собчак (высокий уровень социализации, прекрасное образование и т. д.). Можно сказать, что образ собирался фрагментарно и коннотация вошедших в него фрагментов была преимущественно отрицательной.

Локус внимания может быть сосредоточен на периферийном фрагменте образа субъекта, сделав его особо значимым, при этом объективно значимое ядро образа преднамеренно исключается из поля зрения адресата, искусственно моделируя картину мира и концептуальную систему личности реципиента. Вариативность результатов концептуализации в синхронном и диахронном аспектах влечет за собой «модификацию коннотативных значений», связанную с изменениями в структуре ценностных установок общества и индивида [Волкова, Панченко, 2016].

В научной литературе общепризнано, что одним из наиболее эффективных приемов, используемых в различных видах дискурса, в том числе медиаполитическом, является употребление языковых единиц с коннотативным значением, успешно применяемым для создания положительного или отрицательного образа у реципиента информации,

моделирования⁵ его эмоционально-оценочного отношения к событиям и описываемым субъектам.

При проведении анализа материала статей англоязычных СМИ США (*The Los Angeles Times*, *New York Times*, *Chicago Tribune*), Австралии (*The Conversation*) и Великобритании (*The Time*, *The Economist*, *The Guardian*) в течение периода с 2016 по 2019 гг. [Кислицына, Мельниченко, 2020 (а)] с применением лингвопрагматического, дискурсивного и контекстуально-интерпретационного анализа было отобрано 306 единиц, положительно или отрицательно коннотирующих контекст непосредственного употребления.

В результате анализа было установлено преобладание языковых единиц с положительной коннотацией (166 ед. – 54 %) над языковыми единицами с отрицательной коннотацией (140 ед. – 46 %). В сфере политического масс-медийного дискурса положительная коннотация женщины-политика создается за счет маскулинизации ее образа, «вписывания» ее в рамки традиционно мужской деятельности, которую характеризует высокая степень агональности. В таких случаях локус внимания сосредоточен на представлении женщины-политика как воина, спортсмена, бойца, не уступающего оппонентам-мужчинам. Политика уподобляется полю сражения или спортивной арене, а действия политиков сравниваются с военными действиями или спортивными соревнованиями:

«Open-letter signatory Susana Malcorra says women ‘need to be very prepared to fight back’ amid global political shift» [Lyons, 2019].

«But many of the toughest House races were won by women who were taking their first foray into electoral politics» [Alter, 2018].

Конструкт «женственность», в свою очередь, реализуется за счет привлечения концептов из т. н. «женских» сфер – «семья», «дом», «мода». В текстах, посвященных женщинам-политикам, используются такие ассоциативные связки, как «политика – отношения» и «политика – домашнее

⁵ Моделирование ценностной картины мира являлось объектом изучения в работах Н. Д. Арутюновой (1999), А. Н. Баранова (2014), В. И. Карасика (2015). И. М. Кобозевой (2010), G. Lakoff & M. Jonson (1980), Earl R. MacCormac (1985).

хозяйство», что вероятно породило метафорическое словосочетание «политическая кухня». Их использование способствует феминизации образа женщины-политика, перенесению локуса внимания на периферийные фрагменты, такие как стиль или детали одежды, что часто создает отрицательную коннотацию и формирует негативное отношение: *«At the White House, though, Melania Trump, who appeared to go to the Halloween celebration as a pile of autumn leaves in a Michael Kors patchwork leather coat (that or a very polished relic from the 1970s), made a good argument for traditional costume. Whether she meant to or not»* [Friedman, 2019].

Данный пример иллюстрирует справедливость высказывания Е. М. Вольф, о том, что «оценочный смысл может извлекаться из высказывания на основании последующего контекста» [Вольф, 2002 : 7]. Авторы текстов направляют процесс декодирования информации реципиентом в «нужное» русло при помощи экспликации оценки в предыдущем или последующем контексте, умело манипулируя эмерджентными смыслами. Примером, иллюстрирующим валидность данного утверждения, является следующий (описывается участие женщины-политика в заседании в Сенате США):

«One newspaper said she took “the Speaker’s breath away”, with “the assurance of a Bond-Street mannequin” as she walked into the chamber in a bright green dress “of the clinging variety”» [Reeves, 2019].

Бонд Стрит известна в мире как улица, где сосредоточены магазины, торгующие изысканной бижутерией, косметикой, одеждой эксклюзивных брендов, что, несомненно, привлекает, в первую очередь, женщин, ассоциируется со сферой женских интересов и, соответственно, коннотирует гендерную соотнесенность. В целом, феминизация женщины-политика может усиливать ее восприятие как «чужой» в сфере политики и способствовать ее отчуждению от группы политиков-мужчин.

Приход женщин в мир политики описывается как явление не только революционное, но и несущее положительную трансформацию в чрезвычайно маскулинизированную среду:

«What's more, the EU – not included as a region in the report – is chronically male-biased» [Salami, 2014]. «Pathological male dominance is a global pandemic that feminists in every part of the world need to tackle» [Salami, 2014].

Контекстуальный анализ показывает, что описание способа прихода женщин к власти вообще, безотносительно к конкретному лицу, в подавляющем большинстве характеризуется положительно, что свидетельствует об одобрительном отношении современного общества к образу женщины-политика, готовой бороться за свое право участвовать в политической жизни страны. В то же время, когда речь идет о конкретном политике, особенно в период предвыборной гонки, преимущественно используются языковые единицы с отрицательной коннотацией:

«Instead, Mrs. May wound up with a shrunken majority after running a desultory campaign during which she was tarred for advocating a harsh new policy on care for the elderly that critics branded a “dementia tax”» [Landler, 2019].

Проведенное исследование показывает наличие двойных стандартов и, соответственно, противоречивый характер создаваемого в СМИ США, Великобритании и Австралии образа женщины-политика. С одной стороны, критикуется количественное доминирование мужчин, мир политики описывается как «закрытый мужской клуб»: *the cozy club, a male-dominated institution, bastions of male-dominated political culture, a guy thing, a male-dominated world of fiercely clashing egos, a boys' club*, в котором женщина неизбежно чувствует себя чужой.

С другой стороны, сами женщины-политики отмечают информационное засилье в политическом масс-медийном дискурсе, характеризующее отрицательной коннотацией высказываний по отношению к

ним: «*When leaders “normalize the language of misogyny, the language of racism”, it gives license to hatred*», – говорит Catherine Mayer, организатор партии равноправия женщин (Women’s Equality Party) [Specia, 2019]. Данное высказывание значимо с точки зрения социолингвистической компоненты политического дискурса англосаксонского этноса. Стереотипы общественных отношений фиксируются и сохраняются в языке, поэтому важной составляющей изменения отношений в позитивную сторону является трансформация сознания, понимание сущности явлений, закреплённой в значениях языковых единиц.

Отрицательная оценка коннотативно нагруженных высказываний направлена на мужской мир политики, его патриархальность, мешающую прогрессу, а их роль в создании образа женщины-политика – в том, чтобы подчеркнуть трудность ее положения и акцентировать несправедливость такого отношения, серьезность препятствий, которые женщине-политику приходится преодолевать.

Несмотря на то, что стереотипный образ политика по-прежнему в большей степени ассоциируется с представителями мужского пола, происходит постепенная трансформация образа женщины-политика: «вместо критического отношения к гендерным изменениям в данной сфере приходит понимание значимости и уникальности женского взгляда на жизненно важные проблемы, стиль работы и способ взаимодействия с коллегами и избирателями» [Кислицына, Мельниченко, 2020 (а): 101], что свидетельствует о позитивных трансформациях в общественном сознании по отношению к феномену женщины-политика. На оценочный знак в значительной степени влияет «точка отсчета», которой являются ценностные установки и предпочтения оценивающего субъекта, складывающиеся под воздействием социальной среды.

Коннотативно маркированные языковые единицы, проанализированные в настоящем исследовании, выполняют смыслообразующую и когнитивную функции и интенсивно используются для конструирования типизированного

образа женщины-политика в современном политическом дискурсе СМИ США, Великобритании и Австралии.

Представляется, что проведенный анализ реализации коннотативного потенциала языковых единиц, используемых для создания образа женщины-политика, расширяет знания о механизмах и паттернах политической коммуникации и может быть использован для исследования других значимых образов как форм реализации концептов.

Таким образом, сквозь призму коннотативно маркированных языковых единиц в рамках социолингвистики возможно эффективное исследование социальной структуры и ценностных установок общества. Из изложенного выше также следует, что развитие теоретического языкознания в целом и отдельных его составляющих определяется «эволюцией взглядов на соотношение бытия, мышления и языка» [Зубкова, 2016 : 33].

Практически все направления, обозначенные в рамках данного параграфа, стремятся ответить на один и тот же вопрос: исследование каких конкретных корреляций между языковыми переменными и специфическими социальными аспектами проливает свет на специфику социума и культуры? Для получения ответов на данный вопрос в антропологической лингвистике, этно- и социолингвистике разрабатывается уникальная исследовательская методология, теоретические концепции, дающие возможность анализировать собираемый фактический материал в более широком социальном и культурном контексте. В частности, американские антропологи А. Уоллас и Д. Аткинс [Wallace, Atkins, 1967] в работе «The meaning of Kinship Terms», рассуждая об особенностях значений терминов родства, посчитали необходимым посвятить целую часть своего труда определению взаимоотношений терминов «дефиниция» и «коннотация» (definition vs. connotation).

Предваряя собственные выводы относительно значимости коннотации, А. Уоллас и Д. Аткинс подвергли критическому анализу рассуждения В. Х. Гудинафа и Ф. Г. Лаунсбери [Goodenough, 1956 :195; Lounsbury, 1956 :

168] в которых под денотатом (denotatum) понимается определенное, конкретное, индивидуальное в своем роде явление. Определенный класс таких явлений определялся как десигнат (designatum), а отличительные черты этого класса составляют, по мнению В. Х. Гудинафа и Ф. Г. Лаунсбери, смысловое наполнение сигнификата (significatum). При этом авторы утверждали, что это множество существует только в определенном контексте, а дефиниционная ценность приписывалась только сигнификату: «contextual elements... without which it cannot properly occur. Significata are prerequisites while connotata are probabilities and possibilities. Only the former have definitive value» [Goodenough, 1956: 195].

Не соглашаясь с вышеизложенной точкой зрения по поводу соотношения significata и connotata, А. Уоллас и Д. Аткинс убедительно доказали на примере терминов родства, что коннотация обладает дефиниционным потенциалом: «We must first observe that the connotata have the force of significata and are not culturally irrelevant idiosyncratic associations» [Wallace, Atkins, 1976 : 354]. Определяя коннотацию как существенную характеристику слова, признавая ее значимость для создания и выражения говорящим важной информации, А. Уоллас и Д. Аткинс выделили два вида (sub-classes) коннотации.

К первому виду они отнесли культурно и лингвистически обусловленную коннотацию, а ко второму виду – идиосинкретическую, или факультативную, т. е. необязательную коннотацию⁶: «connotation as a class must be conceived as having two sub-classes: culturally or linguistically enjoined connotations, and idiosyncratic or optional connotations» [Wallace, 1976 : 354]. В результате авторы пришли к выводу о том, что любой термин может включать как коннотацию, так и неограниченное количество иных параметров, которые можно подвергнуть компонентному анализу: «The significatum of a term can, in fact, be conceived to include connotations as well as definitive dimensions; there

⁶ Здесь и далее интерпретативный перевод-парафраз мы сопровождаем цитатой для возможности установления точного смысла в широком контексте оригинала.

is no formal limit to the number of dimensions which may be analyzed componentally» [Wallace, 1976 : 355].

Безусловно, и в настоящей работе это будет показано ниже, – существует много иных классификаций коннотативного значения, многие исследователи считают необходимым рассматривать отдельно культурную и лингвистическую коннотацию, и более того, – выделять внутри обеих несколько подвидов. Однако несомненная ценность работы А. Уолласа и Д. Аткинса заключается в том, что, во-первых, они внесли вклад в теоретическое обоснование значимости термина «коннотация», а во-вторых, на репрезентативном языковом материале продемонстрировали практическую значимость коннотативного значения, связав его с нелингвистическим социокультурным контекстом.

Таким образом, общенаучная ценность изучения коннотации в междисциплинарном аспекте заключается в том, что посредством анализа репрезентации и реализации коннотативно маркированных языковых единиц и структур, становится возможным установление универсальных закономерностей, одинаково ценных в теоретическом и практическом плане для целого ряда гуманитарных дисциплин.

1.3.2. Коннотация как объект рассмотрения в лингвокультурологии

Цель лингвокультурологического рассмотрения коннотации состоит в характеристике культурно-мировоззренческих и эмпирических установок членов определенного лингвосоциума, побуждающих говорящих прибегать к тем или иным коннотативно маркированным языковым единицам (КМЯЕ).

Феномен коннотации постоянно находится в фокусе исследований лингвокультурологии. Словосочетание «культурная коннотация», введенное в терминологический лингвистический аппарат В. Н. Телией, встречается в научно-исследовательских работах культурологического и лингвокультурологического направления регулярно – даже в работах,

которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к изучению ключевого понятия настоящей диссертации.

Трактовка понятия «коннотация» в рамках лингвокультурологии [Верещагин, Костомаров, 1980; Кислицына, Агапова, 2020; Ковшова, 2013; Маслова, 2001; Приходько, 2014; Стоянова, 2012; Телия, 1999] содержит как указание на универсальные характеристики данного феномена, общие для всех дисциплин, в терминологический аппарат которых коннотация входит, так и специфические черты, которые высвечиваются именно благодаря лингвокультурологическому подходу к изучению предмета нашего исследования.

В настоящее время существует несколько дефиниций коннотации, которыми оперируют лингвокультурологи. Одной из регулярно цитируемых является определение коннотации В. А. Масловой, которая видела в культурной коннотации «экспонент культуры» [Маслова, 2001 : 53], выражающий «культурные установки» определенного лингвосоциума. Ю. А. Ладыгин рассматривает культурную коннотацию как «особую надстройку над предметно-логическим содержанием, совмещающую оценочную, эмотивную, экспрессивную и стилистическую функции» [Ладыгин, 2000 : 79]. Культурная коннотация, по мнению А. И. Приходько, – это «тот дополнительный по отношению к денотативному значению признак, который несет в себе информацию о национально-культурном опыте» [Приходько, 2014 : 95].

Акцент лингвокультурологических исследований коннотации (в отличие от социо-, этно- или антропологических, для которых доминирующей установкой исследований является пропозиция «человек в языке») делается именно на культурном компоненте и может быть сформулирован как «отражение культурных артефактов в языке человека». Из чего явствует, что лингвокультурологическое рассмотрение коннотации наиболее тесно пересекается с ее этнолингвистической трактовкой.

Ключевой проблемой в данном случае становится то, каким образом язык воздействует на культуру, какая культурная специфика выявляется с опорой на исследование языка. Майкл Пейн (Michael Payne), разрабатывая междисциплинарный словарь-справочник в области гуманитарных наук, определяет культуру как одно из самых неуловимых и одновременно всеобъемлющих понятий – «elusive and all-encompassing idea», сопоставляя ее с цивилизацией, идеологией и социумом [Payne, 2004 : 1–7].

В более широком масштабе можно сказать, что фактически на каждом этапе развития теоретической лингвистики внимание фокусируется на том, как изучение языковых структур и функций может задействоваться в качестве своего рода модели для других семиотических систем.

В частности, для Р. Барта, трактующего текст и произведение как особые семиотические системы, коннотативное значение, в первую очередь, было связано с понятиями означающего и означаемого, коннотации которых были социально обусловленными, имели символический смысл и в совокупности своей образовывали определенную систему: «коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой» [Барт, 1975 : 75], встроенной в определенную культуру. Лингвисты, придерживающиеся антропоцентрического подхода к изучению языка, рекуррентно задаются вопросом, «в какой степени знание определенной культуры является стабильной предпосылкой для интерпретации языковых выражений, дискурса в целом» [Агапова, Кислицына, 2017 : 57].

В настоящей работе культура определяется как «интегрированная модель человеческих знаний, воззрений и поведенческих структур, которая предопределяется способностью человека к приобретению и передаче знаний последующим поколениям» [Там же, 2017 : 57], тем самым варианты данной модели представляют большой интерес и являются одним из предметов исследования когнитивной лингвистики, о чем подробнее будет сказано в следующем параграфе (1.3.3.). Связь между языком и культурой является

настолько тесной, что в современных междисциплинарных исследованиях поднимается вопрос, может ли «отказ носителей от своего языка» расцениваться как «отказ от собственной культуры» [Викулова, 2011 : 203]. Культура – это конкретное направление интеллектуального развития социума, который, в свою очередь, характеризуется самобытными традициями и достижениями.

Корреляция культуры и языка обусловлена тем, что оба феномена представляют собой инструменты для «отражения» значимых для социума ценностей, верований и убеждений: «Culture is the expression of the values and believes of a community» [Corbett, 2010 : 4]. Коннотативное значение включает в себе элементы смысла, содержащие «признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [Пименова, 2004 : 10], и несет информацию относительно некоторого явления или предмета, сформированную и закреплённую в сознании определенного лингвосоциума, при этом часто отсутствующую в сознании иного лингвосоциума.

Сравнение такой информации является необходимым условием для определения значимости языковой единицы, так как, по словам Ф. де Соссюра, содержание слова «определяется как следует лишь при поддержке того, что существует вне его. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще, главным образом, значимостью» [Соссюр, 1977 : 148]. Таким образом, «кросс-культурная значимость лингвистической коннотации заключается в том, что в зоне пересечения различных культур фрагмент с коннотативно нагруженными языковыми единицами создает серьезные коммуникативные помехи» [Кислицына, 2015 : 591]. Для устранения этих помех необходимо использовать «фильтры», задающие высокую степень «чувствительности» для выявленных зон коннотативного напряжения и учитывающие особенности национального менталитета, культурные стереотипы, зафиксированные в значении слова.

Одними из показателей значимости слова для лингвокультурного сообщества являются его частотность, а также совстречаемость с иными

языковыми единицами. Важно отметить, что, по данным Словаря синонимов [<https://sinonim.org/p/pyfxybt#pred>], подающего в качестве сопутствующей информации частотность каждого синонима, слово «коннотация» встречается 1 раз на миллион словоупотреблений. Много это или мало для терминологизированного слова, не входящего в общеупотребительный лексикон, можно судить, сравнив его с оппозиционным членом «денотация», встречаемость которого на миллион словоупотреблений в неспециализированных текстах, по данным этого же словаря, вообще не зафиксирована.

Сопоставление членов оппозиционной пары «коннотация – денотация» с их ближайшими конвенциональными синонимами «смысл» (для коннотации) и «значение» (для денотации), являющимися многозначными словами (что позволяет им выходить за рамки узкоспециализированных текстов), показывает статистические данные другого порядка.

Так, частотность слова «значение», подразумевающего не только «значение слова», но и «значение личности человека в истории», «значение определенного события, действия, объекта для кого-либо» и т. д., составляет 205,1 на один миллион словоупотреблений. Аналогично можно охарактеризовать и слово «смысл», которое еще более сочетаемостно продуктивно («здоровый смысл», «смысл жизни» и т. д.), что результирует частотностью 294,6 на один миллион словоупотреблений в неспециализированных текстах.

Отметим, что под смыслом слова, вслед за Д. Лайонзом, понимается «его место в системе отношений, в которые оно вступает с другими словами в словарном составе языка» [Лайонз, 1999 : 451]. Кроме того, мы учитываем, что «смысл слова в высказывании не исчерпывается толкованием – словарное толкование может пополняться за счет разного рода интерференций из составных частей толкования; за счет контекста текста и ситуации» [Падучева, 2004 : 113–114].

Совстречаемость с иными языковыми единицами предполагает учет принципа композиционности, который, по определению Е. В. Падучевой, представляет «установку на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, граммем, синтаксических конструкций <...> в составе высказывания» [Падучева, 2004 : 113–114]. Данный принцип представляется важным для проведения исследования, так как позволяет проверить, подтвердить или опровергнуть правильность толкования слов, проследить вариации значений слов под влиянием лексического и/или синтаксического контекста.

Остановимся подробнее на содержании понятий «сочетаемость слова» и «валентность слова».

В отечественной лингвистике употребление термина «сочетаемость» хронологически предшествует термину «валентность». Активной разработке темы сочетаемости языковых единиц, их функционирования в языке и речи предшествовал ряд работ выдающихся лингвистов, среди которых назовем «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра. В данной книге автор наряду с другими важнейшими вопросами рассматривал особенности «сочетания слов», «комбинирования элементов», «комбинации единиц», а также сформулировал определение синтагмы, которая «построена по определенным правилам» [Соссюр, 1977 : 155-157].

Термин «валентность» получил широкое распространение в западноевропейской лингвистической школе благодаря работам Л. Теньера, который употреблял его исключительно по отношению к глаголам и словам, которые им подчинялись (т. н. вербоцентрическая теория предложения) [Теньер, 1988]. В отечественное языкознание термин «валентность» был представлен С. Д. Кацнельсоном, который в наброске «К классификации грамматических категорий» писал: «Мы должны, следовательно, различать количество мест, симультанно возможных при глаголе, и количество измерений, валентностей, т. е. количество объектов, присоединяемых к глаголу путем избирательного сродства» [Кацнельсон, 2001 : 566].

В свою очередь, Е. В. Падучева определяет валентность как процесс «связывания – слов, приводящий к „соединению смыслов”» [Падучева, 2004 : 117]. Важно отметить, что «семантические валентности вытекают непосредственно из лексического значения слова, характеризуют его как конкретную, отличную от других лексическую единицу» [Падучева, 2004 : 120]. В рамках концепции, развитой Ю. Д. Апресяном, под валентностью слова понимается способность слова «присоединять к нему синтаксически зависимые слова» [Апресян, 1995 : 120].

В научном обиходе оба термина достаточно часто используются параллельно, как синонимы. Во многом этому способствует сходство толкований: «Под лексической сочетаемостью, – пишет В. В. Левицкий, – в широком смысле понимается способность слова соединяться с другими словами в тексте», уточняя далее, что «это соединение в тексте семантически совместимых слов» [Левицкий, 2012 : 243].

В связи с отсутствием единого представления о соотношении терминов «сочетаемость» и «валентность» представляется необходимым придерживаться определенного мнения о статусе данных явлений. Целесообразной, с точки зрения автора настоящей работы, является позиция, принятая Н. В. Юдиной. Под термином «валентность» Н. В. Юдина понимает «потенциальную способность языковой единицы сочетаться с другими <единицами>», а под сочетаемостью – «конкретную реализацию данной способности слова» [Юдина, 2006 : 11–12]. В настоящей работе мы рассматриваем лексическую сочетаемость слова «коннотация», т. е. «какие коллокации оно может присоединять» [Левицкий, 2006 : 244] и какие смысловые импликации актуализируются и конституируются в результате регулярного употребления условно устойчивых словосочетаний со словом «коннотация» в академических трудах.

С целью выявления специфики рассмотрения феномена коннотации в рамках лингвокультурологического направления был проведен контекстологический анализ с элементами метаанализа специализированного

текста – монографии О. А. Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» [Корнилов, 2014]. Данное академическое издание тематически относится к лингвокультурологическим исследованиям и затрагивает тему коннотации и коннотативного значения слова. В число задач исследования входило определение смысловых особенностей термина «коннотация» на основе выявления его валентностных и сочетаемостных свойств [Кислицына, 2013 : 132–144].

Целесообразность выполнения контекстологического анализа с элементами метаанализа определяется значимостью «функции элемента», «его ролью в системе», а «изучение функционирования позволяет лучше понять внутреннее устройство объекта» [Гак, 1998 : 180], в нашем случае – коннотации. Использование функционального подхода позволяет верифицировать теоретические положения на практике.

Общий объем анализируемого текста составляет 348 страниц, а выборка микроконтекстов, содержащих термин «коннотация», – 182 единицы. Под микроконтекстом в работе понимается минимальная синтагматическая единица, отражающая сочетаемостные и валентностные свойства исследуемого термина.

Анализ специализированного текста был осуществлен следующим образом: отбору подлежали все словоформы с основой `коннот` без учета частеречной принадлежности; микроконтекст формально мог быть представлен двумя и более единицами; унификации микроконтекстов по категориям числа, времени и др. не производилось. Цифра, следующая за микроконтекстом, соответствует странице цитации. Результаты выборки с последующим характерологическим [Матезиус, 1989] описанием представлены в Таблице 1.1:

Таблица 1.1.

Контекстно-частотная дистрибуция термина «коннотация» в монографии
О. А. Корнилова «Языковые картины мира как производные
национальных менталитетов»

№	Контекстная дистрибуция	Частотность употребления
1.	<p>Всю коннотативную зону языка (61)+(83)+(84)+(85)+(85); привносить в чужой язык привычные коннотации своего родного языка (84); придают коннотации лексического эквивалента своего родного языка (84); какие коннотации имеет в русском языке слово <i>медуза</i> (85); коннотативного аспекта русской лексики (92); дебри неуловимых коннотаций национально-специфических понятий и слов (133); но и различия коннотаций, закрепившихся за обозначениями одних и тех же объектов окружающей среды в разных языках (153); разные коннотации (165); испанский язык провел дифференциацию не только на уровне самих денотатов, но и на уровне коннотаций (201); сопоставления коннотативных значений лексики двух языков (249); совпадения или несовпадения коннотаций (244); слова, у которых коннотативные значения обусловлены не столько «произволом» работы эмоционально-оценочного компонента языкового сознания этноса, сколько реалиями национальной культуры (246); существенно разные коннотации именованья (251); асимметрией коннотативных значений (253); случайные совпадения подобного рода коннотативных значений в разных языках (251); тех же самых коннотаций (253); совпадающие коннотации (254); отличающимися коннотациями (255); другая коннотация (256); многих коннотаций (258); три коннотации (244); обилия коннотативных значений (249); коннотативная зона национального языка (232)+(232); коннотативный аспект (243); асимметрией коннотативных значений «деревянных» концептов в русском и испанском языке (244); наличие у испанского слова <i>madera</i> тех же самых коннотаций, что и у русского слова <i>дерево</i> (244); испанские коннотации (244)+(244); коннотативным значением русского языка (244); неожиданные коннотации, трудно поддающиеся объяснению, должны служить сигналом о возможном наличии культурно-философской подоплеки возникновения этих национально-специфических со-значений (253); специфика коннотативных значений этих концептов в китайской культуре (258); противоречащих друг другу коннотаций (262); двойственность коннотативных значений (262); подобная двойственность коннотативных значений, равно как и неожиданные коннотации (262); коннотация как фрагмент НЯКМ (302)</p>	<p>40 Различия в языках/культурах</p>
2.	<p>Коннотативные, эмоционально-оценочные аспекты (44); в европейских языках у этого слова чаще отрицательные коннотации (185); коннотация – это «(добавочное значение, окраска, окрашенность). Дополнительное содержание слова..., его сопутствующие семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов...» (235); исключительно положительные коннотации (247); отрицательные коннотации (185+247); Носителями оценок первого уровня (эмоциональных оценок) являются специальные слова, составляющие в любом языке семантическое поле субъективных оценок, и вся коннотативная зона национального языка (232+232); Коннотативный аспект значения слов – результат работы именно эмоционально-оценочного компонента языкового сознания (235); коннотативные значения обусловлены не столько «произволом» работы эмоционально-оценочного компонента языкового сознания этноса, сколько реалиями национальной культуры (246); свойственных только одному из языков коннотаций свидетельствует об относительной произвольности самого процесса «навешивания ярлыков» эмоциональной оценки (237); благодатный</p>	<p>30 Оценочность и эмоциональность</p>

	<p>материал для анализа с точки зрения обилия коннотативных значений: чуть ли не каждое наименование несет <...> эмоционально-оценочный «довесок» (240); отличную от русского эквивалента положительную коннотацию (244+246+247); устойчивых словосочетаниях с положительными коннотациями (246); коннотирована отрицательно (249); отрицательная коннотация номинации (250+252+290); общая отрицательная коннотация (слепая курица) (240); положительной коннотацией (253+255+255+256+257+257+261); положительные коннотации концепта (259); Налицо отрицательная коннотация номинации (280) двух оценочных компонентов языкового сознания: эмоционально-оценочного и нравственно-ценностного. Наиболее наглядно эти результаты отражены в области коннотативных значений языка (281)</p>	
3.	<p>Истинный смысл сказанного часто формируется из недоговоренностей, метафор, коннотаций, т. е. опирается на всю так называемую когнитивную базу человека, владеющего русской ЯКМ (90); связь когнитивной базы и коннотации (138–139); т. е. пониманию поверхностному, кажущемуся, без осознания истинного смысла, содержащегося в коннотациях, которые очевидны для носителей языка и скрыты от иностранца (145); коннотации концепта (158); специфика так называемой национальной логики может проявиться не в уникальности каких-либо отдельных концептов (их семантике или коннотациях) (218); подвергаются коннотативному переосмыслению (242); не все связанные с деревом концепты разных языков имеют эту коннотацию (243); различной коннотативной нагруженностью концептов ВОДА и ЧЕРНЫЙ в разных языках относятся к той (247+249); коннотаций концепта ЧЕРНЫЙ (248+248); концепта <i>черный</i> в испанском языке можно считать положительную коннотацию, отмечаемую в испанском языке стран Латинской Америки (248); располагают и более глубинными мотивациями закрепления определенных коннотативных значений за теми или иными концептами (249); любое коннотативное значение концепта (249); Специфика коннотативных значений этих концептов в китайской культуре (249); Положительные коннотации концепта ПРАВЫЙ и отрицательные коннотации концепта ЛЕВЫЙ (250+252+252+259); Рассмотрение коннотаций (и их исторических мотивировок) китайских концептов <i>you</i> и <i>zuo</i> (250); Наличие у китайских концептов противоречащих друг другу коннотаций (253); положительные коннотации концепта (259); отрицательные коннотации концепта (261)</p>	<p>24 Когнитивная обусловленность</p>
4.	<p>Коннотациях слова (84+94), (84); коннотативного аспекта русской лексики (90); различия коннотаций, закрепившихся за обозначениями (146); коннотативном аспекте значения слова <i>лес</i> (158); его (слова) коннотации (166); коннотации слова <i>lao</i> в своем прямом (первом) значении оказались настолько сильны, что превратились в самостоятельное значение (183); коннотации слова (191); вспомогательными средствами, каковыми являются коннотации слов (235+235); Коннотативный аспект значения слов (235); слова, имеющие коннотативные со-значения» (237); попытки сопоставления коннотативных значений лексики двух языков (240); у этого прилагательного появилась еще одна коннотация (245); имеют эту коннотацию (252+254+254+255), (256+258); сравним коннотации слов (253); коннотативные характеристики слова (305)</p>	<p>23 Фокус на слове</p>
5.	<p>Коннотаций нет (240+240+240); коннотации не зафиксированы (240); словари не фиксируют коннотаций, но на основании выражения</p>	<p>19 Лексикографи-</p>

	(238+238); коннотаций не имеют (245+246); коннотаций нет (240+240+240+246); коннотации не зафиксированы (246+246+247+247+248); данная коннотация отсутствует в слове «зверь» (246); можно считать коннотации (или их отсутствие) (247)	ческое представление
6.	Коннотации мотивированы определенным сходством денотатов первичной номинации (240); неясно мотивированными коннотативными значениями (242); немотивированными коннотациями в русском языке: <i>бандура</i> (о каком-либо громоздком...) (242); слова, имеющие коннотации, мотивированность которых проясняется только при условии знания реалий национального культурного контекста (244); мотивировками коннотаций (244); Совпадение многих коннотативных значений свидетельствует о наличии объективных предпосылок для возникновения именно таких, а не иных со-значений, (244); у которого нет коннотативного значения глупости, поэтому испанский язык не повторяет внутреннюю форму выражений русского языка (246); мотивация подобных коннотаций (246); мотивированности характера коннотативных значений (247); В русском языке вода помимо своего основного значения имеет коннотативное значение бессодержательности, малоценности (247); Есть в испанском языке и другая коннотация у слова <i>agua</i> (247); Причины многих коннотаций следует искать в области религии и древней философии (249); мотивациями закрепления определенных коннотативных значений (249); коннотации, имеющей в качестве мотивации мощные пласты историко-философской информации (249); коннотации мотивированы определенным сходством денотатов первичной номинации и номинации вторичной (249); рассмотрение коннотаций (и их исторических мотивировок) (259)	16 Внутренняя форма, мотивация
7.	Коннотативных элементов значения (84); другими коннотативными значениями (243); оказались уже «занятыми» другими коннотативными значениями (243); коннотативные «со-значения» (244); коннотативное значение (245+245+245); язык располагает тремя самостоятельными лексемами с отличающимися коннотациями (246); языковых коннотативных значений (246); другими коннотативными значениями (252+252); коннотативные значения (254); области коннотативных значений языка (291)	13 Значение
8.	Отмечается коннотативная сема <i>силы, крепости, избыточности</i> чего-либо (246); появилась еще одна коннотация, актуализирующая сему <i>малоценности</i> (247); аналогичных коннотаций не получили, <i>тряпка</i> (о бесхарактерном, слабовольном...) (252); двойственность коннотативных значений (253); коннотативное значение <i>бессодержательности, малоценности</i> (256); нет коннотативного значения <i>глупости</i> (255); примера коннотации данного типа (258)	7 Частно-оценочность коннотации
9.	Этимологически неясными коннотациями (242); этимология коннотаций (244); появления коннотации (244); этимологию каждой коннотации можно с различной степенью обоснованности установить (243); прояснение этимологии коннотации (246); этимология этого коннотативного значения (249)	6 Этимологичность
10.	Коннотативные значения словари сопровождают пометами «разговорное», «бранное», «просторечное» (244); стилистических и коннотативных характеристик (315); коннотация – это «(добавочное значение, окраска, окрашенность). Дополнительное содержание слова..., его сопутствующие семантические и стилистические оттенки» (243)	3 Стилистическое представление
11.	Этот элемент значения и называется коннотативным (ассоциативным) элементом значения слова (84)	1 Связь с ассоциациями
	Итого:	182

Показанные в таблице микроконтексты отражают все случаи словоупотребления словоформы с основой `коннот` в анализируемом источнике. Представим характерологическое описание данных контекстов в порядке убывания количества их употребления в анализируемой работе.

Наиболее многочисленные дистрибуции (строка № 1, 40 случаев употребления термина «коннотация») свидетельствуют о существовании значительных культурно обусловленных различий на коннотативном уровне (в коннотативной зоне) в национальных языках, которые эмпирически подтверждаются в процессе сопоставления иноязычных параллельных текстов, а также при непосредственном переводе и поиске переводных эквивалентов [Гладкова, 2010; Кремшокалова, 2012; Шаховский, 1980; Beirut, 2013; Carpuat, 2015; Dickins, 2018, 2019].

Следующими по частотности употребления являются микроконтексты строки № 2 (30 случаев), в которых подчеркивается тесная взаимосвязь коннотации и эмоционально-оценочного компонента значения языковых единиц. Существование данной связи обусловило взаимоопределяемость коннотации и стилистического значения [Ризель, 1980; Харченко, 1983].

В микроконтекстах из строки № 3 представлено 24 фрагмента употребления термина «коннотация» в смысловом поле, соотносящемся с тематикой когнитивной лингвистики (концепты, смысл, когнитивная база и т. д.).

Микроконтексты в строке № 4 (23 случая употребления термина «коннотация») определяют *слово* в качестве основного носителя коннотативного значения.

Микроконтексты строки № 5 (19 случаев употребления термина «коннотация») свидетельствуют о недостаточной представленности коннотативного значения в лексикографических источниках. Обучающиеся, изучающие иностранные языки, переводчики, филологи, проводящие свои изыскания в области сопоставительной лингвистики, контрастивной лексикологии и переводоведения, встречая на практике языковые единицы с

необычной коннотацией, вынуждены прибегать к иным источникам информации с целью осуществления корректной интерпретации устных или письменных текстов на иностранных языках. Скудная представленность коннотативного значения в словарных толкованиях способствует образованию семантической лакуны. Частично данный недостаток компенсируется за счет пересечения коннотативного и стилистического значений, о чем свидетельствует строка № 10 (три случая употребления термина «коннотация»), где понятия «стилистический» и «коннотативный» функционируют как аналоги и/или синонимы.

Микроконтексты строки № 6 (16 случаев употребления термина «коннотация») характеризуют коннотацию как сущность мотивированную, обладающую внутренней формой. Однако следует оговорить то, что на коннотативное значение правила языка распространяются, так же, как и на другие виды значений. Развитие некоторых из них можно проследить вплоть до возникновения, другие остаются немотивированными, т. к. нет возможности проследить развитие слова, и поэтому некоторые коннотации остаются «этимологически неясными».

Контекстологический анализ случаев, представленных в строке № 7 (13 случаев употребления термина «коннотация»), говорит о коннотации как о значении или элементе значения слова (т. е. как о лингвистическом, а не паралингвистическом явлении).

Менее многочисленные случаи дистрибуции термина «коннотация» свидетельствуют о возможности коннотации соотноситься с конкретным свойством, качеством объекта или субъекта (строка № 8, 7 случаев), рассмотрении коннотации как частнооценочного значения, либо возможности проследить этимологию коннотативного значения (строка № 9, 6 случаев).

В анализируемом труде были отмечены единичные случаи употребления термина «коннотация» в сочетании с иными словами, в частности, отмечалась оппозиция коннотации и денотации. Из единичных случаев в Таблицу 1.1. был вынесен показательный случай употребления

термина «коннотация», свидетельствующий о связи коннотации и ассоциаций. Считаем, что такое рассмотрение коннотации более соотносится с психолингвистическим подходом, а недифференцированное употребление коррелирующих терминов приводит в результате к смешению понятий «коннотация» и «ассоциация» (см. строку № 11).

Таким образом, анализ специализированного текста культурологической тематики на предмет выявления наиболее значимых характеристик феномена «коннотация» позволил выделить следующие: культурная и концептуальная обусловленность коннотации, зависимость от системы ценностей, господствующей в лингвосоциуме, мотивированность. В качестве основного носителя коннотации лингвокультурологи, придерживаясь логоцентрической позиции, определяют слово, а важнейшей проблемой прикладного характера называют недостаточную представленность коннотативного значения в словарных толкованиях.

Для ученых, проводящих свои изыскания в области лингвокультурологии, рекуррентные коннотации языковых единиц являются экспонентами, признаками, надстройками, своеобразными знаками межкультурного уровня, совокупность которых образует коннотативный код, являющийся частью культурного кода нации. Анализ работ лингвокультурологической тематики в аспекте освещения проблематики коннотативного значения показывает пересечение с вопросами, поднимаемыми в рамках когнитивной лингвистики.

1.3.3. Коннотация в свете когнитивной лингвистики

Когнитивная сущность коннотации регулярно «высвечивалась» в предыдущих разделах, посвященных антропологическим, этно- и социолингвистическим аспектам рассмотрения изучаемого феномена, а анализ контекстуального функционирования термина «коннотация» и его производных в работах лингвокультурологической тематики не только

показал неразрывную связь коннотативного значения с нелингвистическими явлениями (культурными артефактами, традициями и обычаями), но и продемонстрировал взаимообусловленность формирования коннотаций стереотипными установками, концептами, связанными с познавательной деятельностью человека и ментальностью нации.

Предваряя изложение авторского видения специфики рассмотрения коннотации с позиций когнитивной лингвистики, считаем необходимым привести высказывания двух филологов-классиков. Первое исходное теоретическое положение, сформулированное В. фон Гумбольдтом и фактически ставшее аксиоматичным в результате многочисленных цитирований, является программным положением лингвистической концептологии и постулирует «посредническую» роль языка между сознанием и действительностью [Гумбольдт, 1984 : 59], что соответствует когнитивной функции языка.

Второе высказывание – заключение А. А. Потебни о единстве человеческого языка и мышления – изложим в тезисной форме: «Язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении, потому что понятие образуется только посредством слова, а без понятия невозможно истинное мышление» [Потебня, 1989 : 17–200]. Язык трактуется А. А. Потебней не как средство выражения готовой мысли, а как специфический механизм ее создания: «То, что делает язык необходимым при простейшем акте образования мысли, непрерывно повторяется и во всей духовной жизни человека...» [Потебня, 1989 : 17–200]. Иными словами, ученый подчеркивает креативную функцию языка.

Отметим также, что автор акцентирует социальную значимость языка, поскольку человек принадлежит «своему племени, народу» и «тестирует» степень «понятности» своей речи на других членах лингвосоциума [Там же], что соответствует коммуникативной функции языка, реализующейся в конкретных дискурсивных актах. Для достижения взаимопонимания необходимо, чтобы «доля мысли, связанная со словом» была «лично- и

народно-субъективна» [Потебня, 1990 : 263], т. е. чтобы знание языка, знания о языке и знания о мире у собеседников были схожи.

Таким образом, лингвокогнитивный подход позволяет соотнести три важнейших функции языка: познавательную (когнитивную), креативную и коммуникативную, что способствует трансформации стандартного лингвистического анализа значения языковых единиц в анализ когнитивных структур, а также сближению семантического описания с энциклопедическим. Исследования в области современной когнитивной лингвистики (основной принцип которой А. Е. Кибрик, ввиду многоаспектности данной дисциплины, сформулировал как «когнитивный подход к языку» [Кибрик, 2015 : 30]), естественным образом предполагающие использование ее методологического и терминологического аппарата, выводят изучение классических вопросов об отношении языка и мышления, о «роли человека в языке и роли языка для человека» [Кубрякова, 2004 : 11] на качественно новый уровень.

Ключевым понятием когнитивной лингвистики является термин «концепт», правомочно используемый учеными при рассуждениях на тему взаимосвязи знания, сознания и языка. В. З. Демьянков, проанализировав употребление термина «концепт» в европейских языках и разных научных сферах, определил его специфические черты, обусловленные междисциплинарностью данного понятия, вариативностью времени его вхождения в литературный и научный языки, особенностями принимающего языка, а также выявил то, что можно назвать ядром понятия «концепт», то, что позволило данному термину прочно войти в терминологический аппарат разных наук. А именно: ученый установил, что «значение термина “концепт” содержит идею “зачаточной истины”, заложенной в латинском *conceptus* ‘зачатый’. Концепт – то, что, видимо, “зачато”, но в действительности чего мы можем убедиться только в результате реконструирующей “майевтической” процедуры» [Демьянков, 2007 : 607–608].

В связи с интердисциплинарностью термина «концепт» в настоящий момент в гуманитарных дисциплинах не существует его единого определения: данный термин является одним из ключевых для лингвоконцептологии (А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик и др.), лингвокультурологии (Н. Д. Арутюнова, В. В. Колесов, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.), когнитивной лингвистики (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Р. Джекендофф, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, И. А. Стернин, Ч. Филмор, Ж. Фоконье, и др.), лингвофилософии (А. Ф. Лосев, А. А. Потебня, Ю. С. Степанов, Н. Хомский), и других наук, каждая из которых имеет свои приоритетные цели исследования.

Так, в работе З. Д. Поповой [Попова, 2007 : 30–34] приводится более десяти дефиниций данного термина, сформулированных авторитетными учеными, среди которых: Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, А. А. Залевская, В. В. Красных, Ю. С. Степанов, В. В. Колесов. В каждом определении акцентируются особые свойства концепта, наиболее важные с точки зрения каждого ученого. В. В. Колесов идентифицирует концепт как «основную единицу ментального плана, – содержащуюся в словесном знаке и явленную через него как образ, понятие и символ» [Колесов, 1999 : 5]. В связи с тем, что «“неуловимая” единица мышления объективируется различными средствами языка», у ученых существует «возможность посредством исследования особенностей номинации, морфологии и словообразования, валентности и сочетаемости языковых единиц, паремиологического и фразеологического фондов языка проникнуть в языковое сознание социума» [Кислицына, Норец, 2012 : 98].

Подчеркнем, что речь идет именно о языковом сознании, языковых фактах, репрезентирующих особенности формирования значений и смыслов языковых единиц. Применение семантико-когнитивного анализа значений языковых единиц дает возможность эксплицировать воплощенные в языковую форму представления об окружающем мире, являющиеся

результатом процесса познания индивидом окружающей среды (социальной или естественной).

Основная задача лингвистики, как видит ее автор настоящего исследования, заключается в том, чтобы объяснить, как устроен язык, как он функционирует. Приблизиться к решению этой задачи возможно лишь соблюдая принцип междисциплинарности или полидисциплинарности, с одной стороны, а с другой стороны, придерживаясь границ «своей» научной области.

В аспекте исследования коннотативного значения языковых единиц наиболее значимыми представляются такие свойства концепта, как:

- возможность отображать «признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [Пименова, 2004 : 10] и соответствующие категориальным характеристикам и ценностным установкам, зафиксированным в определенных фрагментах знаний о мире;

- способность нести «комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, 2007 : 34].

Для понимания механизма образования коннотативного значения важно осознать, что «при вербализации концепта его свойства “переносятся” на соответствующие языковые единицы, которые “закрепляют” их за определенными компонентами значения: грамматическим, предметно-логическим или коннотативным. Свойства, признаки именованного предмета или явления явно или латентно репрезентируются минимальными элементами смысла – семами» [Кислицына, 2012 : 83].

Когнитивный подход к изучению языкового значения в целом и коннотативного значения в частности позволяет приблизиться к решению проблемы взаимоотношений между значением и смыслом языковой единицы, и, сохранив суверенность каждого понятия, поменять их статус системной оппозиции на конгруэнтную сопозицию. Такая трансформация

представляется возможной, если принять в качестве аксиомы связь основного значения слова с вербализуемым им концептом. Свойство концепта включать в себя разнообразную экстралингвистическую информацию является одним из факторов, способствующих образованию производных коннотативных и неконнотативных значений у соответствующих слов.

Помимо понятия «концепт», выделим еще два ключевых понятия когнитивной лингвистики, важных для осмысления коннотации как мыслительно-языкового феномена, – это собственно познавательные процессы категоризации и концептуализации [Болдырев, 2016 : 38]. Результатом концептуализации является образование концептов, а категоризации – категорий. Особенности соотношения концептов и коннотации мы описали в предыдущих абзацах, а на категоризации следует остановиться по крайней мере по трем причинам, значимым для понимания сущности феномена коннотации: 1) важности коннотации как маркера национально-культурного своеобразия языковой картины мира (ЯКМ), 2) обусловленности коннотации философско-психологической категорией «оценка» и 3) корреляции с рядом положений гипотезы Сепира – Уорфа.

Первая причина заслуживает отдельного рассмотрения в связи с тем, что существование ЯКМ напрямую связано с важнейшей когнитивной функцией языка, а именно с функцией категоризации. Данная функция редуцирует сложность окружающего мира, по-своему интерпретируя реальность. Результаты данной интерпретации, носящей субъективный характер, находят непосредственное отражение в коннотативных значениях языковых единиц. Категоризация на уровне образования коннотативных значений носит субъективный характер, отражая интересы коммуникантов, и «влияет на картину (модель) мира посредством:

- 1) определения границ деления мира на сегменты;
- 2) установления внутренней структуры категории;
- 3) определения уровня открытости и подверженности изменениям;
- 4) формулирования способа единения категорий в целое.

ЯКМ, будучи идеализированной и субъективной моделью действительности, выполняет интерпретирующую и регулирующую функции» [Кислицына, 2007 : 28].

Если в качестве основной цели лингвокультурологического подхода к исследованию фрагментов языковой картины мира можно определить выявление специфики развития человеческой культуры и антропоцентрического постижения мира посредством интерпретации языкового материала, то значимость исследования ЯКМ в когнитивном аспекте заключается в направленности научных работ на выявление аддитивных смыслов слов, привнесенных в смысловую структуру языковых единиц, благодаря их длительному использованию в определенных культурно-исторических условиях.

Исследование фрагментов ЯКМ, отражающих концептуальную картину мира, «выражающих и эксплицирующих религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественные картины» [Солганик, 2000 : 32], позволяет выявить специфику восприятия, категоризации и оценки окружающего мира человеком.

Многие лингвисты, изучающие своеобразие национальных языковых картин мира, отмечают их связь с концептуальными картинами мира, с понятийными структурами и знаниями носителей языка. Так, Е. Бартминьский, развивая когнитивную концепцию рассмотрения ЯКМ, выделяет два важных понятия: «точка зрения» и «перспектива». По мнению Е. Бартминьского, точка зрения играет решающую роль при категоризации, а языковое воплощение опосредовано определенной когнитивной интерпретацией объектов и субъектов окружающего мира. Например, толкование слова *blawatek* (василек – *pl.*), интерпретируемое с одной точки зрения как цветок, должно учитывать его эстетические качества, проинтерпретированное с утилитарной точки зрения, это же растение получает отрицательную оценку в качестве сорняка [Bartmiński, 1999 : 104–105]. Как подчеркивает Е. Бартминьский, креативность языка приводит к

«размыванию» действительности и созданию воображаемых миров и проблем: «...sprawcza funkcja języka może prowadzić do zacierania prawdziwego obrazu rzeczywistości i do kreowania fikcyjnych bytów i problemów» [JOŚ, 1999 : 7].

Такая трактовка языковой функции близка гипотезе Сепира – Уорфа [Sapir,1961] в части, касающейся господства языка над нашим сознанием и поведением, с одной стороны. А с другой стороны, рассуждения Е. Бартминьского [Bartmiński, 1988] о значимости «точки зрения» при интерпретации действительности находят свое продолжение в работах исследователей, посвященных определению фокуса внимания и его роли в формировании идеологической составляющей личности.

Так, ЯКМ трактуется как понятийная структура, закрепленная в системе данного языка, а, следовательно, в его грамматических и лексических свойствах, реализующихся, как все в языке, с помощью текстов (высказываний): «struktura pojęciowa utrwalona w systemie danego języka, a więc w jego właściwościach gramatycznych i leksykalnych realizującą się jak wszystko w języku, za pomocą tekstów (wypowiedzi)» [Grzegorzczkowska, 1999 : 41]. Неотъемлемой частью ЯКМ Р. Гжегорчикова предлагает считать информацию, содержащуюся в ассоциативных дериватах и извлекаемую посредством этимологического анализа, а также ассоциативные свойства, закрепленные в метафорах, дериватах и фразеологизмах.

Под воздействием культурных факторов, таких как верования, убеждения и оценочные установки, язык не только выполняет номинативную функцию, но и коннотирует называемым объектам определенные свойства. Так, например, Р. Токарский, рассматривая «семантическую этимологизацию», приходит к выводу о том, что для создания уменьшительно-обесценивающих наименований в польском языке используются языковые единицы со значением «чужой», «нечеловеческий» (звериный), «неевропейский», «нехристианский», «не мужской» (женский): именно они служат основой для образования отрицательной коннотации в

польском языке. Положительная коннотация чаще всего развивается у слов польского языка, обозначающих «человеческое», «христианское», «европейское», «польское», «рыцарское» и «свое» [Tokarski, 1999 : 81].

В современных исследованиях языковой картины мира особое внимание уделяется именно когнитивной концепции значения языковых единиц, «связи, существующей между ЯКМ и категоризацией мира, особенностям номинативных процессов, специфике формирования оценочных коннотаций, выявлению закономерностей семантических механизмов сочетаемости слов в высказываниях, реконструкции стереотипов и семантической мотивации» [Кислицына, 2007 : 30]. Согласно В. Н. Манакину, «язык способен явно или латентно сохранять информацию про специфические и универсальные черты лингвальных кодов конкретных носителей языка, определенных языков и всех языковых картин мира в целом» [Манакин, 2009 : 8].

Вторая причина, определяющая необходимость рассмотрения коннотации в аспекте её связи с категоризацией, зиждется на симбиозе коннотативного значения с категорией «оценка». Ценности как часть категории «оценка» относятся к базовым понятиям, лежащим в основе концептуальных картин мира, и составляют значимый фрагмент национальных языковых картин мира. Анализ языкового материала с точки зрения его сфокусированности на тех или иных ценностях позволяет выявить иерархию смыслов и ценностей в ЯКМ, особенности категоризации мира на основе оценки, универсальные, специфические и доминантные ценностные смыслы лингвосоциума. «Анализ оценочных отношений и оценка начинаются там, где кончается логика и начинается психология» [Кислицына, 2002 : 25]. С расцветом гуманитарных наук «становится все более ясным, что оценочные установки часто являются чрезвычайно отчетливыми и последовательными факторами, на которые лингвист может опираться в попытках объяснить сложные и богатые явления человеческого языка» [Белл, 1980 : 287].

Ценностные установки индивида и общества выражаются в оценочных языковых единицах и речевых структурах, к числу которых относится и коннотация [Вестфальская, 2015]. Аксиологическую составляющую языковых выражений – «тонкую и иногда трудно уловимую» [Апресян (б), 1995 : 260] невозможно изучить в совершенстве, ограничившись лишь узко лингвистическими рамками. Е. М. Вольф отмечает, что оценочный аспект взаимодействия человека с окружающим миром «весьма сложно отражен в языковых структурах» [Вольф, 1985 : 5], а его изучение требует энциклопедических знаний. «Оценочные высказывания, отражая сугубо человеческое мировосприятие, посредством языка неуловимо связывают объективный мир с внутренним миром человека. В этом заключается сложность и многогранность проявления оценки в языке» [Кислицына, 1999 : 148].

По нашим наблюдениям, синхронизированное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических, объективных и субъективных факторов приводит к тому, что при анализе оценочной лексики, оценочных высказываний лингвистические методы анализа не всегда могут дать удовлетворительные результаты. Возможно, одной из причин является то, что важным свойством оценки является ее субъективность, относительная «оторванность» от естественных свойств и качеств объектов. Это свойство оценки обусловлено функционированием в сфере *отношений*, а не в области фактов, а сфера отношений очень трудно поддается анализу. Исследователи оценочной семантики обычно выделяют два типа оценки: сравнительную, представленную оппозицией двух основных слов естественного языка – «лучше – хуже», и абсолютную – «хорошо – плохо».

Абсолютная оценка представляется особенно важной в аспекте изучения коннотативного значения, так как она подразумевает существование оценочной шкалы, связанной с социокультурными, этнопсихологическими стереотипами носителей языка. Это обуславливает существование отдельного фрагмента в ЯКМ с общим содержанием «оценка». Сравнение

таких фрагментов в разных языках позволяет сделать важные выводы, значимые как для лингвистики, так и для смежных наук [Кислицына, 1999 : 147–148].

Третья причина, связанная с понятием категоризации и значимая для понимания сущности феномена коннотации, созвучна с рядом положений, высказанных в гипотезе Сепира – Уорфа. Согласно данной гипотезе, язык является уникальным средством, используемым человеком для осуществления коммуникации, мышления и адаптации к реальности. Картина реального мира в значительной степени бессознательно строится в зависимости от языковых навыков социальной группы и в соответствии с этическими, моральными, эстетическими нормами, господствующими в определенном обществе. Соответственно, каждый язык представляет разные миры: «Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на различных языках, представляет собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками» – «The worlds in which different societies live are distinct worlds, not merely the same world with different labels attached... We see and hear and otherwise experience very largely as we do because the language habits of our community predispose certain choices of interpretation» [Sapir, 1929 : 210]. Представление и систематизация явлений объективного мира в человеческом восприятии координируются нативной языковой системой. Это связано с тем, что в языке воплощены результаты категоризационной деятельности человека: «...the world is presented in a kaleidoscopic flux of impressions which has to be organized by our minds – and this means largely by the linguistic systems in our minds» [Whorf, 1956 : 213].

Коннотативное значение, которое несет в себе оценочную информацию, сформированную под воздействием социально-психологических, культурно-исторических, этнографических факторов, будучи результатом познавательной деятельностью человека, его креативной мыслительной деятельности, представляет особый вид знания, зафиксированный в языке.

По меткому определению О. Г. Ревзиной, коннотация «впитывает историческое и культурное **знание** (выделено нами. – *Н. К.*)» [Ревзина, 2001 : 444]. Аналогичное утверждение, подчеркивающее связь коннотативного значения со знаниями (не обязательно научными), встречается в работе О. Н. Никитиной, в которой автор, анализируя коннотацию в свете концепций Ю. Д. Апресяна и Ст. Буллона, отмечает, что коннотации выступают как своеобразные ассоциации, которые «не являются частью семантики слова, а связаны со специфическим культурным **знанием** (выделено нами. – *Н. К.*)» [Никитина, 2017 : 7]. Если попытаться определить, что есть ненаучное знание человека об окружающем его мире, то можно сказать, что это субъективное отражение действительности, зависимое от множества факторов, таких как семья, социальный статус, образование, способности индивида и т. п.

Отметим, что знание и познание, неотъемлемые компоненты когнитивного подхода к языку, являются в то же время базовыми понятиями психологической науки, конвергенция данных понятий формирует зону пересечения данных дисциплин, объединяющую общие «узлы» терминологической сети. Такая междисциплинарная ориентированность современных гуманитарных наук, и прежде всего когнитивных наук, на комплексный анализ сознания и познания отмечалась исследователями неоднократно [Познание, 2014 : 3].

Учитывая связь когнитивной лингвистики и психолингвистики, считаем важным привести точку зрения ученых-психологов, которые определяют познание как процесс формирования «нового знания об окружающем мире», индивидуального «образа мира», целостной «психологии народа», обусловленной синергией этнографических, антропологических и лингвистических факторов в процессе взаимодействия субъекта(ов) с окружающим их миром [Wundt, 2010; Solso, 2014]; симбиоз когнитивной науки и психологии особенно ярко проявляется в гибридной дисциплине – когнитивной психологии.

Психологи рассматривают личность прежде всего как совокупность всех психологических свойств индивида, среди которых особое место занимают умственные способности, интеллект и мировоззрение, отличающие одного человека от другого. Не составляет труда заметить значительное сходство между перечисленными психологическими свойствами индивида и понятиями когнитивной лингвистики. Разница заключается в том, что когнитивный подход делает бóльший акцент на социальной значимости данных параметров, в то время как при психологическом подходе в фокусе исследования находятся личностные характеристики и свойства [Егоров, 2012; Степанов, 2011].

Эти рассуждения тесным образом связаны с одним из направлений исследований в современной лингвистике, а именно – с проблематикой языковой личности, которая была обозначена еще в трудах А. А. Потебни: «Личная мысль, становясь достоянием других, примыкает к тому, что общее всему человечеству и что в отдельном лице существует как видоизменение <...>, требующее дополнения со стороны других лиц; всякая речь, начиная с простейшей, связывает <...> личные ощущения с общею природою человечества, так что речь и понимание есть вместе и противоположность частного и общего» [Потебня, 1989 : 17–200].

Таким образом, можно заключить, что знание и познание входят в объем понятия сознания. Подобное заключение оказывает непосредственный эффект на теоретическое и практическое представление коннотации в психологии и когнитивной лингвистике.

В теоретическом плане в основе образования коннотативного значения лежит принцип ассоциации. Возможно поэтому в лингвистических работах коннотацию часто называют ассоциативным значением [Денисенко, 2013]. Однако следует различать понимание ассоциации в психологии, осуществляемой в формате подкрепления/неподкрепления (стимул – реакция), и ассоциации в языковой системе, в которой значения языковых единиц и события реального или воображаемого мира опосредованы

избирательным и креативным человеческим мышлением, позволяющим генерировать коннотативные значения.

Подкрепленность отношений «стимул – реакция» объективируется степенью успешности коммуникации: насколько собеседники адекватно понимают вербальные сообщения друг друга и реагируют на них.

Важными для понимания коннотации и ее терминологической волатильности являются психические процессы, определяемые термином «эмоции». С точки зрения общей психологии те или иные эмоции обусловлены субъективным отношением человека к определенным событиям и фактам, проявляющимся в форме субъективной модальности, т. е. отношении говорящего к сообщаемому. В этом аспекте видится их связь с коннотативным значением: так как отношение связано с оценкой, то при желании говорящего она вербализируется в языковых единицах с актуализированным КЗ. Эта связь обуславливает определение коннотации в лингвистических работах как эмоционально-оценочного значения [Графова, 1987; Ромашина, 2012; Солодилова, 2015; Телия, 1996; Alm, 2005; Ekman, 1992; Fontaine, 2013; Mohammad, 2010, 2013; Şaban, 2006].

На практике мы видим, что в рамках одного языка избирательность человеческого сознания влечет за собой дифференциацию коннотаций на индивидуальном уровне (субъективная реальность), а при сопоставлении разных языков – на групповом, коллективном уровне (социальная реальность).

Креативность человеческого сознания [Carter, 1999, 2004] в аспекте коннотации вытекает в приписывании объектам и субъектам свойств и качеств, которыми исходные референты в реальности не обладают. Так, у лексем английского и русского языков, являющихся эквивалентами в денотативном плане, на коннотативном уровне наблюдаются значимые отличия: *turkey* «индюк; индейка» – «тупица, ничтожество; медлительный человек, тюфяк», но в русском языке *индюк* – это «надменный, гордый человек».

Такие лексикографически зафиксированные различия коннотативно маркированных слов-эквивалентов подтверждаются и текстовым материалом из параллельных источников. Так, например, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон вспоминает своего однокурсника, который очень высокомерно относился к нему: *He was my age, and has also just signed on at the absurd (then) rate of £ 18 000 p. a. He nudged me and spoke in **tones of disgust**. “Listen”, he said “if you continue to take this attitude I don't think you are going to get very far”. I thought, and think, that he was **a pompous squirt** and I hope that he was an early victim of the management consultancy shake-out that followed. But as my ears burned, I knew he was right* [Johnson, 2008: 3].

Переводчик-профессионал уловил все смыслы данного фрагмента и постарался передать их тождественными, в аспекте коннотативного значения, средствами языка перевода, которые оказывают на реципиента переводного текста такое же эмоционально-оценочное воздействие, как и оригинальный текст на носителя языка, и при этом не нарушают концептуальную картину принимающей стороны: «Он был моего возраста и вдобавок только что согласился на абсурдную по тем временам зарплату в £18 000 в год. Он ткнул меня в бок и раздраженно **прошипел**: “Слушай, если ты и дальше будешь так себя вести, толку из тебя не выйдет”. Я подумал, да и теперь так считаю, что он просто **надутый индюк**. Надеюсь, он стал первой жертвой, последовавшей вскоре чистки кадров управленческого консалтинга. Но поскольку уши мои горели, я знал, что он прав» [Джонсон, 2012 : 9].

Отметим, что *squirt*, согласно переводным словарям, не является эквивалентом слова *индюк*. Такие различия подтверждают, что то, что считается на бытовом уровне нормативным, устоявшимся знанием, закрепленным в значении языковой единицы определенного языка, совсем не обязательно предполагает наличие соответствующего компонента значения в слове другого языка.

Яркой иллюстрацией приписывания нерелевантных коннотаций являются антропонимы – имена собственные, так, имя Иван в русском языке

коннотирует глупость, Митрофанушка – бестолковость; Хвеська (*уменьш.* от Феодосия, Ефросинья) в украинском языке – болтливость; Грета в немецком языке – лень и глупость; Джек в английском языке – низкий социальный статус. Существование таких коннотаций у языковых единиц подкрепляется многочисленными примерами прецедентных текстов: авторскими художественными и фольклорными произведениями (сказками, рассказами, песнями, былинами и др.), а также в бытовом дискурсе [Ненашева, 2012; Шунейко, 2019; Li, 2020]. В то же время наличие названных качеств у реальных людей, носящих или носивших вышеперечисленные и иные коннотативно маркированные имена собственные, опровергается фактами реальной жизни (Иван Ургант (талантливый шоумен), Митрофан Зверев (член-корреспондент АН СССР), Феодосия Морозова (верховная боярыня при дворе Романовых), Грета Гарбо (известная кинодива), Джек Кэнфилд (американский писатель, мотивационный спикер)). Таким образом, ассоциирование как вид когнитивной деятельности в случае с коннотацией онимов часто результирует в неверной оценке качеств и свойств субъекта/объекта, что обуславливает существование общего и особенного в коннотативной зоне различных языков, зависящей от когнитивных моделей коллективного бессознательного.

Психологическая составляющая коннотации зиждется на таких параметрах, как **оценка, интенсивность и продолжительность**. Оценка (отрицательная/положительная) является доминирующим компонентом значения в субстантивах и адъективах: *офисный планктон*⁷ – стилистически маркированное словосочетание, используемое для унижительного наименования служащих, занимающих начальные позиции на карьерной лестнице.

⁷ Особенности функционирования словосочетания «офисный планктон» и его аналогов в других языках подробно рассматриваются в параграфе 4.4. «Коннотативное значение на дискурсивном уровне: субъективная прагматика смыслообразования».

Если параметр оценки релевантен в равной степени для всех частей речи с актуализированной коннотацией, то в случае когда коннотативное значение имеют глаголы, особо значимыми становятся такие параметры, как:

- степень интенсивности: *хватит долбить* меня – строительный термин со значением «сильно долбить что-то», употребляемый по отношению к лицу/человеку, приобретает отрицательную коннотацию со значением «надоедливо требовать что-то»;

- продолжительность действия: *ну что ты тащишься* – от *тащить*, т. е. «нести что-то»; при обозначении движения объекта или субъекта обозначает очень медленное, не соответствующее ожиданиям или требованиям перемещение.

Как видно из примеров, коннотацию можно охарактеризовать как «сложную внутренне представленную систему знаний» [Schwarz-Friesel, 2015 : 161–162], выполняющую, помимо когнитивной, и оценочную функцию, эксплицирующую отношение говорящего к сообщаемому.

Когнитивный подход к изучению коннотации способствует дальнейшему развитию и переосмыслению теории значения слова в аспекте общелингвистической значимости и, безусловно, является одним из перспективных направлений разработки темы соотношения коннотации и концепта, коннотации и категоризации, коннотации и индивидуального/коллективного сознания, коннотации и ассоциации.

1.4. Дискурсивно-прагматический подход к изучению коннотации

В современных лингвистических исследованиях связь языка и эмоционально-оценочного модуса [Вольф, 1985; Балли, 2001] уже не ставится под сомнение: антропоцентрический подход к исследованию языка пришел на смену логико-рациональному рассмотрению языка как абстрактной, самодостаточной системы. Антропоцентрический подход позволил включить коннотацию в круг исследуемых явлений в парадигме разных дисциплин,

сделав ее объектом уже не только междисциплинарных исследований, но и мультидисциплинарных, поскольку коннотация является значимой для понимания как собственно лингвистических процессов, так и отдельных аспектов, касающихся многообразных сфер дискурса и прагматики.

Коннотация как эмотивно окрашенный элемент содержания высказывания непосредственно соотносится с прагматическим аспектом речи. Изучение вербальных способов и форм выражения оценки, отношения и эмоций говорящих является особо значимым для «понимания природы человека», «понимания языка и общения» [Альба-Хуэс, Ларина, 2018 : 19] и естественным образом относится к дискурсивно-прагматической сфере.

Дискурсивный аспект коннотации обусловлен стремлением участников коммуникации выразить свою оценку и отношение к происходящему, продемонстрировать эмоции собеседникам посредством речевого акта.

Прагматический подход к исследованию коннотации соотносится с анализом эмотивно окрашенных оценочных элементов высказываний, продуцируемых и используемых участниками коммуникации для достижения цели общения. Чтобы осознать прагматику коммуникации, следует дифференцировать спонтанную коннотацию, существующую в определенном контексте и конситуации, связанную с неожиданным проявлением (возможно, даже для самого говорящего) эмоций и оценок, и сознательное, запланированное употребление коннотативно окрашенных языковых единиц как стилистического и риторического инструментария с целью оказания преднамеренного воздействия на участников дискурсивного события [Бредихин, 2018]. Таким образом, изучение прагматики дискурса представляет собой двуединый процесс.

Определим, какие категориальные положения дискурсологии являются особо значимыми для раскрытия сущности феномена коннотации. Антропоцентрическая направленность дискурсологии проявляет себя фокусировкой на изучении функционирования языка в реальных условиях и,

следовательно, приоритетном внимании к выражению коннотативно-оценочной семантики в языковых единицах.

В мировой и отечественной лингвистике дискурсология – это и отдельное научное направление, и дисциплина, назначение которой сводится к изучению дискурса – «сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, 1989 : 8]. Попытки определения дискурса, классификации его видов и типов приводятся в многочисленных научных исследованиях, среди которых назовем работы Н. В. Васильевой, В. З. Демьянкова, Т. А. ван Дейка, Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, О. Г. Ревзиной, П. Серио, Ю. С. Степанова, Л. О. Чернейко.

Содержание этих работ показывает, что, несмотря на многозначность термина «дискурс», возможность его употребления в широком и узком смысле, наиболее распространенными точками зрения на этот феномен вообще и его основные характеристики в частности являются:

1) представление дискурса как совокупности «функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [Макаров, 2003 : 86];

2) трактование дискурса как антропоцентричного явления с обязательным привлечением данных социокультурного и психологического характера;

3) рассмотрение дискурса как коммуникативного динамического события, отражающего человеческую деятельность, в которую вовлечено сознание коммуникантов: адресанта (говорящего, пишущего) и адресата (собеседника, читателя).

Краткое перечисление основных характеристик дискурса показывает, что применение дискурсивно-прагматического подхода позволяет лингвистам выйти за рамки изучения языка как абстрактной системы и, не выпуская из внимания собственно языковые единицы, формы и категории, переключиться

на не менее значимые составляющие вербальной коммуникации: коммуникатора (адресанта) и коммуниканта (адресата, реципиента), а также на цели и результаты использования ими языка как средства коммуникации. Такой подход позволяет системно и комплексно изучать диффузную лексическую семантику с учетом факторов, которые ранее часто выносились за рамки теоретического языкознания: «Discourse analysis emerged in the climate of growing interest in the process of meaning creation in real situations, where texts alone were insufficient evidence for the linguist, and settings, participants and goals of interaction came to the fore» [McCarthy, 2001 : 99] – «Дискурс-анализ возник в обстановке растущего интереса к процессу создания значения в реальных ситуациях, когда лингвисту было недостаточно только текстового материала, на первый план вышли окружающая обстановка, участники коммуникации и цели их взаимодействия» (перевод наш. – Н. К.).

В свете вышесказанного представляется важным упомянуть определение дискурса в концепции профессора Л. О. Чернейко, рассматривающей вопросы лексической семантики с позиций когнитивной лингвистики: «Дискурс – это вербализованное мировоззрение, выступающее по отношению к речи как диктат смысла, ценности: субъект речевой деятельности через присвоенный им общий код (язык) оречевляет направляемое “присвоенной” им идеологией свое видение и понимание интенционального явления в границах принятой в данной культуре его символизации» [Чернейко, 2005 : 56]. Из этого определения можно сделать три важных вывода.

Во-первых, ведущая роль в дискурсе принадлежит субъекту, порождающему высказывание/текст. Овладев языком-кодом, субъект осуществляет выбор наиболее приемлемых с его точки зрения языковых средств для объективации своих коммуникативных намерений.

Во-вторых, в определении подчеркивается значимая роль идеологии и культуры при выборе как конкретных языковых средств, так и сценариев

поведения, определяющих прагматическую составляющую коммуникативного акта. «Диктат вербализованного опыта “общения” социума с явлением (предметом материальным и идеальным), обусловленным исторически конкретным представлением о нем, направляет индивидуальную речевую деятельность» [Чернейко, 2005 : 51–52].

И, в-третьих, в определении ученого делается особый акцент на доминировании «смысла» и «ценности», лежащих в основе мировоззрения, в процессе речепроизводства.

Следует подробнее остановиться на содержании понятия «мировоззрение» и дифференцировать его от сопредельных понятий «мировосприятие» и «идеология». Разграничение трактовок этих слов является значимым в аспекте настоящего исследования, так как способствует лучшему пониманию истоков дифференциации коннотации на универсальную коннотацию, понимаемую и принимаемую всеми участниками лингвосоциумов, говорящих на разных языках, и национально-специфическую коннотацию, отражающую мировидение и мировоззрение определенного лингвосоциума.

Мировоззрение представляет собой «совокупность принципов взглядов и убеждений, определяющих отношение к действительности» [СРЯ, 1985 : 276]. Необходимо отличать это понятие от близкого по форме понятия «*мировосприятие*» – «восприятие человеком окружающего мира, действительности; мироощущение» [СРЯ, 1985 : 276], оно является более индивидуализированным, личностным (ср. «миропонимание», «мировидение»), чем опирающееся на систему социальных ценностей, догм и правил *мировоззрение*.

Что касается *идеологии*, то хотелось бы подчеркнуть тот факт, что объем значения данного понятия, особенно применительно к контексту нашего исследования, не сводится исключительно к функционированию в политическом или правовом пространстве. Этимологически прослеживается

явная связь этого понятия с системой самых разнообразных идей и представлений о мире.

Отражение ментальности лингвосоциума, его идеологии, мировоззрения и мировидения является одной из важнейших функций дискурса, наравне с эмоционально-оценочной, включающей в себя оценку участников коммуникативного акта и выражение собственного мнения с использованием соответствующих языковых средств, в том числе и с коннотативным значением.

Дискурс «отражает накопленный поколениями опыт стихийного постижения действительности и представляет собой вербализацию обыденной картины мира со всей ее логикой и мифологией» [Чернейко, 2005 : 55]. Несомненной ценностью понятия «дискурс» является то, что его введение в терминологический аппарат позволило соотнести значимость лингвистического и нелингвистического при изучении языка и речи. Зонтиковый характер этого термина синхронизировал социальную, культурную, психологическую, коммуникативную и собственно лингвистическую составляющую вербального общения.

В аспекте исследования коннотации заслуживает внимания еще одно определение дискурса, носящее обобщающий характер: «дискурс – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [Болсуновская, 2010 : 41]. Стереотипное восприятие связано с вербальным выражением оценки [Martin & White, 2005], ценностным ракурсом [Тамерьян, 2020], соотнесением содержания высказывания с определенным эталоном и выражением определенных чувств и отношений.

Сложившиеся в определенном лингвосоциуме представления о фрагменте действительности часто носят образный, эмоционально-оценочный, метафорический характер, они могут «приписываться» объектам

или субъектам без научных, объективных оснований, становясь частью коллективного сознания. В процессе вербализации данные представления закрепляются в качестве «со-значений» – коннотаций в семантической структуре уже существующих слов, дополняя их основное денотативное значение.

Прямая связь коннотативных значений слов с системой стереотипов, культурно детерминированных представлений, ценностных ориентаций способствовала причислению коннотации к паралингвистическим явлениям, место которых в лучшем случае – в энциклопедическом словаре. Необходимо отметить, что любое значение слова, прежде чем вербализоваться, проходит все этапы номинации (означивания): от ментального представления в сознании носителя языка к собственно закрепленному в словаре значению языковой единицы. При этом на шкале номинационного процесса наблюдается множество пограничных случаев, которые свидетельствуют о том, что язык является незамкнутой постоянно развивающейся системой.

Исследование коннотации с позиции дискурсивно-прагматического подхода позволяет выявлять ее значимость с точки зрения говорящего и воспринимающего текст, так как «осмысленное словоупотребление требует от говорящего адресацию к слушающему» [Агапова, Агапова, 2014 : 54]. Основная задача адресата – наиболее доступно, понятно выразить свое мнение, оценку происходящего и по возможности убедить слушающего, воспринимающего сообщение, в правильности своей позиции.

На важность соблюдения данного требования успешной коммуникации прямо указывал Т. А. ван Дейк, называя в качестве основного свойства прагматической теории естественного языка принцип, в соответствии с которым говорящий так или иначе хочет изменить систему слушателя, то есть его систему знаний, убеждений, намерений, желаний и оценок: «the principle according to which the speaker somehow wants to change the system of hearer, i. e. his system of systems of knowledge, belief, intention, wants and evaluation» [Dijk, 1976 : 40–41]. Для этого, по мнению Ван Дейка, говорящий будет

стремиться подбирать такие языковые средства, которые, с его точки зрения, собеседник сможет адекватно раскодировать, воспринимая поверхностную, данную в денотативном представлении, и глубинную, представленную коннотативным содержанием, информацию.

В процессе регулярного функционирования языковой единицы определенные представления об объектах, событиях, явлениях окружающего мира закрепляются в семантической структуре слова в качестве полноправного значения и фиксируются в лингвистических словарях. Например: *Вождь 1. Предводитель войска, племени. 2. Высок. Руководитель, наставник* [СРЯ, 1985 : 196]. Первое значение нейтральное, прямое, актуализированное в таких контекстах, как *вождь краснокожих, вождь апачей, военный вождь троянцев* и т. п. В словарях Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова в качестве стилистических помет, сопровождающих данные слова, используется также помета «устар.». Второе значение в риторических целях позволяет использовать данное слово со значением положительной оценки по отношению к любому лидеру или руководителю: *вождь мирового пролетариата, вождь рабочего класса, вожди просвещения* и т. п. Необходимо отметить, что в толковых словарях современного русского языка более поздних лет издания наблюдается иная иерархия подачи значений лексико-семантических вариантов данного слова. Данные изменения, по-видимому, связаны с изменениями реалий окружающего мира. Так, в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой (2000) на первом месте подается: 1. *Общепризнанный идейный, политический и т. п. руководитель. Идейный вдохновитель какого-либо направления в области науки, литературы, искусства.* И лишь затем следуют: 2. *Предводитель племени* и 3. *Предводитель войска; полководец* [Ефремова, 2016].

Следующий пример демонстрирует употребление слова «всадить» с отрицательной коннотацией: 1. *Всадить. С силой воткнуть, вонзить* и 2. *Перен. простореч. Употребить, затратить в большом количестве: Всадить деньги в невыгодное предприятие* [СРЯ, 1985 : 228].

Как видно из примера, коннотативное значение данного слова обладает высокой степенью экспрессивности, поэтому лексико-семантические варианты слов с подобной степенью экспрессивности в словарных толкованиях сопровождаются стилистическими пометами, т. е. являются стилистически маркированными. Этот формальный признак послужил основанием ассоциирования коннотации со стилистическими явлениями.

Прагматический потенциал вербального общения обусловлен природой языка и речевой коммуникации, которые «принципиально интерактивны», а «каждое высказывание адресовано, следовательно, его ценностный фон выстраивается на основании допущений, производимых говорящим относительно ценностного базиса адресата как вероятного реципиента и интерпретатора смысла высказывания» [Сидорова, 2015 : 433].

Для успешного протекания коммуникативного акта собеседники должны по крайней мере принадлежать к одной культурно-исторической группе или иметь представление о базовой системе ценностных ориентаций, принятых в данном лингвосоциуме. Прагматика коммуникации между членами одного языкового сообщества заключается не просто в использовании одного языка, но в использовании таких языковых единиц и конструкций, которые выступают в качестве ориентиров, укажут на общее, совместное знание, разделяемые коммуникантами убеждения, верования, модели поведения и т. д. Этим также обусловлена значимость изучения коннотации в меж- и внутри институционального общения, в межъязыковом и интеркультурном аспектах. *Знание коннотативных нюансов позволяет «читать между строк», понимать истинную суть высказывания и, соответственно, приводит к успешному взаимодействию коммуникантов.*

Так, нобелевский лауреат в области литературы, писатель польского происхождения Czesław Miłosz, комментируя свои усилия при переводе с польского языка на английский, отмечал существование своеобразной «пропасти» (gap) между «the common memory of English speaking readers» и «the common memory of Polish readers» [Karwowska, 1999 : 290]. В качестве

факторов языкового характера, обуславливающих существование этой «пропасти», С. Miłosz называл сильно разрозненные смысловые и **коннотационные поля** (выделено нами. – *Н. К.*) слов и понятий: «highly disparate semantic and connotational fields of words and concepts» [Там же, 1999 : 290]. Сходные идеи были высказаны и в работах Юлии Кристевой. Так, определяя понятие интертекстуальности, автор писала о необходимости включить в «дискурсный универсум» [Кристева, 2000 : 429] реципиента информации, обладающего определенным багажом знаний.

Необходимость вербального выражения ментальности социума, коллективного бессознательного дает основания считать коннотативную систему языка не менее значимой, чем денотативную систему, при этом первая в значительной мере «обуславливает интерсемиотичную полифонию слова как языкового знака» [Кислицына, 2016 : 88]. Слово одновременно принадлежит и языку, и носителю языка, и культуре как холистической системе, представляющей собой «совокупность социально приобретенных и транслируемых из поколения в поколение значимых идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность» [Культурология, 2016]. Таким образом, дискурсивно-прагматический подход к рассмотрению коннотации позволяет показать значимость двух видов значения, используемых участниками дискурса в процессе общения: денотативного и коннотативного.

Информация, которая содержится в коннотативном значении, содержит следующие составляющие:

- знания энциклопедического характера об окружающем мире (социальные, профессиональные, биологические характеристики участников дискурса, включающие указания, носящие оценочный характер, на пол, этническую принадлежность, возраст, эмоциональное состояние и др.);

- лингвистическая составляющая, носящая социокультурный и стилистический характер (отклонения от языковой нормы и характер этих отклонений);

- сведения интертекстуального характера, позволяющие рассматривать текст в целом и каждое «литературное слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [Кристева, 2000 : 428]. Если текст не произвел планируемого воздействия на читателя, значит, автору не удалось определить и использовать общие знания, ценностные ориентации, сделать текст доступным для комфортного восприятия, чтобы вызвать заинтересованность читателя и пробудить желание к более глубокому анализу прочитанного материала.

Соответственно, если рассматривать язык как код, то в нем «можно выделить денотативный код, понятный всем носителям языка» [Кислицына, 2016 : 88] и вполне доступный и очевидный для изучающих иностранный язык, которые в случае возникновения затруднений, некой двусмысленности или незнания значения отдельного слова или фразеологической единицы имеют возможность воспользоваться переводными словарями, а также коннотативный код, понятный носителям языка, членам определенного лингвосоциума, но требующий отдельного изучения, пояснения, растолкования для иностранцев, незнакомых с культурно, социально и аксиологически значимыми установками.

Таким образом, рассмотрение коннотации с позиции дискурсивно-прагматического подхода позволяет эксплицировать ее интерсемиотичный характер и коммуникативную значимость как экспрессивно-оценочного феномена. «Интерсемиотичность коннотации проявляется в учете экстралингвистических аспектов, возможности языковых знаков представлять различные виды знания и их отражение в сознании носителей

языка, что соответствует выполнению языком когнитивной функции. Коммуникативная значимость коннотации определяется ее прагматической направленностью – вербального взаимодействия адресанта и адресата в процессе их дискурсивной деятельности» [Кислицына, 2016(a): 88]. Предпочтительное использование коннотативно окрашенных единиц в процессе коммуникации свидетельствует о мотивации собеседников, их заинтересованности и/или равнодушному отношению к сообщаемому контенту.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ I

Языкознание средних веков, как и классическое языкознание XIX–XX веков, в которых доминировал логический подход к языку (сосюрровские «чистые значимости»), с одной стороны, позволил досконально изучить языковую систему, разложив ее на классы, группы, типы, виды, категории и т. д., с другой стороны, ограничил поле деятельности исследователя жесткими рамками одной системы. «Вынесение» коннотации за рамки лингвистических исследований было вызвано господством рационалистического подхода.

В современной лингвистической науке в результате формирования новых научных парадигм утвердилось мнение о невозможности понять и описать явления, связанные с проявлением человеческого фактора в языке, без привлечения данных из других научных областей. Такой подход к науке о языке «узаконил» исследование феномена коннотации в теоретической лингвистике и позволил аккумулировать множество разрозненных фактов прикладного характера, которые в различных дисциплинах определялись как коннотация. В какой-то мере данная ситуация напоминает отношение к исследованиям интонации и жестов как значимых компонентов коммуникации, ныне активно разрабатываемым в рамках полимодального подхода [Cienki, 2008]. Коннотацию также причисляли к несистемным (non-

systematic), контекстуально зависимым (context-sensitive) и крайне субъективным (idiosyncratic) явлениям.

В данной главе мы попытались продемонстрировать универсальность коннотации, которая обусловила ее междисциплинарный характер, а также многоаспектность коннотации [Кропотова, 2010], не дающую ученым возможность прийти к единому определению ключевого понятия настоящей работы. Несомненным является то, что исключительно интегративное изучение феномена коннотации с привлечением знаний из области антропологической лингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, дискурсологии и прагматической лингвистики позволяет целостно представить феномен коннотации, определить его основные характеристики, избежать нечетких утверждений относительно изучаемого явления.

Пересмотр статуса коннотативного значения в современной лингвистике был подготовлен, с одной стороны, многочисленными работами ученых в области культурологии, этнологии, психологии, социологии (Е. Бартминский, Л. С. Выготский, А. С. Герд, Л. Н. Гумилев, В. А. Звегинцев, А. Н. Леонтьев, Е. Д. Поливанов, Н. С. Трубецкой, Р. О. Jakobson, и др.), в которых в качестве предмета исследования использовались репрезентативные языковые данные, связанные с понятием «коннотация» и «взывающие» к системному изучению.

С другой стороны, исследователи-лингвисты, основываясь на принципе антропоцентризма, стали проявлять своеобразный экспансионизм, приведший к появлению множества гибридных наук, тем более что сама природа языка как средства коммуникации давно апеллировала к объединению, интеграции наук для исследования классической проблемы взаимоотношений между членами триады «язык – мышление – действительность».

Логический подход к языку предписывал рассматривать последний как знаковую систему, структурированную подобно многим естественнонаучным

образованиям. В эту систему совершенно органично вписывалось уровневое строение языка, где каждому уровню соответствовала своя единица: фонема – фонетическому, морфема – морфологическому, лексема – лексическому, синтагма – синтаксическому. Данная модель отношений языковых единиц напоминала, например, организацию химических элементов, где из более мелких компонентов иерархически выстраиваются более крупные. Возможность применения количественных методов при такой организации подачи материала доказывала валидность системного подхода.

При этом факторы «носитель языка» и «окружающий его мир» не учитывались в этой системе, так как из-за своей субъективности и динамичности их было сложно «уложить» в прокрустово ложе разума и логики. Рационалистический подход в языкознании вынуждал причислять эти факторы и все, что с ними связано, в том числе и коннотацию языковых единиц, «к некоему “шуму”, мешающему получению “истинного знания” на основании анализа языкового материала» [Кислицына, 2018 : 517].

Сходным образом в свое время к подобным «помехам» было отнесено и явление многозначности, которое «рассматривалось как некое досадное обстоятельство, с которым нельзя не считаться, но от которого в семантическом описании следует как можно раньше и радикальнее избавиться» [Зализняк, 2006: 15]. Найти рациональное объяснение, соотнести ментальные репрезентации, мыслительное содержание с некими формальными образованиями, т. е. соединить идеальное, абстрактное с материальным, конкретным не представлялось возможным, оставаясь на позициях традиционного структурного языкознания.

Воспользовавшись высказыванием В. А. Плунгяна, очень тонко характеризующим сложившуюся обстановку, отметим, что такой «теоретический дискомфорт» [Плунгян, 2001 : 96], с одной стороны, мешал выработке общего взгляда на исследуемое явление, с другой – возбуждал постоянный интерес и научные дискуссии. Настоящий прорыв в области языкознания (в частности развития теории значения) был сделан благодаря

его конвергенции с когнитивистикой и дискурсологией, так как «именно концепт определяет семантику языковых единиц» [Болдырев, 2001 : 25], а дискурсивный подход «включает» в исследование носителей языка как участников коммуникации. Взаимодействие этих научных подходов особенно репрезентативно выглядит на примере модификации трактовки термина «коннотация».

Резюмируем в Таблице 1.2 рассмотрение дивергенции трактовок коннотации по параметрам «аспект – функция – цель» в зависимости от научного направления/дисциплины, рассмотренных в первой главе.

Под аспектами коннотации понимаются точки зрения, высвечивающие различные свойства коннотации, рассматриваемые в отдельных дисциплинах в качестве ее доминирующих характеристик, что обуславливает возможность метонимического использования наименований данных свойств в лингвистических исследованиях. Выделяемые свойства взаимозависимы, а их распределение по дисциплинам носит конвенциональный характер и выполнено с целью моделирования возможного системного описания феномена коннотации.

Таблица 1.2.

**Дивергенция трактовок термина «коннотация»
в разных дисциплинах и научных направлениях**

№	Аспект	Функция	Цель	Дисциплина/ научное направление
1.	Устоявшееся этноспецифическое представление, коммуникативный этностиль, вид культурной коннотации, маркер проявления национального менталитета, стереотип, ценностная установка	Показывает взаимоотношение языка и аспектов социальной жизни и ролей личности в рамках общества	Характеристика отношения внутри общества	Этнолингвистика, социоллингвистика, антропололингвистика. Показывает взаимоотношение языка и аспектов социальной жизни и ролей личности в рамках общества
2.	Дополнительный компонент значения, периферийное значение	Определяет, «называет» оценку, чувства говорящего; обозначает, именует социокультурные	Характеристика отношения внутри языковой системы	Семантика, лексикология

		феномены; отражает мотивацию (внутреннюю форму) слова		
3.	Код, стилистическое значение (экспрессивный и стилистический компоненты), оттенок значения, риторическая фигура	Маркирует языковую единицу, нарушая ее нормативное, конвенциональное функционирование. Увеличивает силу воздействия на реципиента	Характеристика отношения к речи	Стилистика, риторика
4.	Фоновые семантические доли, стереотип, социокультурные и идеологические, эмоциональные ассоциации, конвенциональные и изменяемые ассоциативные значения	Отражает значимые для говорящего социокультурные условия, менталитет членов определенного общества	Характеристика экстерииоризированного отношения к миру	(Лингво)культурология, семиотика
5.	Ассоциация, признак, сопутствующий, вторичный смысл (часто латентный план содержания: ассоциативно-оценочная, эмоционально-чувственная составляющие). Добавочная/дополнительная информация. «Шум», эмоциональный детектор; коннотация как средство речевой выразительности	Выражает оценку (модальность), отношение и чувства говорящего; сигнализирует о наличии неоднозначности, расширяет/увеличивает потенциал слова. Вызывает «напряжение» при передаче и восприятии информации	Характеристика отношения между участниками коммуникации	Психолингвистика, прагматика, дискурсология
6.	Концепт, представление, понятие. Менталитет членов определенного общества	Отражает образы, впечатления репрезентации, пропозиции, знания, опыт	Характеристика интериоризированного отношения к мышлению	Когнитивная лингвистика

Как видно из таблицы, аспекты коннотации характеризуются динамичностью, изменчивостью во времени и пространстве. Под временем в настоящем разделе понимается существование индивида или лингвосоциума в определенный исторический период, а под пространством – социокультурный ареал функционирования языка. *Люди как существа социальные не могут полноценно существовать без участия в социально-*

дискурсивных процессах, они вовлечены в данные процессы, они их конструируют и одновременно находятся под их влиянием: «the subject's participation in these socio-discursive practices actually constructs the subject. <...> In this dialogical conception of identity construction and language use/learning, the socio-discursive practices in which individuals engage both shape their complex identity and constraint their behavior in these practices» (Martin-Rubio, 2006).

Важнейшим свойством коннотации является ее прагматическая ориентированность. Она всегда связана с участниками коммуникации и направлена на реципиента сообщения. Изучить коннотативное значение слова во всей его целостности возможно лишь интегрировав положения, изложенные в рамках дисциплин и научных направлений, указанных в строках 1–4 Таблицы 1.2. с позициями когнитивно-дискурсивного подхода (см. строку 5–6 Таблицы 1.2.), конвергирующего лингвистическую сущность языкового знака, его (кон)текстуальную значимость, а также участников коммуникации во всем многообразии их социальных ролей и богатстве когнитивных проявлений.

Приведенные положения подтверждают, что феномен коннотации является важным и актуальным вопросом теоретической и практической лингвистики, с одной стороны, а с другой стороны, свидетельствуют, что для полноценного и объективного описания коннотации необходимы привлечение данных из разных дисциплин, учет социального и культурного контекста.

Подводя итог первой главы, хотелось бы отметить, что коннотативное значение, являясь универсалией, при всей своей диффузности и подвижности может быть представлено системно именно благодаря когнитивно-дискурсивному подходу, который позволяет рассматривать человека и его разумную деятельность, невозможную без языка, как важнейшие факторы развития современного мира.

ГЛАВА II. КОНЦЕПЦИЯ КОННОТАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ: КРОСС-КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД

В настоящее время можно говорить о доминировании интердисциплинарной направленности естественнонаучных и гуманитарных дисциплин. Данная ориентация в полной мере присуща и современной лингвистике, которая, как мы показали выше, не только заимствует и адаптирует отдельные данные, концепции и теории из логики, философии, антропо- и этнологии, культурологии, социологии и других наук, но и активно внедряется в содержание этих дисциплин, становясь в некоторых случаях предметом или объектом их исследования, а в других случаях провоцируя появление гибридных дисциплин.

Объект исследования настоящей диссертационной работы – феномен коннотации – по своей природе является междисциплинарным, поскольку он реализуется на стыке когнитивной, дискурсивной, коммуникативной, прагматической, культурологической и других парадигм. Такая многоаспектность изучения коннотации обусловлена антропоцентричной ориентированностью современной лингвистики, для которой вербальная деятельность человека, являющегося неотъемлемой частью социальной и естественной среды, служит приоритетом.

Кросс-корреляционный подход, заявленный в названии второй главы, предлагается автором в качестве основного ориентира, указывающего на причинно-следственную связь между коннотацией и другими лингвистическими и нелингвистическими явлениями и процессами, вовлеченными в научную дискуссию, с целью определения значимости коннотации в современной лингвистике.

2.1. Дискуссионность понятия «коннотативное значение слова»

Изучение коннотации в лингвистике, особенности формирования данного понятия, его многоаспектное описание уже осуществлялось в ряде известных работ: монографиях, диссертационных исследованиях, научных статьях, ставших программными документами для многих поколений исследователей [А. Martinet, 1967; И. А. Стернин, 1979; G. Rössler, 1979; В. Н. Телия, 1986; В. А. Маслова, 1989; В. И. Говердовский, 1990; Garza-Cuarón, 1991; Ю. Д. Апресян, 1995; О. Г. Ревзина, 2001]. Поэтому, не ставя целью подготовить реферативный обзор существующих трудов, мы периодически будем обращаться к мнению авторитетных авторов, приводить их цитаты для пояснения сути характеризующихся явлений, установления связи и возможных последствий описываемых нами процессов.

Дискуссии вокруг понятия «коннотация» ведутся в научных кругах по разным направлениям: о статусе коннотации в лингвистике, о ее структуре, о корреляции коннотации со смежными лингвистическими явлениями и др. Прежде чем осветить современное состояние данных вопросов, в настоящей работе была предпринята попытка проследить тематическую и специальную составляющую исследований коннотации в трудах, изданных за период с девяностых годов прошлого века по настоящий период [Кислицына, Агапова, 2020].

Ответ на этот вопрос мы получили, проанализировав качественно-количественный состав научных работ, представленных в Научной электронной библиотеке DissersCat. Следует отметить, что DissersCat является одним из самых крупных каталогов диссертаций, фонд которого составляет более 750 тысяч научно-исследовательских работ, поэтому его организаторы с полным правом могут говорить о том, что номенклатура фонда «отражает всю современную науку РФ и ее развитие» [<http://www.disserscat.com/>].

С помощью поисковой системы на базе Научной библиотеки диссертаций и авторефератов DissersCat было отобрано 113 работ,

содержащих в качестве критерия отбора лексемы *коннотация* и *коннотативное(-ый,-ая)*, иные словоформы с корнем *коннот-* (*коннотировать, коннотат* и др), а также языковые единицы, появившиеся в результате словообразовательных процессов, например сложносоставное слово «*этноконнотация*» в названии работы: «Способы интерпретации этноконнотаций в межкультурной коммуникации» [Асабин, 2011].

Полученный список был синхронизирован с данными, представленными в аналогичных справочно-информационных системах: «Электронная библиотека диссертаций» [ЭБД, 2020], «Человек и наука» [ЧиН, 2020] и «Библиотека диссертаций» [БД, 2020]. В результате был составлен каталог диссертаций в объеме 181 работы, предметом, объектом или отдельным вопросом (рассматриваемым в рамках отдельной главы или параграфа) которой являлась коннотация. Данный факт был установлен на основании проведения контент-анализа, применение которого позволило объективно и системно представить функционирование словоформ и однокоренных лексем, содержащих корень *коннот-*, в исследуемом материале.

Контент-анализу были подвергнуты **название, содержание, введение и заключение** каждой отобранной работы. Такая иерархия не случайна: она базируется на значимости рассматриваемых составляющих текста научной работы.

В частности, отметим, что *заглавие*, по определению Л. С. Выготского, «несет в себе раскрытие самой важной темы, оно намечает ту доминанту, которая определяет все построение рассказа» [Выготский, 1998 : 202], в нашем случае – научной работы. Исследованию значимости *заглавия*, или названия, работы, его смыслового содержания, понятийного поля и потенциала, а также композиционных функций (индикативной, компрессионной, информативной, аттрактивной и др.) посвящено значительное количество научных работ [Богданова, 2009; Гальперин, 2004; Кожина, 1986; Турчинская, 1986; Черногрудова, 2003; Торопкина, 2019],

которые объединяет одна общая точка зрения, заключающаяся в признании «сильной позиции заглавия» и «концентрации в нем категорий текста» [Белоусов, 2008 : 69].

Следующий компонент научной работы, подвергнутый контент-анализу, – *содержание* как структурированное представление разделов, глав, частей и пунктов работы – не получил должного рассмотрения в научных исследованиях, несмотря на то, что каждый исследователь понимает важность *содержания*, или оглавления, которое на начальных этапах работы выступает в виде плана, регламентирующего последовательность действий автора при подготовке научного труда, и не только выполняет организационную функцию, но и отражает основные идеи и логику их представления в диссертации.

В содержании содержится значительное количество ключевых слов, терминов и понятий, так как оно отражает ход авторской мысли, целенаправленно стремящейся к выполнению поставленных задач. *Содержание* работы в лаконичной, последовательной форме отражает наиболее существенные темы, раскрываемые в диссертации. Следует отметить, что форма содержания обладает некой структурной иконичностью: она не только визуально организует восприятие следующего за ней текста, но и отражает количественное и качественное наполнение работы, точно показывая иерархию рассматриваемых вопросов. Таким образом, можно говорить о семиотизации самой формы содержания, о графической маркировке наиболее значимых элементов работы.

Введение и заключение в виде рамочной конструкции обрамляют тело текста и содержат самые важные формально-содержательные компоненты, которые в сжатой форме отражают смысловое наполнение работы. Так, употребление слова «*коннотация*» в названии работы говорит о том, что эта тема последовательно будет раскрываться во всех главах, пунктах и подпунктах [Булдаков, 2011]; употребление этого же слова или его производных в содержании работы свидетельствует о высокой значимости

этого понятия для работы в целом [Гучепшокова, 2011]; высокочастотное употребление подобных единиц в тексте работы свидетельствует о значимости термина для описания релевантных для исследования вопросов [Кудрявцева, 2008; Орлова, 2009].

Ниже представлена графическая экспликация (Схема 2.1.) результатов контент-анализа каталогизированных нами диссертаций, посвященных исследованию феномена коннотации или связанных с ним [Кислицына, Агапова, 2020].

Линейный график показывает отношение количества защищенных работ (вертикальная ось) к году публикации (горизонтальная ось). Необходимо отметить следующие моменты: 1) в номенклатуре электронных библиотек диссертаций по техническим причинам наиболее полно представлены работы с середины 1990-х по 2013 г., 2) на графике не отражены данные по каталогизированным нами работам с 1977 по 1983 г. в виду их нерепрезентативности в аспекте целей нашего исследования: всего три труда, в которых употребляются лексема «коннотация» и ее производные (в текстах двух работ и в содержании одной работы соответственно).

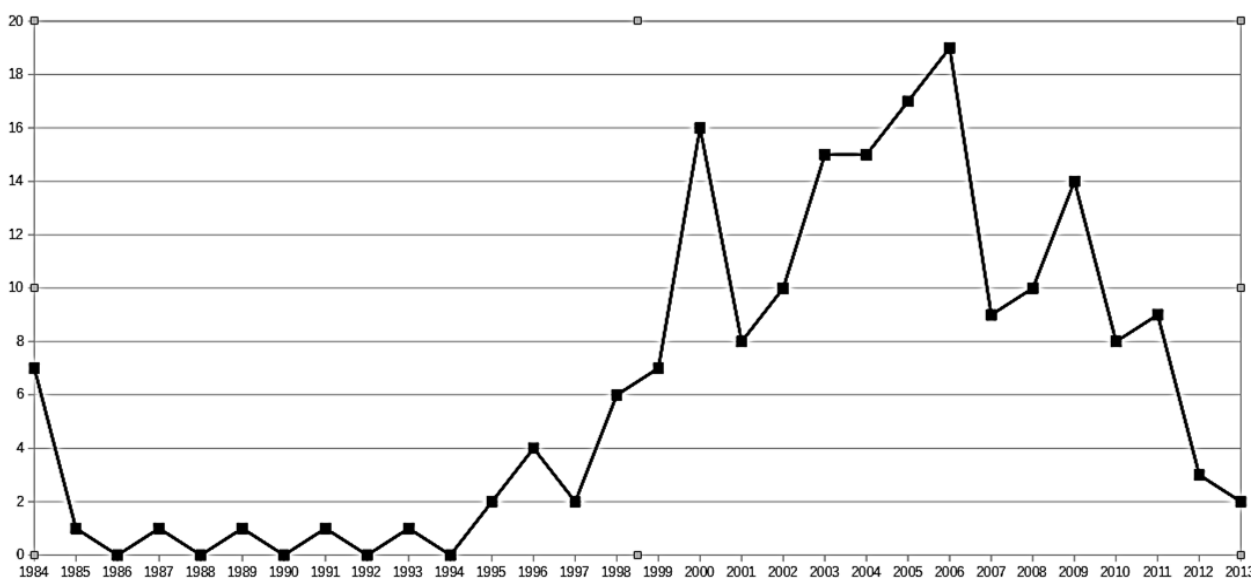

Схема 2.1. Количество диссертаций, связанных с изучением феномена «коннотация»

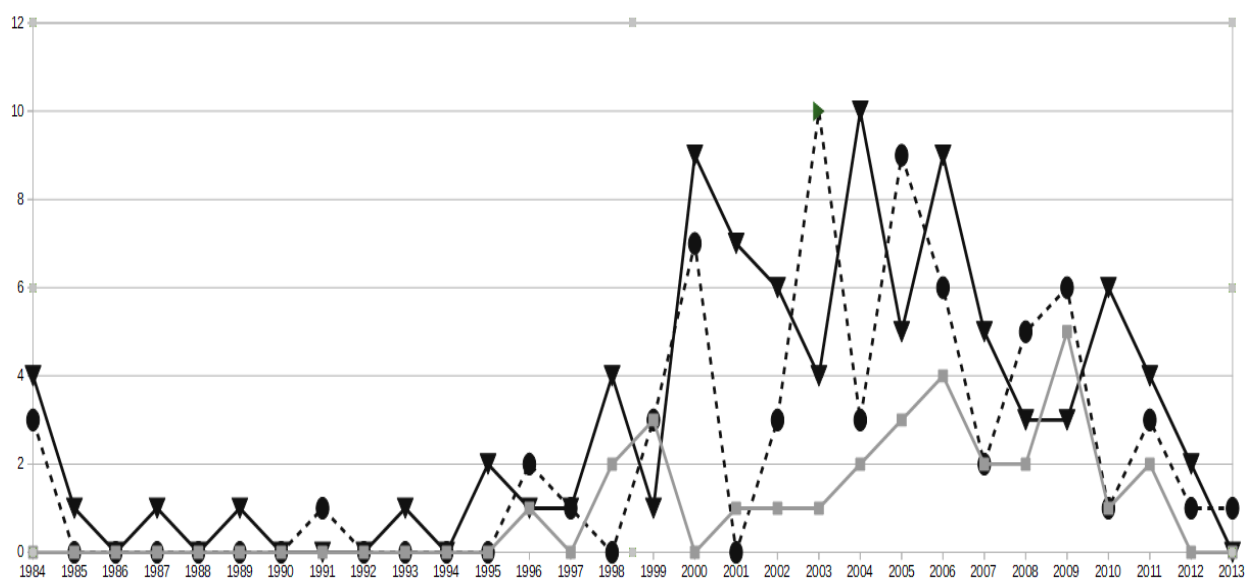
Данный линейный график хронологически представляет общее количество диссертаций, посвященных изучению коннотации в качестве доминирующей темы, либо исследующих отдельные аспекты, связанные с понятием «коннотация», либо использующих термин «коннотация» для анализа и описания смежных феноменов. Наиболее часто в качестве отдельных аспектов или смежных феноменов, связанных с понятием «коннотация», упоминаются:

- взаимоотношение денотативного и коннотативного компонентов значения слова;
- модальность, аксиология; пейоративность и мелиоративность лексем;
- экспрессивная сфера художественного текста;
- функционально-стилевая принадлежность и эмоционально-экспрессивная окраска слов; эмоциональность, оценочность, экспрессивность;
- формирование переносных значений; метафорическая номинация;
- лингвокультурологический подход к оценке образного компонента языковой единицы;
- семантика национально-культурной специфики определенного концепта или концептосферы; асимметрия в структуре концептов;
- национально-культурные стереотипы; менталитет;
- ассоциативная семантика; психосемантика;
- символическое значение слова;
- субъективные и личностные составляющие смысла высказывания;
- способы представления субъекта высказывания;
- коммуникативно-прагматический потенциал.

Как видно из этого обширного, но далеко не полного списка, реализация коннотативного значения сопутствует проявлению эмоционального интеллекта человека и является ярким свидетельством антропоцентризма языка.

Следующий линейный график представляет результат анализа каталогизированных диссертаций с учетом функционирования слова

«коннотация» и его производных в качестве ключевых слов в названии работы, в содержании работы и в тексте работы соответственно. Следует сказать, что значение осей данного графика идентично предыдущему графику: количество защищенных работ (вертикальная ось) и год публикации (горизонтальная ось). Однако на графике представлены три линии, демонстрирующие динамику встречаемости ключевых слов: в названии (заглавии) научных трудов – 30 раз (сплошная серая кривая); в содержании научных трудов – 69 раз (штрихованная кривая); в текстах научных трудов – 85 раз (сплошная черная кривая). Исходя из требования оптимизации и удобства восприятия графика, каждая линия представлена определенным оттенком черного цвета в комбинации с геометрической фигурой (треугольник, круг, квадрат). Необходимость графической экспликации вынудила нас опустить начальную часть линий, что оговорено при построении первого графика: данные по представленным в электронных каталогах работам с 1977 по 1983 г. обладают малой репрезентативной ценностью, т. к. их цифровые показатели близки к нулю. По итогам вышеперечисленных процедур была построена следующая схема:

Кривая серого цвета – употребление термина «коннотация» в названии работы
 Кривая черного цвета – употребление термина «коннотация» в тексте работы
 Кривая пунктирная – употребление термина «коннотация» в содержании работы

Схема 2. 2. Флуктуация количества работ, включающих термин «коннотация»

Представляется, что данный линейный график может выступать в качестве объекта самостоятельного научного исследования в силу своего аналитико-прогностического потенциала.

Так, активное исследование коннотации (о чем свидетельствует ее упоминание в *названии* работы) охватывает период с 1998 по 2010 г.

Употребление слова «коннотация» в *содержании* научных работ охватывает более длительный период, а именно с 1996 по 2011 г., при этом пиковые показатели относятся к 2000, 2003, 2005 и 2009 гг.

Наиболее активно понятие коннотации используется в *текстах* диссертационных работ – это период с 1995 по 2011 г. при пиковых показателях в 2000, 2004, 2006 и 2010 гг. Обращает на себя внимание эффект «запаздывания», или «отложенной активации», употребления данного термина в тексте работ, а именно год спустя после того как его употребление достигло пиковых показаний в содержании работ. Возможным объяснением может служить тот факт, что употребления в названии или содержании работ провоцировали повышенный интерес к данному явлению, в том числе в разных специальностях.

Так, анализ списка каталогизированных работ показал, что коннотация исследовалась чаще всего в рамках специальности 10.02.01 – «Русский язык» – 88 работ; в два раза меньше в рамках специальности 10.02.04 – «Германские языки» – 42 работы; четвертую часть относительно научных трудов по специальности «Русский язык» составляют диссертации, защищенные по специальности 10.02.19 – «Теория языка» – 21 работа; в рамках специальности 10.02.20 – «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» – было защищено 17 работ; замыкает «пятерку лидеров» специальность 10.02.05 – «Романские языки» – 10 работ.

Кроме того, феномен коннотации рассматривался в рамках филологического направления по специальностям: 10.02.06 – «Тюркские

языки», 10.02.16 – «Монгольские языки», 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)».

Последствием такого активного изучения коннотации в области филологии явилась интервенция этого понятия и термина в другие научные направления: 13.00.01 – «Общая педагогика, история педагогики и образования», 13.00.02 – «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)», 13.00.07 – «Теория и методика дошкольного образования», 19.00.01 – «Общая психология, психология личности, история психологии». Интересно отметить, что исследования коннотации в нефилологических научных областях хронологически следуют за успешными теоретическими и практическими изысканиями именно в области языкознания (логико-философские основы, аксиоматично присутствующие и предшествующие формированию любой науки, мы сознательно не упоминаем).

Данная тенденция гармонично вписывается в политику интеграции, которая предполагает конвергенцию комплекса интердисциплинарных методов, понятий и положений, позволяющих целостно представить объект исследования.

Следует отметить, что значимость феномена коннотации, ее свойство выражать оценку и отношение говорящего к субъектам, объектам и разнообразным явлениям, играющим важную роль в жизни человека и социума, столь велика, что терминологизированное понятие коннотации употребляется в научно-исследовательских и научно-популярных работах, тематически относящихся к архитектуре, музыке, изобразительному искусству и др., то есть областей, которые связаны с духовной сферой личности, репрезентирующих ментальное освоение действительности человеком. Эти работы не были включены в список каталогизированных диссертаций.

Проведенный анализ позволил дополнительно осветить уровень разработанности темы, очертить круг дискулируемых вопросов, составной

частью которых является коннотация, классифицировать научные работы в хронологическом и тематическом аспектах, представить статистику теоретически и практически разрабатываемых направлений, а также продемонстрировать, какие существенные черты коннотации позволили ей интегрироваться в различные области лингвистических и гуманитарных наук.

Рассмотрим коннотацию в аспекте ее системно-структурных свойств с целью выявления причинно-следственных связей между исследуемым явлением и другими лингвистическими и нелингвистическими феноменами и процессами.

2.1.1. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова

Определение сущности и значимости коннотации относится к важным вопросам, решаемым современной семасиологией. В работах отечественных и зарубежных лингвистов излагаются точки зрения на проблемы, связанные со взаимоотношением коннотации и денотации, свойств, характеризующих ее внутреннее устройство и обуславливающих возможность существования различных классификаций, то есть таких качеств, которые позволяют коннотации интегрироваться в систему языка и речи [Азнаурова, 1988; Арнольд, 1989; Виноградов, 1977; Говердовский, 1989; Кронгауз, 2001; Манакин, 1999; Попова, 2001; Приходько, 2014; Сергеева, 2016; Стернин, 1979; Телия, 1986; Филиппов, 1978; Шаховский, 1989; Chandler, 2007; Davletbaeva, 2015; Feng, 2011; Rieger, 1982].

По некоторым основополагающим позициям мнения исследователей зачастую не только разнятся, но и являют собой полную противоположность. Так, например, в одном из базовых вопросов, каким является вопрос о месте коннотации в структуре значения слова, наблюдаются полярные мнения. «Пока во взглядах семасиологов в определении языковой природы коннотации преобладают расхождения», – отмечает Н. Ф. Алефиренко и в

качестве примера приводит контрастные точки зрения сторонников того, что коннотативное значение является частью «семантического содержания номинативных единиц» (Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, В. Н. Телия, В. И. Шаховский), и противоположное мнение, утверждающее, что коннотативное значение не является «составной частью языковой семантики» (Ю. Д. Апресян, Н. Г. Комлев, Д. Н. Шмелев) [Алефиренко, 2005 : 163].

Таким образом, необходимость построения целостной теории коннотативного значения слова обуславливает актуальность настоящего исследования. Кроме того, определение лингвистического статуса коннотации представляет собой проблему, решение которой внесет соответствующие коррективы в разработку теории общего и сопоставительного языкознания, переводоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики и других дисциплин.

Прежде чем определить соотношение коннотативного значения с другими компонентами значения слова, необходимо установить границы самого понятия «семантическая структура слова». Несмотря на то, что термин «семантическая структура слова» давно и широко используется в лингвистике, необходимо отметить сосуществование различных трактовок в его прочтении.

Терминологическая интерференция (заимствование терминов, прежде всего из логики, психологии, философии и др.) «размыла» лингвистическую терминосистему. В результате ученым приходится либо оперировать несколькими параллельными терминами, либо учитывать существование разных дефиниций одного и того же термина, что влечет за собой вариативность содержания понятия «семантическая структура слова».

Так, М. А. Кронгауз под этим термином подразумевает систему значений многозначного слова. Говоря об отношениях между значениями одной и той же лексемы – лексико-семантическими вариантами – он определяет три основных типа связей между ними: радиальный, цепочечный

и смешанный. Автор указывает, что значения слов представляют сложную структуру, и выделяет «прототипическое» значение и «производные» значения [Кронгауз, 2001 : 152–157]. Такая классификация созвучна теории о «ближайшем» и «дальнейшем» значении слова у А. А. Потебни.

В. В. Левицкий трактует семантическую структуру слова «как структуру, состоящую из нескольких иерархически связанных между собой субструктур, как многослойный комплекс, конститuentами которого являются: “семантика” (информация или знания об обозначаемых словом предметах и явлениях внешней действительности), “прагматика” (информация или знания об условиях коммуникации), “синтактика” (информация или знания о правилах употребления знака)» [Левицкий, 2006 : 69].

Под термином «семантическая структура слова» также могут пониматься и внутренняя организация отдельного значения многозначного слова, и взаимоотношения между компонентами смысла производных слов [Алефиренко, 2005 : 190–194]. В нашей работе данный термин трактуется как комплексное образование, отражающее строение отдельного значения слова, его лексико-семантического варианта или семемы [Кислицына, 2011 : 129–136]. В качестве основных компонентов структуры значения слова мы выделяем *грамматический* и *предметно-логический* компоненты.

Учитывая их роль в формировании значения слова и возможность разложения на составляющие, определим их как два ядерных макрокомпонента семантической структуры слова. Составляющими данных макрокомпонентов являются сигнификативный и денотативный компоненты: грамматический денотат и сигнификат и денотативный и сигнификативный компоненты значения предметно-логической части соответственно.

Соотношение макрокомпонентов и соответствующих зон представим на Схеме 2.3. следующим образом:

Схема 2.3. Семантическая структура слова

В околоядерной зоне находятся потенциальные семы – минимальные элементы смысла, или «репрезентированные в языковой семантике признаки наименованного предмета» [Алефиренко, 2005 : 134]. Периферийная зона содержит «скрытые» семы, которые – по наблюдениям Н. Ф. Алефиренко – «порождаются различными образно-ассоциативными связями, устанавливаемыми мышлением между предметами первичной и вторичной номинации» [Алефиренко, 2005 : 201]. Именно посредством этой зоны осуществляется диффузия концепта и значения слова.

На Схеме 2.3. обращает на себя внимание положение коннотативного макрокомпонента значения, который, по нашему мнению, является полноценным компонентом ядерной зоны семантической структуры слова и

взаимодействует как с грамматическим, так и с предметно-понятийным макрокомпонентами. Результат этого взаимодействия может выливаться даже в реверс коннотативного и предметно-логического макрокомпонентов, когда коннотативное значение «оттесняет» основное значение.

Более того, позволим предположить, что само существование денотативного компонента значения «оттеняется» наличием коннотативного: именно коннотативный компонент «позволяет» определить, что в слове является его системным качеством, а что активизируется/приобретается языковой единицей в процессе функционирования. Приведем ряд аргументов в пользу именно такого распределения макрокомпонентов.

Значение языковых единиц необходимо рассматривать с учетом дихотомии «речь – язык». Несмотря на то, что исторически речь предшествует языку, представим наше понимание этих явлений в последовательности «язык – речь».

Хронологически на первом этапе развития языкознания, этапе его становления, больше всего внимания ученые уделяли именно языку. Возможно, это связано с тем, что язык представляет собой особую знаковую систему, обладающую некоторой структурой, закономерности которой пытались установить и описать ученые. С точки зрения данного вида деятельности исследователей у языка есть одно неоспоримое преимущество перед речью – относительная конечность предмета исследования. Определить правила и установить нормы для языка более реально, чем для речи, бесконечное разнообразие которой обуславливается бесконечностью ситуаций ее использования.

Несмотря на то, что все звенья языковой структуры претерпевают со временем изменения, эти изменения согласованы и в целом элементы языковой структуры и правила их комбинации характеризуются устойчивостью и повторяемостью, целостностью и единством, что лимитирует вариативность языка.

Определения языка, как правило, включают в себя оппозиционирование с речью. Так, в трудах Ф. де Соссюра мы встречаем: «<...> понятие язык не совпадает с понятием речевой деятельности вообще; язык – только определенная часть – правда, важнейшая часть – речевой деятельности <...> Отводя ему (языку. – *Н. К.*) первое место среди явлений речевой деятельности, мы тем самым вносим естественный порядок в эту совокупность, которая иначе вообще не поддается классификации» [Соссюр, 1977 : 47–48].

Н. Д. Арутюнова так характеризует эту оппозицию: «Если язык – это орудие (средство) общения, то речь есть производимый этим орудием вид общения» [Арутюнова, 1999 : 414]. Характерные свойства дихотомии «язык – речь», помимо вышеперечисленных, могут быть представлены следующими парами: «абстрактность – конкретность», «объективность – субъективность», «пассивность – активность», «статичность – динамичность», «парадигматичность (иерархичность) – линейность», «социальность – индивидуальность (речевой акт)».

Данные свойства закрепляются в соответствующих терминах, используемых в различных дисциплинах, и поэтому оппозицию «язык – речь», кроме соссюровских *langue/parole*, гумбольдтовских *energeia/ergon*, часто определяют через такие пары как «код – процесс», «код – сообщение», «система – текст». Таким образом, под речью мы понимаем процесс и результат говорения или, в соответствии с формулировкой А. А. Реформатского, «разные использования возможностей языка <...>, разные формы применения языка в различных ситуациях общения» [Реформатский, 2000 : 43].

Грамматический и предметно-логический макрокомпоненты семантической структуры слова соотносятся с первым членом обозначенных выше оппозиционных пар, что обуславливает наличие у языковых единиц таких характеристик, как абстрактность, объективность, пассивность, статичность, парадигматичность (иерархичность) и социальность.

Коннотативный макрокомпонент соотносится со вторым членом обозначенных выше оппозиционных пар, что обуславливает наличие у языковых единиц с актуализированным коннотативным значением таких характеристик, как конкретность, субъективность, активность, динамичность, линейность и индивидуальность.

2.1.2. Структурная и типологическая характеристика лексической коннотации

В предыдущем разделе коннотативное значение было представлено в виде макрокомпонента семантической структуры слова, при этом само коннотативное значение не является элементарной единицей – оно также состоит из ряда компонентов, о характере и количестве которых не существует единого мнения [Вставский, 2006]. Специфика реализации данных компонентов, особенности их актуализации в определенных контекстах обусловили существование различных классификаций коннотации.

Чаще всего в качестве компонентов коннотации называют оценочный, эмотивный, эмоциональный, экспрессивный, ассоциативный, образный и стилистический, а также различные их конфигурации. Хотя, как мы отметили выше, единство мнений по компонентному составу отсутствует, тем не менее явно прослеживается существование общего качества, объединяющего все перечисленные составляющие, – это их субъективная природа.

Лексическое значение воплощает результат когнитивного процесса, при котором в сознании человека формируются знания об окружающем мире. Данные знания носят объективно-субъективный характер. Их объективность подтверждается на практике возможностью верифицировать полученные данные различными способами, в том числе и измерительными приборами; субъективность обусловлена стремлением человека выделить наиболее

значимые свойства и качества объектов, «закрепив» их в процессе номинации.

Таким образом, номинация связана с выявлением сущности объекта действительности, а процесс познания сопряжен, в свою очередь, с оценкой возможности его утилитаризации: «Ценности так или иначе проистекают от человека, они не лежат во внешнем мире <...>. В противном случае они перестали бы быть ценностями и составили бы часть объективного мира» [Арутюнова, 1999 : 31].

Следовательно, логично предположение о том, что в семантике любого значимого слова может содержаться оценочный компонент, который (в зависимости от многих факторов) проявляется в большей или меньшей степени либо, как внутренняя форма слова, допускает свое «восстановление» методом этимологического анализа. В языке имеются целые группы слов с явно выраженным оценочным значением (инвективная лексика [Мизис, 2009; Noland, 2004]), общеоценочные и частнооценочные прилагательные [Кислицына, 2002 (а); Миронова, 2020] либо легко его образующих (наименования птиц, животных и растений [Аквазба, 2004; Alrashdan, 2020], цветоименования и др. [Harbin, 1966; Philip, 2003, 2006, 2011]). Оценочное значение субъективно, ибо оно исходит не из природы самих объектов, а из отношения субъекта к объекту. Поэтому, как предостерегал Т. Гоббс, «человек должен быть осторожен насчет слов, которые помимо значения, обусловленного природой представляемой при их помощи вещи, имеют еще значение, обусловленное природой, наклонностями и интересами говорящего» [Гоббс, 2017 : 68].

Оценочный компонент является важнейшим в структуре коннотации. «Первичность оценочного значения по отношению к дескриптивному отличает собственно оценочные слова от тех качественных предикатов, которые в ходе употребления развили оценочные коннотации и для которых оценка вторична» [Арутюнова, 1999 : 161]; мотивы оценки могут в

дальнейшем служить основанием формирования положительного или отрицательного коннотативного значения.

Так, например, у слов «*травя*» и «*weed*» в русском и английском языках соответственно в результате метафорического переосмысления значений развилась отрицательная коннотация: «худой, неактивный (часто больной) человек» (ср. с метафорой – «наркотик»).

Определение «эмоциональный» часто используется в научных работах при характеристике следующего компонента коннотативного значения. Употребление данного слова регулярно встречается при характеристике коннотативного значения языковой единицы в качестве части сложносоставного слова «эмоционально-оценочный», что подтверждает неразрывную связь психических процессов, связанных с проявлением эмоций, и философской категории оценки и свидетельствует об аксиологизации познавательных процессов.

Выделение экспрессивной составляющей коннотации сопряжено с изучением особенностей функционирования языковых единиц с актуализированным коннотативным значением в области стилистики и риторики, что непосредственно связано с возможностью устного или письменного текста выражать эмоции и чувства субъекта [Ромашина, 2012; Ходжаян, 1986; Цоллер, 1996; Feng, 2013; Field, 2019; Kang, 2014]. В связи с этим считаем целесообразным в качестве компонента коннотативного значения слова называть именно экспрессивный, так как экспрессия соотносится со свойствами языковых единиц, тогда как эмоциональность – с психическими характеристиками и процессами индивида. Использование термина «эмотивность» в качестве свойства, присущего языковым единицам с актуализированным КЗ, обусловлено их способностью выражать различные психологические состояния автора или его героев.

Следующим важнейшим компонентом коннотации является ассоциативно-образный компонент [Лебедева, 1980], значимость которого приобрела более четкие контуры благодаря рассмотрению коннотации с

позиций психолингвистики и когнитивной лингвистики. Данный компонент коннотативного значения позволяет охарактеризовать отношения между участниками коммуникации и эксплицировать интериоризированное отношение к объекту или субъекту мышления. Образность коннотации активно реализуется и исследуется на материале не только поэтических и художественных [Исаева 2004; Norrick, 2001; Pratiwi, 2020; Thibault, 1994; Zuhdah, 2020], но и специализированных, фактологических теоретических текстов, казалось бы, не направленных на оказание экспрессивно-оценочного воздействия [Соловьева, 1991]. Функция образного компонента коннотации заключается в создании недискретного представления объекта коммуникации, включающего в себя максимальное количество ассоциаций, с целью осуществления эффективного воздействия на адресата.

Типологическая характеристика коннотации естественным образом связана с ее местом в семантической структуре слова, компонентами, входящими в ее состав, и особенностями функционирования [Шаховский, 1982]. Выделение двух типов коннотации – языковой и речевой – согласуется с ее значимостью в семантической структуре слова. Так, потенциал речевой (узуальной иokkaзиональной) коннотации аккумулируется в околоядерной и периферийной зонах семантической структуры слова. Языковая (системная) коннотация является частью предметно-логического содержания семантической структуры слова, она зафиксирована в толковых словарях национальных языков и, как правило, сопровождается стилистическими пометами.

2.2. Значимость понятия «коннотация»: коннотация и смежные лингвистические и нелингвистические понятия

Проблема терминологической диффузности в аспекте сопоставления коннотативного значения и коррелирующих с ним понятий связана с уяснением специфики процесса номинации. Рассматриваемые в данном

параграфе понятия (стереотип, ассоциация и др.) используются как для именовании объективных процессов и конкретных предметов реального мира, так и для выражения оценочного отношения, сложившегося под воздействием определенных социокультурных и исторических условий, т. е. использования слов, значение которых коннотирует определенные качества объекту именованию. Пересечение данных категорий (именование объектов и именовании отношений) при недифференцируемом употреблении коррелирующих понятий приводит к семантической неопределенности каждого из понятий, размытию границ их определений.

Коннотативное значение языковых единиц обусловлено взаимосвязью семантики слова и называемого им социально значимого концепта, следовательно, природа коннотативного значения, в первую очередь, обращена к результатам осмысления мира, свойственным определенному лингвосоциуму.

Под коннотацией слова в работе понимается производное значение слова, содержащее аксиологические, эмоциональные и ассоциативно-образные компоненты [Кислицына, 2015 : 507–508]. Основопологающим утверждением в данном определении является рассмотрение коннотации как части лексического значения слова. Отсюда следует, что смежные лингвистические понятия будут непосредственно связаны со значением слова как лексикографической категорией, а нелингвистические – с семантикой лексических единиц как гносеологической категорией.

Рассмотрим случаи взаимоопределения или параллельного употребления термина «коннотация» к таким понятиям как:

- 1) внутренняя форма слова,
- 2) мотивированность слова,
- 3) образность,
- 4) переносное значение,
- 5) метафорическое значение,
- 6) ассоциация,

7) стереотип,

8) стилистическая окраска слова, оттенки значения.

Попытаемся проанализировать взаимоотношения между перечисленными выше понятиями и выявить те общие параметры и причины, которые обусловили существование такого терминологического совмещения, а также определить разграничительные критерии, дающие возможность демаркировать содержательные границы данных явлений.

2.2.1. Корреляция понятий «коннотация», «мотивированность» и «внутренняя форма слова»

Мотивированность (мотивировка) слова отражает связь значения слова и вербализированный в процессе номинации результат оценивания человеком окружающего мира, осуществляемый в соответствии с нормами, стандартами, стереотипами, господствующими в обществе. Необходимо учитывать, что мотивированность языковой единицы не возникает сама по себе, Дж. Лакофф утверждает, что мотивировки не возникают автоматически по продуктивным правилам, но они соответствуют одному или нескольким шаблонам, присутствующим в концептуальной системе: «they do not arise automatically by productive rules, but they fit one or more patterns present in the conceptual system» [Lakoff, 20062 : 195].

Н. Ф. Алефиренко пишет: «Анализ структуры знаковой ситуации с точки зрения взаимодействия всех ее компонентов показывает, что семантика языкового знака определяется различными видами человеческой деятельности: а) номинативной (человек – предмет), б) отражательной (человек – понятие о предмете), в) условно рефлекторной (человек – знак, знаковая система). <...> В соответствии с этим формирование значения языковой единицы состоит в знаковой репрезентации отраженных в сознании свойств и признаков номинируемого объекта, а также социально значимого отношения к нему носителей языка (их эмоции, оценки и т. п.)»

[Алефиренко, 2005 : 23]. Отсюда следует: а) опосредованность значения языковой единицы личностью, так как «язык существует в человеке для человека и реализуется через человека, поэтому для понимания его устройства и функционирования первостепенное значение имеет учет взаимодействия трех элементов: языковых форм, самого человека с его мышлением и психологией и внеязыковой действительности» [Гак, 1998 : 369]; б) потенциальная аксиологичность языкового творчества человека.

Рассмотрим приведенные выше выводы в аспекте их связи с коннотативным значением. Анализ особенностей языковой номинации позволяет выявить такие закономерности мотивированности слова, которые свидетельствуют об антропоцентричности значений языковых знаков. Действие антропоцентрического фактора в процессе языковой номинации заключается в рассмотрении фрагментов окружающего мира с точки зрения их полезности для человека. Наиболее существенные (с точки зрения человека) качества и свойства номинируемого объекта «кладутся» в основу «имени».

Так, например, значение русского слова «*трав*а» восходит к индоевропейской базе **treu-* (:trou- :*tru-), корень – *тереть*. Отсюда и одно из современных значений этого слова «*небольшое растение с однолетним зеленым стеблем, настолько тонким, что его можно растереть между пальцами*» [Черных, 2001 : 255]. Другим словом русского языка, допускающим включение в одну тематическую группу со словом «*трав*а», является слово «*сорняк*». Его мотивировка более прозрачна и понятна современным носителям русского языка. Оно морфологически мотивировано и состоит из корня *сор-*, суффикса *-н-* и окончания *-як*. Содержание мотивировки данного слова образуется благодаря взаимодействию смыслов компонентов и конструктивным особенностям (морфологической структуре) слова.

Корень *сор-* представляет собой свободную морфему, которая может употребляться как отдельное слово «*сор*» в значении «*мелкий мусор*».

Древнейшие прослеживаемые значения этого слова связаны с такими понятиями, как «грязь», «навоз», «нечистоты» и др. Отсюда и одно из современных значений слова «сорняк» – «дикорастущее растение, засоряющее, заглушающее культурные посе­вы» [СРЯ, 1985–1988 : 203].

Подобные рассуждения по поводу определения принципов мотивировки слова английского языка *overlook* высказывает Р. Ланакер, утверждая, что мотивация *overlook* обусловлена значениями входящих в него компонентов и принципами связывания: «is motivated by other senses and by principles of linking» [Langacker, 2011 : 132].

В английском языке словарным эквивалентом слова «сорняк» является слово «*weed*». Среди его современных значений отметим «a plant that is not valued where it is growing and is usually of vigorous growth; especially: one that tends to overgrow or choke out more desirable plants» [OED <http://www.merriam-webster.com/dictionary/weed>] и «plant not valued for use or beauty» [Dictionary.com. Режим доступа: <http://dictionary.reference.com/browse/weed>]. В толкованиях этого слова явно прослеживается присутствие отрицательной оценочной семы (выделено подчеркиванием), наличие которой обусловлено именно антропоцентрическим фактором – определением полезности данного объекта именно для человека, но не его значимости для природы и окружающей среды вообще.

Антропоцентризм соотносится с представлениями и ассоциациями носителей языка, которые, преломляясь в сознании, находят свое выражение в семантических компонентах. Действительно, как справедливо отмечает В. Н. Манакин, «языковая концептуализация понятий – результат сложного переплетения разных сторон того, что называют этнической ментальностью. И какими бы близкими ни казались концепты, а значит и их лингвистические двойники (слова) разных культур, они, скорее всего, будут в отношении пересечения, но вряд ли полного совпадения» [Манакин, 2004 : 136].

Связь номинации с актом познания закрепляется в значении слова. Так, например, наименование самой большой пресноводной хищной рыбы «сом»

в английском языке звучит как «catfish», вероятно, получившей свое название из-за заметных усов, расположенные по обеим сторонам головы. В украинском, болгарском, сербском, словенском языках ассоциации иные: «ствол, колода, коряга и т. п.» [Черных, 2001 : 188], в испанском, португальском языках мотивировка слова «siluro» («сом») акцентирует внимание на крупной торпедообразной форме данной рыбы [BETA Wikiled Online Dictionary, <http://www.wikiled.com/italian-english-siluro-Default.aspx>].

Мотивированность слова – это как бы прообраз значения языковой единицы, который иначе называется внутренней формой слова. Единство выполняемых внутренней формой слова функций и мотивированности слова, а именно работа человеческого мышления в процессе создания слова, позволяет считать внутреннюю форму слова и его мотивированность (мотивировку) тождественными понятиями, используемыми при определении друг друга. Посредством внутренней формы слова, или его мотивированности, осуществляется связь между значением слова (лексикографической категорией) и окружающим миром (онтологическая категория). «Исследование внутренней формы слов, выведение общих закономерностей, типологизация природы накапливаемых знаний в семантике слова, установление существующих связей и отношений обеспечивает доступ ко многим процессам, происходящим в человеческом сознании» [Кислицына, 2011(б) : 67].

Понятие «внутренняя форма слова» рассматривается в настоящей работе в соответствии с классической трактовкой, соответственно определению А. А. Потебни, как «ближайшее этимологическое значение слова», «отношение содержания мысли к сознанию» [Потебня, 2007 : 90–91]. Понимание когнитивных основ и субъективности внутренней формы слова (ВФС) присутствует в трудах А. А. Потебни, который представлял ВФС как «отношение содержания мысли к сознанию» и подчеркивал, что в слове есть два содержания: одно объективное, или ближайшее, этимологическое значение слова, а другое – «субъективное содержание, в котором признаков

может быть множество» [Потебня, 2007 : 90–91]. Большое значение А. А. Потебня придавал чувствам отдельного человека как истокам «образования слова» [Потебня, 2007 : 92]. Сравнивая слово и художественное произведение, ученый подчеркивал их сходство с точки зрения наличия у обоих *содержания, внутренней формы*, т. е. образа, указывающего на это содержание, и *внешней формы* [Потебня, 2007 : 161].

Связь ВФС с понятием «образ» не раз подчеркивалась в трудах выдающихся ученых. В частности, понимание внутренней формы слова как образа позволило В. В. Левицкому называть мотивированную лексику «образной», «прозрачной» [Левицкий, 2012 : 416]. Сходное разумение ВФС как образа (представления) излагается и в работах В. Н. Телии [Телия, 1986 : 13].

Рассматривая внутреннюю форму слова как «исходную точку семантической деривации», А. А. Зализняк пишет: «Внутренняя форма слова – это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т. е. **образ** или идея (выделено нами. – *Н. К.*), положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта» [Зализняк, 2006 : 47].

Рассуждая о связи таких явлений, как фонетическая мотивированность и коннотативное значение, В. В. Левицкий подчеркивает их тесную связь с одной стороны и относительную самостоятельность – с другой. «По-видимому», – пишет автор, – тот сложный феномен, который принято называть коннотативным значением, представляет результат разнопланового взаимодействия **оценок и впечатлений** от понятийного и звукового **образов** (выделено нами. – *Н. К.*) слова (означаемого и означающего)» [Левицкий, 2012 : 420].

Следует отметить, что понятие внутренней формы слова имеет непосредственное отношение к психологическим категориям (В. фон Гумбольдт – «работа духа»), так как «именно внутренняя форма

является тем звеном, которое соединяет ценностную ориентацию говорящего (а в онтогенезе – именующего) субъекта с объективной действительностью» [Телия, 1986 : 13].

Предшествующий опыт носителя языка, опыт познания и оценки окружающего мира, объективация его посредством слова сохраняется в слове, в ядре его значения, и может быть выведен посредством экспликации внутренней формы слова. ВФС служит основой для образования переносных значений, для метафорических трансформаций, которые, в свою очередь, могут привести к образованию коннотативных значений.

Связь коннотативного значения слова с его внутренней формой, независимо от того, является ли она фонетически, семантически или морфологически мотивированной, можно охарактеризовать как причинно-следственную: ВФС обуславливает возможность формирования положительного или отрицательного коннотативного значения у слова.

2.2.2. Корреляция понятий «коннотация», «переносное значение слова» и «метафора»

Оценки, впечатления, эмоции и связанные с ними образы служат стимулом для образования переносного значения слова. Если прямое или, как его определяет Н. Ф. Алефиренко, «прямономинативное значение регулируется логическими связями и отношениями самого обозначаемого предмета с другими предметами (явлениями), признаками, свойствами и процессами в действительном мире» [Алефиренко, 2005: 174], то переносное значение возникает на основе прямого, основного, номинативного, логического значения слова. Прямономинативное значение служит основой возникновения (мотивировкой) переносного значения. Нельзя не согласиться с утверждением В. Н. Телии, что «подавляющее большинство слов и выражений с экспрессивной окраской – продукт вторичной или косвенной номинации <...> и других видов переосмысления “прямых” значений»

[Телия, 1986 : 28]. Таким образом, возникающее на основе первичного значения вторичное, производное лексическое значение слова является со-значением, которое не стоит считать абсолютным аналогом коннотации, так как «не каждое переносное значение является коннотативным, так же, как не каждое коннотативное значение слова всегда оказывается вторичным» [Кислицына, 2015 : 509]. Например, *стол*₁ – `род мебели, на которую ставят или кладут что-л. при работе, еде и т. п.` (прямая номинация); значение *стол*₂ `пища, еда, съестное` (непрямая [косвенная] номинация) – производное от первого денотативного значения слова, которое не является коннотативно окрашенным. Фактически – это одно из нескольких денотативных значений лексемы «стол». По мнению Н. Ф. Алефиренко, наличие этих семем в составе лексемы обусловлено существованием Д₁ – «первичных денотативных сем» и Д₂ – «вторичных денотативных сем» [Алефиренко, 2005 : 175–176].

Что касается «вторичности» коннотативного значения слова, то, по нашему мнению, у знаменательных слов, обладающих предметно-логическим значением, оно производно от денотативного, но, например, у междометий коннотативное значение слов является их основным значением. При диахронном рассмотрении эволюции семантики конкретного слова, в тех случаях, когда можно проследить этапы становления его денотативных значений и появления у него коннотативных со-значений, нередко выясняется, что в результате сужения или расширения основного значения слова вторичные значения слова стали в какой-то момент его основным значением, а среди этих вторичных значений есть и коннотативные. Например, слово «штрейхбрекер», обозначающее человека, нанятого администрацией предприятия для срыва забастовки, в процессе функционирования приобрело значение с отрицательной коннотацией, со смыслом `изменник, предатель`.

Основными механизмами, с помощью которых образуется переносное значение, являются перенос наименования по принципу сходства и перенос по принципу смежности. Тут мы подходим к вопросу о том, что же связывает

коннотацию с одной стороны и метафору и метонимию с другой – не как стилистические приемы, а как когнитивные операции. Ответ, как нам кажется, заключается в том, что оба процесса «являются способом образования переносных значений многозначного слова, в том числе и коннотативных значений» [Левицкий, 2012 : 411]. В то же время «наличие сходства или смежности – всего лишь “техника”, позволяющая структурировать объект» – пишет В. В. Левицкий. И далее отмечает, что «истинная причина метафоризации порождается выполнением языком не только функции выражения мысли, но и функции выражения чувств» [Левицкий, 2012 : 411]. Станет ли производное значение слова коннотативным или очередным денотативным, будет зависеть от степени «выражения чувств», наличия у него оценочного, эмоционального и ассоциативно-образного компонентов.

Например, *нос* человека и *нос* корабля – два денотативных значения слова *нос*, обладающего широкой семантикой во многих языках. Ср. *англ.* *nose*: «He blew his nose₁» и «The nose₂ of an aircraft». Второе значение является производным (в результате метафоризации), и, как следствие, его зависимость от окружающего контекста выше, чем у первого значения. При этом оба значения не носят экспрессивного или эмоционально-оценочного характера. Переносным коннотативным значением обладает семема *nose₅* «шпион, провокатор, доносчик». Данная семема в значительной степени десемантизируется, когда употребляется по отношению к человеку, совершенно не связанному в профессиональном плане с указанным видом деятельности, например, когда так говорят о коллеге, который разглашает (официально не секретную) информацию, которую иные члены коллектива предпочли бы не делать достоянием гласности. При этом ощущается отрицательная оценка и презрительное отношение к характеризуемому субъекту. Подобные случаи выражения оценки В. Н. Телия называла «двойной модальностью», приводящей к повышению экспрессивности языковых единиц, «наслоению» коннотативной модальности на оценочную

[Телия, 1986 : 27–28]. Следует отметить, что слово, употребленное в коннотативном значении, детерминировано контекстом.

Учитывая, что метафорическое переосмысление обусловлено картиной мира носителей языка, нетрудно предположить, что образование второстепенных значений, как денотативных, так и коннотативных, в разных языках может значительно расходиться [FLS – Figurative Language Comprehension, 2005]. Так, наименования некоторых животных и производных от них однокоренных слов в разных языках обладают различными коннотациями. У существительного «пчела» (*одобрит.*) наблюдается положительная коннотация только в микроконтекстах (с добавлением уменьшительно-ласкательного суффикса *-ка*), например в сравнительном обороте: *как пчелка* – ‘Усердно, старательно, тщательно’ или в обращении: «*Ты, моя пчелка!*». В то же время в английском языке эквивалент *bee* обозначает (*неодобр.*) ‘Действия скопом: *hanging bees* – Толпа вешателей (линчевателей)’. *Крыса* – (*пренебр.*) ‘О человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное’: Архивная/тыловая крыса. Крысятничать – ‘воровать’ в русском языке. Англоязычный эквивалент *rat* (*презрит.*): ‘Трус, предатель, ренегат, перебежчик’.

Помимо метафорических и метонимических процессов, а также синекдохи, образование переносного значения может строиться на базе ассоциативных признаков, провоцирующих позитивные или негативные эмоции, которые, в свою очередь, связаны с положительной и отрицательной оценкой.

2.2.3. Корреляция понятий «коннотация», «ассоциация» и «стереотип»: психолингвистический аспект

Переходя к рассуждениям относительно природы ассоциаций и их связи с понятием «коннотация», мы вступаем на территорию психологии, психолингвистики и философии. Термин «ассоциация» был введен в 1698 г.

британским философом Джоном Локком для обозначения взаимосвязи между представлениями человека, вызванными, как правило, случайными стечениями обстоятельств. Типология ассоциаций рассматривается в разделах психологии, посвященных памяти, так как ассоциации – это основа памяти как психологического феномена. «С физиологической точки зрения ассоциация представляет собой временную нервную связь», – пишет Л. Д. Столяренко в своей книге «Основы психологии» [Столяренко, 2003 : 158]. И далее автор выделяет несколько типов ассоциаций, возникающих на основе смежности, сходства и контраста между явлениями. Попытки построения психолингвистической модели коннотации были предприняты В. А. Масловой [Маслова, 1989].

В аспекте настоящего диссертационного исследования наиболее существенными типами ассоциаций являются ассоциации, возникшие на основании сходства и смежности в пространстве или во времени, так как фактически эти психические процессы лежат в основе лингвистических явлений, называемых метафорой и метонимией соответственно.

Еще одним из параметров нелингвистической природы, находящим свое воплощение в коннотативном значении слова, является стереотип. Данный термин, пришедший в результате метафорического переноса из области типографского дела в область социальной теории и психологии, по мнению С. М. Андреевой, обозначает: «1) относительно устойчивый, обобщающий образ или ряд характеристик (нередко ложных), которые свойственны представителям своего собственного культурного и языкового пространства или представителям других наций; 2) представление человека о мире, формирующееся под влиянием культурного окружения (другими словами, это культурно-детерминированное представление), существующее как в виде ментального образа, так и в виде вербальной оболочки; 3) процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям» [Андреева, 2010].

Ассоциации и стереотипы являются своеобразными установками, «устойчивыми единицами сознания» [Кондратьева, 2019 (б) : 223], которые экономят время в процессе мышления и помогают индивиду быстрее принимать решение, основываясь на предыдущем опыте, закреплённом многочисленными повторениями. В данном случае можно говорить о том, что по закону экономии энергии при стандартных обстоятельствах человек не повторяет все этапы обдумывания для принятия того или иного решения, а совершает мгновенный «прыжок» от момента получения информации к моменту ответного действия. В определенных условиях это умение, быстрота реакции позволяли выжить в чрезвычайных ситуациях, спасти жизнь себе и членам своей группы, племени, коллектива и т. д.

Стереотипы являются своеобразным знанием, которое передается от предшествующего поколения людей последующему поколению людей в процессе их социализации. Знание стереотипов у некоторых индивидов трансформируется в убеждения, которые они могут яростно или отчаянно отстаивать. Как правило, стереотипы связаны с негативной оценкой, так как они в процессе развития человечества чаще всего были обусловлены необходимостью выработки мгновенной реакции на опасность.

В современных условиях, когда человек создал для себя достаточно комфортные и безопасные условия существования, стереотипы продолжают играть свою роль, но уже больше в аспекте социальной значимости. Основным качеством стереотипов является оценка по параметрам хороший/плохой, опасный/неопасный, свой/чужой, в основе которых лежит система ценностей, что позволяет коррелировать стереотипы с коннотацией.

Связь стереотипов с ассоциациями заключается в том, что стереотип обусловлен комплексом ассоциаций. В каком-то смысле стереотип – это ярлык, который говорящий навешивает на объект или субъект, и этот ярлык влечет за собой комплекс ассоциаций, как правило, отрицательных. Интересно отметить (в аспекте языковой категоризации), что положительный стереотип определяется скорее не как ярлык, а как комплимент. «Она –

француженка!» – соответствует стереотипу с рядом ассоциаций: «изящная, грациозная, веселая, независимая, умеющая себя подать в лучшем свете без использования дорогой косметики или аксессуаров». Иллюстрацией отрицательной коннотации может служить следующий пример: если мы назовем человека «колочкой», то в представлении активизируются такие ассоциации как «прилипчивый, раздражающий, злобный, вызывающий чувство дискомфорта, тот, от которого стремятся скорее избавиться».

В этом аспекте репрезентативным материалом могут служить термины наименования болезней, которые перешли из области медицинской терминологии в разряд общеупотребительной лексики и используются по отношению к совершенно здоровым людям с целью обесценить, оскорбить или унижить их.

Если открыть словарь медицинских терминов или медицинскую энциклопедию, то можно прочесть симптомы, признаки, методы лечения определенных болезней. Некоторые из них, несмотря на свою распространенность, так и остались в составе медицинской терминологии, относятся к лексике специального употребления. Другие, несмотря на фонетическую или морфологическую сложность, непрозрачность внутренней формы слова, вошли в общеупотребительный лексикон и активно используются в широких кругах носителей определенных языков.

Особенно часто в состав общеупотребительной лексики с отрицательной коннотацией попадают термины, связанные с психическим развитием людей и их интеллектом. Порой такие слова употребляются носителями языка даже без осознания того, что данные языковые единицы прежде относились к узкоспециальной лексике.

Так, например, имбецил (*imbecillus*) – медицинский диагноз, предполагающий «среднюю степень олигофрении, слабоумия, умственного недоразвития, обусловленная задержкой развития мозга плода или ребенка в первые годы жизни» [Академик, 2020]. Аналогично этому термину слова «дебил» и «идиот», также обозначающие определенную степень

олигофрении, перешли в сферу общеупотребительной лексики, употребляемой по отношению к совершенно здоровым людям в качестве дерогативной оценки их поведения. По этой причине в медицинских кругах даже было высказано предложение отказаться от этих терминов ввиду их общеупотребительности и ярко выраженной отрицательной коннотации и именовать степени выраженности заболевания иными нейтральными словами (умеренная/средняя/тяжелая степень умственной отсталости).

Слово *аутист*, входящее в один и тот же ряд обозначений разной степени умственной отсталости, что и *имбецил*, *идиот* и *дебил*, не вошло в сферу общеупотребительной лексики: «*Лизавета и так чувствовала себя идиоткой, а когда инспектор коротко пересказал ее показания, поняла, что поверить ей может только имбецил*» [Баконина, 2000].

Примером термина, получившего положительную коннотацию после вхождения в сферу общеупотребительной лексики, является слово *гений*, относящееся к сфере психологи и определяющее высший уровень развития человека. Употребляемое по отношению к человеку среднестатистических умственных возможностей данное слово подчеркивает высокую положительную оценку конкретных, часто нестандартных поступков в определенных обстоятельствах:

«*Ты чего с матерью сделал, компьютерный гений? – насмешливо спросил муж*» (Павлова, 2004).

«*На ночь мы эту лестницу будем поднимать, а утром спускать. Юрка, ты гений! – Я в этом никогда не сомневался, усмехнулся он*». (Губарев, 1960).

Еще одной группой, представляющей репрезентативный материал с отрицательным коннотативным значением, обусловленным стереотипными представлениями, являются этнономинации. Отрицательную коннотацию имеют не только наименования расы, но и метонимически образованные этнономинации по принципу наименования цвета кожи, разреза глаз и т. п.: *узкоглазый*, *черномазый/черный* и т. д. Следует отметить, что слова-эквиваленты в разных языках имеют разную коннотацию. Так, слово *негр* в

русском языке лишено презрительно-уничижительной коннотации и не является табуированным, эту функцию в русском языке выполняет субстантивированное слово *черномазый/черный*, тогда как в английском языке *negro* является табуированным словом и именно по этим причинам заменяется *Afro-American* в контексте межгруппового общения, а слово *black* не является оскорбительным. Например:

*«As the novel coronavirus sweeps across the United States, it appears to be infecting and killing **black Americans** at a disproportionately high rate, according to a Washington Post analysis of early data from jurisdictions across the country.*

*The emerging stark racial disparity led the surgeon general Tuesday to acknowledge in personal terms the increased risk for **African Americans** amid growing demands that public-health officials release more data on the race of those who are sick, hospitalized and dying of a contagion that has killed more than 12,000 people in the United States» [Thebault, 2020].*

*«Я вдруг увидела, что на углу стоят трое – **негр** и два араба. **Негр**, очень высокий, спортивный молодой парень, стоял в центре, арабы – по бокам» [Спивакова, 2002].*

*«Наоми, тридцатилетнюю безмозглую сестрицу, накрыл очередной приступ беременности – будто в этом мире кому-то нужен еще один **черномазый!**» [Наумов, 2007].*

Некоторые этноминации представляют собой переносные значения с отрицательной коннотацией, образованные от нейтральных слов, обозначающих предметы домашнего обихода: чурка – приспособление для колки дров; чурка (перен.) – житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Большую группу слов с культурно и социально обусловленной отрицательной коннотацией образуют этноминации, образованные по ассоциации с традиционными национальными блюдами: *англ. frog eater* (*пренебр.*) – `лягушатник, французишка`, или *русс. макаронник* (*пренебр.*) – итальяшка (основное значение – `пирог из макарон`) и т. д.

Система стереотипов и ассоциаций, выражающая совокупность взглядов, идей, устоявшихся образов, является неотъемлемой частью миропонимания отдельного человека или целого лингвосоциума. Языковые единицы с коннотативным значением служат одним из средств, которое воплощает данные представления (часто необоснованные, порой архаичные) и используется для преднамеренной атрибуции положительной или отрицательной оценки объекту высказывания.

2.2.4. Корреляция понятий «коннотация» и «оттенок значения слова»: стилистический аспект

Принадлежность коннотации к терминологической номенклатуре различных наук обусловила существование таких словосочетаний и сложносоставных слов, как «культурные коннотации», «этноконнотации», «экспрессивные коннотации», «стилистические коннотации», «эмоциональные коннотации» [Кислицына, 2020 (б) : 105] и др. Заметим, что использование определения перед словом «коннотация» маркирует определяемое слово, указывая на аспект его рассмотрения, но при этом не меняя суть самого явления. Повторим, что коннотация, по нашему мнению, – это «эмоционально-оценочный компонент лексического значения слова, возникший в процессе метафорического переосмысления и служащий для выражения отношения человека к объекту или субъекту речи, отражения его психологического состояния» [Кислицына, 2018 : 63].

В сфере стилистики, филологической дисциплины, «изучающей употребление языка» [Винокур, 1959 : 224], коннотацию часто определяют как стилистическое значение, оттенок или окраску значения слова [Ризель, 1980; Setiani, 2020]. Специфическим свойством стилистики является то, что она находится на стыке наук о языке, таких как лексикология и грамматика, основным принципом которых является рассмотрение языка как системы, и наук о речи (прагматики, коммуникативистики, риторики), основной целью

которых является изучение языка в действии. Такая двойственность породила немало разногласий по поводу статуса стилистики как науки, а также сказалась на трактовке предмета нашего исследования – коннотации. Соответственно, некоторые ученые считают коннотацию «факультативным элементом вербализации паралингвистических явлений» [Зуева, 2005 : 5], паралингвистическим коммуникативно значимым явлением [Потапова, 1997], имеющим косвенное отношение к теории значения языковых единиц. По их мнению, в значение слова она не входит, так как является порождением контекста и в системе языка не фиксируются из-за случайности, спорадичности своего появления в процессе функционирования языка. Однако если сопоставить коннотацию со стандартно выделяемыми видами паралингвистических средств [Кипяткова, Верходанова, Ронжин, 2012 : 17], то становится очевидным, что она не является ни фонационным, ни кинетическим, ни графическим средством.

Для выявления специфики коннотативного значения языковых единиц рассмотрим метафору и метонимию, но не как «два самых богатых источника лексической многозначности» и не как «универсальные инструменты когнитивной деятельности» человека [Зализняк, 2006 : 57], позволяющие в результате семантико-когнитивного анализа продемонстрировать особенности языковой картины мира носителей языка, а в качестве единиц стилистического инструментария.

В рамках стилистики метафора и метонимия – это тропы, стилистические средства или фигуры, которые используются для придания образности речи (устному тексту) или художественному/публицистическому произведению (письменному тексту) для достижения эмоционального воздействия на слушателя или читателя [Rao, 2017]. Стилистическая значимость метафоры и метонимии заключается в возможности образовывать переносные значения, которые обладают специфическими эмоционально-оценочными **оттенками**. На этот факт следует обратить особое внимание, так как он обуславливает возможность считать коннотацию свойством,

характерным для языковых единиц или выражений, рассматриваемых в аспекте стилистики. Так, А. И. Горшков утверждает, что «добавочное значение, в том числе и стилистическую **окраску** слова, принято называть коннотативным значением, или коннотацией» [Горшков, 2001 : 37].

Сами слова «оттенок», «окраска» являются метафорами, употребление которых является своеобразным сигналом о существовании особой зоны неопределенности или многозначности. «Использование метафоры раскрывает одну из ее особенностей – влияние на восприятие реальности искаженным образом» [Кислицына, 2019 : 83]. Это свойство метафоры базируется на ее дву- или в некоторых случаях многосмысленности, что позволяет говорящему избежать упреков или жесткой критики своей позиции, своих научных взглядов со стороны оппонентов.

Существующее многообразие стилистической классификации лексики обуславливает возможность «размывания» понятия коннотации в данной сфере, использования его в очень широком понимании, когда фактически каждое слово – канцеляризм, профессионализм, поэтизм, устаревшее слово, неологизм – определяется как коннотативно маркированное. Это влечет за собой десемантизацию и детерминологизацию понятия коннотации, так как оно начинает употребляться для характеристики любых явлений, где присутствует экспрессивность, образность, эмоциональность, оценочность или неопределенность, возникающая из-за особых обертонов, вложенных автором в контекст.

Без уточнения, что не каждое добавочное значение и не каждую стилистическую окраску следует определять как коннотацию, подобные утверждения распространяются на всю систему языка, и о коннотации говорят как о стилистическом явлении вообще. Действительно, стилистически окрашенным может стать любое слово языка, попадающее в нехарактерный, нестандартный контекст.

Прежде чем проиллюстрировать позицию автора настоящего исследования на возможный вариант рассмотрения коннотации в аспекте ее

стилистической значимости, обратим внимание на ряд обстоятельств, характерных для функционирования коннотативно окрашенных языковых единиц.

Во-первых, применение стилистически маркированных слов принято изучать на материале устных или письменных текстов, анализируя потенциально возможный эффект их употребления: использование стилистических средств обусловлено намерением говорящего/пишущего создать выразительное, экспрессивное произведение или текст, способный вызвать соответствующий образ и повлиять на мировосприятие адресата.

Во-вторых, стилистическое значение и коннотативное значение слова, как правило, вторичны по отношению к основному значению базового слова, а вторичные, переносные значения имеют значительную степень зависимости от макро- (вплоть до интертекстуального уровня) и микроконтекста.

В-третьих, для оптимальной корреляции понятия «коннотация» и «стилистическое явление» (оттенок значения, стилистическая окраска слова и др.) считаем необходимым отметить существование двух типов стилистики: 1) системную стилистику, охватывающую весь стилистический инвентарь в виде многочисленных стилистических приемов и средств, классифицированных разными авторами в соответствии с их научными позициями, и 2) стилистику активного узуса, или стилистику в действии [Винокур, 1980], когда стилистически маркированной (в соответствии с намерением автора и некими лингвистическими особенностями ситуации общения) может стать любая языковая единица, не имеющая никаких стилистических помет, переносных значений и т. п. в словаре. Эти размышления приводят к необходимости интегративно использовать парадигматический и синтагматический подход при «диагностике» качественных характеристик коннотации.

С целью выявления специфики соотношения характеристик коннотативного и стилистического значения слова был проведен опрос

информантов в формате анкетирования⁸. Эксперимент проводился с привлечением двух групп информантов: 1) носителей русского языка, искусственных билингвов (русский и английский языки), 2) носителей иных языков со знанием английского языка.

Первой группе информантов, состоящей из восьмидесяти семи человек, обучающихся в возрасте от 18 до 23 лет, было предложено определить в предварительно подготовленном списке слов наличие и характер следующих критериев: степень эмоциональности, метафоричность, внутренняя форма слова, образность, экспрессивность (степень интенсивности) и оценка. В анкете в качестве пояснительных комментариев содержалась краткая информация о сущности каждого критерия (пример анкеты прилагается к работе в качестве Приложения А).

Анкета, составленная в виде таблицы, включает по вертикали парадигмально представленные стилистически маркированные синонимы русского языка с общим значением «неловкий, неуклюжий, неповоротливый, ленивый человек-неудачник», а также его коэквиваленты на английском языке. В горизонтальном измерении были приведены характеристики-критерии, присущие коннотативному и стилистическому значению. Итоговый вертикальный столбец содержит суммарную цифру баллов, присуждаемую соответствующему слову на основании мнения информанта.

В качестве источников языкового материала использовались данные Словаря русских синонимов [СРС, 2020] – синонимический ряд слов, маркированных стилистическими пометами (*перен.*, *разг.*, *прост.*, *бран.*, *шутл.*, *устар.*, *обл.*). Наличие соответствующих помет дополнительно уточнялось по данным трех толковых словарей русского языка [Ожегов, 1975; СРЯ, 1985–1988; ТСРЯ (б), 2020].

Отбор слов-эквивалентов осуществлялся по электронным переводным русско-английским словарям с применением прямого и обратного перевода.

⁸ Использование анкетирования – одного из наиболее распространенных в социологии и психологии методов – позволяет получить достаточные данные для количественно-качественной интерпретации и характеристики объекта исследования.

Ключевым словом анализируемого синонимического ряда было определено слово *увалень*, основное значение которого – «неловкий, неуклюжий, неповоротливый, медлительный в движениях человек» [Ожегов, 1975 : 754] – в той или иной степени отражено в словарных толкованиях всех представленных в опроснике единиц.

Критерием отбора языкового материала как для проведения анкетирования, так и для выявления универсалий и специфических характеристик реализации КЗЯЕ, являлась, в первую очередь, принадлежность анализируемых языковых единиц к ядру языкового сознания. Это понятие функционирует в домене психолингвистики и связано с понятием «ядро внутреннего лексикона» А. А. Залевской [Залевская, 2007], соотносится с информацией, имеющийся в национальных ассоциативных словарях, и представляет системность знаний, отражающих видение мира, свойственное определенной лингвокультуре. Дополнительным критерием являлось вхождение слова в средний (Intermediate) уровень знания языка, т. е. это слова, которые не должны вызывать трудности при переводе иноязычными реципиентами.

В состав синонимического ряда вошли следующие стилистически маркированные языковые единицы: *мешок* 47 с. (15048 ч., *разг.*), *медведь* 45 с. (11668 ч., *перен., разг.*), *увалень* 8 с. (282 ч., *разг.*), *пентюх* 107 с. (56 ч., *прост., бран.*), *тюлень* 22 с. (1366 ч., *перен., разг., шутол.*), *нескладеха* 9 с. (8 ч., *разг.*), *слон в посудной лавке* 10 с. (-ч.), *телепень* 71 с. (-ч., *устар., обл.*), *лох* 92 с. (1459 ч.).

Состав итогового синонимического ряда, включенного в таблицу, насчитывает семь слов, соответствующих отдельным, стилистически окрашенным значениям многозначного слова.

Цифра рядом со словом, сопровождаемая индексом «с.», обозначает количество синонимов у данного слова; цифра, заключенная в круглые скобки, сопровождаемая индексом «ч.», обозначает количество словоупотреблений данного слова на 300 млн. слов. Каждое слово

сопровождается соответствующей стилистической пометой, отмеченной в словаре.

Отметим, что частота употребления языковой единицы не предполагает ее употребления именно в значении «неловкий, неуклюжий, неповоротливый, медлительный в движениях человек», однако она указывает на семантическую значимость данного слова, «функциональный вес» [Коростелева, 2013 : 3] в системе языка.

Результат обработки индивидуальных анкет представлен в Таблице 2.1. Цифра, стоящая в ячейке после слова, показывает итоговое количество баллов, которые информант посчитал необходимым поставить в своей анкете-опроснике, исходя из наличия/отсутствия определяемых характеристик.

Таблица 2.1.

Количество баллов, набранных стилистически маркированными языковыми единицами

№	Семема	Итоговое количество баллов, набранных стилистически маркированными языковыми единицами																												
		1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.	11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.	21.	22.	23.	24.	25.				
1.	Увалень	3	3	4	3	3	3	3	3	3	5	5	3	3	5	3	3	3	4	4	3	4	4	3	4	5				
2.	Мешок	4	3	3	3	2	3	3	2	6	1	4	4	6	3	3	3	2	6	1	4	4	6	6	4	4				
3.	Медведь	4	4	3	5	4	4	4	5	3	2	6	2	3	5	4	5	4	4	4	5	3	6	6	5	6				
4.	Пентюх	4	4	2	1	2	4	3	1	2	5	3	5	4	4	4	2	5	3	5	4	4	2	2	4	3				
5.	Loser	4	4	5	4	3	4	6	4	3	3	5	2	6	5	5	4	3	4	6	4	5	4	3	3	5				
6.	Dumpling	1	4	2	4	4	4	4	4	4	3	3	4	6	0	1	4	2	4	4	4	4	4	4	3	3				
7.	Laggard	3	6	3	1	3	3	4	0	3	6	2	2	3	1	2	5	4	1	3	3	4	0	3	2	2				
№	Семема	Итоговое количество баллов, набранных стилистически маркированными языковыми единицами																												
		26.	27.	28.	29.	30.	31.	32.	33.	34.	35.	36.	37.	38.	39.	40.	41.	42.	43.	44.	45.	46.	47.	48.	49.	50.				
1.	Увалень	3	3	4	4	5	4	4	3	3	3	5	5	3	3	5	3	3	3	3	3	3	3	5	5	3				
2.	Мешок	4	3	3	5	6	5	4	4	6	3	3	2	6	4	4	3	3	3	2	3	3	2	6	5	4				
3.	Медведь	4	5	4	4	4	5	5	4	6	6	6	4	3	5	4	4	3	5	4	4	4	5	3	4	4				
4.	Пентюх	3	4	2	1	2	4	3	1	2	5	3	5	4	4	4	4	2	1	2	4	3	1	2	5	3				

5.	Loser	5	4	3	4	6	4	6	4	5	4	3	4	6	4	5	4	5	4	6	4	6	4	5	4	3
6.	Dumpling	1	4	2	4	4	4	4	4	4	3	3	4	6	0	1	4	2	4	4	4	4	4	4	3	3
7.	Laggard	3	3	3	1	2	0	0	0	3	4	2	2	3	1	3	3	4	2	2	3	1	3	0	6	2
№	Семема	Итоговое количество баллов, набранных стилистически маркированными языковыми единицами																								
		<i>Номер анкеты</i>	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68	69	70	71	72	73	74
1.	Увалень	4	4	3	3	3	5	3	3	4	3	3	3	3	3	3	4	3	3	4	4	4	3	3	5	5
2.	Мешок	4	3	3	6	6	3	4	3	3	5	6	4	4	2	6	3	4	2	6	3	5	3	5	4	4
3.	Медведь	4	4	3	5	4	4	4	5	3	5	4	4	4	5	3	5	5	5	4	4	4	5	6	4	4
4.	Пентюх	2	3	4	4	3	2	3	2	2	3	3	3	4	3	4	4	2	1	2	4	3	1	2	1	3
5.	Loser	6	5	6	4	5	4	3	6	4	6	5	4	6	5	4	4	5	4	3	4	6	4	6	3	5
6.	Dumpling	1	4	2	4	4	4	4	4	4	3	3	4	6	0	1	4	2	4	4	4	4	4	4	3	3
7.	Laggard	3	6	3	1	3	3	4	0	3	6	2	2	3	1	3	6	3	1	3	3	4	0	3	6	2
№	Семема	Итоговое количество баллов, набранных стилистически маркированными языковыми единицами																								
		<i>Номер анкеты</i>	76	77	78	79	80	81	82	83	84	85	86	87	Итого											
1.	Увалень	4	4	4	3	3	3	3	3	3	5	4	3	310												
2.	Мешок	4	4	3	5	4	3	3	2	5	5	4	4	333												
3..	Медведь	4	4	6	5	4	4	5	5	3	5	6	4	377												
4.	Пентюх	3	2	2	2	2	4	3	4	3	5	3	5	262												
5.	Loser	4	5	5	4	4	4	6	4	3	5	5	2	384												
6.	Dumpling	1	4	2	4	3	4	4	4	4	3	3	4	292												
7.	Laggard	2	2	3	1	1	3	4	0	3	5	2	2	227												

Итоговые данные можно представить в формате диаграммы, не только наглядно демонстрирующей результат соотношения семантических компонентов, образующих значение отдельного слова, но и отражающей микрофрагмент языкового сознания, характерный для определенной общественной группы, интегрирующий ментальные и образные знания и раскрывающий концептуальную природу каждого анализируемого слова.

Анализ Диаграммы 2.1. показывает, что слово «пентюх» (262 балла), выражающее отрицательную оценку и определенную степень эмоциональности (в соответствии с данными толковых словарей данное слово определяется как бранное), уступает по количеству набранных баллов

всем синонимам русского языка. Предположительно, отсутствие прозрачной внутренней формы, относительно низкая частотность не позволили информантам определить наличие образности и метафоричности у данной языковой единицы.

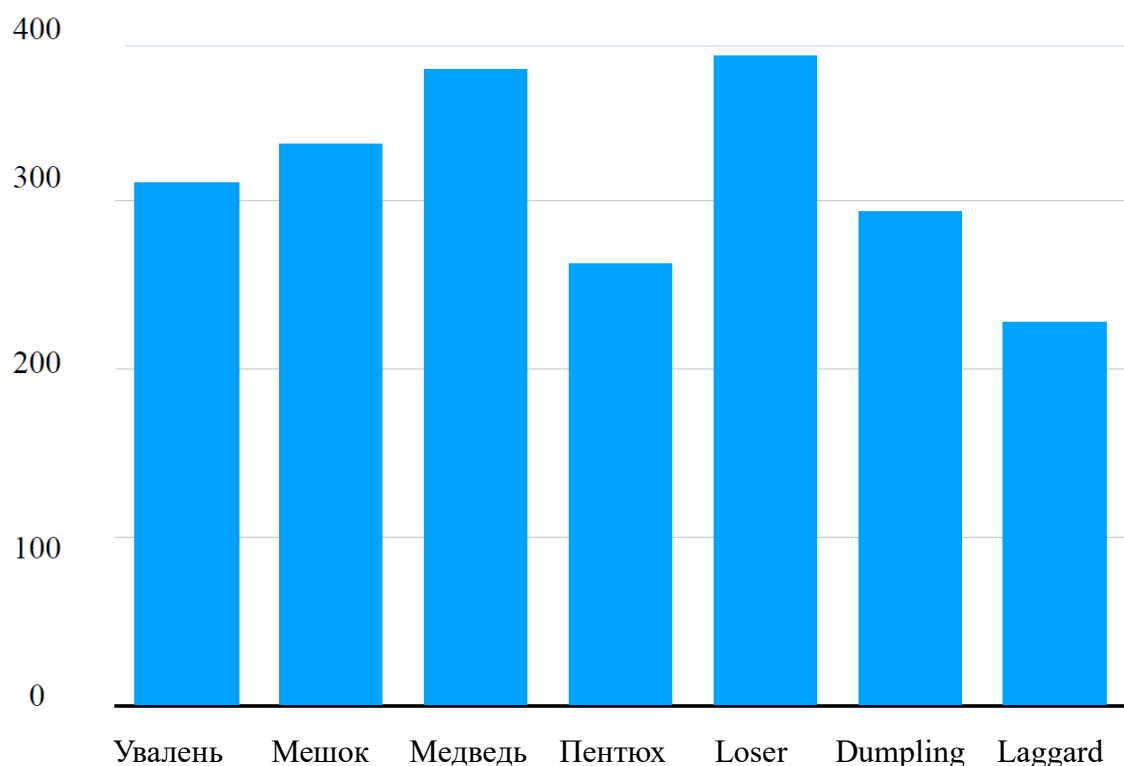

Диаграмма 2.1. Диаграмма баллов, набранных стилистическими синонимами русского и английского языка

Мало кто из современных носителей языка, не являющихся филологами-профессионалами, знает о предполагаемой связи данного слова с именем собственным Пантелей, которое было популярно в свое время в низких социальных слоях, либо о существовании иного этимологического варианта происхождения данного слова: корень *пень* + суффикс *-ух*.

Слово «увалень» (310 баллов), выражающее отрицательную оценку, определенную степень эмоциональности, а также обладающее прозрачной внутренней формой для носителей языка (валить, заваливать), не воспринимается как метафора и, следовательно, с точки зрения информантов, не обладает соответствующей экспрессивностью.

Наиболее экспрессивными, обладающими прозрачной внутренней формой, яркой образностью и оценочностью, по мнению информантов, являются слова «медведь» (377 баллов) и «мешок» (333 баллов), их переносные коннотативные значения. Будучи употребленными в речи/тексте для характеристики субъекта речи, они демонстрируют эмоциональное отношение говорящего к сообщаемой информации, желание убедить реципиентов информации разделить точку зрения и оценочное отношение автора.

Анализ результатов анкетирования позволил сделать наблюдения относительно понимания значения и определения эмоционально-оценочной значимости английских слов-коэквивалентов «loser», «dumpling», «laggard» искусственными билингвами, у которых в качестве основного языка повседневного общения выступает русский, а приобретенного языка – английский.

Слово «loser», определенное в качестве возможного переводного варианта слов русского языка с общим значением «неловкий, неуклюжий, неповоротливый, ленивый человек-неудачник», набрало максимальное количество баллов. Возможным объяснением такого результата может служить качественный состав информантов, в подавляющем большинстве представляющий университетское сообщество в возрасте 18–23 лет.

Необходимо отметить, что данное слово было заимствовано в русский язык и успешно ассимилировалось на фонетическом, лексико-семантическом и графическом уровнях языковой системы, о чем свидетельствуют как данные НКРЯ, так и результаты проведенного нами эксперимента. В то же время нынешние носители русского языка, все еще ощущают некий экзотизм и престижность слова *loser*, обусловленные претензией на компетентное владение языком – источником данного заимствования, что и определяет

широкое употребление данного слова в соответствующих возрастных группах и его относительно высокую частоту употребления⁹.

Слово «dumpling»¹⁰ представляет собой один из возможных переводов слова «увалень» (наряду, например, со словом «potato»). Его расположение на шкале баллирования является третьим с конца, не уступая лишь слову «пентюх» и «laggard». Возможным объяснением такого результата может служить то, что при переводе данного слова на русский язык носители русского языка как языка, доминирующего в повседневном общении (primary language), встречаются с привычным и широко распространенным наименованием национального блюда, образ которого легко вписывается в представление о чем-то «не обладающем четкой формой, требующем ловкого обращения в силу своей консистенции и правил приготовления». Слово-стимул при переводе на иной язык приобрело «поддержку» в виде культурно значимого явления, «вписалось» в рамки распространенных стереотипов, отраженных в языке принимающей культуры. Слово «пентюх», занимающее предпоследнее место на шкале баллирования, было отмечено большинством информантов как лишенное экспрессивности и не обладающее внутренней формой, его «непопулярность» среди информантов находит подтверждение в самой низкой частоте употребления, отмеченной в группе анализируемых слов. Смысловая связь между данным словом-стимулом и ожидаемой на него реакцией отсутствует (за исключением единичных ответов).

Слово «laggard» («неповоротливый, медлительный, вялый человек, увалень» [БАРС, 1987 : 901]) заняло последнее место на шкале баллирования в соответствии с результатами обработки анкет информантов. При этом, по данным переводных словарей, его лексикографическое толкование наиболее полно соответствует толкованию слова «увалень». Таким образом,

⁹ Особенно в период с 2010 по 2015 г. по данным основного корпуса и газетного подкорпуса НКРЯ.

¹⁰ Из процедуры анализа намеренно исключены возможные сленговые и вульгарные значения исследуемых слов.

наблюдения показывают, что при поиске межъязыковых синонимов¹¹ коннотация языковых единиц часто остается вне поля внимания коммуникантов, что приводит к потере важных смысловых компонентов слова, высказывания, текста и дискурса в целом.

Проведение опроса информантов во второй группе испытуемых – шестидесяти трех носителей иных языков со знанием английского языка (опрос проводился среди студентов амстердамского университета [University of Amsterdam], факультета Communication Science с уровнем знания английского языка не ниже IELTS Academic 6.5, TOEFL 92, не владеющих русским языком) – осуществлялся по аналогичной системе, за исключением поданных в анкете слов русского языка. Вместо слов «увалень», «мешок», «медведь», «пентюх» в анкету были включены их контекстно-словарные соответствия – «lummoх», «sack», «bear», «bungler».

Опрос информантов был осуществлен дистанционно, с помощью программного обеспечения Google Forms. Суммарные результаты подсчета итоговых баллов анкетирования представлены в Таблице 2.2. Данная таблица является аналогом Таблицы 2.1., за исключением подачи *всего* массива итоговых данных из шестидесяти трех анкет.

Таблица 2.2.

Итоговое количество набранных баллов стилистических синонимов английского языка и переводных эквивалентов слов «увалень», «мешок», «медведь» и «пентюх»

№	Семема	Итоговое количество набранных баллов
1.	lummoх	272
2.	sack	182
3.	bear	200
4.	bungler	222
5.	loser	314
6.	dumpling	296
7.	laggard	216

¹¹ Межъязыковые синонимы – слова-эквиваленты разных языков, обладающие максимально возможной степенью тождественности.

Итоговые данные (итоговое количество набранных баллов), расчет которых был выполнен с использованием программы «Numbers», представленные в формате диаграммы, выглядят следующим образом:

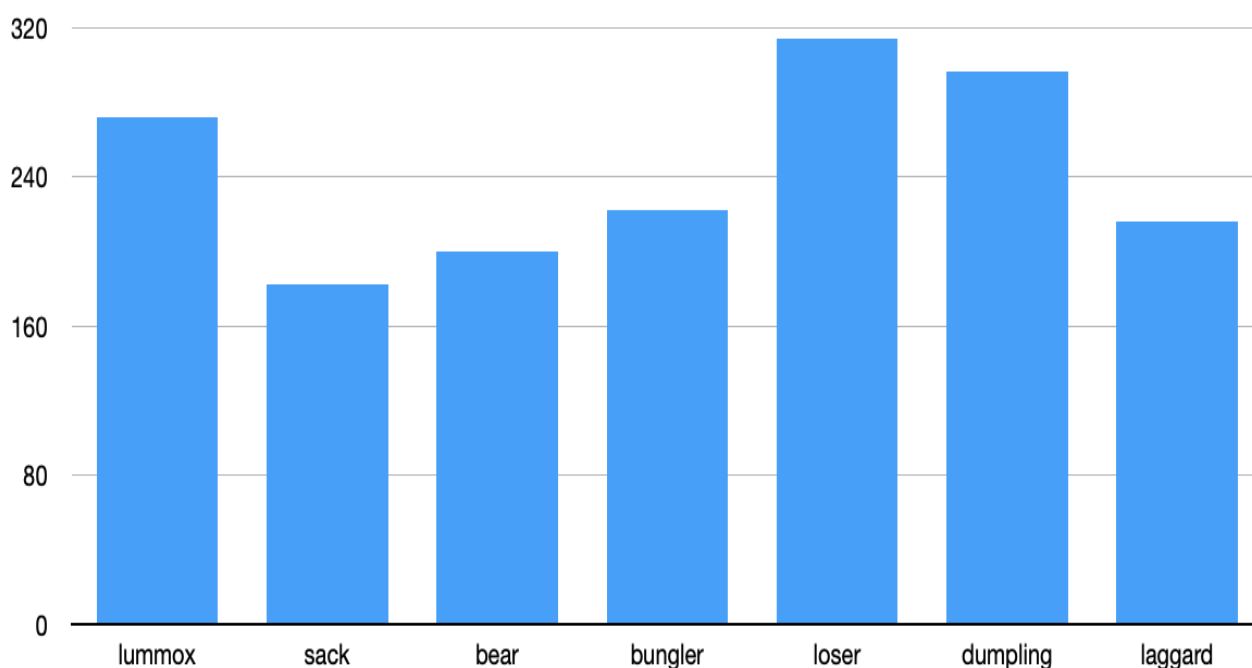

Диаграмма 2.2. Баллы, набранные стилистическими синонимами английского языка и переводными эквивалентами слов «увалень», «мешок», «медведь» и «пентюх»

Слово «loser» (314 баллов) набрало максимальное количество баллов. Возможным объяснением такого результата может служить его интернациональный характер. Данное слово было заимствовано и успешно ассимилировалось во многих европейских и неевропейских языках. «Loser», обладающее большим эмоционально-оценочным потенциалом и легко осознаваемой внутренней формой, активно используется в устном и письменном дискурсе, так как понятно всем участникам коммуникации, использующим английский язык как *lingua franca*.

Слово «dumpling» (296 баллов), находившееся в конце списка результатов предыдущего анкетирования, переместилось на вторую позицию настоящего опроса, а следом за ним идет слово «lummoх» (272 балла), представляющее один из вариантов перевода слова «увалень». Возможным

объяснением такого результата может служить то, что при переводе данных слов на основной язык повседневного общения (primary language) информанты, для которых английский язык является вторым языком, ориентируются на словарные толкования в качестве приоритетных.

Слова «bungler» (222 балла) и «laggard» (216 баллов), замыкавшие список баллирования слов в предыдущем опросе, заняли соответственно четвертое и пятое место.

Слова «bear» (200 баллов) и «sack» (182 балла), являющиеся переводными эквивалентами русских слов «медведь» и «мешок», лидировавшие в предыдущем опросе, замыкают список баллирования. Они не рассматриваются информантами как лексические единицы, обладающие эмоционально-оценочным значением и экспрессивным потенциалом.

Сравнительный анализ результатов двух опросов-анкетирований, представленный в формате таблиц и диаграмм, подтвердил выдвинутую гипотезу о непреднамеренном исключении коннотации языковых единиц из поля зрения иноязычных коммуникантов. Неосознанное упущение данного компонента значения приводит к искажению смысла и коммуникативному диссонансу.

Существует мнение, что стилистическая коннотация или, как ее называют сторонники рассмотрения коннотации как стилистического явления, оттенок значения, реализуется, если один из параметров (эмоциональный, экспрессивный, оценочный и др.) задействуется в определенном контексте.

Однако, как показали результаты анкетирования, для полноценной актуализации коннотативного значения необходимо, чтобы весь комплекс обозначенных критериев «работал» одновременно. Иначе следует говорить о стилистически маркированном слове (разговорном, диалектном и т. д.), но не о языковой единице, коннотирующей определенные свойства и качества субъекту или объекту высказывания.

Примером для подтверждения валидности данной точки зрения могут служить термины, устаревшие слова и историзмы. С точки зрения стилистики и в соответствии с данными лексикографических источников слова, относящиеся к вышеназванным группам, являются стилистически маркированными: в словарях они сопровождаются стилистическими пометами, употребляются в определенных функциональных стилях. Однако они не выражают отношения говорящего, его оценку сообщаемой информации, лишены в естественных контекстах экспрессивности и эмоциональности, не нацелены на оказание определенного влияния на реципиента. Поэтому мы не считаем их коннотативно окрашенными. Например:

*Там же находились **кольчуга-юшмань**, стальной **шлем**, топор, инструмент для починки и подковы, запасные сапоги из грубой конской кожи* [Салимов, 2010].

*Основным является **оцинкование (гальванизация)** металлических изделий для придания **антикоррозийных** свойств* [Цинк, 2004].

В аспекте стилистического рассмотрения такие слова являются маркерами определенных функциональных стилей: научного, художественного, публицистического и др. Историзмы и устаревшие слова служат для воссоздания образа исторических событий, но ни экспрессивности, ни оценки в этих контекстах не наблюдается.

Важным дополнительным критерием определения коннотативности языковой единицы является синтагматический параметр: контекст, сочетаемость с определенными единицами при линейном развертывании высказывания. Так, если поменять контекст употребления терминологичных слов «цинковый» или «цинк», то возможно появление отрицательного коннотативного значения, обладающего огромной экспрессивностью и глубоким латентным содержанием (изуродованные тела погибших в результате катастрофы или военных действий, невозможность опознания и т. п.):

*Только так – в двойной защите **цинка** и дуба – полагается везти через границы: из Ватикана в Россию. Вокруг смерти завился странный разговор о том, что изношенное сердце отказало мгновенно, но не случайно: после чашечки кофе, поднесенной за папским завтраком. Говоривший опровергал нелепый слух, но услышавшие повторяли, и слух обрастал подробностями, каждая из которых летела вперед и множила домыслы [Чижова, 2002].*

*Хоть и писалось, что при исполнении, но не писалось, что геройски. Убивалась горем мать, но сквозь **цинк** не чувствуя тела родимого, не зная, а потому так и не веря, что он лежит в той **цинковой** обертке, – казалось, что смолкнет, прекратит плакать и, одумавшись, отойдет в сторонку от гроба [Олег Павлов. Дело Матюшина (1996)].*

*Восемь-десять таких псевдоальпинистов и горе-скалолазов каждый год отбывают отсюда в запаянных **цинковых** гробах [Дружников, 1997].*

*Этих подробностей Баваля не знала, но слухи о **цинковых** гробах из Афганистана до нее доходили, и она жила в ожидании и страхе [Войнович, 2000].*

Таким образом, представляется, что ограничение коннотации рамками стилистики, определение ее как сопутствующего свойства стилистических приемов и средств выразительности не способствует целостному пониманию феномена лингвистической коннотации: оно выхолащивает, низводит до элементарного уровня, максимально упрощает и тем самым уменьшает значимость коннотации в системе языка и речи.

Феномен коннотации неслучайно оказался в фокусе исследований такого большого количества разнообразных дисциплин: его исследование не может быть сведено исключительно к функционально-семантическому анализу отдельных языковых единиц. Для целостного представления коннотации необходимо привлечение знаний из области прагматики, теории речевых актов, речевого воздействия, риторики, теории коммуникации и информации [Кислицына, 2018 (6) : 61].

2.2.5. Корреляция понятий «коннотация» и «средство речевой выразительности»: прагматический аспект

Знания основных принципов использования языка в определенных коммуникативных ситуациях, а также навыки, свидетельствующие об уровне прагматической компетенции участников коммуникации, их коммуникативных намерениях, имеют большую значимость в аспекте исследования взаимосвязи коннотативного значения и смежных лингвистических явлений. Использование средств речевой выразительности, оценочной лексики (прагматический смысл которой заключается в навязывании адресату мнения адресанта), применение риторических фигур для достижения красноречия и убедительности, а также соблюдение правил построения речи/текста являются очень важными компонентами коммуникации с прагматической точки зрения. «В данном ракурсе коннотативно окрашенные единицы приобретают особую значимость, так как они оказывают сильное воздействие на адресата, влияют на его эмоциональное состояние, систему ценностей, отношения и, в конечном счете, сказываются на его последующих действиях» [Кислицына, 2015 : 510].

В процессе становления прагматики как науки, формирования терминологического аппарата, определения предмета, объекта, целей и задач, совершенствования методики проведения ассоциативных экспериментов, показавших значимость рационально-оценочных, ассоциативно-образных, стилистических и культурно-национальных факторов для формирования значения слова и текста, термин «коннотация» прочно закрепился в ее терминологической номенклатуре.

Одной из наиболее репрезентативных сфер оказания прагматического влияния и использования коннотативно маркированных единиц является сфера политической коммуникации. Внимание к выступлениям политических лидеров оказывается не только со стороны их электората или оппонентов, но и со стороны специалистов из различных областей знаний [Кислицына,

2018 (б) : 60–64]. Особый интерес тексты выступлений политических лидеров вызывают у лингвистов-теоретиков и практиков. Последние, как правило, входят в коллективы профессиональных спичрайтеров, а лингвистов-теоретиков больше занимают вопросы искусства использования языковых средств для достижения требуемого прагматического эффекта.

В определенном смысле языковые средства являются инструментарием в руках опытных пиар-менеджеров, которые используют их для создания «проплаченного продукта» – текста, способного вызвать востребованную реакцию и оказать необходимый эффект на электоральные массы.

Стилистические приемы и средства, коннотативно маркированные языковые единицы определяются автором настоящего диссертационного исследования как инструментарий для того, чтобы подчеркнуть существующий прагматико-утилитарный подход к творческой работе, в процессе которой «создание идеального, возвышенного, политически корректного, того, что в англосаксонской лингвистической традиции называется “sensitive information” или “sensitive texts” [Sims, 1997: 10–26], превращается в поточное производство информационно-новостного продукта, так же, как производится любой другой товар» [Кислицына, 2018 (б) : 60].

При отборе выступлений известных политиков в качестве источника языкового материала автор настоящего диссертационного исследования руководствовалась критерием «значимости авторитета», когда оратором выступает личность, внушающая доверие и ассоциируемая с национальными ценностями и идеалами. Известно, что выступающий политик представляет интересы своей партии или страны в целом, выражает взгляды определенного социума, поэтому внимание уделяется не только каждому слову и фразе, но и логистике подачи информации, структуре текста. Авторитет презентатора выступления оказывается важным фактором в потоке пропаганды и оказания идеологического воздействия на сторонников и оппонентов.

Отметим, что исследование лингвистической специфики текстов выступлений политических лидеров предполагает, во-первых, целостное исследование текста с учетом лексической и синтаксической семантики, знаний в области теории речевых актов, речевого воздействия и риторики. В этом аспекте значимой представляется работа А. Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика», в которой автор представляет методы, используемые для анализа текстов СМИ, ставших предметом судебных разбирательств [Баранов, 2009].

Во-вторых, необходимо привлечение знаний из области теории коммуникации и информации, принципов проведения пиар-кампаний.

В-третьих, по очередности (не по значимости) в такое исследование следует конвергировать знания и методы из когнитивной науки, так как тексты выступлений политических лидеров нацелены на коррекцию мировидения и мировоззрения адресатов, воздействие на их сознание. В этом ракурсе заслуживающими особого внимания представляются рассуждения В. З. Демьянкова о когнитивном статусе понимания как «интерпретативной деятельности», аксиологически и культурно обусловленной. При этом интерпретация текста «предстает перед нами как занятие, связанное с решением интеллектуальной задачи – с распознаванием значения, иногда глубоко спрятанного» [Демьянков, 2016 : 8].

Важным представляется также учет культурной составляющей, так как тексты выступлений политических лидеров часто нацелены не только на внутреннего «потребителя», но и на внешнего. В этом аспекте знание этноспецифических концептов «культурогенных» феноменов, аксиологических констант является ключом для постижения «иной ментальности». В одноименной монографии, подготовленной группой авторов (В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Граборова) высказывается созвучная мысль о том, что «Сопоставительные лингвокультурные исследования по своей гуманитарной сущности представляют собой разновидность критической лингвистики – науки о

языке, направленной на разоблачение предупреждений и построенных на предубеждениях коммуникативных манипуляций» [Иная ментальность, 2005 : 5], что сближает указанный труд с лингвистической экспертизой текста.

В аспекте анализа прагматической функции коннотации особо репрезентативным представляется анализ выступлений Барака Обамы. По уровню риторического таланта и ораторских способностей Б. Обаму часто сравнивают с Ф. Рузвельтом, Дж. Ф. Кеннеди, Р. Рейганом и Б. Клинтон, умело манипулировавшими общественным мнением. Несмотря на то, что некоторые взгляды этих политиков кардинально отличались (например, расовые предрассудки А. Линкольна), то общее, что объединяло содержание их выступлений, отражается в следующих ключевых словах и фразах: *land of freedom, land of opportunity, American Dream, perfection of America, democracy*. Интересно отметить, что реалии имплементации этих ценностей подвергаются жесткой критике в книге Н. Хомского, последовательно анализирующего следование высшего руководства США этим принципам на практике [Chomsky, 2017].

Рассмотрим несколько примеров актуализации коннотативного значения с целью создания положительного имиджа своего государства и отрицательного имиджа государства-конкурента в выступлениях экс-президента США. Все содержание речей Б. Обамы свидетельствует об однозначной фокусировке на внутренних проблемах Америки и лишь фрагментарно – на ее внешних интересах. Доминирующими темами являются: превосходство американцев над другими нациями, Америка как пример для подражания для других стран, американские ценности (свобода, демократия, независимость), экономическое процветание Америки, неприемлемость религиозных и расовых предрассудков.

Иные страны мира либо вообще не упоминаются в выступлениях Б. Обамы, либо используется их собирательное название: Европа или Европейский Союз. Так, самые крупные и передовые европейские страны

Германия, Франция, Италия, Польша, например, не упоминаются ни разу. Чаще всего в публичных выступлениях Б. Обамы упоминаются Иран и Россия. На эти две страны, по мнению американского экс-президента, должно было оказываться усиленное влияние внешней политики США.

Каким образом это влияние должно оказываться и в каком образе в речах Б. Обамы предстает Россия, можно судить по следующим цитатам.

*«I will also renew the **tough**, direct diplomacy that can prevent Iran from obtaining nuclear weapons and **curb Russian aggression**»* [We are the change we seek. Obama, 2017 : 82].

В данном фрагменте используется комплекс приемов для создания специфического образа России. Учитывая, что Иран в публичных выступлениях Б. Обамы представлен как воплощение «вселенского зла», введение России в один контекст с Ираном соответствует приему, который называется «замазывание» [Баранов, 2009 : 179]. Адресат – американец, чья когнитивная система уже подготовлена к приему информации, хорошо согласуемой с его предыдущими знаниями. Данный прием можно отнести к имплицитным приемам воздействия, он подсознательно создает ассоциативный ряд с отрицательно окрашенными единицами.

Отрицательная коннотация контекста усиливается и за счет эксплицитного использования языковых единиц: слово «агрессия», толкуемое как «нападение одного государства на другое с целью захвата территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику» [СРЯ, 1985 : 24], однозначно создает отрицательную семантическую импликацию, которая закрепляется на синтаксическом уровне благодаря употреблению сочетания слов «Russian aggression». Свои действия Б. Обама определяет как «curb» – «надеть узду, обуздать», то есть он планирует сдержать агрессию и агрессора, проводить жесткую (*tough*) и прямолинейную (*direct*) политику по отношению к Ирану. Использование метафоры открывает бесконечные просторы для прочтения мысли автора (подробнее о когнитивно-дискурсивной теории метафоры

см. Коновалова, Зейферт, 2018). Сила метафоры заключается в ее поистине неограниченном семантическом потенциале.

В следующем фрагменте Россия «помещается» в ряд стран, обладающих значительным запасом ядерного оружия, которое Б. Обама пытается сократить. На этот раз используется синоним *curb – reduce* – «сократить»: «*And I am working with President Medvedev to **reduce** America`s and Russia`s **nuclear stockpiles***» [Obama, 2017 : 159]. Регулярное повторение одной и той же информации определяется как прием концентрации, который приводит к «успешной онтологизации знания» [Баранов, 2009 : 223]: «*At the same time, we`ll **engage Russia to seek further reductions in our nuclear arsenals, and continue leading the global effort to secure nuclear materials that could fall into the wrong hands – because our ability to influence others depends on our willingness to lead and meet our obligations***» [Obama, 2017 : 227].

Б. Обама создает негативный образ России – агрессора, обладающего большим ядерным потенциалом. Создание искусственно смоделированного ассоциативного ряда с имплицитной отрицательной коннотацией вводит адресата в семантическое пространство намека, когда реципиент должен сам прийти к выводу, что протестовать против высмеивающих пророка Мухаммеда карикатур – плохо, стремление возродить утраченную славу – плохо, так же, как попытки ответить на вызовы, бросаемые ходом истории, или желание сохранить свою культуру и самобытность:

*We see **protests responding to Western newspaper cartoons that caricature the Prophet Muhammad. We see that Russia attempting to recover lost glory through force. Asian powers debate competing claims of history. And in Europe and the United State, you see people wrestle with concerns about immigration and changing demographics, and suggesting that somehow people who look different are corrupting the character of our countries*** [Obama, 2017 : 315].

Вводимый с показателем условности «*If*» в следующем предложении факт вмешательства в дела соседних государств делает предположение о вмешательстве почти аксиомой, которая не только тут же становится

«опорным» фактом, но и комментируется с показателем модальности «*may*» – «*it may be popular at home, it may fuel nationalist fervor for a time*» – и в итоге завершается фразой с явным дополнительным планом содержания: «*make its borders less secure*» – «сделает границы России менее безопасными» (перевод наш. – Н. К.). Аллюзия на события, происходящие в Южно-Китайском море, подкрепляется литотой «*the militarization of a few rocks and reefs*», представляет последствия разоружения, которое необходимо всем.

If Russia continues to interfere in the affairs of its neighbors, it may be popular at home, it may fuel nationalist fervor for a time, but overtime it is also going to diminish its stature and make its borders less secure. In the South China Sea, a peaceful resolution of disputes offered by law will mean for greater stability than the militarization of a few rocks and reefs [Obama, 2017 : 319].

Из-за постоянного использования такой агрессивной условной модальности она даже стала объектом шуток со стороны российских журналистов-аналитиков: множество несостоятельных аргументов в пользу отравления химическим препаратом «Новичок», якобы созданным и применяемым исключительно в России, вводилось в контекст фразами *highly likely* и *highly probably* (весьма вероятно. – Перевод наш. – Н. К.).

Проанализированные фрагменты выступлений Б. Обамы представляют собой пример языковой игры политика, которая предполагает формирование множественных смыслов, концентрированного повторения информации с отрицательной коннотацией, выстраивания искусственных ассоциативных рядов, нацеленных на «замазывание» объекта речи. Комплексный анализ текстов выступлений политических лидеров показывает, что коннотативный потенциал текста зависит не столько от количества коннотативно маркированных языковых единиц, сколько от их комбинаторики, приводящей к компрессии экспрессивно-оценочных средств, позволяющих использовать «ресурсы языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием» [Чудинов, 2006 : 5].

Представим наглядно (Схема 2.4.) комбинаторную модель, которая позволит проследить технику эмерджентности коннотации языковой единицы на практике, когда благодаря конвергенции парадигматических и синтагматических свойств устного или письменного текста, знаний носителей языка в определенном контексте или конситуации возникает коннотативное значение, адекватно воспринимаемое всеми участниками коммуникации. Предлагаемая модель представляет собой вариант, при котором идет последовательное наложение парадигматических и синтагматических/текстовых параметров, способствующих эмерджентности коннотации.

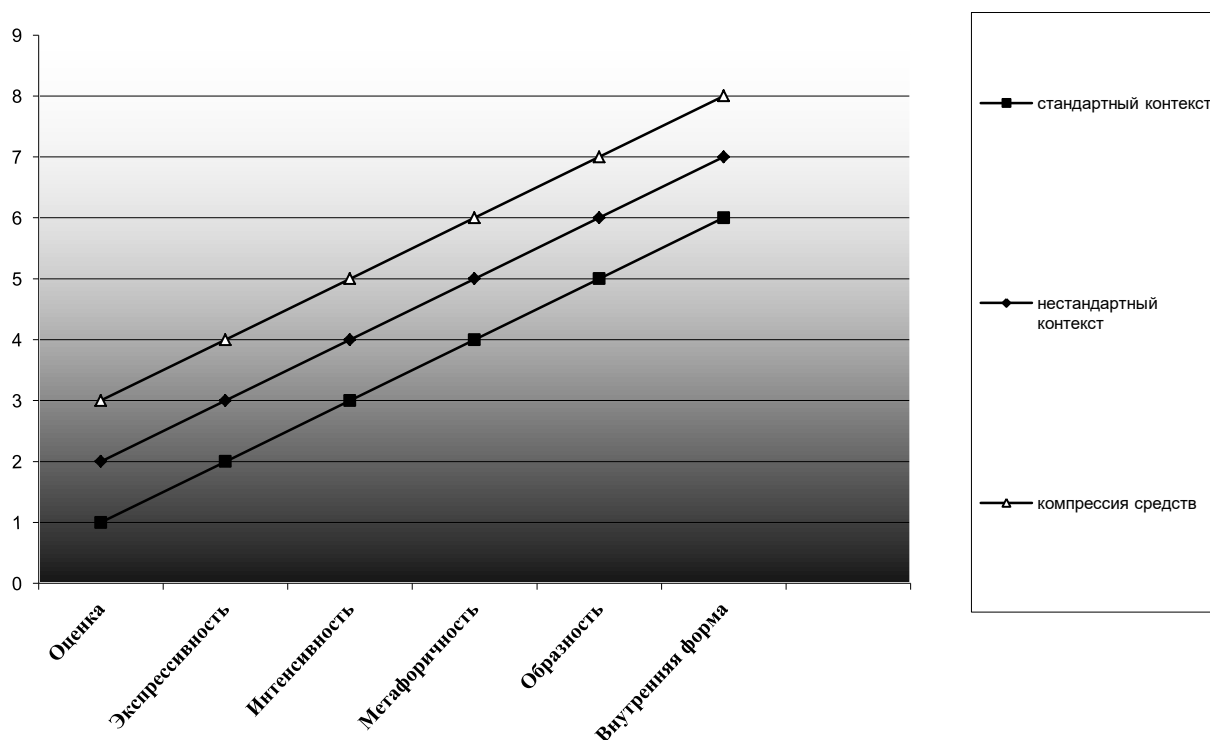

Схема 2.4. Контекстуальная эмерджентность коннотации

На оси X мы расположили параметры, характеризующие контекст и позволяющие относительно свободно комбинировать различные языковые единицы:

1 – стандартный минимальный контекст предполагает употребление языковых единиц в наиболее характерном для них ближайшем окружении, с соблюдением всех правил сочетаемости и валентности, например,

словосочетание «навозный жук» (*Geotrupidae*), используемое специалистом-энтомологом при проведении научных исследований;

2 – нестандартный контекст предполагает употребление языковых единиц в необычном для них ближайшем окружении, нарушающем правила сочетаемости, валентности и логики, например словосочетание «курица необразованная» [Ева, 2017];

3 – контекстуальная компрессия предполагает употребление языковых единиц в развернутом текстовом фрагменте, когда происходит намеренное употребление значительного по количеству и разнообразных по качеству средств, целенаправленно фокусирующих внимание реципиента на определенном свойстве, качестве, объекте или субъекте, например: «*Я как жук навозный ползаю по грядкам, и в огороде все в порядке. Было много прополки между рядьев свеколки*» [Одарчук, 2018].

На оси Y расположены компоненты значения языковой единицы, способствующие образованию коннотативного значения. Автор устного или письменного сообщения осуществляет сознательный или интуитивный выбор языковых единиц, которые, на его взгляд, лучше всего подходят для выражения его мысли с учетом этих компонентов. Максимальное вовлечение компонентов значений языковых единиц в комбинации с вариантами контекста (минимальный, развернутый, расширенный [широкий], максимальный) обуславливает активизацию коннотативного потенциала текста и оказания эффективного воздействия на адресата.

2.3. Коннотация и контекст: конситуативный детерминизм

Употребление языковых единиц предполагает их использование в определенном контексте и соотносится с понятием «сочетаемость»¹². Интегративное использование данных теоретических конструктов дает

¹² Подробно позиция автора настоящего диссертационного исследования относительно понятия «сочетаемость» изложена в параграфе 1.3.2. «Коннотация как объект рассмотрения в лингвокультурологии».

основания для инновационного описания важных лингвистических феноменов, к числу которых можно отнести коннотативное значение слова. Цифровизация массивов данных, в том числе и разнообразных, разностилевых текстов, формирование электронных национальных языковых корпусов способствовали автоматизации и многократному ускорению обработки языкового материала, создали условия для проведения комплексных исследований условий реализации коннотативного значения, выявления закономерностей функционирования КМЯЕ и обстоятельств, способствующих актуализации коннотативного значения в тексте [Allaway, 2020; Frolova, 2020; Ibrishimova, 2020; Nack, 2002; Pennington, 2014].

Понятие «контекст» понимается как «фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [ЯБЭС, 1998 : 238]. Исследованию значимости контекста для понимания значения языковой единицы посвящены работы Н. Н. Амосовой (1962), А. А. Залевской (2005), J. D. Bransford (1972), G. B. Simpson (1994), В. В. Левицкого (1983) и др. Контекст является необходимым условием для детерминации переносного коннотативного значения слова, так как в нем реализуется не только лингвистическая форма, но и экстралингвистические знания читателя, принадлежащего к определенным культурно-исторической эпохе и лингвосоциуму, что особо значимо для декодирования коннотативного значения.

Заметим, что различение по принципу «лингвистический – экстралингвистический» согласуется с выделенными А. А. Залевской «внешним» и «внутренним» контекстами, под которыми автор понимает собственно «текстовый контекст» с одной стороны и индивидуальный опыт субъекта, «реализация специфики индивидуального значения» – с другой [Залевская, 2005 : 196, 314]. В аспекте изучения коннотативного значения слова важно подчеркнуть, что внутренний контекст включает в себя не только

знания отдельного индивида, но и знания, нормы, оценки, отношения, сложившиеся в определенном лингвосоциуме. В таком ракурсе понятие внутреннего контекста является особенно актуальным для межкультурной коммуникации.

Важность разработки данного направления неоднократно подчеркивалась А. А. Залевской, отмечавшей «идиоэтническую специфику внутреннего контекста в условиях тех или иных языков и культур», характеризуемую как способность типичного представителя определенного лингвосоциума «успешно ориентироваться в окружающих его «расплывчатых множествах» и т. п., а именно – реализацией конкретных образов, признаков, признаков признаков, а также вызываемых теми, другими и третьими эмоционально-оценочных переживаний» [Залевская, 2005 : 197]. Использование языковых единиц с актуализированным КЗ является подтверждением того, что язык не существует сам для себя, а функционирует благодаря востребованности у пользователей, обусловленной необходимостью осуществлять когнитивно-коммуникативную деятельность для полноценного существования личности.

Безусловно, что эта деятельность совершается в рамках, сложившихся в обществе традиций вербальной коммуникации, стандарты которой зависят от культурных и собственно языковых норм: «Culture refers to the domain of contexts and relations among contexts within which individuals are positioned by social practices» [Supriya, 2001 : 119]. Любая попытка объяснить значение языковой единицы в изоляции от реального контекста может быть только гипотетической и влечет за собой необходимость рассмотрения нескольких вариантов значения, из которых только опора на контекст позволит выбрать один наиболее подходящий по смыслу: «Any account of the meaning construction of a linguistic unit isolated from the real context can only be hypothetical and will necessary be forced to consider a number of different possibilities where context is the only answer to decide which is the most appropriate» [Requejo, 2007 : 177].

Языковые нормы предписывают среди прочих соблюдение правил сочетаемости. В настоящем диссертационном исследовании значимость понятия «сочетаемость» относительно его соотношения с понятием «валентность» уже рассматривалась в параграфе 1.3.2., что было необходимым для проведения контекстологического анализа с элементами метаанализа специализированной работы культурологической тематики. В настоящем пункте существует необходимость рассмотреть понятие «сочетаемость» в аспекте его способности образовывать единицы различной линейной протяженности.

Основы теоретической разработки феномена сочетаемости были заложены в трудах Ш. Балли, Ф. де Соссюра, Н. С. Трубецкого, Л. В. Щербы и развиты в работах Н. Д. Арутюновой, В. В. Виноградова, Н. З. Котеловой, М. П. Кочергана, В. В. Левицкого, И. А. Стернина, Д. Н. Шмелева. Так, описывая специфику синтагматических единств, Ф. де Соссюр обратил внимание на то, что смысловые различия языковых единиц «в значительной мере устанавливаются самим языком; именно эта совокупность отношений составляет язык и определяет его функционирование» [Соссюр, 1977 : 160]. Важным для понимания сути сочетаемости может служить также соссюрская трактовка значимости единиц языка как прямой взаимозависимости и «взаимной связи» между целым и его частями, а «значимости частей – их местом в целом» [Там же, 160].

Традиционно под сочетаемостью понимается «свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня; одно из фундаментальных свойств языковых единиц, отражающее синтагматические отношения между ними» [Амосова, 1962 : 483]. Данное универсальное определение сочетаемости, на наш взгляд, слишком широко, поэтому в нашей работе мы придерживаемся трактовки сочетаемости, сформулированной в докторской диссертации Н. В. Юдиной, где под сочетаемостью понимается реализованная в определенном контексте способность слова вступать в связь с другими языковыми единицами, «которая обнаруживает себя в

дискурсивном употреблении и может быть выявлена и изучена на основе анализа конкретного языкового материала» [Юдина, 2006 : 12].

К числу исследований, внесших особый вклад в изучение сочетаемостных особенностей лексемы, следует отнести научные работы Ю. Д. Апресяна. Само понятие сочетаемости автор определил как «лексикографически существенное свойство» [Апресян, 2001 : 3–5], а для разграничения понятий «значение слова» и «употребление» ученый сформулировал понятия *верифицируемых условий* и *продуктивных правил*, которые, учитывая их обусловленность спецификой употребления, можно соотнести с понятием контекста.

Другим направлением исследования сочетаемости является анализ контекстов с целью описания типов сочетаемости метафорических моделей, проведенный А. Н. Барановым [Баранов, 2003 : 73–94]. Данный анализ позволил автору выделить когнитивно-семантический и онтологический типы сочетаемости, что вместе с лексической и семантической сочетаемостью, подробно описанными Ю. Д. Апресяном [Апресян, 1995(a) : 273–275], дало основания сформулировать соответствующие правила комбинаторики метафорических моделей в речи.

Метафора, являясь механизмом образования вторичных смыслов, переносных значений многозначного слова, лежит в основе образования коннотативного значения, «фиксирующего вторичные смыслы» [Барт, 2000] в структуре лексического значения языковой единицы. Многозначность лексической единицы, зафиксированная в словаре, представляет собой некий абстрактный конструкт, возникший благодаря апробации определенной языковой единицы на практике, т. е. ее контекстному и конситуативному употреблению: «Any account of the meaning construction of a linguistic unit isolated from the real context can only be hypothetical and will necessary be forced to consider a number of different possibilities where **context is the only answer** to decide which is the most appropriate» [Requejo, 2007 : 177].

Разграничение понятий «контекст» и «конситуация» является весьма эффективной тактикой при изучении коннотативного значения, поскольку оперирование термином «конситуация» предполагает обязательное включение в список параметров исследования экстралингвистических факторов (статус участников коммуникации, время и место коммуникативного события). В то время как термин «контекст» подразумевает, в первую очередь, сфокусированность на лингвистической составляющей коммуникации.

Именно *конситуативная интерпретация* позволяет осуществить полноценный анализ значения языковых единиц и установить закономерности актуализации коннотативного значения.

Попытки выявить контекстуальные закономерности реализации коннотативного значения языковой единицы показывают, что контекст обуславливает активизацию коннотативного значения и ликвидирует «лексическую неоднозначность» [Kess, 1981].

Изучение условий, необходимых для актуализации коннотативного значения [Кислицына, 2018 (а) : 63–66], было проведено с использованием материала и инструментария Национального корпуса русского языка [НКРЯ, 2018] (объем привлеченного корпуса – 115 645 документов, 23 803 881 предложений, 283 431 966 слов). В качестве исследуемого слова было выбрано слово «собака» ($ipm = 132.2$), входящее в ядро внутреннего лексикона и занимающее позицию № 362 из 1002 возможных в Частотном словаре современного русского языка [Ляшевская, 2009]. Формулировка задания для поисковой системы (с учетом правого и левого контекстов) заключалось в следующем: на расстоянии от 1 до 5 шагов между исследуемыми единицами выявить сочетание слов «вот... собака». Результат поиска в основном корпусе показал 22 документа с примерами употребления данной конструкции, из которых пять были с коннотативным значением (22,7 %), что является значимым статистическим показателем:

1. Один подвинулся к Василию и спросил: – Где ухватили? Василий промолчал. – **Вот собака**, – сказал спросивший, – и тут гордится! Василия сперва тихо, потом все громче и громче стали ругать: – Дворянский сын! Пес кривой! [А. Е. Зарин. *Кровавый пир*. (1901)] [НКРЯ].

2. У меня в Москве специальный корреспондент. Сестренка. По телефону. – **Вот собака!** – с восхищением воскликнул Слободкин. – Ну и собаака! – Так читать, что ли? [В. П. Катаев. *Время, вперед!* (1931–1932)] [НКРЯ].

3. Вот снова начали мужикам головы, руки, ноги отрывать, а – для чего? Для чьей пользы войну затеяли? Для тебя, для Дудорова? – **Вот – собака!** – радостно шепнул Фроленков. Клим Иванович Самгин выскользнул из-за его спины и, возвращаясь в комнату, подумал: «Да, вредный мужичонка. [Максим Горький. *Жизнь Клима Самгина*. Ч. 4 (1928–1935)] [НКРЯ].

4. Во! – Лавря-казак вынул из-за пазухи бутылку темного стекла с наклейкой: «Деготь колесный». – Нельзя, дядя Лавря, ни грамм улечки! – **Вот, собака**, как спортил человека! Леш, а ты, можа, моего рысака?.. Я, кажись, отяжелел... – С удовольствием, дядя Лавря! [Виктор Астафьев. *Печальный детектив* (1982–1985)] [НКРЯ].

5. – Погиб! Распаялся! – **Вот собака!** Полина Васильевна поморщилась. Ее коробила Борькина речь. Она многозначительно посмотрела на сына: «Вот кто пришел к тебе!» [Г. А. Галахова. *Легкий кораблик – капустный листок* (1975)] [НКРЯ].

В приведенных выше первом, четвертом и пятом примерах из НКРЯ слово «собака» имеет отрицательную коннотацию. Контекстуальный анализ третьего примера употребления слова «собака» также показывает пейоративную коннотацию, однако для ее реализации потребовался контекст большей протяженности, так как говорящий испытывает смешанное чувство – злорадство.

Анализ употребления лексемы «собака» во втором примере показывает, что в данном контексте исследуемая единица имеет положительную коннотацию, лексические и графо-морфологические средства способствуют фокусировки внимания адресата на соответствующих словах.

Анализ структурных компонентов контекста показал, что для активизации коннотативного значения лексемы «собака» одним из условий контекста является использование слова «собака» в сочетании с указательной

частицей «вот», применяемой для привлечения внимания, усиления эмоциональной окрашенности, а также способствующей выражению пренебрежительной и отрицательной оценки в определенных контекстах [СРЯ, 1985 : 219]. Данная модель регулярно воспроизводится в речи и текстах и может считаться продуктивной.

Деконтекстуализация лексемы «собака», т. е. помещение ее в иной контекст, либо лишает ее коннотации, либо создает прямо противоположный энантиосемический эффект. Так, сочетание с междометием «ах», выражающим одобрение или восхищение, лексема «собака» употребляется с положительным коннотативным значением: «*Ах, собака, что делает!*» – одобряли пляску жители (Скиталец, Огарки) [СРЯ, 1988 : 168].

В следующем ниже контексте использование указательной частицы *вот* активизирует коннотативный компонент значения слова, однако для определения движения по шкале «отрицательная оценка – положительная оценка» необходимы дополнительные элементы контекста. Помимо лексики, к таким дополнительным элементам контекста в устной речи относится интонация, а в письменной – графоны. Анализ употребления лексемы «собака» по НКРЯ в формате KWIC (*key word in context*) подтверждает, что для снятия многозначности необходимо, чтобы хотя бы одно из слов в предъявляемом контексте способствовало активизации определенного значения и тем самым способствовало корректной интерпретации:

1. *Такая* ***вот собака*** - *бич была придана мне для охранения и для развлечения, поскольку я работал и спускался по реке один, без напарников*
[Д. И. Саврасов. *Таежные были и небылицы* (2003–2008)].
2. *Так* ***вот, собака*** *на улице не реагирует на голос, тянет поводок изо всех сил вперед*
[*Страшно спускать с поводка* (форум любителей собак) (2007)].
3. *Оборванки, короче. Так* ***вот собака*** *голубя поймала*
[*Картинки из живых москвичей* (1997) // «*Столица*», 1997.07.01].

- 4...с женщины **вот собака** спит, **подняв одно ухо** и опустив другое, а **между задними ногами** у нее примостился котенок в ошейнике
[Н. Н. Берберова. *Курсив мой (1960–1966)*].
5. Затоптали, **вот собака** и **не чувствует**. Это бывает. Всю осень мы наслаждались верной и умной работой новой собаки и ее безукоризненным послушанием. Удивляло одно – на каждой **охоте** у нас пропал бекас, один-единственный, и такой мастер, как Чок, никак не мог его найти
[А. А. Ливеровский. *Журавлиная родина. Рассказы охотника (1966)*].

Как видно из приведенных примеров, синтагматический аспект играет определяющую роль при фиксации инварианта значения языковой единицы, а «синтаксическая структура высказывания дает повод для активации или деактивации знаний адресата в рамках “внутренней картины”, или образа описываемой ситуации» [Демьянков, 2018 (а) : 53], в основе которой лежат представления носителей языка о мире.

Изложенные положения о реализации коннотативного значения в контексте согласуются с мнением о том, что «если “оценка” предполагает выражение отношения субъекта речи к объекту действия, наделение объекта положительными или отрицательными свойствами, то “оценочность” рассматривается как компонент лексического значения слова, закрепленная в значении слова информация о положительном или отрицательном отношении участника коммуникации к обозначаемому предмету или явлению» [Морозова, 2018 : 44].

Вышесказанное позволяет выдвинуть положение о том, что использование контекстуально-сочетаемого подхода при исследовании условий активации коннотативного значения языковой единицы дает возможность, во-первых, выявить характер соотношения денотативного и коннотативного в составе значения языковой единицы, во-вторых, определить условия образования переносного значения.

2.4. Коннотация как потенция полисемии

Полисемия и многозначность относятся к важнейшим программным вопросам семантики, которая наряду с прагматикой и синтактикой является одним из краеугольных камней семиологии [Соссюр, 1977; Лотман, 2001] или, как ее определял Ч. С. Пирс, – семиотики. Для изложения нашей трактовки коннотативного значения языковой единицы представим несколько базовых положений семиотики, позволяющих описать специфику кросс-корреляции понятий «коннотация» и «полисемия».

Отметим, что термины «многозначность» и «полисемия» используются в работе как синонимы, хотя в узкоспециализированных работах по многозначности проводится разграничение этих терминов. Многозначность – это термин-гипероним, включающий в себя гипоним – полисемию, которая предполагает наличие нескольких значений у слова; в то время как многозначными могут быть и предложения и тексты [Зализняк, 2006 : 20–25].

Язык – это знаковая система, особый код, используемый для обозначения, хранения и передачи информации. Каждый знак (слово) имеет некоторое содержание, которое определяется теоретиками языкознания как значение. Истолкование значения знаков в конкретной ситуации (прагматический аспект) рождает смысл. С семиотической точки зрения язык – это знаковая система, выполняющая опосредовательную, репрезентативную и познавательную функцию, т. е. это медирующее средство, продукт и инструмент когнитивной деятельности человека.

Понимание и истолкование знаков языка связано с их интерпретацией, а содержание языкового знака содержит в себе зафиксированное представление человека об объектах, явлениях и процессах окружающего мира, которое эксплицитно или имплицитно представляет определенную информацию, способную «разворачиваться» в зависимости от ситуации общения, приобретать конкретный смысл и задавать определенный фокус восприятия действительности [Сепир, 1958, 1968; Уорф, 2003].

Таким образом, обращение к семиотике на практике в аспекте ее лингвистического применения, то есть поиска значений, воплощенных в знаках, связано с формированием фрагментов языковой картины мира, с процессами концептуализации и категоризации, отражающих возможные способы интерпретации действительности в разных языках. Для изучения категории значения в лингвистике в целом, феноменов многозначности и коннотативного значения в частности важным представляется обращение к семантическому треугольнику Огдена – Ричардса [Ogden, Richards, 1923].

Предложенная авторами модель взаимоотношений знака, его смыслового содержания и объекта, именованного данным языковым знаком, фактически ставшая символическим и неотъемлемым компонентом учебников по семиологии и семантике, многократно эксплуатировалась лингвистами-теоретиками для обоснования или опровержения тех или иных положений. Мы останемся верными традиции и воспользуемся этой схемой, но лишь для того, чтобы продемонстрировать свое видение отношений между вышеназванными компонентами и представить модифицированную версию данной схемы, которая позволит обосновать значимость феномена коннотации в лингвистике.

Изображение данного треугольника позволяет увидеть характер взаимоотношений вершин треугольника, какие вершины чаще всего выступают в качестве предмета научных дискуссий: количество наименований вершин явно свидетельствует в пользу «Symbol» и «Thought or Reference» (левая сторона треугольника).

На приведенной ниже схеме классическое обозначение вершин треугольника Ч. К. Огдена и А. Ричардса выделено жирным шрифтом. Вариации соответствий наименованиям вершин, предложенные в работах иных авторов, представлены обычным шрифтом, при этом курсивом даны определения, которыми предпочитал пользоваться Ф. де Соссюр, а подчеркнутые варианты предложены Ч. С. Пирсом.

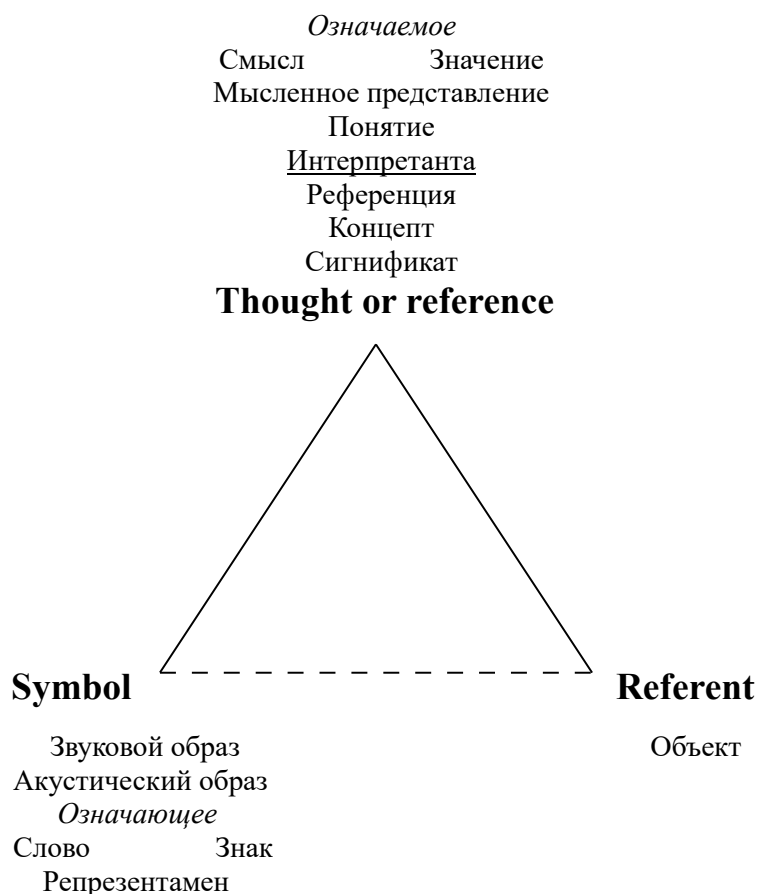

Схема 2.5. Семантический треугольник Ч. К. Огдена и А. А. Ричардса

Правосторонняя вершина Referent, судя по количеству определений, не имеет такой значимости для семиотических и семантических исследований, представляя больший интерес для физиков, антропологов, биологов, зоологов и т. д., в зависимости от того, кто или что является референтом. Важно также то, что «отношения между символом и его значением могут меняться: они могут разрастаться, усложняться, искажаться; символ может оставаться неизменным, тогда как значение может обогащаться или скудеть. И вот этот-то безостановочный динамический процесс и должно называть “смыслом”» [Эко, 1998 : 53]. В процессе этого «динамического процесса» образуются слова-полисеманты: под воздействием социокультурных реалий и в результате когнитивной обработки постоянно поступающей информации рождаются новые смыслы, которые имеют все шансы в случае успешной апробации в ежедневной коммуникативной практике носителей языка

закрепиться в лингвистической системе, в парадигме значений многозначного слова.

В аспекте настоящего диссертационного исследования важным представляется то, что при взаимодействии означаемого и означающего реализуются денотативное и коннотативное значения. «Коннотативное значение рождается именно тогда, когда означающее и означаемое формируют пару, которая становится означающим нового означаемого» [Эко, 1998 : 54]. Если денотативное значение выполняет функцию именованя, отсылки к референту, то коннотативное значение определяет значимость сообщения для субъекта, его ценность, добавляя к денотативному значению экспрессивно-оценочный компонент. Подчеркнем, что когда в работе говорится, что какое-то значение «определяет», «выполняет» и т. д., то, конечно, активный залог в этих случаях употребляется метафорически: подразумевается сознательный выбор говорящим той или иной синтаксической или семантической формы для воплощения своих мыслей.

Умберто Эко в таком случае определял денотативное значение как «нулевую отметку» – такое значение, которое легко распознается машиной, а коннотативное значение – как некий дополнительный смысл, «сигнал», содержащий значимую информацию. Такие преобразования приводят к появлению нового значения у слова-символа. Новое значение слова при его регулярной актуализации в контексте употребления имеет шанс войти в лексикон определенного лингвосоциума и стать, по определению У. Эко, частью его «лексикода», т. е. «вторичного кода» [Эко, 1998 : 56], в отличие от первичного, или исходного, кода, которым является язык.

Предлагаемая в настоящем диссертационном исследовании идея заключается в том, чтобы модифицировать классический треугольник Огдена – Ричардса, добавив к нему два недостающих, на наш взгляд, компонента. Это позволит связать свойства единиц языка и референтов номинации, представленных в оригинальной версии треугольника, с носителями языка и социосферой.

С этой целью треугольник Огдена – Ричардса можно трансформировать в четырехугольник, где четвертая вершина будет символизировать «Индивида» – носителя языка (Схема 2.6). Таким образом, прерывистая линия основания треугольника, отражающая отношения между символом (означающим) и объектом (референтом), а фактически обозначающая отсутствие каких-либо отношений, кроме случаев прямой ономапии («символа из референта не выведешь» [Эко, 1998 : 50]), будет дополнена двумя линиями, образующими четырехугольник. Новая вершина «Индивид» будет обозначать носителя языка (коммуниканта, реципиента, адресанта и адресата), опосредующего интеракцию между языком и реальным миром. Количество потенциально возможных наименований данной вершины, уже функционирующих в научных работах, показывает потенциал превращения данной гипотезы в теорию.

Схема 2.6. Квадранглическая модель значения

Полученный четырехугольник необходимо вписать в окружность, которая символизирует окружающие индивида естественный, природный и социокультурный миры (ноосферу [Вернадский, 2013]), влияющие на формирование дискурсивной языковой личности.

Воплощенная в предложенной схеме модель семантических отношений, на наш взгляд, позволяет более стройно описать всевозможные

семантические трансформации и выстроить некий космос, пусть безграничный, с проницаемыми границами, но все же не хаос бесчисленного количества вариаций взаимоотношений, существующих между человеком, языком и окружающим миром.

Следует отметить, что модель расширения семантического треугольника Огдена – Ричардса и трансформация его в четырехугольник в геометрическом смысле уже была апробирована. В частности, данное предложение было высказано в аспекте изучения специфики терминологии и предполагало существование четырех узловых вершин: «термин», «понятие», «дефиниция» и «предмет», что позволило автору, Т. В. Яшиной, сделать определенные выводы о природе многозначности термина [Яшина, 2013]. Однако, как видно из названий вершин, носитель языка не был включен в эту модель, так как она была разработана для решения совершенно иных задач, поэтому мы определяем ее сходство с предлагаемой нами моделью как исключительно геометрическое. При этом квадранглическая модель находится в центре круга, репрезентирующего погруженность всех компонентов модели в коммуникативное пространство социума.

Как видно на Схеме 2.6., отсутствие прямых отношений между «Символом» и «Референтом» (пунктирная линия) медируется «Индивидом», его когнитивной деятельностью. При этом в процессе номинации, помимо категоризационной и концептуальной обработки, поступившей информации, осуществляется процесс оценивания субъекта, объекта или каких-либо явлений и процессов как с утилитарной, так и с культурно-нравственно-эстетической точки зрения, господствующей в определенный момент в данном лингвосоциуме. В процессе метафорического преобразования смыслов происходит развитие семантической структуры слова: появляются новые значения.

Дополнительным фактором, влияющим на формирование коннотативного значения, обуславливающим трудность его усвоения, является погруженность всех компонентов квадранглической модели в

коммуникативное пространство социума. Регулярная воспроизводимость нового значения в различных коммуникативных актах способствует его закреплению в системе языка, в то же время она формирует диффузную границу между «воспроизводимым», тем, что можно взять готовым из системы языка и «запомнить», и «порождаемым» – тем, что творится, создается в процессе коммуникации [Плунгян, Рахилина, 1996 : 5–6].

Зафиксированное в словаре коннотативное значение многозначного слова находится в оппозиции к его неконнотативным значениям и тем самым формирует их значимость, обуславливая дискретность отдельных значений.

При функционировании слова в речи взаимодействие между отдельными значениями слова-полисеманта (коннотативными и денотативными), наоборот, характеризуется проницаемостью границ: благодаря метафорическому переносу, когнитивному переосмыслению одновременно задействуются два концепта, образуя кросс-концептуальную зону, которая служит основой для образования коннотативного значения.

В естественных коммуникативных актах степень понимания коннотативного значения многозначного слова зависит от многих условий: от контекста употребления языковой единицы, от конситуации общения, от подготовленности коммуникантов воспринимать нечто большее, чем то, что содержится в устном или письменном тексте «на поверхности». Условность лингвистической репрезентации коннотативного значения наиболее ярко проявляется при проведении межъязыковых и межкультурных сопоставительных исследований.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ II

Развитие современной теоретической лингвистики проявляет себя не только в открытии совершенно новых научных парадигм, но и в пересмотре содержания классических понятий, которые получили определенное освещение в трудах выдающихся ученых и школ. Накопление новых данных

о языке и речи, изменения в сфере коммуникационных технологий, формирование альтернативных методологических подходов и оригинальных теорий дают возможность инновационно подойти к рассмотрению существующих понятий, модернизировать их трактовки и «вписать» в современную научную картину мира.

Стремление определить специфику кросс-корреляционных отношений понятия «коннотация», с одной стороны, и внутренней формы слова, мотивации, переносных значений, метафорических значений, ассоциаций, стереотипов, образности, стилистического значения и прагматической значимости слова, т. е. всех тех понятий, которые часто употребляются в научных работах в качестве синонимов коннотативного значения, – с другой позволило охарактеризовать природу взаимоотношений данных понятий, акцентировать в каждом случае те свойства коннотации, которые позволили ей успешно выполнять функции зонтичного термина для аналогичных понятий в целом ряде гуманитарных наук.

Приведенные в главе рассуждения свидетельствуют о том, что феномен коннотации как языковая универсалия по результату своего воздействия на реципиентов и механизму образования выходит за рамки лингвистических явлений. Фактически коннотативное значение слова – это продукт мыслительной деятельности человека, связывающий лингвистическое и экстралингвистическое в единое целое. Данный процесс продемонстрирован на примере усовершенствованной модели семантического треугольника Огдена – Ричардса – квадранглической модели, дополненной вершиной «индивид», заключенной в сферу, символизирующую мир, окружающий носителей языка.

Таким образом, когда мы говорим об одном и том же явлении как о коннотативном значении, метафорической трансформации, переносном значении, ассоциативно-образном значении, стилистической окраске слова или прагматической стороне слова, то подобное разнообразие определений

не содержит в себе противоречия, а представляет специфический фокус на различных свойствах языковой единицы.

Коннотативное значение возникает в зоне пересечения психологии, лингвистики (лексикологии и стилистики), когнитивной лингвистики, семиотики (семантики и прагматики), лингвокультурологии, социолингвистики и этнолингвистики. Каждая из этих наук использует термин «коннотация» в свойственной ей парадигме, наделяя его соответствующими смыслами, поэтому было бы ошибочно считать термин «коннотация» эндемиком только одной из этих наук.

Изучение коннотации в изоляции, в рамках одной дисциплины невозможно: каждый раз, когда исследователь пытается обосновать некоторое теоретическое положение относительно коннотации, он вынужден обращаться за подтверждающими фактами и аргументами, сформулированными в рамках иных систем знания.

Рассмотрение условий реализации коннотативного значения в контекстуальной проекции, выявление закономерностей его функционирования позволили осмыслить особенности конвергенции значения языковой единицы и коллективного знания носителей языка.

Исследование коннотативного значения в аспекте многозначности слова продемонстрировало специфику оппозиции с неконнотативными значениями, которая заключается в формировании значимости каждого понятия, обуславливая дискретность отдельных значений. Взаимодействие между отдельными значениями слова-полисеманта (коннотативными и денотативными) характеризуется проницаемостью границ: благодаря метафорическому переносу и когнитивному переосмыслению, способствующему одновременному задействию нескольких концептов, образуется особая кросс-концептуальная зона, служащая основой для образования коннотативного значения.

Представляется, что накопленный теоретический и практический материал свидетельствует о возможности и необходимости выделения

отдельного направления научных изысканий, аналогичного фразеологии или паремиологии, которое смогло бы объединить и систематизировать все наблюдения.

Такое направление можно определить как коннотологию, которая может быть:

1) общей, т. е. изучать феномен коннотации как универсалию, присущую человеческому языку (лингвистическая коннотология);

2) частной, т. е. изучать феномен коннотации на материале конкретного естественного языка;

3) сопоставительной – изучать феномен коннотации на материале различных языков.

Исследования корреляции коннотации со смежными лингвистическими и нелингвистическими явлениями продемонстрировало ее обусловленность спецификой мировидения, мировоззрения и идеологии, лингвокреативными особенностями носителей языка, национально-культурными ассоциациями и стереотипами. Таким образом, полученные данные свидетельствуют о перспективности разработки лингвистической коннотологии в качестве самостоятельного научного направления.

ГЛАВА III. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОННОТОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ

3.1. Содержание и принципы лингвистической коннотологии

3.1.1. Статус коннотологии в системе языковедческих дисциплин

Формулирование содержательной составляющей лингвистической коннотологии требует определения её объекта. Объект лингвистической коннотологии – феномен коннотации, не является новым для лингвистики. Тем не менее, позволим себе высказать мнение, что предлагаемое направление исследований, именуемое коннотологией, представляет новый взгляд на исследуемое явление.

Традиционно изучение языковых единиц, имеющих коннотативное значение сводится к определению оппозиционных отношений с денотативным значением, о чем свидетельствует значительное количество практически одноименных научных работ, относящихся к различным временным периодам [Black, 2020; Czeżowski, 1979; Megginson, 1996; Omar, 2012; Pamboukian, 2019; Russell, 1956; Urdang, 1979]. Учитывая представленные выше теоретические аспекты изучения феномена коннотации и изложенную концепцию коннотативного значения слова в свете кросс-корреляционного подхода, кратко определим денотативное значение языковой единицы как прямое, логическое, основное значение слова, не маркированное с точки зрения выражения чувств говорящего, обладающее умеренной экспрессивностью и выразительностью, незначительной степенью образности даже при явно выраженной внутренней форме слова, а также мало зависимое от контекста употребления: *Чем тяжелее была дубина, тем больше азарта* [Бакатов, 2009]. *Дубина обрушилась на голову Тима, но ни один волосок не пошевелился из упрямого вихра пленника, кажется, обреченного на неминуемую гибель* [Краева, 2007]. Удар получился

*касательный и по уху, а затормозила **дубина** у него на плече [Сахарова, 2005]. Единственное, что мне оставалось, – как можно сильнее изогнуться вправо и надеяться, что эта **дубина** не треснет меня по башке. [Геласимов, 2003].*

Инновативность подхода к рассмотрению феномена коннотации в настоящей работе заключается в конвергенции знаний о языке, знаний о мире и человеке, наглядно представленную в виде квадранглической модели значения (См. Схему 2.6.) – модифицированной модели семантического треугольника Огдена – Ричардса. В свете вышесказанного основной целью лингвистической коннотологии является интегративное описание феномена коннотации, системное представление языковых единиц с коннотативным значением как неотъемлемого, но в то же время отдельного целостного образования в системе языка.

Коннотативное значение понимается в работе как факультативный компонент лексического значения слова, обладающий ярко выраженной оценочностью (положительной или отрицательной), эмоциональностью и экспрессивностью, появившимися у производного значения слова в процессе метафорического переноса. Реализация языковой единицы с коннотативным значением в значительной степени обусловлена социокультурным контекстом ее употребления, конситуацией общения, а также отражает психическое состояние и отношение говорящего к объекту или субъекту речи.

Так, слово *дубина* из наименования примитивного оружия (см. примеры выше) трансформируется в оскорбительное обозначение глупого человека: *А мой зам, дубина стоеросовая, не глядя, подмахнул заметку в номер [Сахарова, 2005]. Они отчаянно жестикулировали и вполне недвусмысленно указывали на парадное, где скрылись друзья. – Дошло, **дубина**? – зло спросил Сева [Галицкий, 2000]. Хоть раз в жизни прояви инициативу, **дубина**! [Кунин, 2000]. Первое впечатление от Каневского – русский мужик из лесу, дубина неотесанная [Каралис, 1999]. А ну, поднимайся, безмозглая дубина! – скомандовал Горлонос [Тырин, 2014]. В приведенных выше примерах содержится осуждение, порицание действий и качеств человека. Оценочное*

отношение к объектам, субъектам или явлениям действительности – одно из основных качеств коннотативного значения, поэтому наиболее частотными определениями к термину «коннотация» являются прилагательные «отрицательная» и «положительная».

Психологический механизм оценивания затрагивает эмоциональную зону мозга, отвечающую за ощущение радости, страха, гнева, разочарования, счастья и т. д. [Matthews, 2018; Sato, 2015; РВСЕ, 2017], что выражается в повышенной экспрессивности языка и речи, этот факт объясняет, почему коннотацию часто определяют как экспрессивно-оценочное значение языковых единиц. Совокупная активизация всех перечисленных свойств позволяет обозначить границы коннотации и коррелирующих явлений, о которых шла речь во второй главе.

Соответственно, задачи лингвистической коннотологии заключаются в том, чтобы представить коннотативное значение как часть семантической структуры слова; дифференцировать коннотацию от смежных лингвистических явлений; охарактеризовать свойства коннотации в аспекте статики и динамики, синхронии и диахронии; продемонстрировать реализацию коннотации на уровне языка и речи; установить принципы и закономерности функционирования коннотации в процессе межъязыковых трансформаций.

Появление коннотологии как отдельного научного лингвистического направления подготовлено трудами Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. И. Говердовского, Е. С. Кубряковой, О. Г. Ревзиной, В. Н. Телии. Разработка данной тематики продолжается в диссертациях, монографиях отечественных и зарубежных ученых: О. И. Быковой, В. А. Булдакова, Beatriz Garza-Cuarón, Gill Philip и др.

Материал исследования в аспекте лингвистической коннотологии (далее – коннотологии) как отдельного научного направления представлен значительным количеством языковых единиц, относящихся к разным частям речи и разным уровням языковой системы. Исследование специфики

реализации коннотативного значения проводится на материале существительных [Смирнова, 2008; Успенский, 1979; Шумейко, 1999] (индюк – «напыщенный, горделивый человек», червяк – «незначительный, мелкий человек, вызывающий чувство брезгливости»); глаголов [Горохова, 2008; Смирнова, 2008] (ползти – «идти или передвигаться на транспорте слишком медленно», лететь (о человеке, времени) – «передвигаться/идти очень быстро»); прилагательных [Белова, 2011; Миронова, 2020; Смирнова, 2008] (светлый – «очень хороший»); наречий [Смирнова, 2008] (круто – «очень хорошо»), местоимений, имен собственных, служебных слов, числительных [Гомберг, 1982; Смирнова, 2008; Шабалина, 2010; Vorobyova, 2020].

У междометий, при фактически отсутствующем денотативном значении, коннотативное значение является единственным значением, так как они, не называя какой-либо предмет, объект, действие, признак предмета или степень качества или свойства, определяют отношение, оценку, чувства и эмоции говорящего к сообщаемой информации [Могутова, 2002]: «фу» – выражение отвращения, «ой» – выражение испуга, страха, оценка степени неожиданности, «ах» – удивление, «ой-ой-ой» – осуждение, порицание, неодобрение. Семантика междометий – очень широкая, порой приводящая к энантиосемическому результату с точки зрения оценивания сложившейся ситуации, и во многом, как у всех языковых единиц с актуализированным коннотативным значением, зависит от контекста.

Обращает на себя внимание еще одно важное свойство коннотативных единиц, а именно: у каждой такой единицы есть нейтральная, немаркированная, синонимичная форма, функционирующая в роли толкования, которая позволяет интерпретировать, пояснять значение коннотации как для членов данного лингвосоциума, впервые столкнувшихся с данным смыслом, так и для носителей других языков и культур.

Специфика коннотологии заключается в том, что она выходит далеко за рамки лингвистики. Психология, этнология, антропология, социология также обращаются к обозначенному языковому материалу, чтобы установить

причинно-следственную связь между значимыми явлениями в доменах своих направлений. О корреляции коннотологии и гибридных дисциплин, таких как лингвокультурология, социолингвистика, психолингвистика, можно судить по тем свойствам коннотации, которые подробно были описаны в главе первой настоящего исследования.

Междисциплинарная природа феномена коннотации задала широкую сферу проведения исследований реализации феномена коннотации в языке и речи, а также существование разнообразных концепций и подходов к ее трактованию, которые, однако, объединяет то, что коннотация характеризуется по таким параметрам, как оценочность, экспрессивность, эмоциональность, образность, обуславливающим ее прагматическую, стилистическую, лингвокультурологическую и социолингвистическую значимость.

Категории оценки, экспрессивности, эмоциональности, образности относятся к разным областям знания, что затрудняет формулирование общепринятого определения коннотации, которое бы разделяло большинство ученых. Поэтому в самых общих случаях коннотация определяется как нечто производное от исходного денотативного значения, осложненное дополнительными смыслами, возникшими под воздействием социокультурных и когнитивно-дискурсивных факторов.

Особое место коннотация занимает в когнитивной лингвистике, что обусловлено тем, что в основе образования коннотативного значения лежит метафорическое переосмысление – ментальный процесс, соотнесенный с концептуализацией и категоризацией мира носителями языка. Когнитивные основания образования коннотативного значения связаны с попыткой установить механизм происхождения коннотации, что требует обращения к вопросам работы человеческого сознания и интеграции лингвистических исследований с нейропсихологическими.

В целом, представляется, что образование коннотативных значений у языковых единиц соответствует универсальному принципу экономии усилий

Джорджа Ципфа: используя уже существующие лингвистические формы, структуры и алгоритмы, говорящий может одновременно выразить комплекс смыслов, оперируя коллективной памятью и общими знаниями [Zipf, 1949].

Таким образом, текущий статус коннотологии в системе языковедческих дисциплин определяется как «утверждение позиций» путем демаркации границ, построение отношений с уже признанными научными направлениями.

3.1.2. Лингвистическая коннотология: межкультурный аспект проявления антропоцентризма в языке

Обусловленность коннотативного значения языковых единиц социокультурными, историческими факторами, связь со стереотипами, мировоззрением, идеологией, а также с концептуализацией и категоризацией ставят коннотацию в ряд явлений, имеющих особую значимость в аспекте межъязыковых и межкультурных исследований.

Специфика лингвистической коннотологии по сравнению с другими научными направлениями, изучающими язык, заключается в фокусе рассмотрения предмета исследования, который «вписывает» человека в широкий социо-культурный контекст, в том числе погруженный и в межнациональную и межкультурную среду.

Объектом лингвистической коннотологии являются языковые единицы, обладающие коннотативным значением. Зафиксированные в словарях коннотативные значения многозначных слов отражают существование коннотации в статике. Коннотативное значение языковых единиц, появляющееся в результате регулярно повторяемого употребления последних в речи, отражает динамические процессы в семантике языков, представляет язык как изменяющуюся, облекающую мысль форму, которая включает в себе не только логически-рациональную, но и иррациональную, и экспрессивно-оценочную сущности.

Предметом лингвистической коннотологии является вариативность коннотативного значения языковых единиц как результат разновекторности вербализации коллективного знания. Коннотативная диасемия исследуется на морфологическом, лексическом, синтаксическом, гиперсинтаксическом и дискурсивном уровнях двух и более языков.

Выбор **единицы** лингвистической коннотологии зависит от уровня языковой системы, на котором осуществляется исследование. Главным критерием отбора при отнесении единицы к разряду коннотативных является наличие у нее коннотативного значения. Таким образом, особенностью метаязыка описания характеризуемых явлений в аспекте настоящего исследования является необходимость употребления уточняющего определения перед каждой единицей. На морфологическом уровне языка рассматриваются коннотативные морфемы, т. е. морфемы с коннотативным значением, на лексическом уровне языка рассматриваются коннотативные лексемы, т. е. лексемы с коннотативным значением, а также коннотативные фразеологические обороты, т. е. фразеологические обороты с коннотативным значением.

В случае если исследование осуществляется на синтаксическом и гиперсинтаксическом уровнях, единицами исследования являются словосочетание (минимальный контекст), предложение/высказывание (развернутый или широкий контекст), гиперсинтаксема (максимальный контекст или связный текст), обладающие коннотативным значением.

Отметим, что возникновению коннотативного значения у слова способствует наличие в его семантической структуре **коннотем** – коннотативных сем [Отин, 1999 : 15; Говердовский, 1989], входящих в состав семемы (единицы плана содержания) или лексико-семантического варианта – отдельного значения лексемы (единица плана выражения), т. е. слова в совокупности всех его значений. Определим коннотему как операционную единицу, используемую в процессе проведения компонентного анализа с целью установления наличия коннотативного значения и его характера.

Актуальность исследования коннотативного значения языковых единиц в рамках специализированного направления обуславливается также необходимостью обобщения хронологически разрозненных, тематически и дисциплинарно неоднородных учений о коннотации, разработкой единой комплексной теории о коннотативном значении с учетом актуальных методик, технологий, научных направлений и современных подходов [Jankovic, 2000; Rashkin, 2016; Snyder, 2009]. Такая стратегия способствует развитию теории языкознания, совершенствованию лингвистического терминологического аппарата, уточнению содержания основных понятий и категорий, а также методов их изучения.

Наиболее близкими дисциплинами в области языкознания для лингвистической коннотологии являются лексикология, стилистика и грамматика, а также их сопоставительные направления, с которыми коннотологию сближают единицы исследования, нацеленность на исследование функционирования языка, фокусировка на выразительных средствах языка и прагматическом аспекте использования языковых единиц. Фрагментарно, как специфический инструмент, способствующий достижению суггестивных эффектов, коннотация затрагивается в риторике, поэтике, литературоведении, что формирует зоны общего интереса данных дисциплин и лингвистической коннотологии.

Исследования в области коллективной языковой нормы и отклонений от нее с целью манипулирования общественным сознанием, формирования особого идеологического фона создают зону пересечения лингвистической коннотологии с коммуникативистикой. Обусловленность появления коннотативного значения у языковых единиц глубинными ментальными процессами сближает коннотологию с когнитивной лингвистикой. Практическая значимость лингвистической коннотологии определяется использованием полученных знаний и навыков в ежедневной индивидуальной и массовой коммуникации на интра- и интерязыковом уровне, в практике перевода, лингвистической экспертизе текста и др.

Помимо когнитивно-дискурсивного подхода, являющегося одним из основных принципов рассмотрения КЗЯЕ в настоящем исследовании, представляется, что эффективное изучение семантики языковых единиц в целом и коннотативного значения в частности требует имплементации синергетического подхода, распространяющего свое влияние на все системные явления, обладающие структурой как таковой. Важнейшим тезисом синергетики выступает положение о доминировании личностного начала, что согласуется с распространенной в лингвистике антропоцентрической направленностью.

Синергетический подход, в рамках которого язык рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, находящаяся под влиянием внешних (социокультурных) и внутренних (собственно лингвистических) факторов, является одним из теоретических и методологических оснований настоящей работы. Данный подход позволяет нам сформулировать тезис о необходимости учета социокультурной специфики при формировании определенного набора ценностей/оценок, репрезентируемых в языковых формах. С точки зрения синергетического подхода значение языковой единицы – это многоэлементная структура, многовариантное поведение элементов которой в зависимости от многофакторных сред функционирования изменяется, развивается и приводит к появлению более одного устойчивого состояния, т. е. доминирования разных лексико-семантических вариантов слова в разных контекстах.

Иными словами, можно сказать, что вариативное поведение компонентов значения слова в зависимости от лингвистических и нелингвистических факторов приводит к всевозможным качественным перестройкам значения языковой единицы (многозначности), его модификациям (переносным значениям). Такая бифуркация основного, денотативного значения может результировать появлением у слова коннотативного значения. И, наконец, положение синергетики о пространственном измерении, понимаемое как «выход за рамки, границы

представлений, диктуемых доминирующим в конкретной научной программе языком» [Аршинов, 2004 : 88], обуславливает актуальность сопоставительно-контрастивной формы настоящего исследования, которая позволяет «освободиться из плена языковой тюрьмы» [Аршинов, 2004 : 88].

Возможно, данная метафора является в некотором смысле преувеличением, но она очень ярко подчеркивает мысль, неоднократно высказанную в работах В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. А. Потебни и других ученых, о специфике «народного духа», который проявляется в языке, о своеобразных ограничениях, которые система родного языка накладывает на механизм восприятия мира определенным лингвосоциумом и, соответственно, о своеобразии отражения этого восприятия во внутренней форме слова, в значениях языковых единиц и их функционировании.

Усвоение коннотативного значения слова носителями языка происходит в процессе повседневного употребления языковых единиц и имеет изначально интуитивный характер. Подсознательно усваивая стереотипные представления, доминирующие в родном сообществе, пользователь языка приобретает навыки выражать свою оценку, эмоции и отношение к чему/кому-либо соответствующими средствами языка. При этом ему кажется, что такая оценка, такое восприятие всего происходящего вокруг являются абсолютно естественными, так как соответствуют общепринятым нормам, обычаям, традициям, характерным для данного лингвосоциума. Однако «если речь – одно из величайших преимуществ человека, то не может быть недостойным уважения обладание этим преимуществом со всем тем совершенством, какое подобает человеку, это значит – не только пользоваться речью, а постичь ее основания и делать, опираясь на науку, то, что другие делают, опираясь только на обычай» [Арно, 1991 : 18].

Сопоставительный анализ коннотативных значений языковых единиц на материале различных языков позволяет не только выявить специфику концептуализации мира носителями конкретного естественного языка, но и

глубже понять внутренние механизмы эволюции значений языковых единиц и особенности образования смыслов в родном языке и культуре.

Значимость исследования коннотации многократно возрастает именно при межъязыковом сопоставлении, которое позволяет выявить существующий коннотативный диссонанс. Так, переводческие эквиваленты, являющиеся эквивалентами с точки зрения их денотативного значения, имеют разные коннотации. Например, сравнивая слова-эквиваленты русского, украинского и английского языка по параметру их коннотативного содержания – «тряпка» (рус.), «ганчірка» (укр.) и «rag» (англ.), определяем, что слова русского и украинского языков обладают сходными отрицательными коннотациями: *разг., пренебр.* «О бесхарактерном, слабовольном человеке» – в русском языке [СРЯ, 1988: 421] и *перен., зневажл.* «Про безвольну, безхарактерну людину» – в украинском языке [СУМ, 1971: 27]. В английском языке слово «rag» также имеет отрицательные коннотации, но они связаны с иными ассоциациями, влияющими на сочетаемость данного слова (о газете низкого качества: «Он писатель для нашей местной газетенки» – *informal*: «A newspaper of poor quality: “He’s a writer for our local rag”») [MWLD, 2015]).

Такие случаи вызывают многочисленные проблемы в процессе межкультурной коммуникации и, несомненно, должны комплексно исследоваться как отдельное значимое лингвистическое явление (наряду с грамматикой, лексикологией, фразеологией изучаемого иностранного языка).

Системное изучение коннотативного значения языковых единиц на материале разных языков позволяет в полной мере выявить и обозначить весь диапазон его свойств и предназначений. Фундаментальную задачу системного изучения коннотации должна взять на себя лингвистическая коннотология, которая благодаря единой методологической базе, унифицированным теоретическим основам, эвристическому характеру междисциплинарных сопоставительных исследований сможет корректно репрезентировать языковой материал.

3.2. Коннотация в свете теории лакунарности

Язык, безусловно, является одной из сложнейших самоорганизующихся систем, упорядочение элементов которой, по рассуждениям Р. Декарта [Декарт, 1953], происходит за счет внутренней динамики – взаимодействия единиц различных уровней. При этом вариативность языка обусловлена, во-первых, многообразием структур, входящих в его систему, прозрачностью границ между языковыми явлениями, а во-вторых, разнообразием сред функционирования и незамкнутостью языковой системы. Перечисленные свойства непосредственным образом сказываются на свойствах и качествах коннотативного значения языковых единиц.

Коннотативное значение слова (КЗС) содержит оценочную информацию относительно некоторого объекта, явления или процесса, сформированную и закреплённую в сознании определенного лингвосоциума и нередко отсутствующую в коллективном сознании иного лингвосоциума или находящуюся на периферии приоритетов его ментальной карты. В процессе номинации эта информация воплощается в соответствующих языковых единицах и фиксируется, в том числе и в виде коннотативного значения.

На формирование КЗС значительное влияние оказывают социальные, культурные, исторические факторы, доминирующие в одном языковом коллективе и, возможно, отсутствующие или не представляющие особой важности в другом языковом коллективе. По этой причине смыслы, маркированные в структурах языковых единиц одного языка, не выделяются аналогичным способом в тождественных языковых единицах другого языка, что влечет за собой несовпадение коннотации слов-эквивалентов в разных языках.

Проблема изучения коннотативного значения на интеръязыковом уровне усугубляется тем, что «не все коннотации фиксируются в словарях. Более того, значительное поле коннотативных представлений вообще никак

не фиксируется и объективно не может быть “паспортизировано” на лексикографическом уровне» [Манакин, 2004: 209]. Сложившиеся условия способствуют образованию межъязыковых лакун – языковых единиц или их компонентов, существующих в одном языке, но отсутствующих в другом и/или вызывающих непонимание со стороны иноязычных реципиентов в виду своей национально-культурной специфики.

В связи с вышесказанным представляется конструктивным рассмотрение коннотации в свете теории лакуарности, особо релевантной не только для теории языкознания в целом, но и для психолингвистики, этнопсихолингвистики, социолингвистики, культурологии, теории и практики перевода, когнитивной и сопоставительной лингвистики [Кислицына, 2020 (б) : 102–104].

Среди работ, в которых лакуарность как свойство языка подвергалась теоретическому осмыслению, методологической и практической апробации, отметим книгу J. P. Vinay и J. Darbelnet «Сопоставительная стилистика французского и английского языков: Искусство перевода» [Vinay, Darbelnet, 1958]; труд В. И. Жельвиса «К вопросу о характере русских и английских лакун», в фокусе исследовательского интереса которого находится национально-культурная специфика речевого поведения носителей языка [Жельвис, 1977]; переводоведческие наблюдения А. Пима, в которых автор, исследуя лакуны, делает акцент на межкультурной коммуникации [Рум, 1993].

Особо ценными с точки зрения вклада в теорию лакуарности являются работы И. А. Стернина, в которых данный феномен подвергается многоаспектному рассмотрению в свете национальной специфики мышления, этнокультурной значимости и соотношения с концептами [Стернин, 1998], а также работы Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной, рассматривающих лакуны в культурологическом аспекте [Марковина, 2010].

Исследователи отмечают, что предметом лакунологии чаще всего становилось слово, точнее, поиск соответствий для безэквивалентной

лексической единицы в ином языке. Наличие в языке слова, которому нет эквивалентной единицы в других языках, рассматривалось как маркер особой национально-культурной значимости явления, называемого данным словом. В качестве примеров исследователи приводили группы слов – наименований национальных блюд, официальных учреждений, национальных праздников, термины родства и даже брендовых наименований компаний [Zheleznova, 2020], однако коннотация в аспекте теории лакунарности целостно и неэклектично представлена не была.

Среди научных публикаций, посвященных именно *коннотативным лакунам*, выделяется статья О. А. Бурукиной, хотя в дальнейших своих работах автор, продолжая углубленно исследовать феномен коннотации, сконцентрировала свой исследовательский интерес на изучение коннотации с позиций когнитивной лингвистики, исключив лакунарность из фокуса исследований [Бурукина, 2000].

Вопрос о существовании коннотативных лакун затрагивается в кандидатской диссертации наук Е. А. Эйнуллаевой, в которой автор, рассуждая о коннотации слов «bull» в английском языке и «бык» в русском языке, отмечает факт существования *коннотативных лакун* и делает вывод о том, что в таких случаях можно говорить о существовании особых лексических лакун, которые можно определить как коннотационные [Эйнуллаева, 2003].

Помимо названных работ, следует особо отметить статью И. Панасюка, в которой автор, анализируя существующие теоретические положения относительно теории лакун и их значимости для достижения адекватного перевода, констатирует: «Большая часть лакун возникает именно на уровне коннотации, в культурной области словарного запаса, в основе которого лежат концептуальные структуры как единицы, определяющие культуру» [Панасюк, 2007 : 54]. Представление «концептуальных структур» в качестве основы того, что определяет культуру и – шире – цивилизацию, прямо подводит к пониманию когнитивной ориентированности таких исследований.

Одновременно с этим утверждением на значительном языковом материале И. Панасюк убедительно показывает, что в процессе перевода в качестве «исходного пункта построения эквивалентных отношений» [Там же, 2007 : 71] сначала следует «определить вид лакуны» [Там же, 2007 : 71], а затем выбрать оптимальный способ перевода, чтобы избежать некорректных трансформаций.

Высокая прикладная значимость лакун обусловила существование разнообразных классификаций, демонстрирующих их комбинированную лингвистическую и нелингвистическую природу. В соответствии с некоторыми из классификаций, отсутствие или расхождение коннотативного значения языковых единиц-эквивалентов в разных языках соотносится с ассоциативными лакунами в силу их лингвоэтнографической специфики и особенностей внутренней формы [Муравьев, 1975; Стернин, 1998], в других классификациях коннотация соотносима со стилистическими лакунами, которые ввиду их эмотивности выражают отношение автора к сообщаемому [Томашева, 1995; Быкова, 2003; Коптева, 2010], существуют классификации, в которых коннотативные расхождения соотносятся с лингвокультурными лакунами [Марковина, 2010; Сорокин, 1982; Jolowicz, 2006; Kislitsyna, 2021; Schröder, 1995], сигнализирующими об отсутствии предпосылок для семантизации в лексическом значении слова определенного языка, коллективного мнения, оценки относительно некоего значимого для данного лингвосоциума представления.

В лексическом значении слова в целом и в коннотативном значении в частности воплощаются выработанные социумом нормы и оценки, соединяются воедино существенные и несущественные, фоновые признаки и свойства предмета. При этом коннотативное значение слова, часто существующее на бессознательном уровне у носителей одного языка и культуры как нечто совершенно естественное и не требующее объяснений, эксплицируется при сопоставлении разных языков, «удивляя» своей

нелогичностью и странностью и создавая, таким образом, межъязыковую лауну, которую достаточно сложно интерпретировать.

Проиллюстрируем данное утверждение примером из романа иранского писателя Х. М. Кермани «Вы же не чужой». На мастер-классе, который проводил переводчик данной книги А. И. Полищук, среди прочих особенностей был отмечен следующий фрагмент текста перевода:

*«Я говорю: – Дедушка хочет отвести моего отца в больницу. Там моему отцу поставят мозги на место. Ему **вставят мозги зайца**, чтоб он был умным и чтобы он правильно и основательно стал думать. Разве не так, дедушка?*

Дедушка смеется. Отец бросает в деда книгу стихов Хафиза» [Кермани, 2015 : 120].

Возникает вопрос: почему «мозги зайца»? Как значение слова «заяц» сочетается со смыслом словосочетаний «стать умным», «основательно думать»?

В русском языке существительное «заяц» имеет со-значение «трус». У прилагательного «заячий» в словаре зафиксировано значение «робкий», «трусливый»: *заячья натура, заячья душа* [СРЯ, 1985: 599]. Русскоязычному читателю, носителю русской культуры может показаться, что этот фрагмент текста содержит ироническую подоплеку. В таком случае в качестве варианта перевода следует употребить словосочетание «куриные мозги», обозначающее «глупость» в русском языке, но тогда анализируемый контекст теряет смысл: зачем делать операцию человеку, чтобы сделать его глупым?

Пытаясь выяснить характер коннотации у слова «заяц», установить истоки её возникновения, мы проанализировали цикл восточных сказок, в котором значимое место занимают сказки о животных и, в частности, сказка «Находчивый заяц» (в иной интерпретации – с арабского языка – «Мудрый заяц»). В сказке идет речь о том, как заяц отправился на берег моря: *«Вдруг он увидел неподалеку слона и кита, которые вели какую-то серьезную беседу. Заяц спрятался за большим камнем и прислушался к их разговору»*.

Животные замыслили стать «могущественными владыками» и подчинить себе всех обитателей суши и моря. Оставшись один, заяц принялся размышлять и разработал хитроумный план, который позволил «нарушить союз двух великанов и сохранить всем животным свободу» [Находчивый заяц, 2015]. В данной сказке, изложенной в форме эзопова языка, доминирует представление о зайце как о сообразительном, умном существе, сумевшем нарушить планы более могущественных животных.

Фольклорные традиции оказывают значительное влияние на формирование системы ценностей, константы которой закрепляются в языковых формах. Однако делать выводы о том, что слово «заяц» является в персидском языке носителем коннотации «мудрый», «умный», на основании этой сказки мы считаем преждевременным.

Пытаясь сформулировать обоснованные умозаключения относительно семантики образа зайца, мы обратились к работе Е. А. Молева, посвященной исследованию смыслового содержания образа зайца в греко-скифской торевтике. Выполненный Е. А. Молевым анализ нарративных традиций, восходящих к периоду скифской истории V в. до н. э. и описанных Геродотом, свидетельствует о том, что образ зайца, а следовательно, и коннотации, которые гипотетически могли закрепиться в семантике соответствующего слова, не соответствуют представлениям носителей русского языка и культуры об этом животном.

У древних восточных народов заяц выступал в качестве символа плодovitости, а в скифском обществе – «как эквивалент могущества, успеха, благополучия и богатства», «встреченный заяц, являясь хорошей приметой, непременно должен быть пойман. Упустить зайца значило потерять свою славу» [Молев, 2015 : 60]. Семантика плодородия, связанная с образом зайца, «животного, посвященного Афродите», существовала и в античном мире [Молев, 2015 : 62]. Совершенно понятно, что попытка интерпретации стереотипов древних народов – прочтение символов, которые могли лечь в основу образования коннотативного значения того или иного языка, является

очень сложной и практически неверифицируемой задачей. Тем не менее в приведенных рассуждениях однозначно прослеживается положительное отношение к зайцу-символу, что с большой долей вероятности могло послужить причиной возникновения положительной коннотации у данного слова в персидском языке. Таким образом, значение слова представляет собой конгломерат языковых и энциклопедических знаний, пропущенных через человеческое сознание, переработанных в процессе освоения мира и объективируемых посредством слова.

Представленные ниже примеры подтверждают, что национально-культурная специфика является одним из важнейших свойств коннотативного значения языковых единиц, которое часто можно осознать лишь проанализировав этимологические и исторические материалы. В качестве источника иллюстративного материала был использован параллельный корпус (английский), входящий в Национальный корпус русского языка [НКРЯ, 2018]:

Some of these bastards, I drive for, have so much money they must be criminals. [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)] – *Кое у кого из тех козлов, на кого я работаю, столько деньжищ, что они наверняка преступники* [Дэн Браун. Код да Винчи (Н. Рейн, 2004)].

Перевод данного предложения и более широкий контекст, который мы не приводим в данной работе по формальным причинам, показывает, что персонаж, в уста которого автор вложил слово *bastard*, употребляет его с экспрессивно-оценочной целью. На самом деле маловероятно, что он владеет детальной информацией о происхождении своих работодателей, людей, которых он, не скрывая своего отрицательного отношения и негодования, называет *bastards*.

Ниже мы приводим значения слова «bastard», использованного в оригинальном тексте, и значения слова «козел», предложенного переводчиком в качестве эквивалента:

BASTARD

Англо-русский словарь В. К. Мюллера
<https://classes.ru/dictionary-english-russian-Mueller-term-3343.htm>

1. n
- 1) внебрачный, побочный ребенок.
- 2) *груб.* ублодок.
- 3) помесь, метис, гибрид.
- 4) бастр (*неочищенный сахар*).
2. a
- 1) внебрачный, незаконнорожденный; *bastard slip*.
- а) побочный ребенок;
- б) отросток от корня дерева.
- 2) поддельный, притворный, *bastard good nature* – кажущееся добродушие.
- 3) худшего качества; неправильной формы; необычного размера; *bastard French* – ломаный французский язык.

КОЗЁЛ, -зла, муж.

Толковый словарь С. И. Ожегова
<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/8511>

1. Жвачное парнокопытное животное сем. полорогих с длинной шерстью. *Дикий к. Горный к. Винторогий к.*
2. Самец домашней козы. *От него как от козла молока* (нет никакой пользы, проку; разг., неод.). *Пустить козла в огород* (посл.: допустить кого-н. туда, где он может навредить или поживиться; разг.). *К. в канусте* (о том, кто допущен туда, где ему хорошо, но где он принесет только вред; разг., шутил.).
3. Род игры в карты, в домино (разг.).

Как видно из толкования, основное значение слова *bastard* – это внебрачный ребенок, факт, который в прежние века вызывал жестокое порицание и часто влек за собой суровое наказание родителей и обречение ребенка на вечное проклятие и ощущение чувства вины. В современном мире, когда гражданские браки стали обыденным явлением, статус незаконнорожденного ребенка поменялся, данный факт личной биографии не является чем-то постыдным.

Изменения социальных стандартов повлияли на изменение оценки и отношения людей к незаконнорожденным детям. Изменился и смысловой потенциал данного слова. В современных текстах лексема «*bastard*» чаще всего используется именно в экспрессивно-оценочном значении, так как ее денотативное значение, содержащееся в предметно-логической части, за редким исключением в настоящее время не является актуальным или вызывающим повышенный интерес. Употребление слова «*bastard*» в значении «внебрачный, побочный ребенок» скорее будет восприниматься как некорректное, неуместное и нетолерантное отношение к собеседнику.

Слово «козел», использованное в качестве переводческого решения, также, согласно данным толкового словаря русского языка С. И. Ожегова,

нельзя назвать инвариантом перевода. Сразу оговоримся, что слово «козел» является многозначным, в числе его значений отмечаются: наименование спортивного снаряда, особый, резкий вид прыжка (человека или самолета) и другие значения, которые во внимание в данном исследовании не принимаются.

Однако если обратиться к словарю синонимов в поиске слов, близких по значению, то можно увидеть значительное количество инвективов, которые органично вписываются в приведенный выше контекст, так как их основная функция – это выражение отрицательной эмоционально-оценочной коннотации: *балбес, балда, бестолочь, баран, глупец, дебил, дурак, кретин, негодяй, отморозок, сволочь, скот, тупица* и другие [Академик, 2020; <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/85118>]. Учитывая, что «bastard» используется в приведенном контексте как бранное слово в значении «недостойный, никчемный человек» [Академик, 2020; <https://academic.ru/searchall.php?SWord=ублюдок=>], а в данном контексте актуализирована именно отрицательная коннотация, совершенно приемлемо выглядит переводческая трансформация «*bastards* → *козлы*», где главным критерием эквивалентности является функциональная замена.

Следующий пример заслуживает особого внимания:

What the «I» is for I can't say, but they used to be grand kind o' people, high-feathered as fancy fowl [Mary Mapes Dodge. *Hans Brinker or the Silver Skates* (1865)] – *Вот только к чему тут «я», не знаю, впрочем, это были важные господа, напыщенные, как индюки* [Мэри Мейпс Додж. *Серебряные коньки* (М. И. Клягина-Кондратьева, 1941)].

В английском языке слово «fowl» обозначает любую домашнюю птицу, в то же время контекст употребления данного слова показывает, что речь идет о «важных, значимых» людях. В русскоязычном варианте перевода слово «fowl» интерпретировано как `индюк`, хотя в английском языке употребление слова «turkey» (индюк) в таком смысле исключено, так как его коннотативное значение, зафиксированное в словаре, – это `глупый, ведущий себя

неуместным образом человек` (*a stupid, foolish, or inept person*) [MWD, 2019]. Таким образом, можно заключить, что, несмотря на расхождение денотативных значений, выбор переводчиками в качестве слов-эквивалентов в языке перевода лексем «козлы» и «индюки» по отношению к единицам языка-источника – отрицательному, общеоценочному «bastards» и собирательному, эмоционально-оценочно маркированному благодаря контексту «fowl» вполне оправдан и обусловлен принципом функционального соответствия.

Предваряя заключительную часть данного раздела, необходимо отметить следующее: в настоящей работе относительно редко в качестве иллюстрации приводятся денотативные или коннотативные значения слов, зафиксированные в словаре, чаще всего мы обращаемся к лексикографическим источникам, для того чтобы продемонстрировать специфику актуализации коннотативного значения в процессе естественной коммуникации. Большая часть иллюстративного материала представлена текстовыми фрагментами, которые рассматриваются в качестве «результата» и «процесса когнитивно-коммуникативной деятельности» [Чернявская, 2017 : 138].

Использование теории лакуарности применительно к исследованию коннотации языковых единиц в межъязыковом аспекте является особо перспективным, позволяющим систематизировать представления о феномене коннотации в рамках современной лингвистики. «The lacunology as lacunae theory is a young science with challenging of describing and analysing lacunae in the international dimension» [Anokhina, 2013 : 166] – «Лакунология как теория лакун – это молодая наука, которая пытается описать и проанализировать лакуны в международном измерении». Определение коннотативных лакун, выявленных в процессе межъязыкового сравнения, перемещает коннотацию с периферийных зон научных изысканий на центральные позиции.

Интеграция принципов теории лакуарности и базовых положений сопоставительной лингвистики позволяет установить посредством

межъязыкового сопоставления закономерности, связанные с феноменом коннотации, подвести теоретическую базу под явления, легко продуцируемые и воспринимаемые носителями языка, но вызывающие трудности при интерпретации представителями иных языков и культур. Рассмотрение полученных данных с позиции когнитивной лингвистики приближает ученых к решению вопроса об организации знаний о мире, образовании переносных эмоционально-оценочных значений и их репрезентации в языке.

3.3. Методология экспликации коннотативного значения

Природа коннотативного значения языковых единиц такова, что, с одной стороны, никто не подвергает сомнению сам факт существования коннотации, считающейся языковой универсалией. С другой стороны, будучи исключительно антропоцентричной, «пропитанной» субъективностью, коннотация с трудом поддается теоретико-методологической унификации, статистическим, инструментальным и иным формализованным методам исследования, позволяющим рассматривать коннотацию отвлеченно от контекста и человека.

Обусловленность коннотативного значения нелингвистическими факторами, ее неразрывная связь с категорией оценки привели к тому, что в качестве аналитического инструментария широко используется интуиция исследователя, интерпретация языкового материала с опорой на не только лингвистические данные, но и на сведения из этнологии, культурологии, психологии, социологии и ряда гибридных наук, о которых мы писали в первой главе. Таким образом, учитывая специфику объекта исследования данной работы, представляется особенно важным определить с применяемой методикой исследования коннотации. Главным критерием отбора методологического инструментария является его применимость для проведения определенных операций над языковыми единицами с коннотативным значением, возможность описания результатов сопоставления

двух и более языков с целью создания основы для дальнейшего изучения коннотации как целостного фрагмента языковой системы.

Так как языковые единицы с коннотативным значением существуют на разных уровнях языка (на морфологическом, лексическом, синтаксическом и гиперсинтаксическом), то и методы, используемые для описания проявления коннотации, отличаются от уровня к уровню: от относительно формализованного компонентного анализа на морфологическом и лексико-семантическом уровнях до контекстуально-интерпретативного на гиперсинтаксическом уровне с элементами дискурсивного анализа, контент-анализа, сопоставительного анализа и использованием перевода в качестве технического приема. Отметим, что на каждом уровне методы могут комбинироваться с целью получения максимально структурированного, репрезентативного, обладающего доказательной силой результата.

Такая методологическая «размытость», повторимся, обусловлена самой природой объекта настоящего исследования: образование коннотативного значения выходит далеко за рамки лингвистики. Появление у слова переносных значений, процесс смыслопорождения и оперирование многозначными языковыми единицами в бесконечном количестве контекстов и конситуаций связаны с работой сознания, познания, памяти, что относится к когнитивной деятельности человека. Таким образом, ключевым методологическим принципом настоящей работы является интегративный подход, предполагающий конвергенцию различных методов анализа для аккумуляции их методологического потенциала с целью холистического и непротиворечивого описания феномена коннотации с привлечением материала различных языков и культур.

3.3.1. Компонентный анализ как метод выявления коннотативных сем

Идея разложения лексического значения слова на элементарные смысловые единицы, обладающие планом содержания и выражаемые с

помощью метаязыка, получила в лингвистике название компонентного анализа (КА), успешно применяемого при исследовании лексики, грамматики и синтагматики. Источником формирования КА послужили работы Ф. де Соссюра и Л. Ельмслева, в которых высказывалось предложение о необходимости выделения мельчайших компонентов плана содержания языковой единицы, комбинации которых создают или модифицируют значение слова. Именно способность КА выстраивать «мост» между лингвистическим (значение слова) и ментальным (смыслы) повлияла на решение включить его в число необходимого инструментария для исследования коннотативного значения.

Помимо этого, значимость КА для работы с коннотативными семами определяется его связью с этнолингвистическими исследованиями сопоставительного характера, начало которым было положено в середине прошлого века на языковом материале, обозначающем термины родства [Lounsbury, 1956; Wallace, Atkins, 1976].

Процедуры КА, являвшегося одним из самых востребованных в рамках структурной лингвистики, постоянно совершенствуются и дополняются новыми подходами, позволяющими выявлять закономерности смысловой структуры языковой единицы, структуры значения слова, а также функционирования языковых и речевых единиц [Goodenough, 1956; Lounsbury, 1956; Katz, Fodor, 1963; Burling, 1964; Bolinger, 1967; Ахманова, Глушко, 1969; Кузнецов, 1971, 1988; Гулыга, Шендельс, 1976; Гинзбург, 1978; Nida, 1975; Селиверстова, 1975, 2002; Караулов, 1980, 1982; Стернин, 1986; Кузнецов, 1971, 1986, 1988; Скаличка, 1966; Арнольд, 1991; Апресян, 1995; Гак, 1998; Стадульская, 2012, и др.].

Как отмечается в работе И. В. Арнольд, учитывая, что «по характеру передаваемой информации и прагматическому статусу различают семы, относящиеся к денотативному, т. е. предметно-логическому, значению слова и коннотативные, отражающие прагматику акта коммуникации, связанные с оценкой, которую говорящий дает предмету речи, с его эмоциональным

состоянием, желанием воздействовать на собеседника, с обстановкой акта общения, определяющей его функционально-стилистическую окраску» [Арнольд, 1991 : 55], в текстах нередко именно коннотативная часть языковых единиц играет особо важную роль в процессе смыслопостроения. Поэтому КА является особенно эффективным, когда требуется описание значения языковой единицы посредством разложения ее значения на элементарные семантические составляющие, что делает применение КА удобным инструментом при работе с коннотативными семами или коннотемами.

Дж. Лайонз, описывая компонентный подход к семантике, отмечал, что в период активного внедрения компонентного анализа в многочисленные лингвистические исследования «можно было бы надеяться описать смысл всех слов языка в терминах их конечных семантических компонентов» [Лайонз, 1999 : 498]. Это высказывание отражает стремление, характерное для начального этапа применения КА, – описать «словарный состав всех естественных языков» с помощью «конечного множества семантических компонентов» [Лайонз, 1999 : 498]. Однако с этой утопической идеей, напоминая стремление первых компаративистов полностью реконструировать праязык, лингвисты распрощались еще в конце прошлого века, оставив за собой полное право исследовать с помощью КА отдельные фрагменты лексических систем [Левицкий, 2006 : 88–89], упорядочив их – по возможности – согласно законам логики.

Компонентный анализ может применяться как при исследовании лексической системы одного языка, так и для сравнения и выявления общего и специфического в лексических системах разных языков. Помимо использования КА для описания лексической системы одного языка или для контрастивного сравнения лексического материала разных языков, когда в качестве *tertium comparationis* выступает семантический компонент (сема), а объем языкового материала задается семантическим полем [Кузнецов, 1988 : 40-42], возможно применение КА и в переводоведении. На закономерность и

перспективность такого использования классической методики КА указывал В. Н. Манакин, подчеркивая важность проведения исследований в области сопоставительной семантики с использованием перевода в качестве исследовательского инструмента [Манакин, 1999 : 6].

По мнению П. Ньюмарка, основной целью КА как метода, применяемого в процессе перевода, является сравнение значения отдельного слова исходного языка (ИЯ) со значением тождественного слова языка перевода (ПЯ) и выявление сходных и различных компонентов смысла, а также их комбинаций. Обычно слово ИЯ обладает более специфическим значением, чем соответствующее слово ПЯ, поэтому переводчику приходится искать способы компенсации данного расхождения, чтобы добиться наибольшего сходства с текстом оригинала [Newmark, 2006 : 114].

Продемонстрируем данное утверждение на материале слов-эквивалентов русского и английского языка, не осложненных, по данным лексикографических источников, коннотативным значением. Например, английское слово *collapse* – *коллапс* в русском языке может быть истолковано как: *волновой коллапс, гидродинамический коллапс, гравитационный коллапс*; как видно из примеров, сфера употребления данного слова ограничивается в основном научно-профессиональной средой медицины, физики, астрономии. Книжный характер этого слова устанавливает определенные рамки использования в русском языке.

В английском языке, несмотря на один и тот же источник заимствования (лат. *collapsus* – потерявший сознание), слово претерпевает значительное семантическое развитие, благодаря чему область его употребления – значительно шире: *he sank upon the ground in a collapse of misery* – он опустился на землю, охваченный отчаянием; *the building is in danger of collapse* – зданию грозит обрушение.

Компонентный анализ данного слова позволяет выявить следующие дифференциальные семы: ‘внезапный’, ‘неожиданный’, ‘резкий’ и ‘сильный’. Поэтому при переводе данного слова в нейтральных русскоязычных текстах

лучше использовать не его словарный эквивалент «коллапс», имеющий идентичную этимологию, а либо «*обвал, крушение*», либо словосочетание «*резкое падение*», где дополнительное слово косвенно указывает на перечисленные выше дифференциальные семы, или другие члены синонимического ряда: *упадок, разрушение, изнеможение, истощение, крах*.

По наблюдению П. Ньюмарка, компоненты смысла сравниваемых лексических единиц могут обладать различной референтной и прагматической соотнесенностью. Дифференциация по принципу референтной соотнесенности может быть обусловлена разныи строением, формой, размером и функциями референтов, а с прагматической точки зрения специфику каждого слова определяют: частота и сфера употребления, стилистическая окраска (как в приведенном выше примере), культурный контекст и, конечно, коннотация (понятие «коннотация» у П. Ньюмарка соответствует ее широкой трактовке).

В иной формулировке эта идея звучит у российского лингвиста В. Е. Чернявской: рассуждая о специфике метафорического значения, автор делает акцент на важности «имплицитного приращивания смысла к эксплицитным значениям» [Чернявская, 2017 : 137] и потенциальной возможности имплицитных смыслов в результате такого «приращивания» «превосходить последние в суммарном объеме информации» [Чернявская, 2017 : 138].

Это высказывание включает в себе очень важную идею, которая при рассмотрении ее в аспекте исследования коннотативного значения с помощью компонентного анализа может быть сформулирована следующим образом: денотативное значение как эксплицитное, лежащее на поверхности, воспринимается в первую очередь, а под воздействием имплицитного коннотативного значения может не просто претерпеть некоторые изменения, но трансформироваться в иную сущность.

Значение КА с целью выявления дифференциальных сем вообще и коннотем в частности для процесса (и результата) перевода трудно

переоценить, особенно если под переводом понимать «упорядоченную перестановку компонентов значения, которая характерна для обоих лингвосоциумов» [Newmark, 2006 : 115]. Использование КА наиболее эффективно при анализе: 1) многозначных слов, 2) слов-реалий и культурно значимых слов, 3) синонимов, 4) неологизмов.

Относительно первой группы – многозначных слов – следует заметить, что данные двуязычных словарей часто являются недостаточными для того, чтобы определить коннотативное значение переводимого слова, а нередко некоторые словари ограничиваются последовательным перечислением синонимов, не уделяя должного внимания выделению значимых семантических компонентов слова (в число которых входит и коннотация), дифференцирующих синонимы.

Порою «проблемные» многозначные слова имеют два относительно равноценных компонента значения, так, «мрачный» – это: 1) *темный, тусклый, неясный, невидимый* и 2) *низкий, дурной, безнравственный, подлый; хмурый*. Часто выбор перевода зависит от контекста и предполагает несколько вариантов, при этом «возврат» к исходному слову текста оригинала становится фактически невозможным, если для проверки использовать прием обратного перевода: *I hope you will no longer keep me in the dark.* – *Я надеюсь, что вы больше не будете держать меня в неизвестности/неведении.*

Коннотация (положительная или отрицательная) у слов-эквивалентов может не совпадать или быть даже противоположной, когда речь идет об идеологических установках, под которыми мы понимаем систему доминирующих концептуальных представлений членов определенного лингвосоциума (не только политические взгляды). Так, например, слово «ambitious» обладает положительной коннотацией в английском языке. Социокультурные, политические, исторические условия, способствующие самореализации носителей английского языка, характеризуются особым подходом к предпринимательству, к сфере свободного бизнеса, в котором, в отличие от государственной сферы, человек может рассчитывать только на

себя и, соответственно, должен развивать особые качества, помогающие ему выжить и сохранить свой бизнес.

Его словарный эквивалент в русском языке – «амбициозный» – обладает отрицательной коннотацией, о чем свидетельствуют его словарные толкования, синонимические ряды и контексты употребления. Так, «амбициозный» трактуется как *«обладающий обостренным самолюбием, чрезмерным самомнением; чванливый, спесивый»*, а в качестве синонимов приводятся, в частности, такие слова, как: «самолюбивый», «чванливый», «высокомерный», «тщеславный», «чрезмерно/обостренно честолюбивый» [Академик, 2020].

Контексты употребления подтверждают данные лексикографических источников:

«Он очень упертый и амбициозный, у него репутация человека, который ни разу за все время работы не допустил необоснованных задержаний или обысков, поэтому понятно, что он страшно боится эту репутацию утратить» [Маринина, 2014].

«Может ли случиться так, что грант получит не гениальный ученый, а посредственный, но амбициозный?» [Ротару, Гельфанд, 2010].

«Как исключительно метко все это описано у Василия Макаровича Шукшина в рассказе «Срезал», героем которого выступает амбициозный деревенский жлоб» [Баранов, 2016].

«В принципе, я считаю, он наносит вред нашей стране. Это безответственный, болтливый и амбициозный человек. Просто он существует 10 лет в политике, имеет определенное число сторонников – вот и все!» [Нузов, 2003].

Компонентный анализ слов-эквивалентов при межъязыковом сравнении позволяет установить степень тождественности, провести интра- и интеръязыковую коллинеацию и выбрать наиболее оптимальный вариант перевода, которому могут препятствовать очевидные формальные признаки

(омофонность или паронимия) и/или совпадение денотативного значения сопоставляемых языковых единиц.

Вторая группа – слова-реалии, культурно значимые и идеологически заряженные слова, представляющие трудность для переводчика и читателя. Наиболее распространенными приемами перевода, используемыми в этом случае, являются транскрибирование, поиск функционального или культурного эквивалента. Многое зависит от типа текста и значимости реалии для данного текста и для читателей. В итоге переводчик должен проанализировать результат компонентного анализа и при принятии окончательного решения выбрать по крайней мере один дескриптивный и один функциональный компонент. Использование КА позволяет в таких случаях достичь наибольшей точности в процессе перевода.

В случае межъязыкового сравнения языковых единиц, осложненных коннотативным значением, компонентный анализ фокусирует внимание на оценочном компоненте значения. К культурно значимым, социально значимым и идеологически «заряженным» словам русского языка можно отнести слова «перестройка» и «гласность», не так давно царившие в прессе, на телевидении и радио.

Наивно предполагать, что в английском языке не существует эквивалентов для этих слов. Вот краткий перечень словарных эквивалентов «перестройки»: 1) *rebuilding, reconstruction*; 2) *reorganization* 3) *reformation* 4) *restructuring*; «гласности»: 1) *publicity*, 2) *openness*. Кроме того, в английском языке существует устойчивое словосочетание «Great Rebuilding» (Великая перестройка), обозначающее реорганизацию застройки сельской местности в Англии, начавшуюся в середине XVI в. [Hoskins, 2005]. Однако газеты и журналы всего мира в конце XX в. запестрели транслитератами «perestroika» и «glasnost», подчеркивая важность процессов, называемых этими словами, для страны-источника.

Исходная форма слова «перестройка» в русском языке существовала с древних времен (корень «строить» зарегистрирован в др.-русском языке) и

активно использовалась в качестве основы для различных деривационных процессов. В словаре Д. Н. Ушакова у слова «перестроить», от которого образовано слово «перестройка», указывается три значения, в числе которых отмечены и переносные не коннотативные значения [Ушаков, 2008]:

1. *что*. Построить по-иному, произвести переделку в какой-нибудь постройке. Перестроить здание.

перен. По-иному расставить, расположить. Перестроить фразу.

перен., *кого-что*. Переделать, изменить. «*Какая ничтожная малость может иногда перестроить всего человека*» А. Тургенев.

2. *кого-что*. Заново, по-иному расположить строй чего-нибудь (воен.). Перестроить ряды. Перестроить батальон. Перестроить колонну.

3. перен., *что*. Изменить порядок, систему в каком-нибудь деле.

Но только актуализация экспрессивно-оценочной национально-специфической коннотации способствовала такому активному употреблению и повсеместному заимствованию данной лексической единицы в языках мира.

Внедрение русскоязычных транслитератов «perestroika» и «glasnost» вместо «rebuilding», «reformation», «restructuring» и «publicity», «openness» в английский и иные языки связано, в первую очередь, с их идеологическим подтекстом и коннотацией, которая, кстати сказать, значительно отличалась в разные периоды существования государства, изменяясь от исключительно положительной оценки, отражающей отношение говорящих к переменам, происходящим в стране в конце девяностых, до крайне отрицательной оценки спустя некоторое время, связанной с «перекосами на местах», гипертрофированным «исполнительством» некоторых особо ретивых чиновников и неосуществившимися мечтами населения. Следующие примеры демонстрируют положительную коннотацию слова «перестройка»:

«*И у вас в России все хорошо. Перестройка, гласность, Горбачев. Великий человек. Харизма*» [Войнович, 1999].

«1989-й год. Перестройка, гласность, потепление отношений. По-моему, все, кто приехал, за исключением девочки, сломавшей ногу, остались очень довольны» [Букин, 2001].

«И вот, наконец, перестройка, гласность. Семена Израилевича Липкина восстановили в Союзе писателей, стали печатать и печатают по сей день» [Полищук, 2003].

О появлении иной коннотации – отрицательной – свидетельствуют фрагменты текстов, появившиеся спустя несколько лет после начала перестройки:

«Папа-мама? Сейчас перестройка, гласность. – Что-о? – взревел майор» [Гиголашвили, 2007].

«– Вижу. Перестройка, гласность, весело становится. История поворачивает. – Весело... Скоро история людей жрать начнет, из поворота вышвыривать» [Илличевский, 2009].

Последний пример представляет особый интерес в аспекте влияния контекста на актуализацию коннотативного значения. Отдельно взятая фраза *«...Перестройка, гласность, весело становится»*, казалось бы, не имеет ничего общего с отрицательной коннотацией, повтор слова «весело» способствует интенсификации значения, но какого – выясняется ближе к концу предложения, когда читатель встречает слова *жрать* и *вышвыривать* и весь контекст получает отрицательную оценку, а слово «весело» демонстрирует возможность образовывать «внутрисловную антонимию», или энантиосемию [Shmelev, 2012]. Своеобразный конфликт между словарным значением и контекстуальным создает когнитивное напряжение и повышает экспрессивность данного фрагмента текста.

Третья группа слов, в которой применение компонентного анализа особенно эффективно при внутриязыковом и межъязыковом сопоставлении, – это синонимы. Важность использования синонимов в художественном тексте трудно переоценить. По мнению К. И. Чуковского, «одним из проявлений мастерства пишущих и говорящих» является их умение использовать

синонимическое богатство языка [Чуковский, 2008 : 88]. В большинстве случаев синонимы взаимодополняют друг друга, каждый синоним может подчеркивать некие оттенки значения и коннотации, не передаваемые другими членами синонимического ряда.

Так, синонимический ряд языковых единиц, выражающих общее значение «человек, следующий установившемуся шаблону, рутине; человек, придерживающийся консервативных, устаревших взглядов и принципов (от лат. *conservator* – охранитель) [Ушаков, 2008; Ожегов, 1975; Ефремова, 2000], включает в свой состав среди прочих: *рутинер, рутинист, реакционер, человек старой закалки, человек старого покроя, консерватор, ультраконсерватор, сверхконсерватор, зубр, ястреб, охранитель, тори* [Glosum, 2020]. Как видно из этого списка, в большинстве своем синонимы, образованные путем метафорического переноса, выражают отрицательную коннотацию. В число таких синонимов можно включить и слово «динозавр», у которого, согласно словарю С. И. Ожегова, имеется переносное значение «человек ветхозаветных взглядов с устаревшими понятиями о долге, чести, морали (*разг., шутл.*) [Ожегов, 1975]. Приведем несколько примеров, в которых актуализировано именно коннотативное значение данного слова:

*«...но говорил мне это, отлично помню, в нашу первую встречу в Дижоне, до которого я сам, наконец, доехал (на том огромном, бензинопожигающем к тому времени уже воспринимавшемся как пережиток прошлого, **динозавр** восьмидесятых, за смехотворную сумму в две с половиной тысячи марок купленном мною «Опеле Коммодоре», на котором я ездил тогда по Европе)» [Макушинский, 2012].*

*«– Слушай, **динозавр** известкового периода, а ты не консультировался у Матвейча насчет своего дефекта речи?» [Белянин, 999].*

*«Обычно студенты говорят, что это фантастика, что написанное выше полно логических противоречий, что такой **динозавр** в условиях современного рынка не протянет и месяц» [Малинецкий, 1998].*

«О чем поет ночная птица? *Динозавр* отечественного рока. Константин Никольский в ГЦКЗ “Россия”. Сегодня и завтра» [Афиша, 1997].

Наличие похожей коннотации демонстрирует слово-эквивалент английского языка «dinosaur». Так, в Oxford English and Spanish Dictionary, Thesaurus, and Spanish to English Translator второе значение лексемы «dinosaur» представлено следующим образом: «A person or thing that is outdated or has become obsolete because of failure to adapt to changing circumstances: *I still get invites but I feel like a **dinosaur** and a bit of a has-been now.*’ *He is like a Tyrannosaurus Rex, leading a herd of corporate **dinosaurs** over the cliff and bellowing as he goes*’» [OESDTSET, 2020].

Эта коннотация содержится и у одного из лексико-семантических вариантов соответствующей лексемы испанского языка: «*Los Rolling Stones son los **dinosaurios** del rock*» – «Роллинг Стоунз – рок-динозавры»; «*Ees un joven ambicioso que ve al veterano actor como un viejo **dinosaurio***» – «он амбициозный молодой человек, который смотрит на пожилого актера как на старого динозавра» [OESDTSET, 2020].

Аналогично можно провести компонентный анализ слов «зубр» и «ястреб», комбинация коннотативных и неконнотативных сем которых позволяет выявить тончайшие оттенки, различающие данные синонимы и заставляющие говорящего интуитивно в процессе коммуникации делать мгновенный выбор в пользу одного из них.

Четвертая группа языковых единиц, компонентный анализ которых приносит положительные результаты при работе с коннотативными семами, – это группа неологизмов. Обусловленность их появления культурными, политическими, социоэкономическими и технологическими факторами является индикатором потенциальной связи с коннотацией.

Порой именно КА может помочь выделить все компоненты смысла и интерпретировать их корректно. Значимость компонентного анализа становится понятной, учитывая, что истинный неологизм, как правило, не зафиксирован в словарях, не апробирован большим количеством носителей

языка в повседневной коммуникации – как в родном языке, так и в иностранном, следовательно, переводчик может быть первым, кто выбирает способ перевода и «вводит» это слово в язык перевода.

Классическим примером неологизма может служить многозначное слово «troll», одно из значений которого восходит к наименованию мифологического существа, принадлежащего норвежскому фольклору. В настоящее время у этого слова появилось новое значение с исключительно отрицательной коннотацией, которое уже породило дериват – «trolling» в английском языке, а также успешно было заимствовано во многие языки мира, в том числе и в русский. Ниже приведены несколько примеров использования переносного значения этого слова в английском языке и их перевод на русский язык [КРАС, 2020]:

1. <i>Because you were the first to troll Jennifer's video.</i>	<i>Потому что ты первая начала троллить под видео Дженнифер.</i>
2. <i>Someone keeps trolling our campaign site.</i>	<i>Кто-то продолжает троллить сайт нашей кампании.</i>
3. <i>I should have known that once they got wind of our little plan, they would start trolling us.</i>	<i>Как я не подумал, что стоит им прознать о нашем плане, как троллить начнут нас?</i>
4. <i>You still have your Internet trolls who tweet anonymously?</i>	<i>У вас еще есть интернет-тролли, которые твиттерят анонимно?</i>

Внутренняя форма данного слова активизирует в подсознании образ мифологического существа, которое исподтишка делает подлые вещи, строит людям козни.

Относительно новым словом является лексема английского языка «chillax», образованная путем слияния начальной части слова «chill» (остынуть) или «chill out» (успокоиться, расслабиться) и конечной части слова «relax» (отдыхать, расслабляться). Значение данной телескопной номинативной единицы – «расслабьтесь, не беспокойтесь», а употребляется оно для выражения дружелюбного, положительного отношения к собеседнику.

Оригинальное переводческое решение, учитывающее механизм словообразования слова «chillax», задействованный в языке-источнике, предлагает поисковая система для переводов в контексте – Reverso Context:

«I asked Andy, and he told me to «chillax», and then went away on a big long boat ride. – Я спросил Энди, и он сказал мне «успокобиться» [сочетание слов «успокоиться» и «расслабиться»], а затем он отправился в долгосрочное плавание» [Reverso, 2020].

Анализ четырех перечисленных проблемных областей, в которых применение КА особенно плодотворно, демонстрирует его актуальность и значимость в аспекте прикладной работы с денотативными и коннотативными семами, обоснования коннотативной диасемии, осуществления коннотативной коллинеации.

3.3.2. Использование сравнительно-сопоставительного и контрастивного анализа для изучения коннотации

Избирательность человеческого разума, его безграничные креативные возможности, реализующиеся в процессе обозначения всего сущего в вербальной форме, а также создания разнообразных комбинаций структурных компонентов, влекут за собой дифференциацию значений языковых единиц, определяемых как тождественные в переводных словарях. Слова-эквиваленты, имеющие одинаковое денотативное значение, могут значительно различаться по смыслу, особенно в случаях, когда слово содержит оценочную информацию, формируемую под влиянием социальных, психологических, культурных, исторических и этнографических факторов, а также обусловленную познавательной деятельностью человека.

Так, например, лексема английского языка «donkey» («осел») коннотирует значение «терпеливый», а в русском языке соответствующая ей лексема «осел» – значения «упрямый, глупый», в то время как для жителей горной местности, расположенной в Карачаево-Балкарии и Дагестане, осел

(ишак), являясь незаменимым помощником в домашнем хозяйстве, коннотирует такие положительные качества, как старательность, усердность, выносливость: «видимо, поэтому в поговорках (Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Дагестана. – Добавлено нами. – *Н. К.*) осел символизирует трудолюбивого человека» [Кремшокалова, 2012 : 98].

Иногда трудно объяснить, почему то или иное свойство или качество приписывается определенному объекту или субъекту. Подобные различия, если на них не обращать внимания при изучении иностранных языков, являются дополнительными факторами, вызывающими в практике устного и письменного межкультурного взаимодействия недопонимание.

В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть важность изучения коннотации путем сопоставления языков и акцентирования внимания на контрастах, потому что «язык может использоваться не просто как инструмент общения, но как средство, позволяющее видеть культурные процессы в особом ракурсе» – «*language can be used as a window on cultural processes, not just as a tool of communication*» [Landis, 2004 : 1].

Дифференциация словарного запаса различных языков именно по критерию коннотативного потенциала языковых единиц порождает значительные трудности как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Для решения проблем теоретического характера, систематизации знаний о коннотативном значении в настоящей работе используется сравнительно-сопоставительный метод; контрастивный метод исследования коннотации предназначен для решения прикладных задач, в первую очередь, проблемы интерференции родного и иностранного языков.

В частности, при межъязыковых трансформациях в рамках межъязыкового общения часто происходят стилистические и смысловые упущения, так как перевод – это «не только преобразование одной языковой системы в другую, но и сравнение разных культур» [Говердовский, 2007: 122]. Коннотативное значение для конкретной культуры должно быть не только раскрыто, выявлено в процессе сопоставления, но и надлежащим

образом представлено в переводе. По словам А. Честермана, упущение некоторых языковых единиц, облагораживание или качественное обеднение целевого текста относятся к очень распространенным переводческим ошибкам – «pejorative translating universals» [Chesterman, 2004 : 215–216], существенно ухудшающим качество перевода.

Коннотативные расхождения и сходства представляют большой интерес с точки зрения когнитивной лингвистики, поскольку они содержат материал, релевантный исследованию специфики и закономерностей вербализации представлений об окружающем мире носителей разных языков. Почему, например, в английском языке слово «wolf» – «волк» имеет неодобрительное значение – «мужчина, который часто стремится заняться сексом с женщинами, с которыми встречается» (в русском языке слово «волк» в этом значении не используется). У слова «волк» в русском языке – также ЛСВ с отрицательной коннотацией, но значение иное – «необузданный, опасный, голодный человек». Многие пословицы и устойчивые словосочетания подтверждают наличие именно этого значения: *сколько волка ни корми – он все в лес смотрит; голодный как волк; с волками жить – по-волчьи выть.*

В настоящее время существует больше вопросов, чем ответов, связанных с определением причин возникновения и межъязыковой специфики коннотативного значения. Трудно не согласиться с утверждением Н. Хомского о том, что каждый, кто пытался определить слово, точно знает, что это чрезвычайно сложный, требующий комплексного подхода вопрос: «Anyone who has attempted to define a word precisely knows that this is an extremely difficult matter, involving intricate and complex properties» [Chomsky, 1987 : 21]. Представляется, что убедительные ответы могут быть получены благодаря исследованиям, проводимым с использованием принципов и методов сравнительно-сопоставительной и контрастивной лингвистики. Так, например, исследование, проведенное на лексикографическом материале немецкого языка, выявило, что доля коннотативно заряженного языкового материала составила «в среднем 65,85 %» лексикона (Булдаков, 2011 : 13).

Несомненно, в разных языках статистические данные будут разными, но это делает системное сравнение языков еще более значимым, поскольку ученым предоставляется возможность установить характер качественных и количественных расхождений, систематизировать информацию, которая отображает коннотативную оригинальность языка.

Кроме того, необходимость дальнейшего развития теории значения слова в сравнительно-сопоставительном аспекте, определения значения и значимости коннотации обусловлена тем, что «семантика слова не является простой функцией его структуры, а представляет собой отражение внеязыковой действительности в сознании общества. Семантическая сторона комплекса суждений о мире формирует психику носителя языка и его собственную картину мира, которую он корректирует, сличая с индивидуальными чувственными образами действительности» [Комлев, 2006 : 125].

Сопоставление языков на лексическом уровне в аспекте их коннотативных различий позволяет ученым проследить, как языки «упаковывают» семантический материал в слова, определить сферы реализации коннотативного значения в разных языках, выявить расхождения и усовершенствовать методологию овладения иноязычной коммуникацией.

Учитывая, что коннотативно маркированный лексический материал хранит культурную и историческую информацию, исследования в этой области представляют большой интерес не только для лингвистов-теоретиков и специалистов в области переводоведения, но и для специалистов, проводящих свои изыскания в области этно-, социо- и когнитивной лингвистики, лингвистов-культурологов, кросс-культурных психологов, специалистов в сфере межкультурной коммуникации и истории.

Считаем необходимым подчеркнуть эффективность комбинированного использования сравнительно-сопоставительного (далее сопоставительного) и контрастивного анализа для изучения коннотации. Дифференциация данных методов обусловлена рядом факторов, которые определяют специфические свойства каждого из подходов. В частности, с учетом базовых различий

между сопоставительными и контрастивными лингвистическими методиками, системно и последовательно задекларированными в работе И. А. Стернина [Стернин, 2008 : 390–393], представим наши соображения, положенные в основу предложения о необходимости именно комбинированного использования сопоставительного и контрастивного анализа коннотативно маркированных языковых единиц.

Валидность сравнительно-сопоставительного подхода к исследованию коннотации может быть выражена в следующих тезисах:

1. Коннотация представляет собой универсальное явление, обладающее национально культурной спецификой. Эта универсальность обуславливает широту охвата и значительный объем материала. Учитывая значительное количество языковых единиц – носителей зафиксированного в лексикографических источниках коннотативного значения, их представленность на разных уровнях языка, а также фактически неограниченный потенциал образовывать отрицательные или положительные коннотации под воздействием контекста или конситуации, можно предположить возможность выделения отдельной коннотативной подсистемы в системе каждого естественного языка.

2. Привлечение данных разных языков позволяет добиться большой репрезентативности и продемонстрировать специфику образования коннотативных значений не только в зависимости от степени родства языков, но и под воздействием социокультурных, национально-этнических, историко-политических, психологических и экономических факторов. Последовательное, системное привлечение результатов исследования различных языков открывает возможность выявления общечеловеческих универсальных моделей мышления, задействованных в процессе образования коннотативного значения у языковых единиц.

Контрастивный метод является базовым методом контрастивной лингвистики, целью которой является выявление различий между языками на всех уровнях языковой системы [Chesterman, 1998; Whorf, 1972]. Валидность

контрастивного подхода к исследованию коннотации может быть выражена в следующих тезисах:

1. Доказательная сила исследования иллюстрируется на материале отдельных языковых единиц – ключевых аналитических конструкторов, используемых в качестве членов контрастивной пары. Фокусировка на конкретных явлениях как типичных случаях, иллюстрирующих определенные тенденции, характерные для целых групп языковых единиц, обусловлена высокой степенью субъективности явления коннотации. При этом метаязыком исследования служит родной язык исследователя, который является своеобразной точкой отсчета для определения наличия или отсутствия коннотации у исследуемой единицы. Эквивалентные единицы иных языков служат для демонстрации их сходств или различий с коннотативной окраской исходной единицы родного языка.

2. Установленные случаи контраста или лакунарности, выявленные особенности, отражающие национальный менталитет, являются основанием для совершенствования методики преподавания иностранных языков, с одной стороны, с другой стороны, полем для проведения когнитивных исследований, так как такие «патологии» позволяют приблизиться к пониманию самых сложных и неуловимых процессов, происходящих в сфере ментального пространства как отдельного человека, так и целого лингвосоциума.

3. Репрезентативность исследований обеспечивается использованием параллельных корпусов текстов, которые представляют собой огромные базы данных и в то же время позволяют «точечно» подходить к каждой языковой единице, функционирующей в конкретном контексте. Значительное количество иллюстративных контекстов позволяет избежать «прикрепленности» к одному или нескольким авторам, не ошибиться, «выдав» идиостиль конкретного писателя за характерную черту, свойственную тому или иному лингвосоциуму.

Так как коннотация присуща единицам, принадлежащим разным уровням языка, то при межъязыковом сопоставлении языковых единиц-эквивалентов с целью выявления совпадения/расхождения их коннотативного значения на морфологическом и лексическом уровнях в качестве *tertium comparationis* используются семы, выделяемые в процессе компонентного анализа из толкований слов.

В настоящей работе мы исходим из предположения, что наиболее приемлемым метаязыком описания коннотативного значения при межъязыковом сопоставлении является материал живого естественного языка. Отметим, что существуют разные подходы и точки зрения по поводу необходимости метаязыка описания, его формы и основы сравнения.

В некоторых работах сопоставительного мультилингвального характера в качестве *tertium comparationis* предлагается использовать латинский язык [Yaneva, 2017] или визуализацию значения [Ўyras, 2016]. В работах по переводоведению в качестве варианта *tertium comparationis* рассматривается дословный перевод. Одним из наиболее известных подходов, применяемых для толкования значения слов и выявления их сущностных характеристик, является язык «семантических примитивов», разработанный А. Вежбицкой [Wierzbicka, 2002]. Ценность языка «семантических примитивов», по словам К. Годдарда, заключается в том, что семантические примитивы позволяют значительно повысить точность сравнительных исследований, так как они обеспечивают стабильную основу сравнения, позволяющую проводить научные изыскания в области лексической и грамматической типологии: «semantic primes enable improved precision in contrastive studies, essentially because they provide a stable *tertium comparationis* in terms of which one can investigate lexical and grammatical typology» [Goddard, 2004].

При выявлении коннотативных соответствий/несоответствий на синтаксическом и гиперсинтаксическом уровне семантические маркеры коннотативной активности языковых единиц дополняются формальными маркерами (синтаксическими структурами, различными по объему,

особенностям функционирования, частотности). В этих случаях в качестве сопоставляемых единиц (контрастивных пар или межъязыковых соответствий) задействуются фрагменты текстов, обладающие смысловым единством, позволяющим определить наличие коннотации и ее характер.

В случае использования сопоставительного и контрастивного анализа при изучении коннотации целью исследования является установление закономерностей, типологических или характерологических особенностей, выявление национальной специфики отдельных языков на семантико-когнитивном уровне. Результаты таких исследований позволяют установить особенности менталитета, специфику образного мышления, выявить приоритетные образные доминанты, характерные для того или иного языкового сообщества.

В силу своей природы коннотация одновременно соотносится с семантическими, прагматическими и когнитивными явлениями. Поэтому представляется, что при сопоставительном и контрастивном анализе коннотации языковых единиц наиболее приемлемым исследовательским приемом является использование концептуального поля.

Такой подход предопределен основными свойствами коннотации: мы исходим из предположения, что для коннотации наиболее важными семантическими свойствами являются способность выражать и содержать в себе:

- оценку, зависимую от господствующей в обществе системы ценностей;
- эмоциональность, зависимую от психических свойств субъекта общения и ментальности лингвосоциума;
- образность, в основе которой лежат метафорические трансформации, позволяющие проецировать человеку свое восприятие и интроспективные переживания в мир внешний [Переверзев, 1982].

В основе этих свойств лежит, во-первых, философская категория ценностей, обуславливающая в каждой лингвокультуре специфику

содержания концепта «оценка», градуированного по шкале «хорошо – плохо»; во-вторых, концепт «эмоция», состоящий из положительных и отрицательных субконцептов, в большинстве своем являющихся субъективной реакцией, отражающей отношение и оценку индивидом каких-либо явлений окружающего мира (страх, ненависть, радость и т. п.); в-третьих, метафорический образ, который в процессе вербализации концепта становится своеобразным ярлыком-именованием стереотипных представлений, характерных для того или иного лингвосоциума.

Концепты, обуславливающие появление коннотативного значения у языковой единицы, неслучайно определяются учеными как «квант знания» о мире [Кубрякова, 1996 : 90; Попова, Стернин, 2001 : 9; Маслова, 2008 : 46]. Будучи ментальными единицами, отражающими знания носителей языка о мире, концепты, с одной стороны, конвергируют в себе лингвистическое и нелингвистическое (культурно значимое, стереотипное, свойственное определенному лингвосоциуму), с другой стороны, дискретность концепта дает возможность выявить отдельные смыслы, которые провоцируют появление коннотативного значения у языковой единицы.

Специфика использования сопоставительного и контрастивного анализа в рамках лингвистической коннотологии заключается в том, что при сравнении отдельных языковых явлений (фонем или фразеологических единиц) апробация обычно проводится на определенном уровне языка с привлечением соответствующих единиц. Однако в случае когда в качестве объекта сравнения выступает коннотативная окраска слова, исследование выходит за рамки одного уровня языка, а часто и за рамки исключительно лингвистического исследования. В таком случае можно говорить о необходимости проведения макроуровневого междисциплинарного сопоставительного и контрастивного анализа.

Применение сопоставительного и контрастивного анализа в рамках лингвистической коннотологии в теоретическом аспекте позволяет создать целостную модель описания коннотации как языковой универсалии, а в

практическом – создать базу, способствующую овладению иностранными языками и совершенствованию переводческих навыков с учетом важнейших социокультурных параметров, необходимых для успешной коммуникации в поликультурном мире.

3.3.3. Субъективность, возведенная в ранг объективности:

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ КОННОТАЦИИ

Важным исследовательским методом, применяемым для изучения функционирования языковых единиц с актуализированным КЗ, является контент-анализ. Одним из его преимуществ является отсутствие прямой вовлеченности автора письменного или устного текста в процесс получения результатов обработки текста. Исследователь может взять любой текст и подвергнуть его содержание качественно-количественному измерению, а затем проинтерпретировать полученные данные. Методика контент-анализа в первую очередь разрабатывалась для проведения социологических опросов [Krippendorf, 2004; Neuendorf, 2002; Neuman, 2000; Weber, 1990], затем она была успешно адаптирована к условиям проведения социолингвистических исследований [Парахонская, 2006; Shapiro, Markoff, 1997] и собственно лингвистических [Фомичева, 1991; Roberts, 1989].

В аспекте изучения коннотации с привлечением контент-анализа важной представляется непосредственная «привязка» аналитической процедуры к контексту, ведь именно контекст способствует актуализации коннотативного значения у многозначных языковых единиц, у слов, в словарном толковании которых не фиксируется наличие коннотации.

Так, например, слово «оптимизация», по данным толковых и экономических словарей, несомненно, обладает положительным значением. В частности, одно из наиболее общих толкований этого слова звучит следующим образом: «Оптимизация (optimization) – выбор из всех возможных вариантов использования ресурсов тех, которые дают наилучшие

результаты. Часто описывается в виде максимизации целевой функции...» [Академик, 2020]. Однако в последние годы это слово очень часто стало функционировать с актуализированной контекстом отрицательной коннотацией: *«Но вскоре грянула очередная **оптимизация**, и мужу сильно урезали зарплату. Теперь ни о какой няне не может быть и речи. Благо моя мама сейчас не работает и может сидеть с дочкой»* [Труд, 2010]. *«В ходе встречи был затронут и еще один больной вопрос — планируемая в следующем году **оптимизация** сети школ»* [Данилкина, Зимина, 2012]. *«Да, вот еще одно нововведение в Калужской области. Так скажем, оптимизация. Речь о штатном расписании. Количество единиц должностей в штатном расписании теперь строго соответствует количеству работников, т. е. ранее у нас было 12 терапевтических ставок и 8 врачей, а теперь будет 8 ставок на 8 врачей»* [Коллективный Форум, 2013].

Оптимизация – это, в первую очередь, экономический термин, обозначающий «определение значений экономических показателей, при которых достигается оптимум, то есть оптимальное, наилучшее состояние системы. Чаще всего оптимуму соответствует достижение наивысшего результата при данных затратах ресурсов или достижение заданного результата при минимальных ресурсных затратах» [Райзберг, 1999].

Развитию отрицательной коннотации у этого слова способствовали внешние по отношению к лингвистике факторы, когда в понятие «ресурсы» включен человек, а оптимизация, т. е. «достижение наивысшего результата», «наилучшего состояния системы», предполагает совершения определенных действий именно над человеком как над ресурсом. Таким образом, обезличивание человека, представление индивида в качестве неодушевленного существа результирует появлением у слова отрицательной коннотации. Возможно ли лингвисту-теоретику руководствоваться отсылками к ситуациям во внешнем мире, насколько это правомерно? [Смирнов, 2015 : 262]. Ответ на этот вопрос, как нам представляется, можно найти в

рассуждениях В. В. Виноградова, который, рассуждая о значении слова, подчеркивал, что оно «определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова...; оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово, **от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления** (выделено нами. – *Н. К.*), от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений» [Виноградов, 1977 : 165].

Осознанные и отстоявшиеся контексты употребления слова исполняют роль связки между явлениями языка и речи, с одной стороны, и внешнего по отношению к языку мира, с другой стороны, позволяя осуществлять конситуативную интерпретацию – анализ значения слов с учетом языковых и неязыковых компонентов ситуативного контекста, целью которого является установление закономерностей актуализации КЗЯЕ. Употребление слова «оптимизация» с актуализированным отрицательным коннотативным значением – это своеобразная объективация говорящими своих знаний о мире, приобретенных в процессе повседневной социализации.

Контент-анализ позволяет подтвердить сопутствующими контекстуальными фактами интуитивные предположения исследователя-аналитика о наличии эмоционально-оценочных коннотаций у языковой единицы, особенно в тех случаях, когда коннотативное значение слова не зафиксировано в словаре. Конситуативная интерпретация в рамках контент-анализа дает возможность исследователю, непосредственно работая с текстом, учитывать, как и какие лингвистические особенности последнего, а также экстралингвистические факторы повлияли на актуализацию коннотативного значения.

Особенно эффективна конситуативная интерпретация при выявлении идеологических коннотаций, которые оказывают значительное прагматическое воздействие на реципиентов информации, но при этом часто

не представлены на «поверхности» текста. Такая латентность позволяет манипулировать сознанием масс, создавая искусственные символические ценности, которые «рекомендуется» исповедовать. Порождая некий симулякр [Бодрийяр, 2015] для отвлечения внимания от проблем насущных, например образа врага, заангажированные СМИ проводят системную кампанию по закреплению заданного образа в сознании масс. В качестве репрезентативных примеров, демонстрирующих процесс трансформации коннотативно нейтрального словосочетания в экспрессивно-оценочный образ-ярлык, могут служить фрагменты текстов из современных СМИ России и Украины, освещающие строительство Крымского моста:

«Крымский мост продолжает строиться ударными темпами. А Игорь Корсаков продолжает делать свои репортажи и регулярно рассказывать нам о ходе этого грандиозного строительства» [<http://новости.ru-an.info/новости/крымский-мост>, 2018].

«Режиссер Тигран Кеосаян и оператор-постановщик Игорь Клебанов сняли романтическую комедию «Крымский мост. Сделано с любовью!». Автор сценария киноленты – Маргарита Симоньян, музыку для фильма написал Сергей Трофимов. В центре сюжета – большая стройка в Керченском проливе и жизнь вокруг нее. Это истории приезжих строителей и местных жителей, для которых Керчь и Тамань стали общим домом» [<http://www.most.life/novosti/>, 2018].

«Официальная страница Моста через Керченский пролив в Крым. #Стройкавека глазами Моста #ждеммост» [https://twitter.com/krymsky_bridge, 2018].

«Крымский мост в ожидании миллионного туриста» [<https://utro.ru/economics/>, 2018].

Данный материал, помимо описания конкретных фактов, лингвистически формирует позитивное отношение и положительную оценку происходящего. По нашему мнению [Кислицына, 2018 : 158], такой лингвистический креатив [Гридина, 2015; Радбиль, 2017 : 16] авторов

позволяет «осваивать» действительность и формировать речеповеденческую модель носителей русской лингвокультуры. Аналогичная мысль относительно роли эмоционального аспекта текста высказывается А. А. Залевской, автор подчеркивает значимость «эмоционально-смысловой доминанты текста» [Залевская, 2005 : 355–356], оказывающей мотивирующее воздействие на сознание читателя. Дополнительными индикаторами намеренного формирования положительной коннотации, позитивного отношения и образа «Крымский мост» являются эпитеты, метафоры, клишированные фразы, а также повтор прецизионной информации, оперативно сообщаемой со строительной площадки (объективные сроки строительства, даты, связанные с определенными важными этапами, точные данные по размерам конструкции, объемы используемых материалов и т. д.).

Кардинально противоположная модель восприятия формируется в украинских русскоязычных СМИ:

«Скандально известный Керченский (Крымский) мост соединяет аннексированный украинский Крым с Таманью и продолжает строиться. Подвижные грунты на дне пролива, сейсмическая опасность района, опасность разрушения, чудовищные затраты – ничто не останавливает эту авантюру» [<http://profidom.com.ua/video/klub-stroitelej>, 2018].

«В этом порту говорят, что Керченский мост превратил Азовское море в закрытый водоем...<> В Министерстве инфраструктуры Украины мост в Керченском проливе называют самостроем» [https://petrimazepa.com/panamax_ne_proidet, 2018].

«Украина имеет намерение в ближайшее время провести всеобъемлющую экологическую экспертизу по строительству Крымского моста, которым оккупанты соединили аннексированный полуостров с материковой частью России через Керченский пролив. Также, в случае подтверждения угрозы экологической катастрофы, украинская власть

обратится к странам Черноморского бассейна»
[https://24tv.ua/ru/krymskij_most_mozhet_povlech, 2018].

«Как видно из кадров, Крымский мост в летний сезон загружен совсем не так, как об этом анонсировала оккупационная власть.<>В частности, по трассе сооружения проезжают несколько автомобилей, однако большой нагрузки или пробок нет» [https://24tv.ua/ru/krymskij_most_v_razgar, 2018].

В результате происходит концептуализация представления с отрицательной коннотацией о грандиозном сооружении, проект которого не раз пытались реализовать, но по причине несовершенства технологий, нехватки средств или политических разногласий вынуждены были отложить. Негативная стереотипизация формируется за счет неоднократного повторения тематических единиц «оккупационная власть», «аннексированный полуостров», а также эпитетов, метафор, гипербол и обратных гипербол (литот) с пейоративной окраской: «чудовищный», «катастрофа», «авантюра», «самострой», «водоем». Перечень описываемых качеств, специфики функционирования объекта и последствий его эксплуатации при постоянной ротации в СМИ имеет большой шанс перейти в разряд стереотипных представлений реципиентов, на которых целенаправленно оказывается подобное воздействие.

Единицей контент-анализа в данном случае является слово, устойчивое словосочетание (их частотность), однако в качестве единицы анализа могли бы выступить и отдельные информационные сообщения, статьи: частотность их размещения в СМИ создает мощный фон с отрицательной коннотацией, где само слово «мост» начинает «подтягивать» за собой определение «крымский», а вместе с ним и череду отрицательных коннотаций.

Конситуативная интерпретация представленного материала показал, что понимание одного и того же факта, осуществляемая с разных идеологических позиций, порождает причудливый вымысел, который становится реальностью для людей, воспринимающих данную информацию регулярно. Навязчивая подача информации является силой, побуждающей

массы реагировать и действовать определенным образом. В этом контексте совершенно справедливо звучит высказывание А. А. Залевской о том, что «человек всегда воспринимает и перерабатывает опыт при наличии определенного эмоционально-оценочного отношения к этому опыту» [Залевская, 2005 : 487].

Можно сказать, что с помощью явной или имплицитной коннотации возможно формировать новый образ мира у носителей разных языков или лингвосоциумов: «В этом и заключается действенная сила коннотации, энергетический потенциал которой аккумулируется благодаря количеству однополярной информации, обуславливая эффективность пропаганды, модулируя и моделируя идеологию и духовную культуру, которые становятся неотъемлемыми составляющими бытия целого лингвосоциума» [Кислицына, 2018 (в) : 159].

Такие искусственные образы, насыщенные коннотативными языковыми единицами, умело поддерживаются всевозможными средствами массмедиа. Их регулярная ротация, с одной стороны, «стирает» свежесть, новизну и тем самым снижает силу эмоционального воздействия на реципиента, с другой стороны, переводит такие значения из разряда оригинальных и маркированных в разряд нормативных, естественных, а значит «как бы» правдивых и «как бы» объективно существующих.

В свете вышесказанного следует различать коннотативное значение языковых единиц, зафиксированное в словаре, несущее в себе отпечаток культурного кода лингвосоциума и характеризуемое относительной стабильностью во времени, с одной стороны, и идеологические коннотации, достаточно быстро изменяющиеся во времени и пространстве (ареале употребления того или иного языка) в зависимости от политической конъюнктуры, с другой. Именно последние наиболее активно используются с манипулятивной целью в средствах массмедиа.

Так, П. Ходкинсон отмечает, что в то время как ранее символическое значение объектов было глубоким и ограниченным определенными рамками

(отметим, что именно символические значения, стереотипные представления, господствующие в том или ином лингвосоциуме, часто являются триггером для возникновения у слова коннотативного значения), в последние десятилетия наблюдается некая безграничная свобода, позволяющая в бесконечном потребительском потоке любому желающему по своему усмотрению выбирать и комбинировать все что угодно и наделять это «нечто» любыми значениями, актуальными в данный момент: «while previously the symbolic meanings of objects were deep and restricted, in recent decades we have been inhabiting something of a free-for-all where the endless stream of hybrid consumables can be selected and combined at will and associated with whatever meanings performers, consumers or others temporally apply to them in the present» [Hodkinson, 2020 : 297].

По мнению американского социолога Лоуренса Ньюмана, при проведении контент-анализа в качестве параметров измерения должна быть задействована как минимум одна из следующих характеристик: *частотность, направленность, интенсивность и пространство* [Neuman, 2000]. Применительно к коннотации языковых единиц эта модель может выглядеть следующим образом:

- *частотность* отражает статистику употребления слова с актуализированным КЗ относительно общего количества употреблений данного слова;

- *направленность* представляется как оценочный знак коннотации (отрицательный/негативный или положительный/позитивный);

- *интенсивность* соответствует экспрессивности языковой единицы. У обычных определений она нейтральная, у эпитетов она достаточно сильная, у коннотативных эпитетов она максимальная: *привычная/сильная хватка, железная/стальная/цепкая хватка, волчья/мертвая хватка.*

- *пространство* измеряется величиной контекста, необходимого для реализации коннотативного значения (количество слов, предложений, абзацев), или, например в случае газетного текста, площадью места,

отведенного на странице. В последнем случае целесообразным считаем использование мультимодального подхода, который позволит, помимо текстовой составляющей, учитывать ее связь с иллюстративными компонентами.

Коннотативную коллинеацию языковых единиц, принадлежащих разным языкам, можно осуществлять в несколько этапов.

Во-первых, необходимо выделить собственно языковую единицу, обладающую коннотативным значением в определенном языке. Осуществляется ее компонентный анализ с целью установления сем-триггеров коннотативного значения. Во многом этот этап зависит от знания языка и лингвистической интуиции исследователя. Дополнительно эта единица ревидируется в аспекте ее коннотативности по толковому словарю и словарю синонимов данного языка.

Во-вторых, работа с искомой единицей продолжается экстенсивно на базе соответствующего определенному языку корпуса текстов с целью установления случаев функционирования анализируемого слова с актуализированным КЗ в контексте.

В-третьих, по двуязычным переводным словарям определяются коэквивалентные единицы.

В-четвертых, по толковым словарям и словарям синонимов языка перевода определяется наличие коннотативного значения.

В-пятых, работа с выбранной коэквивалентной единицей продолжается на базе соответствующего переводному языку корпуса текстов с целью установления случаев функционирования данного слова с актуализированным КЗ в контексте.

В случае отсутствия на лексикографическом и контекстуальном уровнях коннотаций или их расхождений определяется тип лакуны.

После обработки оптимального для статистического учета объема материала представляется целесообразным осуществить определение коэффициента коннотативной координированности (ККК), который

показывает степень согласованности коннотации языковых единиц определенной пары языков. Данный коэффициент можно определить с помощью следующей формулы:

$$K = \frac{Y_n}{L_n + N_n},$$

где K – коэффициент коннотативной координированности двух сравниваемых языков;

Y – количество случаев совпадения коннотации языковых единиц;

L – количество коннотативных лакун (отсутствия коннотации);

N – количество несовпадающих случаев коннотации денотативно тождественных языковых единиц (дивергенция коннотативного значения);

n – индекс – показатель количества единиц, используемых в расчете.

Чем выше величина K , тем больше совпадает коннотация языковых единиц в сопоставляемых языках, а, соответственно, чем она ниже, тем больше дивергенция языковых единиц по критерию коннотативной тождественности. Обозначенная формула показывает коэффициент коннотативной координированности для одной пары сопоставляемых языков.

ККК является формализованным параметром, который статистически подтверждает гипотезу о значимости коннотативного фона языков для успеха межкультурной коммуникации, он является важным показателем для переводчиков как маркер сложности перевода, а также индикатором потенциально возможных случаев с неясной семантикой.

Использование корпусных технологий позволяет оперативно обрабатывать большие объемы текстов, однако субъективность коннотации, ее зависимость от контекста требуют высокой степени вовлеченности исследователя в процесс «раскодирования» информации. Аналогичное наблюдение касается и работы с машинным переводом: простой подсчет слов и их ЛСВ, учет вариативности контекста, «заложенные» в специальное программное обеспечение, не всегда приводят к корректному результату, часто в случае многозначности языковой единицы компьютер не может

определить, какой из лексико-семантических вариантов актуализирован в контексте. Такие ошибки очень заметны при анализе переводов, выполненных программами-переводчиками, поэтому и возникает необходимость в постредактировании машинного перевода человеком.

Контент-анализ и конситуативная интерпретация позволяют описать содержание текста (фрагментов текста) и объективировать реализацию коннотативного значения языковой единицы.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ III

Интродуцирование лингвистической коннотологии позволяет приблизиться к созданию холистического описания коннотации, которая, будучи универсалией естественного языка, до сих пор является неопределенной как в теоретическом, так и в практическом плане.

Приближение к исчерпывающему описанию коннотативного значения представляется возможным в случае рассмотрения КЗ как гармонично вписанной части в целостную систему языка, когда раскрыты его связи с другими компонентами данной системы. Под целостной системой понимается как отдельный язык (английский, русский, китайский и т. д.), так и естественный человеческий язык вообще.

Факты актуализации коннотативного значения, денотативно-коннотативной волатильности, наблюдаемые в рамках единого культурно-языкового пространства, освещаются во многих теоретических работах, как и вопросы о соотношении коннотативного значения коэквивалентных языковых единиц разных языков. Однако часто исследование реализации коннотации являлось лишь частью более глобальных изысканий в области многозначности, метафоричности, внутренней формы слова, проблем переводоведения или межкультурной коммуникации, поэтому в целом отличалось фрагментарностью.

Выполнение задач, которые стоят перед лингвистической коннотологией, во-первых, позволяет систематизировать и унифицировать все изыскания, касающиеся коннотативного значения. Во-вторых, комплексное синхронизированное перенесение решения поставленных вопросов в межкультурную и межъязыковую плоскость, применение когнитивно-дискурсивного подхода дают возможность исследователям решать проблемы иного уровня, в частности, проблемы, связанные с описанием специфики вербализации устоявшихся, общих для определенного языкового коллектива представлений об окружающем мире, порой являющихся немаркированными для носителя языка, скрытыми под маской обыденности, привычности, нормы и стереотипности.

Показано, что гносеологические качества слова особенно ярко высвечиваются в процессе сопоставления языков, способствуя определению языкового творчества народов, креативности человеческого сознания. Лингвистическая коннотология наглядно демонстрирует, что стандартные языковые формы одного языка, используемые для оформления результатов мыслительных процессов членов определенного лингвосоциума, могут не быть тождественными стандартным языковым формам другого языка.

Применение когнитивно-дискурсивного подхода при комплексном изучении КЗЯЕ выводит настоящее исследование на общетеоретический лингвистический уровень, так как основной целью лингвистической коннотологии является интегративное описание вариативности коннотации в разных языках, комплексное представление языковых единиц с коннотативным значением как неотъемлемой и целостной структуры языковой системы.

Системному изучению коннотативно маркированных языковых единиц способствует рассмотрение коннотации в свете теории лакунарности. Теоретическая и практическая апробация коннотативных лакун подводит к пониманию когнитивной ориентированности настоящего исследования. Удивительная нестандартность коннотаций денотативно эквивалентных

языковых единиц сигнализирует об отсутствии языковых и неязыковых предпосылок для семантизации коллективных представлений, образов, существующих в сознании определенного лингвосоциума.

Основным методологическим принципом проведения межъязыковых и межкультурных исследований является сравнение, в случае когда предметом исследования является коннотативное значение, это сравнение носит двойственный характер: с одной стороны, сравнение осуществляется в лингвистической плоскости, с другой стороны, исследователь вынужден в качестве доказательной силы прибегать к фактам нелингвистической природы.

Сравнение в аспекте межъязыковых разысканий предполагает поиск эквивалентов – таких языковых единиц, которые позволяют передать смысл высказанного или написанного на одном языке средствами другого языка с максимальной тождественностью. В работе предложена методология экспликации коннотативного значения языковых единиц, конвергирующая традиционный метод исследования значения языковых единиц (компонентный анализ), содержательно-интерпретативный подход (контент-анализ, включающий конситуативную интерпретацию) со сравнительно-сопоставительным и контрастивным анализом.

Сделан вывод о том, что проведение контент-анализа текстовых фрагментов, в которых используются языковые единицы с актуализированным КЗ, позволяет не только подтвердить сопутствующими контекстуальными фактами интуитивные предположения исследователя-аналитика о наличии эмоционально-оценочных коннотаций у языковой единицы (особенно в тех случаях, когда коннотативное значение слова не зафиксировано в словаре и не может быть выявлено с помощью компонентного анализа), но и определить лингвокультурные альтернативы, эквиваленты, существующие в других языках, увидеть иную перспективу формирования знания о мире, отсутствующую в родном языке.

Важными характеристиками, применяемыми для исследования коннотации языковых единиц, являются:

- 1) частотность, отражающая статистику употребления слова с актуализированным КЗ относительно общего количества употреблений данного слова;
- 2) направленность, представляющая отрицательный или положительный оценочный знак коннотации;
- 3) интенсивность, соответствующая экспрессивности языковой единицы;
- 4) пространство, измеряемое величиной контекста, необходимого для реализации коннотативного значения.

В качестве варианта определения коннотативной диасемии в работе предлагается формализованный параметр – коэффициент коннотативной координированности языковых единиц сравниваемой пары языков, определяемый по формуле:

$$K = \frac{Y_n}{L_n + N_n}.$$

Коэффициент коннотативной координированности является показателем, который подтверждает гипотезу о значимости учитывания коннотативного фона языков для успеха межкультурной коммуникации; для переводчиков он служит маркером сложности перевода и индикатором потенциально возможных случаев с неясной семантикой.

Применение такого подхода позволяет проникнуть в логику смысла, стоящую за коннотативным значением языковой единицы, и осознать, что коннотация языковых единиц родного языка – это не универсальная данность, одинаковая для всех языков, а результат креативной деятельности человеческого сознания, получаемый под воздействием многочисленных факторов окружающего мира.

ГЛАВА IV. КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОННОТОЛОГИИ

Исследование функционирования языковых единиц с коннотативным значением последовательно осуществляется на четырех уровнях: уровне **слова, фразы, текста и дискурса**, располагающихся, соответственно, на лексическом, синтаксическом, гиперсинтаксическом и дискурсивном уровнях языка. Такое деление представляется технически целесообразным, так как позволяет всесторонне охарактеризовать особенности реализации коннотации.

Традиционно понятие уровня в лингвистике связывают, в первую очередь, с делением языковой системы на фонетический, морфологический, лексический и синтаксический ярусы, каждый из которых предполагает наличие однородных единиц, вступающих друг с другом в парадигматические и синтагматические отношения. Уровневая классификация языка – это своеобразная модель, которая разработана для «облегчения» изучения и понимания такого сложного явления, которым является язык.

По нашему мнению, язык представляет единую сущность, компоненты которой неразрывно связаны, а их систематизация (выделение уровней, ярусов, групп и т. п.) «позволяет искусственно создать видимость конечности, предельности языкового материала и на основании объективных исследований дает возможность определить действительно существующие закономерности, которые истинны в определенной системе координат [Кислицына, 2012 : 201–202].

Считаем нужным сказать, что границы между этими уровнями взаимопроницаемы: каждая единица предыдущего уровня «передает» свои свойства единице следующего уровня, а последняя, в свою очередь, «прирастив» их новыми качествами, позволяет создавать единицы последующего уровня. И тем не менее само слово «уровень» намечает

наличие неких границ и определенного качественного состояния, которое позволяет отличать его от другого уровня [Там же, 2012 : 202]. Отметим, что речь идет не о количественном увеличении определенных свойств, но именно о качественном перерождении.

Четырехчастное деление представляется нам наиболее целесообразным и достаточным (хотя не единственно возможным), так как, будучи взаимосвязанными и допуская иерархическое построение (тем самым создавая ощущение упорядоченности и системности), данные уровни и соотносимые с ними единицы характеризуются самостоятельностью, которая обусловлена их серьезной проработкой в рамках общего языкознания, теоретической грамматики и лексикологии.

Еще одним аргументом в пользу именно такого деления является то, что «с точки зрения формальной выраженности принято выделять по крайней мере три формы мышления: понятия, суждения и умозаключения. Попытка объяснить суть понятий, суждений и умозаключений неизбежно приведет нас к языку, так как понятие в наивном представлении часто ассоциируется со словом, суждение как форма мышления сопоставима с предложением, а умозаключение – это фактически текст» [Кислицына, 2010]. Дополнение данного ряда четвертой составляющей, а именно дискурсом, позволяет сфокусировать внимание не только на языковых свойствах текста, но и на участниках коммуникации и ситуации общения. Представим кратко основные параметры рассмотрения перечисленных составляющих, прежде чем приступить к их более детальному рассмотрению.

Уровень **слова** заслуживает самого пристального внимания: при кажущейся самодостаточности, цельнооформленности, закреплённости в лексикографических источниках во всех своих значениях (по крайней мере наиболее важных с точки зрения составителей словарей) слово неразрывно связано с другими словами данного языка, а в аспекте межъязыкового сравнения анализируемое слово сопряжено с эквивалентными ему единицами иного языка.

Слово, принадлежа, в первую очередь, к домену лингвистики, в реальности является феноменом, содержание которого выходит далеко за рамки филологии. И в первую очередь оно интересно в связи с классической трилеммой «язык – мышление – сознание». Сознание, «выхватывая» отдельные фрагменты действительности, фиксирует их в слове, значение которого, таким образом, отражает акт познания окружающего мира. Именно это свойство заслуживает особого внимания в аспекте изучения коннотации, так как позволяет зафиксировать результат когнитивного освоения внешнего пространства в значении слова.

С помощью слова происходит «окультуривание» внешнего по отношению к человеку мира и придание ему национально-специфической формы и смысла. События и явления окружающей среды (исторические, социокультурные, экономические, географические), не являясь предметом изучения лингвистической науки, тем не менее благодаря когнитивным процессам, претворяющим с помощью процессов категоризации и концептуализации внешний хаос впечатлений во внутренне упорядоченную, структурированную систему понятий, обладают объяснительной силой, которую следует учитывать и в языковедческих исследованиях.

Так же, как молекула воды в зависимости от вариативности качественно-количественных параметров может предстать в виде снежинки, кусочка льда или озера, слово, подчиняясь законам языка и речи, обладает смыслообразующим потенциалом, который в зависимости от влияющих на данное слово языковых и неязыковых факторов может реализовать себя в разных формах, а его значения в виде внутренней формы сохраняют донаучные знания и представления людей об окружающем мире. Анализ семантической структуры слова с помощью компонентного анализа позволяет эксплицировать семы, обладающие коннотативным потенциалом.

Таким образом, отдельное слово является таковым только теоретически, в естественном языке каждое слово существует в совокупности

множества связей с другими словами, а одним из результатов данных связей является возможность построения фразы.

Уровень **фразы** позволяет рассматривать функционирование языковой единицы в рамках субъектно-предикатной конструкции – минимальной синтагматической единицы, архитектура которой инициирует актуализацию коннотативного значения, обозначая определенные смыслы, которые коррелируют с системой ценностей и культурным кодом лингвосоциума. Фраза создает микроконтекст, тем самым отграничивая отдельные значения многозначного слова, ограничивая многозначность и лимитируя неоднозначность.

Так, осуществляя контрастивное исследование толкования понятия «истина» в русской и арабской лингвокультурах, А. В. Смирнов отмечает их концептуальные различия. Истина, «заявившая о себе в Коране, оказывается непреходящим моментом в культуре исламской мысли» и имеет особую коннотацию незыблемой необходимости, и «эта коннотация закреплена и в языке» [Смирнов, 2015 : 489].

В русском языке, по наблюдениям автора, истина связана с поиском знания. Коннотативную диасемию у денотативно тождественных слов наблюдает А. В. Смирнов и в паре «*фард (араб.) – навязанное или вмененное в обязанность (русс.)*». В русском языке у данного слова (словосочетания) имеется отрицательная коннотация, связанная с выполнением какого-либо вида деятельности помимо воли. В арабском языке слово «фард» связано с выполнением «религиозных обязанностей», «поклонением» Закону Божьему, и потому почетно [Смирнов, 2015 : 511].

Соответственно, эти коннотативные различия находят подтверждение и на уровне сочетаемости лексических единиц. На протяжении минимальной синтагматической конструкции прослеживается, что в арабском языке *истина «вынуждает»* актантов поступать так или иначе, а в русском языке *истину «при-знают»* и «*познают»* [Смирнов, 2015 : 489].

Совокупность словосочетаний и связанных фраз (не фразеологических единиц!) позволяет осуществить переход на следующий уровень – уровень **текста** – и проводить исследование в рамках полноценного, широкого контекста. Уровень текста позволяет целостно увидеть контекстуальные механизмы, превышающие размеры фразы и обуславливающие актуализацию коннотативного значения слова. Именно контекст предоставляет в распоряжение слушателя или читателя ключи для выбора «правильного» значения, именно того, которое автор «вкладывал» в форму использованной языковой единицы и с помощью которого намеревался донести содержание своего высказывания до адресата. При проведении семантического анализа на уровне текста происходит ясное осознание, что взрослые люди редко используют слова для того, чтобы элементарно указать на некий объект.

Безусловно, номинативная функция слова особенно важна на начальном этапе овладения родным или иностранным языком. Поэтому одним из популярных приемов, применяемых при изучении иностранных слов, является использование книг с тематическими картинками или карточек с рисунком определенного предмета, на который слово «навешивается» словно ярлык. Однако, как утверждает Г. Филип, значение слова реализуется только в комбинации с другими словами, а каждое слово находится в зависимости от соседних языковых единиц, которые стабилизируют значение друг друга, а также смысл передаваемого сообщения: «we find that meaning is only realized by words in combinations, each single word relying on its neighbours to stabilize the overall message being conveyed» [Philip, 2011 : 3].

Широкие возможности для изучения инструментов (средств) и механики (взаимодействия) актуализации коннотативного значения языковых единиц предоставляют корпуса текстов. Использование корпусных поисковых систем позволяет выявить структурно-семантические закономерности, свойственные одному языку, а в сопоставительном аспекте, установив универсальные и национально-специфические черты,

«перешагнув» через границы естественных языков, приподнять завесу над креативной вербальной деятельностью человека.

Фокусировка на процессе языковой деятельности человека, учет факторов писателя и читателя, говорящего и слушающего, а также ситуации общения позволяют перейти с уровня текста на уровень **дискурса**. Проводя анализ на уровне дискурса, необходимо помнить, что дискурсология, «исследующая три основных вопроса: таксономию дискурсов, дискурсивную структуру и дискурсивные факторы, влияющие на более локальные явления», [Кибрик, 2015 (б) : 625] в сопоставительном аспекте представляет одно из приоритетнейших направлений современной лингвистики.

Выделение уровня дискурса, в первую очередь, предполагает необходимость его дифференциации от текста. Не вдаваясь в детали, в данной – вступительной – части четвертой главы тезисно обозначим главные аспекты, которые следует принимать во внимание при рассмотрении коннотации в рамках дискурса [Кислицына, 2016 (а) : 85]:

- дискурс непосредственно связан с понятием текста, так как представляет собой совокупность «функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [Макаров, 2003 : 86];

- анализ дискурса требует учета его антропоцентричности и обязательного привлечения данных социокультурного и психологического характера;

- рассмотрение дискурса как коммуникативного динамического события предполагает учет вовлеченности в дискурсивную деятельность коммуникантов: адресанта (говорящего, пишущего) и адресата (собеседника, читателя).

Перечисленные выше основные свойства и условия изучения дискурса показывают, что работа на дискурсивном уровне позволяет лингвистам выйти за рамки изучения языка как абстрактной системы и, не выпуская из внимания собственно языковые единицы, формы и категории, переключиться

на не менее значимые составляющие вербальной коммуникации: коммуникатора (адресант) и коммуниканта (адресат, реципиент).

Так, К. Симс, не отрицая значимости работы с текстом, отметил неоспоримые достоинства и преимущества дискурсивного подхода, а также подчеркнул, что дискурс-анализ возник в обстановке растущего интереса к процессу создания смысла в реальных ситуациях, когда одних текстов недостаточно для лингвиста, а на первый план выдвигаются условия, участники и цели коммуникации: «Discourse analysis emerged in the climate of growing interest in the process of meaning creation in real situations, where texts alone were insufficient evidence for the linguist, and settings, participants and goals of interaction came to the fore» [Sims, 1997 : 99].

Такой подход позволяет системно и комплексно изучать коннотацию как часть лексического значения языковых единиц с учетом факторов, которые ранее часто выносились за рамки теоретического языкознания. Исследование реализации коннотативного значения языковых единиц на уровне дискурса представляется весьма ценным, так как именно на этом уровне особенно репрезентативно прослеживаются «связь между языковой и социальной сферами» [Макурова, 2016 : 45], а также прагматическая значимость коннотации.

Отметим также, что фокус исследовательского интереса на коннотативном аспекте дискурса имеет большое значение, так как вербальное воздействие, осуществляясь с помощью письменного текста или устной речи, предполагает влияние на когнитивную систему реципиента, на формирование у него особой мировоззренческой и идеологической позиции.

Считаем важным подчеркнуть значимость следования сравнительно-сопоставительному вектору проведения настоящего изыскания как важнейшему методологическому приему, который позволяет выявить расхождения и охарактеризовать коннотационные особенности языков. В следующих ниже четырех параграфах подробно представим особенности реализации коннотации языковых единиц на каждом из уровней языка.

4.1. Коннотативное значение на лексическом уровне – экстериоризация когнитивной деятельности человека

Значимость семантического содержания слова для экстериоризации когнитивной деятельности человека трудно переоценить. Самые простые слова (содержательные или функциональные) отражают мыслительные процессы, обозначают явления, качества, события, происходящие в окружающем человека мире, либо характеризуют отношения между смысловыми частями высказывания. По мнению Л. С. Выготского, «очевидно, что не одна мысль, но все сознание в целом связано в своем развитии с развитием слова. Действительные исследования на каждом шагу показывают, что слово играет центральную роль в сознании в целом, а не в его отдельных функциях. Слово и есть в сознании то, что, по выражению Л. Фейербаха, абсолютно невозможно для одного человека и возможно для двух. Оно есть самое прямое выражение исторической природы человеческого сознания» [Выготский, 1999 : 337].

Существующая динамическая смысловая система, по мнению Л. С. Выготского, представляет собой единство аффективных и интеллектуальных процессов, а аффективное отношение человека к действительности содержится в переработанном виде в каждой идее. Коннотативное значение языковой единицы демонстрирует «прямое движение от потребности и побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» [Выготский, 1999 : 13]. Е. Н. Князева, сторонник динамического подхода в когнитивной науке, отмечает, что сознание человека всегда обусловлено ситуацией, оно «окультурено», «встроено» в контекст и «обусловлено этим контекстом» [Князева, 2004 : 39].

Известно, что возможно выделение двух видов мышления: «1) познавательное мышление, т. е. отражение, осознание, осмысление вещей

и явлений; 2) коммуникативное мышление, которое можно рассматривать как переработку уже познанного, известного для себя в информацию для других, иначе говоря, как коммуникативное преобразование определенных знаний» [Крушельницкая, 1970 : 383].

Коннотативное значение языковых единиц, с одной стороны, связано с первым видом мышления, так как отражает результат «осмысления» наивных представлений носителей языка, воплощаемых в языковой картине мира; с другой стороны, не менее значимой функцией языковых единиц с коннотативным значением является коммуникативное воздействие на реципиента. Именно по этой причине адресант из всех доступных синонимичных языковых форм выбирает коннотативно маркированную производную единицу.

Описывая взаимоотношения между базовой и производной единицей (дериватом), Е. С. Кубрякова высказала мнение относительно значимости фиксации сознанием человека «отношений словообразовательной производности, в которых одни, основные единицы воспринимаются как исходные и мотивирующие, а другие – как мотивированные и производные» [Кубрякова, 2008 : 9]. Данное заявление приложимо и к изучению коннотативного значения слова как переносного значения языковой единицы. Автор обосновала свою гипотезу о возможности описания «области значения мотивированных слов» (в нашем случае – коннотативных значений слова [КЗС]) посредством «области значения исходных для них единиц» [Кубрякова, 2008 : 9]. Такие трансформации позволяют выявить вероятные основы мотивации КЗС, так как коннотативное значение является производным значением, то у исследователей существует возможность с помощью определения и описания элементов значения базовой единицы установить компоненты значения базового слова, послужившие триггером для образования коннотативного значения.

Кардинально важным для характеристики возникновения коннотативного значения является понимание того, что в основе его

формирования лежат законы образования новых значений, базирующиеся на использовании таких когнитивных инструментов и свойств языковой системы, как метафоричности (образование переносного значения языковой единицы на основании гипотетического, порой иррационально устанавливаемого сходства, аналогии между разными объектами, их свойствами и надуманными признаками), на способности образовывать метонимические и синекдохические «замещающие» трансформации, а также нелингвистические факторы.

В частности, важными мотивирующими факторами являются внешние по отношению к языку явления, которые к тому же часто не поддаются объяснению с точки зрения логики и/или противоречат законам природы, не соответствуют действительности, но при этом активно функционируют в языке и, соответственно, представляют собой определенные константы, закрепленные в сознании лингвосоциума.

В данном аспекте, как мы продемонстрировали в работе [Кислицына, 2020 (6) : 105–106], показательна теория Энделя Тульвинга [Tulving, 1993 : 67] о семантической памяти, которая наряду с сенсорной, рабочей, эпизодической и процедурной является одной из важнейших составляющих человеческой памяти, отвечающей за репрезентацию накопленных знаний о мире и фактах, а также за хранение этих знаний.

Семантическая память позволяет индивиду оперировать знаниями о предметах, ситуациях, отношениях, с которыми субъект сам лично не связан или которые в момент процесса мышления не являются доступными для восприятия [Tulving, 1998]. Таким образом, память хранит знания и представления индивида о мире, многие из которых не являются научными, объективными или правильными с точки зрения логики. Ценность таких «обыденных» знаний заключается в возможности их применения в практике повседневной жизни.

Информация, зафиксированная в семантической памяти и закрепленная в структурах социо- и лингвокультурного опыта (а она часто соотносится с

базовыми инстинктами), позволяет человеку адекватно и мгновенно реагировать на внезапно возникающие ситуации. Например, инстинкт самосохранения гиперболизирует осторожное отношение к насекомым или пресмыкающимся, добавляя в их образ нечто мистическое, таинственное или некие качества, вызывающие страх или ассоциирующиеся с брезгливостью, которая на бессознательном уровне предотвращает взаимные контакты.

Еще один пример – представление о змее как о «скользком» и «влажном» пресмыкающемся. Это представление порождает метафорическое значение: назвать человека змеей/змеем – значит «повесить» на него ярлык «подлый, коварный, замышляющий злое деяние».

Интересно отметить, что в русском языке прилагательное «скользкий» также используется в значении «ненадежный, опасный», «увертливый» [Евгеньева, 1999], а применительно к человеку – «не заслуживающий доверия», т.е. скользкий тип/человек. В английском языке это значение также присутствует: *That man is nothing than a **slippery coward** who wouldn't have the guts to darken our doorstep.* – Этот человек – не более чем **скользкий трус**, у которого нет мужества осквернить наш порог (пример позаимствован из Reverso Context, 2020).

Возможно, объяснительной силой в данном случае может обладать представление (вербализованное в отрицательном коннотативном значении слов «скользкий» в русском языке и «slippery» в английском языке), которое закрепилось в (под)сознании людей, находившихся на скользкой поверхности (лед, грязь и т.п.), ассоциирующееся с опасностью пребывания на поверхности или в положении, в котором трудно удержаться.

Чувственное познание закрепляется в языке и посредством метафорической трансформации фиксируется в качестве коннотативного значения. Таким образом, совершенно очевидна построенная на ассоциативном основании связь между словарным толкованием основного, денотативного значения слова «скользкий» как «ненадежный, опасный, приводящий к дурным последствиям» и производным отрицательным

коннотативным значением, характеризующим формат отношений со «скользящим человеком» или со «скользящим типом».

Возвращаясь к коннотации слова «змея», отметим, что отрицательная оценка, присутствующая в значении данной лексемы, широко распространена в европейской лингвокультуре, что свидетельствует в данном случае об общности концептуального пространства. Приведем несколько примеров из Национального корпуса русского языка (пользовательский параллельный английский подкорпус):

*The prolonged and tumultuous argument that ended by herding us into that room eludes me, though I have a sharp physical memory that, in the course of it, my underwear kept climbing like a **damp snake** around my legs and intermittent beads of sweat race cool across my back* (F. Scott Fitzgerald. *The Great Gatsby*, 1925) – *Подробности долгого и шумного спора, в результате которого мы были загнаны в эту гостиную, стерлись у меня из памяти; хотя я отчетливо помню неприятное ощущение, которое я испытывал во время этого спора оттого, что мои трусы обвивались вокруг ног, точно **влажные змеи**, а по спине то и дело скатывались холодные бусинки пота* (Ф. Скотт Фицджеральд. *Великий Гэтсби*, пер. Е. Калашниковой, 1965) [НКРЯ].

*The coils of cord and pull and necktie unwound quickly, like a long **snake** waking up and **slithering** down into the shaft* (Lemony Snicket. *The Ersatz Elevator*, 2001) – *Витки удлинителей, шнуров раскручивались и **скользили** вниз, как **скользят** длинная **змея**, когда внезапно нарушили ее сон* (Лемони Сникет. *Липовый лифт*, пер. А. Ставиской, 2005) [Там же].

*...its author must add in the margin of galley proofs which a bedridden old man heroically corrects (for those **slippery** long **snakes** add the last touch to a writer's woes) a few more...* (Vladimir Nabokov. *Ada, or Ardor*, 1968) – *...автор его считает необходимым приписать на полях гранок, которые героически правит прикованный к постели старик (как и сами эти длинные и **скользкие змеи** добавляют заключительный штрих к печалям писателя), еще*

несколько... (Владимир Набоков. Ада, или Радости страсти, пер. С. Ильина, 1996) [Там же].

Таким образом, многие экспрессивно-оценочные компоненты значения слов не находят объективного подтверждения в реальной жизни, а, скорее, относятся к неким обобщенным образам, стереотипам, усвоенным вместе с изучением родного языка и являющимся частью коллективной памяти определенного лингвосоциума.

Анализ американского национального корпуса показывает наличие похожих коннотаций у слова «snake», являющегося словарным эквивалентом слова «змея» в русском языке. В толковании слова в зависимости от лексикографического источника в качестве второго или третьего значения указано значение данного слова обладающее отрицательной коннотацией: *a treacherous person; an insidious enemy* [<https://www.dictionary.com/browse/snake>], *a worthless or treacherous fellow* [<https://www.merriam-webster.com/dictionary/snake>], *an unpleasant person who cannot be trusted* [<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/snake>].

Обратим внимание на то, что частотность употребления данного слова в английском языке значительно варьирует в зависимости от жанра. Так, в академических текстах она самая низкая и составляет 875 случаев, в то время как в текстах художественной литературы эта цифра равна 3695. Приведем несколько примеров употребления «snake» с актуализированным КЗ, отражающим повышено-эмоциональную тональность текста (все примеры отобраны из американского национального корпуса COCA [<https://www.english-corpora.org/coca/>]):

*«She was **mean** as a **snake**. I just shut my eyes and prayed to the Lord that the shouting would stop»* [Lee, 1990] – Она была злая как змея. Я просто закрыл глаза и молился Господу, чтобы эти крики прекратились (перевод наш. – Н. К.).

*«I am amazed at the naiveté of those on the right that can't face the reality that you have the new Hitler in POWER! You want this **treacherous snake** deposed*

then impeachment charges must be brought forward and if that doesn't work, than you know what the next step is, or you should know!» [Dreaming of Barack Obama's Forced Retirement, 2012] – Я поражен наивностью тех, кто справа, кто не может осознать, что у вас есть новый Гитлер во ВЛАСТИ! Если вы хотите, чтобы эта **коварная змея** была свергнута, то тогда должны быть выдвинуты обвинения в импичменте, а если это не сработает, то вы знаете, каким должен быть следующий шаг или, по крайней мере, должны знать! (перевод наш. – Н. К.).

*«Baba glared through the pane. «You, you got into her mind, how? Seducing my daughter away from me, you **little snake**, you deserve worse than death-taking away the one thing that was still mine, we only had each other, are you so **heartless**, are you **soulless**?»* [What We Named the Needle, 2019] – Баба посмотрела сквозь окно. «Ты, ты запал ей в душу, как? Ты забрал мою дочь, ты **мелкая змея**, ты заслуживаешь худшего, чем смерть, отнимая единственное существо, которое у меня было, мы были только друг у друга, неужели ты такой **бессердечный**, такой **бездушный**?!» (перевод наш. – Н. К.).

Компонентный анализ слова «змея» в русском языке осуществлен с опорой на четыре лексикографических источника [Ожегов, 1975; Ефремова, 2000; Ушаков, 2008; Алабугина, 2015]. Все четыре источника последовательно и, в целом, единообразно излагают толкования многозначного слова «змея». Первый лексико-семантический вариант, соответствующий денотативному значению, представлен в следующей формулировке:

· Семема *змея*₁ – ж. Пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, покрытым чешуей (обычно с ядовитыми зубами) [Ефремова, 2000].

Формулировка второго представляет производное значение с отрицательной коннотацией:

· Семема *змея*₂ – м. и ж. разг. Коварный, хитрый, злой человек [Ефремова, 2000].

Следуя гипотезе Е. С. Кубряковой о мотивирующих и мотивированных, исходных и производных единицах применительно к коннотативному значению слова [Кубрякова, 2008 : 9], область значения *змея*₂ мотивирована областью значения слова *змея*₁. Выявим вероятные основы мотивации семемы *змея*₂ с помощью компонентного анализа каждой семемы. Ступенчатая идентификация позволила выявить следующие семы:

*Змея*₁ – субстанциональность (категориально-грамматическая сема₁);

- ж. р., одушевленность (лексико-грамматическая сема₂);
- пресмыкающееся (категориально-лексическая сема₃);
- длинное извивающееся тело (дифференциальная сема₄);
- покрытое чешуей (дифференциальная сема₅);
- обычно с ядовитыми зубами (дифференциальная сема₆).

Последняя дифференциальная сема латентно коннотирует опасность и, фиксируясь в сознании человека, может служить вероятной основой мотивации отрицательного коннотативного производного значения семемы *змея*₂.

*Змея*₂ – субстанциональность (категориально-грамматическая сема₁);

- ж. и м. р., одушевленность (лексико-грамматическая сема₂);
- человек (категориально-лексическая сема₃);
- оценка отрицательная (коннотативная сема₄);
- коварный (коннотативная сема₅);
- хитрый (коннотативная сема₆);
- злой (коннотативная сема₇).

Отношение производности между *змея*₁ и *змея*₂ характеризуется следующим образом: категориально-грамматические семы демонстрируют совпадение; на уровне лексико-грамматической семы параметры «одушевленность» и «женский род» дополняются параметром «мужской род», т. е. происходит расширение лексико-грамматических характеристик; категориально-лексическая сема благодаря метафорической трансформации меняется кардинально: осуществляется переход из класса пресмыкающихся в

представителя млекопитающих, вид *Homo sapiens* – человек. Благодаря метафорической трансформации актуализируются латентные, периферийные семы: оценка отрицательная (коннотативная сема₄), коварный (коннотативная сема₅), хитрый (коннотативная сема₆), злой (коннотативная сема₇). Данные семы не связаны с исходным референтом, ибо змея не обладает теми качествами, которые в виде коннотативного значения «приписаны» ей человеческим воображением и зафиксированы в словарном толковании проанализированного лексико-семантического варианта.

Компонентный анализ лексемы «snake» – эквивалента лексемы русского слова «змея» осуществлен с опорой на четыре лексикографических источника: словарь Merriam-Webster (AmE), словарь Collins English Dictionary (UK), Webster's New World College Dictionary (AmE) и словарь Longman Dictionary of Contemporary English (UK). Все четыре источника последовательно и, в целом, единообразно излагают толкования многозначного слова «snake». Первый лексико-семантический вариант, соответствующий денотативному значению, представлен в следующей формулировке:

Семема *snake*₁ – any of a limbless suborder (Serpentes, order Squamata) of reptiles with an elongated scaly body, lidlesseyes, and a tapering tail: some species have a poisonous bite [Collins English Dictionary]; any of numerous limbless scaled reptiles (suborder Serpentes synonym Ophidia) with a long tapering body and with salivary glands often modified to produce venom which is injected through grooved or tubular fangs [Merriam-Webster].

Формулировка второго значения многозначного слова представляет производную форму с отрицательной коннотацией:

Семема *snake*₂ – a treacherous or deceitful person [Collins English Dictionary]; a worthless or treacherous fellow [Merriam-Webster];

При проведении компонентного анализа семем *snake*₁ и *snake*₂ отметим значительные совпадения сем, выделенных на основании анализа словарного толкования, с семами лексико-семантических вариантов русского языка *змея*₁

и змея₂. Ступенчатая идентификация сем позволила определить следующие семы:

*snake*₁ – субстанциональность (категориально-грамматическая сема₁);

– одушевленность (лексико-грамматическая сема₂);

– рептилия/reptiles (категориально-лексическая сема₃);

– длинное извивающееся тело/long tapering body (дифференциальная сема₄);

– покрытая чешуей/scaled (дифференциальная сема₅);

– слюнные железы, адаптированные для выработки яда/salivary glands often modified to produce venom (дифференциальная сема₆);

– впрыскиваться через желобки или протоки в клыках/injected through grooved or tubular fangs (дифференциальная сема₇).

Последние дифференциальные семы, а именно сема₆ и сема₇, латентно коннотируют опасность (яд и рифленые или трубчатые зубы-клыки) и служат вероятной основой мотивации отрицательного коннотативного производного значения семемы *snake*₂:

*snake*₂ – субстанциональность (категориально-грамматическая сема₁);

– одушевленность (лексико-грамматическая сема₂);

– человек/fellow, person (категориально-лексическая сема₃);

– оценка отрицательная (коннотативная сема₄);

– коварный, вероломный, ненадежный/treacherous (коннотативная сема₅);

– лживый, хитрый/deceitful (коннотативная сема₆);

– дрянной, бесполезный, ничего не стоящий/worthless (коннотативная сема₇).

Отношение производности между *snake*₁ и *snake*₂ характеризуется следующим образом: категориально-грамматическая и лексико-грамматическая семы демонстрируют совпадение; категориально-лексическая сема благодаря метафорической трансформации меняется кардинально, осуществляется переход от класса рептилий к представителю

млекопитающих вида *Homo sapiens* – человеку. Благодаря метафорической трансформации актуализируются латентные, периферийные семы: оценка отрицательная (коннотативная сема₄); коварный, вероломный, ненадежный/*treacherous* (коннотативная сема₅); лживый, хитрый/*deceitful* (коннотативная сема₆); дрянной, бесполезный, ничего не стоящий/*worthless* (коннотативная сема₇).

Так же как и в случае со словом «змея», в русском языке семы *snake*₂ не связаны с исходным референтом. В основе «приписывания» референту определенных характеристик лежат процессы концептуального и категориального сдвига, которые в результате порождают коннотативное значение у исходного слова.

Сопоставительное рассмотрение результатов компонентного анализа слова «snake» в английском языке и слова «змея» в русском языке показало, что семы слов-эквивалентов в разных языках, в целом повторяются, за исключением отдельной семы, как правило периферийной, которая оказывает значительное влияние на последующие сочетаемостные и валентностные возможности исходного слова и слова в языке сравнения, а также влечет за собой смысловые расхождения и концептуальные различия.

Семы выступают как элементы, в которых зафиксирован некий опыт взаимодействия носителей языка с окружающей их действительностью. Этот «опыт» хранится в памяти до тех пор, пока он не будет востребован, т. е. актуализирован автором намеренно с помощью определенного контекста. Если сравнить семный состав каждой из проанализированных лексем, то можно увидеть, что в семантике обоих лексем находится образ, воспринимаемый визуально: страх, ощущение опасности, отвращение не позволяют большинству людей не то чтобы прикоснуться, но подойти поближе и рассмотреть «ужасного гада». И только профессионалы-зоологи, серпентологи и люди, которые по долгу службы вынуждены работать с пресмыкающимися, знают объективные характеристики *serpens* (лат. змея) и не приписывают ей человеческих качеств, а также свойств, которые ей

изначально не присущи. Образование коннотативного значения у данных лексем обусловлено «инферентными модусами обработки информации» [Кубрякова, 2012 : 188], а фиксация данного значения в лексикографических источниках обоих языков соотносима с помещением данного значения в долговременную память носителей языка.

Следует отметить, что в отличие от слова «скользкий», коннотация которого порождена естественными процессами чувственного, телесного восприятия, в случае со словом «змея» можно отметить реверсивный процесс: наоборот, незнание реальных качеств объекта и нежелание их узнать, связанное с реальной опасностью, послужило причиной приписывания вымышленных качеств объекту, которые, закрепившись в языке, навязывают носителям языка ложные представления об объектах окружающего их мира.

В этом аспекте ценным представляется высказывание К. Г. Крушельницкой, которая, ссылаясь на Ф. М. Шемакина, отмечает, что «результаты исследования восприятий пространства и времени и их названий в различных языках» позволяют сделать вывод о том, «что в языке они упорядочиваются не по образцу логической системы понятий, а применительно к внутренним закономерностям чувственного познания человека, который находится не в созерцательном, но в активном отношении к миру» [Крушельницкая, 1970 : 210].

Высказанное выше утверждение подтверждается наблюдениями К. Паттерсона, который, приводя результаты психолингвистического эксперимента, отметил, что, при определении ассоциативного круга слова «power» (англ.) – «власть» (русс.) наиболее частотной оказалась связь с такими словами, как *манипулирование, контроль, доминирование или подчинение*, – слова, которые, по утверждению ученого, имеют негативную коннотацию в нашем обществе.

Хотя власть во многих случаях имеет тенденцию восприниматься негативно, в действительности она нейтральна; это ни хорошо, ни плохо,

считает К. Патерсон. Рассматривается ли слово «power» – «власть» в негативном или позитивном свете, зависит от имплементации власти и в дальнейшем именно это определяет специфику функционирования данного слова и развития у него отрицательных или положительных коннотаций: «A quick word association game on the word “power” often brings forth such associations as: manipulation, control, dominance, or subordination – words that have negative connotation **in our society** (выделено нами. – Н. К.). While power, in many cases, tends to be viewed negatively it is in reality neutral; it is neither good nor bad. It is the way that power is used that determines whether it is viewed in a negative or positive light [Patterson, 2010 : 20].

Проведенное нами исследование функционирования слов «власть» в русском языке и «power» в английском языке показало значительные отличия в их использовании, обусловленные спецификой социального взаимодействия, оказавшего влияние на формирование отрицательной коннотации. Анализ языкового материала НКРЯ (пользовательский параллельный подкорпус [английский язык] объемом 1 608 376 предложений, 24 681 277 слов) на запрос демонстрации контекстов, в которых фигурируют слова «власть – power», выдал результат 175 документов, 1 414 вхождений.

Многозначное слово «власть» в русском языке употребляется как для наименования официальных правительственных органов, осуществляющих государственное управление (32 % случаев употребления в проанализированных контекстах), так и для наименования способности, возможности оказывать влияние, подчинять своей воле других (40 % случаев употребления). 28 % случаев в параллельном подкорпусе представляли те, в которых при переводе слова «власть» использовались фразовые глаголы (*to hold over, to be under smth., etc.*) либо замена иными языковыми единицами, передающими аналогичный смысл (*enormous influence, free rein, etc.*). В английском языке эти два значения закреплены за разными лексемами. Государственная «власть» определяется как *authorities, institutions*, а *power*

фигурирует там, где подразумевается насильственный захват власти, присутствие тайных мотивов, религиозного, физического господства:

*An illusion. A trap. On the Monday, she made her secret plans to flee the marriage, and this man who had such **terrible power** over her* [Lee. Fugitive Bride (1998)] – *В понедельник она размышляла, как отделаться от своего брака и мужчины, имевшего над ней такую **страшную власть*** [Ли, 2000].

*«It is», Firenze agreed, unless all you need is to stay alive long enough to drink something else – something that will bring you back to full strength and **power** – something that will mean you can never die. Mr. Potter, do you know what is hidden in the school at this very moment?"* The Sorcerer's Stone. Of course – the Elixir of Life. [Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997)]. – *Совершенно верно, – согласился Фиренце, – но верно лишь в том случае, если нет возможности выпить кое-что еще – то, что вернет силу и **власть** – то, что дарует вечную жизнь. Мальчик Поттер, известно ли тебе, что спрятано в настоящий момент в стенах вашей школы? Философский камень. Конечно же – Эликсир Жизни.* [Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)].

Валентностный потенциал слова «власть» на уровне микроконтекста представлен сочетаемостью со словами «официальная», «государственная», «правительственная», которым в переводах или оригиналах на английском языке часто соответствуют либо артикль «the», либо существительные «government» и «state», выступающие в качестве определения перед словом «authorities». Что касается слова «власть», употребляемого в значении «оказывать подавляющее влияние», то в таких случаях материалы НКРЯ (пользовательский параллельный подкорпус [английский язык]) показали сочетаемость с прилагательными «огромная», «ужасная», «страшная». В английском языке в аналогичных случаях перед словом «power»

используются «incredible», «terrible» и «wicked». Таким образом, исследование специфики функционирования слов «власть» в русском и «power» в английском языках на уровне микроконтекста продемонстрировало механизм образования коннотативного значения у лексических единиц (не обладающих КЗ по данным лексикографических источников) под влиянием экстралингвистических факторов.

Аналогичные выводы делает К. Паттерсон, рассуждая о потенциально возможной коннотации слова «electricity» (англ.) – «электричество» (русс.). Электричество не хорошо и не плохо, отмечает автор, оно может выгодно использоваться для снабжения домов, офисов, машин и инструментов. Тем не менее электричество также может быть использовано во вредных и разрушительных целях. Считают ли люди электричество хорошим или плохим, часто зависит от оценки его использования: «Electricity is neither good nor bad. <... > Whether we view electricity as good or bad often **comes from an evaluation of its use** (выделено нами. – Н. К.) » [Patterson, 2010 : 20]. Данный отрывок показателен в плане акцентирования внимания на связи коннотаций слов с их когнитивным опытом, с установками социума, в котором функционирует язык, а также с системой ценностей, господствующей в данном обществе.

Одно и то же слово может по-разному интерпретироваться даже в рамках одного и того же языка, а при межъязыковых трансформациях сложность взаимоотношений денотативного и коннотативного значений многократно возрастает. Социокультурные различия, обусловленные спецификой ценностных систем и особенностями стереотипизации, закрепляются в семантической структуре слова в виде сем, комбинации которых позволяют автору актуализировать желаемое значение слова. В таких случаях надежным средством дезавуирования является именно сравнительный анализ коннотативных значений денотативно тождественных слов-эквивалентов в разных языках.

Показательным примером в этом аспекте может служить анализ словарных толкований лексем-эквивалентов «железо» и «iron» в русском и английском языках соответственно. В нашей работе [Кислицына, Моисеева, 2017 (а) : 148–153] было проведено сопоставительное исследование лексем-эквивалентов английского и русского языка «iron» и «железо» с целью определения их семантического диапазона и потенциально возможной диасемии.

В Большом толковом словаре русского языка выделяются следующие лексико-семантические варианты лексемы «железо»: «химический элемент, способный образовывать такие сплавы как сталь и чугун; медицинский препарат, изделия из металла, спортивный инвентарь (штанги, гири); аппаратная часть компьютера» [БТСРЯ, 2004 : 300]. Толкование значения слова «iron» в словаре В. К. Мюллера совпадает с русским эквивалентом «железо» по следующим аспектам: «определение металла как химического вещества, черного металла, предмета из железа, медицинского препарата, содержащего железо» [Мюллер, 2009 : 389]. В то же время анализ словарных толкований показал определенные парадигмальные отличия. Так, в парадигме русского слова «железо» не отмечен лексико-семантический вариант со значением «утюг», а лексико-семантический вариант со значением «оковы», который в обоих языках употребляется во множественном числе, в русском языке отмечен как *устаревший*.

При совпадении основного значения слов-эквивалентов были выявлены расхождения в аспекте коннотативного значения. Объективные свойства железа, познанные носителями языка, послужили основой для образования разнообразных коннотаций. При этом отмечается коннотативная энантиосемия, т. е. антилогия, когда одно и то же слово может обозначать противоположные явления.

Коннотативное значение, образованное в обоих языках путем метафорического переосмысления, связано с представлениями о силе, твердости, суровости и жестокости.

Представление о силе и твердости в вербализованной форме как в английском, так и в русском языках контекстуально и в устойчивых словосочетаниях соотносится с положительной коннотацией: *a man of iron, will of iron, muscles of iron* и *железный характер, железные/стальные нервы, железная логика/здоровье*. В русском языке мы имеем: `надежный, негибаемый` – положительная коннотация («Его слово – железо!») [СРЯ, 1981 : 170].

В то же время в ряде случаев у «iron» и «железо» отмечается актуализация отрицательной коннотации: *as hard as iron, the iron years of war, железный занавес*, в которых у «iron» и у «железо» актуализируются семы `суровость, жестокость, жесткое принуждение`.

С точки зрения межъязыковых трансформаций необходимо учитывать, что англоязычному «iron heart» в русском языке соответствует «каменное сердце», переносное значение которого может быть интерпретировано как `жестокое, безжалостное сердце`. Подобный концептуальный сдвиг соблюдается и во фразеологической единице английского языка «the irons had entered into his soul», которая соответствует русскоязычной фразе «камень лег на его душу».

Показательным примером в плане контраста коннотаций у слов-эквивалентов в разных языках является пример из арабского языка: "دَلْب ق" – «его сердце как железо». В арабском языке метафора «железное сердце» имеет положительную коннотацию, отождествляемую с такими качествами характера человека, как «несгибаемость» и «храбрость» [Шаба, 2007]. Такие примеры свидетельствуют о разнонаправленности векторов метафоризации.

В соответствии с положениями когнитивной семантики метафорическое переосмысление слова служит одним из источников образования вторичных номинаций, образования переносных значений слова; коннотативное значение слова, будучи вторичным значением, возникает на основе метафорического переосмысления первичного денотативного значения слова и является результатом когнитивного освоения мира

человеком. Специфика коннотаций лексем-эквивалентов разных языков обусловлена расхождениями в когнитивном картировании лингвосоциумов, оперирующих определенными естественными языками.

Существуют слова, которые «обречены» на коннотативное переосмысление при их переводе на иные языки, несмотря на то, что с точки зрения денотации, по данным двуязычных словарей, они являются эквивалентами [Кислицына, 2012 (б) : 249]. К таким словам относятся этнономинации, названия сексуальных меньшинств, религиозных групп и т. п.

Показательным примером может служить ситуация, изложенная в статье Филиппа Саттона «Переводческая дилемма» («A Translator's Dilemma») [Sutton, 1997 : 67–75]. Чрезвычайное возмущение у читателей журнала «Ronda Iberia», распространяемого на авиалайнерах, совершающих международные рейсы, вызвал перевод на английский язык статьи культурологического характера, посвященной хронике национального праздника «The Wild Cow Fiesta». Несмотря на то, что в статье описывался фрагмент традиционного фестиваля, являющегося фактом народной культуры с элементами игры, а игра как феномен по сути своей не совпадает с реальностью [Баранов, 2009 : 535], бурное негодование вызвали названия участников мероприятия, а именно «*Jews*» и «*Friars*», а также другие наименования («*the shorn-heads*», «*the cropped-tops*») звучащие оскорбительно по отношению к еврейскому населению и вызывающие неприятные ассоциации, причем не столько на испанском языке – языке оригинала, сколько на английском языке – языке перевода.

Отговорка, использованная в качестве оправдания – «difficult to interpret», была отвергнута обвинителями, и в ответ было выдвинуто требование изменить – «to retextualize» оригинальный текст [Sims, 1997 : 70]. Из-за того, что переводному тексту в целом коннотировалось то, чего не было в оригинале (распространение антисемитских стереотипов), редакции

журнала пришлось извиниться, но вопрос об особенностях передачи коннотативного значения слова одного языка на другом остается открытым.

Как показывают проанализированные выше примеры, при попытке охарактеризовать коннотативное значение исследователь-лингвист часто обращается к результатам и фактам, полученным или установленным в других науках, что соответствует своеобразной «взаимной подпитке наук» [Кубрякова, 2012 : 193], либо прибегает к описанию некоторого «фрагмента действительности, по сравнению с которым или на основе которого было создано данное производное слово» [Кубрякова, 2008 : 9] или производное коннотативное значение слова. Референция коннотативного значения слова может быть обусловлена культурно-историческими, этническими, социально-экономическими, психологическими и другими факторами, которые опосредуются в сознании человека и экстерииорируются с помощью нового, дополнительного значения слова.

Однако если в случае с производным значением слова референция может быть объяснена объективной связью между предметами или существованием некоего общего признака, легшего в основу сравнения, то при образовании коннотативного значения эта связь может быть надуманной, искусственно созданной и поэтому иметь высокую степень волатильности, находясь в зависимости от доминирующих в тот или иной момент истории ценностных ориентаций общества.

Описание коннотативного значения на лексическом уровне с целью экстерииоризации когнитивной деятельности человека показало, что результаты наивного познания окружающего мира аккумулируются в коннотативном значении слова. Компонентный анализ как метод структурной лингвистики, проведенный на материале отдельных языковых единиц, позволил эксплицировать коннотемы, содержащиеся в базовом слове и служащие мотивационной основой для образования производного коннотативного значения слова. Сравнительно-сопоставительный анализ иерархически выстроенных разноуровневых сем лексико-семантических

вариантов (ЛСВ) одного многозначного слова, а также ЛСВ слов-эквивалентов разных языков продемонстрировал универсальное и специфическое содержание языковых единиц на коннотативном уровне, т. е. ко-эквивалентность – тождественность языковых единиц, принадлежащих разным языкам, определяемую на основании соответствия их коннотативного значения.

4.2. Коннотативное значение на синтаксическом уровне – мотивирующие сочетаемостные конструкции

Синтаксический уровень в настоящей работе понимается как уровень, на котором исследуются совместно употребляемые языковые единицы, обладающие относительной свободой линейного расположения, регулярная сочетаемость которых обуславливает активизацию коннотативного значения слова, входящего в состав данного выражения.

Под фразой в данной работе понимается минимальная семантически интегрированная синтаксическая конструкция, достаточная, с точки зрения исследователя, для реализации коннотативного значения лексических единиц, входящих в данное линейно развертываемое объединение слов. Рассматривая указанное объединение слов с переводоведческих позиций, можно сказать, что это минимальный фрагмент устного или письменного текста, достаточный для адекватного понимания и осуществления корректной трансформации на принимающий язык, то, что профессионалы-переводчики определяют в качестве единицы перевода.

Мы намеренно исключаем из числа рассматриваемых вопросов особенности реализации коннотативного значения во фразеологических единицах¹³: данный вопрос представляет отдельную многоаспектную тему

¹³ Подчеркнем, что речь идет не о фразеологических единицах типа «быть не в своей тарелке» = «чувствовать себя некомфортно, неловко, находясь в непривычной обстановке», «сыграть в ящик» = «умереть» в русском языке или «feel out of place», «feel cheer», «feel ill at ease» = «чувствовать себя некомфортно, неловко, находясь в непривычной обстановке», «to kick the bucket» = «откинуться» = «протянуть ноги» = «оочуриться» = «умереть» в английском языке, характеризуемых фиксированной структурой и

научного исследования. Так, например, изучению коннотации фразеологических единиц английского языка с компонентом цветоименования посвящена монография Ж. Филипа (2011), коннотация фразеологии является доминирующей темой докторской диссертации В. А. Булдакова (2011), подготовленной на материале немецкого языка.

Основные задачи данного раздела заключаются в демонстрации взаимодействия языковых единиц на уровне микроконтекста, описании их валентностных и сочетаемостных особенностей [Кацнельсон, 1987], выявлении конвергентного взаимодействия семантических элементов, способствующих активизации коннотативного значения слова, с использованием материала различных языков.

Несомненно, не все устоявшиеся известные в определенном лингвосоциуме коннотативные значения указаны в толковых и переводных словарях, точнее сказать, большинство из них не указано. На эту проблему неоднократно указывали лингвисты-теоретики и практики, переводчики, специалисты сферы межкультурной коммуникации. В то же время не менее половины коннотативно не маркированных лексических единиц естественных языков, как, например, в случае со словом «electricity» (англ.), рассмотренным выше, потенциально способны развивать и реализовывать коннотативное значение.

Очевидно, что существуют определенные модели сочетаемости слов, которые способствуют коннотемизации, т. е. активизации периферийной семы определенного ЛСВ, приводящей к актуализации коннотативного значения. Маловероятно, что это происходит случайно, так как автор (адресант) намеренно выбирает определенные слова и/или синтаксические конструкции, чтобы оказать влияние на адресата. Декомпозиция значения семем, проведенная в предыдущем разделе, осуществленная с помощью компонентного анализа, показала, какие семемы являются потенциальными

составом компонентов, высокой степенью образности, метафоричности и отсутствием прозрачной внутренней формы, а об относительно свободных словосочетаниях и синтагматических единицах.

носителями отрицательной или положительной коннотации, но триггером, вероятно, является иное слово и/или его контекстная позиция по отношению к базовому слову.

Интересную точку зрения относительно значения слова высказывает Ж. Филип. Рассмотрев ряд теорий, посвященных определению значения слова [Firth, 1935; Frazier, Rayner, 1990; Wray, 2002], порой полярных, с одной стороны, утверждающих, что слово – это контейнер для многочисленных значений, одно из которых пользователь при необходимости «достаёт» для своих нужд [Reddy, 1979], а с другой стороны, заявляющих об отсутствии у слова вообще какого-либо значения [Sinclair, 1996], Ж. Филип заявляет, что значение слова может быть реализовано только в контексте.

Более того, по мнению исследователя, значение не содержится внутри слова, но оно «простирается» на несколько слов во фразе, и их совместная встречаемость как раз отсекает нерелевантные значения анализируемого слова, которые могут быть активизированы в иной лексической «компани»: «Meaning is not held inside each discreet word form but extends over a number of words, and their co-occurrence cancels out the inappropriate or irrelevant meanings that might have been activated in other lexical company» [Philip, 2011 : 3].

Для активизации требуемого коннотативного значения языковую единицу необходимо употребить в определенном контексте, который при всей своей видимой свободе все же имеет ограничительные рамки. Такие контекстуальные конфигурации мы будем называть условно устойчивыми сочетаемостными моделями (УУСМ).

УУСМ предполагают свободное сочетание языковых единиц, характеризующихся относительно высокой частотностью совместного употребления, обуславливающего коннотемизацию одного из членов. Частотность употребления УУСМ подтверждается корпусным материалом, демонстрирующим в формате KWIC (*key word in context*) параметризованное представление повторяемого микроконтекста.

Продемонстрируем сказанное на примере микроконтекстов, в которых в качестве узлового слова (node word) используется слово английского языка – «goose». В качестве примеров были выбраны фрагменты контекстов, содержащие наиболее частотные по данным COCA [<https://www.english-corpora.org/coca/>] коллокации со словом «goose», включающие прилагательные *wild* (419), *golden* (378), *grey* (76), *silly* (67) и *Canadian* (62). В Таблице 4.1. формата KWIC данные фрагменты приведены в соответствии с принципом убывающей частоты.

Таблица 4.1.

Употребление лексемы «goose» в формате KWIC

№	WEBSITE	SORT	SORT	SORT
1.	TV: 2018	That's right, Mick. So, Gideon sent us on a wild	goose	chase. This event in history is playing out exactly as it should. The
2.	BLOG: 2012	They are not going to kill one of their golden	gees.	Then we get to hang the gridlock on them.
3.	BLOG: 2012	The Grand Slam events: Mercedes, J.P. Morgan, Evian, and Grey	Goose.	The tale of the two tennis shirts is really a case of commodity fetishism
4.	NV:2015	Stub Puss with that fork! Oh, hush, silly	goose.	Why are you in such a bad mood?
5.	SPOK: 2001	Oh, shut up! (Sound-of-laugh). Mr. Davis: You silly	goose!	(Sound-of-laugh)
6.	MOV: 2013	The east-west migratory pattern of Canadian	Geese.	I am not sure if you read the introduction... But

Выбор данных слов обусловлен их относительно высокой частотностью – *ipm* 11.3 для «гусь» [Ляшевская, Шаров, 2009] и *ipm* 8.296 для «goose» [COCA, 2020], а также принадлежностью к ядру внутреннего лексикона. Кроме того, слово «goose», по данным частотного словаря современного американского языка, входит в 5000 наиболее употребляемых слов (индекс 4137) и в 80 наиболее частотных слов, входящих в тематическое направление «животные» [FDCAE, 2009].

По данным СРЯ, коннотативное значение слова «гусь» связано с его значением «ненадежный, плутоватый человек» [СРЯ, 1985 : 359], что

подразумевает отсутствие доверия, неблагонадежность, склонность к обману, хитрости, лукавству. Перечисленные качества свидетельствуют о том, что такой человек умеет скрывать свои истинные намерения, является искусным в выдумке, в общении с ним нужно быть проницательным. Примеры из НКРЯ¹⁴ демонстрируют особенности микроконтекста, способствующие коннотемизации данного слова [<https://ruscorpora.ru/old/search-main.html>]:

*«– Что вы знаете о нейтронах! – крикнул я уже не для сторожа, а для моей Прекрасной Дамы. – Я ими насморк лечу, ответил он уже издали, повернулся и быстро ушел, дергая локтями, как бы подтягивая штаны. – **Каков гусь!** – воскликнул я, повернулся к девушке и увидел ее глаза, расширенные в священном ужасе. – Как вы можете так говорить с ним?! Вы, сравнительно молодой ученый! – шепотом прокричала она. – Ведь он сюда приходит по ночам мыслить» [Аксенов, 1973].*

*«Но этот-то, болботун, этот! **Хорош гусь**, неча сказать. Измаял песнями да еще всякой иной музыкальной дребеденью доконать хочет. Ну, он у нас сию премьеру попомнит! В паузе, предусмотренной на сцене для разговору, дрянной актеришко Сашка Летягин обратился – что уж входило в обычай – напрямую к публике» [Евсеев, 2010].*

*«Основанием для этой жалобы послужили статьи Глинки-Янчевского под заглавием **«Каковы гуси»** и «Гласно и тайно», в которых автор говорит, что газете «Речь» переводятся постоянно огромные суммы из Финляндии, что она получила 250 тысяч в течение января и февраля, что она служит Финляндии, получает из Гельсингфорса приказы, продает Россию и т. д.» [Неизвестный, 1910].*

Поиск по НКРЯ показал, что наиболее частотная УУСМ микроконтекста для коннотомизации слова «гусь» – это сочетаемость со словами «какой», «каков» и «хорош». Выборка показала 26 микроконтекстов с конструкцией «каков гусь», 19 микроконтекстов «какой гусь», 63 микроконтекста «хорош гусь».

¹⁴ 5 636 вхождений: <https://ruscorpora.ru/old/search-main.html>

По данным БАРС, переносное значение слова «goose» – «дурак, простак, простофиля» [БАРС, 1987 : 696], что подразумевает тупость, глупость, отсутствие ума. Перечисленные качества свидетельствуют о том, что такой человек не умеет скрывать свои истинные намерения, не является искусным в выдумке, общение с ним обескураживает, смешит и расстраивает одновременно. Примеры из СОСА¹⁵, в которых реализуется указанное значение, демонстрируют особенности микроконтекста:

*«Do you think it tastes better than this one? – Yes. – It does? How do you know? – Because, you silly. **Silly goose.** –This one. Because I like Spider-Man. He saved the world. – He saved the world? – Yeah. Why do you like that one better? – Because it's Spider-Man»* [SPOK, 2006].

*«Oh, you **silly goose!** She'd screamed at her daughter, because she hadn't realized, you know, she said. And then she'd grabbed the receiver out of her daughter's hand and given Dr. van den Bosch a good piece of her mind»* [Pleysier, 1994].

*«**Silly goose**, it's all a joke, everything anybody's ever valued or struggled for, it's monstrous. Why can't you see the funny side?»* [Batman, 2016].

Поиск по СОСА показал, что наиболее частотная УУСМ микроконтекста для коннотомизации слова «goose» – это сочетаемость со словом «silly». Выборка показала 62 микроконтекста с конструкцией «silly goose». Коннотативное значение английского слова не соответствует коннотации его русскоязычного эквивалента. Существующая коннотативная диасемия не позволяет использовать указанные слова при переводческих трансформациях.

Следует заметить, что слово «goose» в английском языке используется в качестве денотативного эквивалента к словам русского языка «гусь» и «гусыня». Слово «гусыня» отличается от однокоренного слова «гусь», но в аспекте нашего исследования эта разница заключается не столько в лексическом («самка гуся») или грамматическом (женский род) значениях,

¹⁵ 5507 вхождений: <https://www.english-corpora.org/coca/>

сколько в гендерном аспекте: у слова «гусыня» отмечается существование коннотативного значения – глупости, и в данном случае коннотация русского слова совпадает с таковой английского:

«– Гусыня! – отозвалась Карлуша, и обе подруги покатались со смеху. – Ну, уж вы скажете тоже! – обиделась Машенька – Гусыня-то глупая... – А ты у нас умница. Про это знает вся улица, петух да курица, дурак Ермошка, да я немножко, – тараторила Ярош. – Не трогайте ее, девочки, – остановила Карлушу и Ярош Дуся Горская и вдруг тихо застонала» [Чарская, 1905–1915].

«Кстати, обрати внимание на ее походку: она всегда как будто идет по цветам или шествует на облаках, – легкость и красота необыкновенная! Как старый ее любовник, могу прибавить еще подробность, которой ты не знаешь: она сама, ее тело, пахнет какими-то удивительными цветами. Теперь о ее душевных свойствах, как говорят психологи. Если о ней говорить обычным языком, то она глупа, как гусыня, глупа непросто. Но хитра. Но лжива. Очень жадна к деньгам, но любит их только в золоте» [Андреев, 1919].

УУСМ служат для активизации коннотативного значения слова, то есть, продуцируя новые значения слов, в том числе и коннотативные, автор высказывания использует структурные особенности языковой системы. Эти структурные особенности в каждом языке имеют свою специфику, которая сказывается на успешности реализации коннотативного значения слова, определяемой степенью адекватности восприятия заложенной информации реципиентом. С другой стороны, они накладывают определенные ограничения: «constrained by conventional language patternings» [Philip, 2011 : 3–4]. К структурным ограничениям можно отнести семантическую, синтаксическую и эмоциональную валентность. Все эти типы валентности отличаются при внутриязыковом сравнении денотативного и коннотативного значений у многозначного слова. Например, использование слова «собака» в прямом (денотативном) значении: «Он смотрит на собаку» предполагает

соблюдение всех категориальных свойств субъекта и объекта, а также реализацию нормативных функций: субъектной *он смотрит* + дополняющий член *на собаку*.

В предложении «*Он – собака!*» происходит намеренное нарушение семантической валентности за счет качественного изменения категориальных свойств субъекта и объекта (приравнивание, неразличение человека и собаки), а также редукция нормативных функций: опущены все возможные уточняющие определения и дополнения, употребление которых могло бы свидетельствовать о сохранении или сдвиге значения, например, предложим такой авторский вариант: «*Она – большая черная собака – официально стояла на довольствии в оперативно-боевой пограничной воинской части*».

При выполнении межъязыковых трансформаций текстов, содержащих коннотативно маркированные языковые единицы, необходимо учитывать, помимо информации, содержащейся в лексикографических источниках, правила сочетаемости и особенности валентности принимающего языка.

Таким образом, в контексте настоящей работы понятие «мотивировка» непосредственно связано с собственной внутренней формой, берущей начало от латинских *motivus* «подвижный», *mōtus* «движение» и *movēre* «двигать». Сущность мотивирующих сочетаемостных конструкций, используемых как УУСМ, заключается в том, чтобы сообщения, созданные адресантом, своей формулировкой, комбинацией компонентов могли «подвинуть», «подвести» адресата к инвариантному восприятию информации, беспрепятственной реконструкции закодированного смысла.

4.3. Коннотативное значение на гиперсинтаксическом уровне: корпусная репрезентация контекстуализации и деконтекстуализации

Исследование функционирования языковых единиц неразрывно связано с понятиями устного или письменного текста, протяженного контекста, который не только ограничивает многозначность использованных для его

конструирования языковых единиц, как рассмотренный в предыдущем параграфе микроконтекст, но и позволяет приблизиться к инварианту понимания воспринимаемой информации, установлению идеального когнитивного баланса между смыслом, заложенным адресантом, и его пониманием адресатом.

Эффективным средством для выявления закономерностей функционирования коннотативно маркированных языковых единиц и условий, способствующих актуализации коннотативного значения, являются приемы контекстуализации и деконтекстуализации, использование которых «позволяет осмыслить особенности конвергенции значения языковой единицы и коллективного знания носителей языка в коннотативном значении слова» [Кислицына, 2018 (а) : 63].

Понятия контекстуализации (помещения исследуемой единицы в определенный контекст) и деконтекстуализации (извлечение исследуемой единицы из определенного контекста) являются производными от понятий «контекст» и «текст». Исследование специфики реализации коннотации в формате текста, а именно в рамках широкого контекста, позволяет выявить конвергированное взаимодействие разноуровневых языковых единиц и конструкций. Для проведения такого исследования предлагаем ввести понятие нормативного конвенционального контекста (НКК), который отражает употребление слова в его общепринятом, высокочастотном словарном значении (dictionary based approach), а также нормативного неконвенционального контекста (ННК), не нарушающего правила употребления определенного языка, но, благодаря особому расположению компонентов высказывания, способствующего актуализации коннотативного значения языковой единицы (usage based approach).

Протяженный контекст позволяет пронаблюдать и проанализировать многомерную валентность, когда коннотативно маркированное слово одновременно сочетается с несколькими элементами контекста, поддерживающими и развивающими его эмоционально-оценочное значение.

Так, например, слова с отрицательной коннотацией в НКК предполагают сочетаемость с другими словами, создающими и поддерживающими негативный смысловой фон высказывания. И наоборот, слова с положительной коннотацией в НКК предполагают сочетаемость со словами, коннотирующими позитивный фон. В качестве иллюстрации сказанного приведем несколько примеров внутриязыкового и межъязыкового сравнения пар слов, считающихся эквивалентами в английском и русском языках и используемых в нормативном конвенциональном контексте.

Первая пара – это слова русского языка «разведчик» и «шпион». Выражая аксиологически значимую оппозицию (соотносимую с концептуальной оппозицией «свой – чужой»), данная пара слов обладает значимым коннотативно-оценочным потенциалом. По данным толкового словаря русского языка, слово «разведчик» значит «человек, занятый *добыванием сведений об экономическом и политическом положении других государств, состоянии их вооруженных сил*». Слово шпион определяет человека, который «*секретно собирает сведения или похищает материалы, составляющие государственную тайну, с целью передачи их другому государству*» [БСТСРЯ, 2012].

При значительной аналогии функций, входящих в арсенал профессиональных навыков и умений как разведчика, так и шпиона, эти слова в русском языке отличаются полярной коннотацией, мотивированной положительной или отрицательной оценкой деятельности обоих агентов: приносит ли субъект пользу или вред государству (своему/чужому) или определенной группе лиц (своим/чужим). Следующий контекст убедительно раскрывает понимание этого различия носителями языка:

«А наяву – последняя проверка на преданность Родине, чуткое ощупывание, страхование на тот случай, если предаст, – и кусок застревал в горле за этим столом, да и слишком много советчиков, поневоле прикинешь: а где же скрытность? – Тебе этого не понять... – продолжал Кустов. – Ты шпион, а я – разведчик. Ты за деньги, а я по совести. – Денег,

значит, у тебя много... Пока не бедствовали, но вскоре придется думать о будущем, потому что денег совсем мало» [Азольский, 2000].

Если бы не различие на концептуальном уровне, обусловившем полярность оценочного компонента значения, то эти слова можно было бы отнести к одному синонимическому ряду, что обуславливает появление ошибок даже у носителей языка. Приведенный ниже макроконтекст демонстрирует такую ошибку:

*«Это дело упрощать нельзя. Нельзя думать, что есть универсальные и исчерпывающие все возможные в жизни случаи методы распознавания врага. Надо конкретно и вдумчиво разбираться в каждом факте, докапываться до корня, памятуя о величайшем разнообразии приемов **разведывательной работы иностранных государств** и их троцкистско-бухаринской агентуры. Конечно, там, где директор вредитель, очень трудно разоблачать вредителей, потому что сам директор **двурушник, лгун, разведчик**, там очень трудно бывает разоблачать, так как он подбирает себе помощников тоже из вредителей. Но невозможного на свете нет. **Наша разведка, опирающаяся на многомиллионные массы советского народа, есть и будет самой лучшей, самой могучей разведкой в мире»** [Заковский, 1937].*

В данном контексте слово «разведчик» употреблено как по отношению к «своим», так и по отношению к «чужим», что более соотносится с понятием «шпион».

Подкорпус текстов, содержащих лексему «разведчик», отобранный из Национального корпуса русского языка, насчитывает 1 498 документов, 5 734 вхождения. Из них было выделено три микроконтекста, в котором слово «разведчик» использовалось в переносном значении:

*«Каких частей? Знаков различия не знаю, **тоже мне разведчик!** Потом, уже взрослым, вспоминал: ну и организаторы разведки! Я примечал только самое простое: где штабы (много машин, подъезжают и*

отъезжают мотоциклисты), где батарея стоит, где танки» [Феоктистов, 2000].

*«Кто приехал из дивизии? Три «виллиса», товарищ лейтенант. Один узнал – полковника Деева. Все надо знать, **разведчик мне тоже!** Размашистым шагом Дроздовский двинулся в направлении орудий, мимо прижавшихся к стенкам траншеи разведчиков с лопатами, а из головы не выходило: “Ваша жена...”, – и он, покривясь, подумал, что, вероятно, вся батарея открыто говорит об этом»* [Бондарев, (1969)].

Корпусный анализ позволил определить синтаксические конструкции, показывающие, что лексема «разведчик» используется не в прямом значении в случае употребления узлового слова после «тоже мне» или в препозитивной позиции по отношению к «мне тоже», о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры. Эти синтаксические конструкции функционируют в качестве маркеров денонсации денотативного значения слова, иными словами, утверждения недействительности, неправомочности наименования субъекта или объекта словом, используемым в данном тексте.

Для лингвистов-текстологов текст представляет собой основную единицу исследования, которую «можно рассматривать как единый знак, единый блок» [Арнольд, 1981 : 112], а трактовка текста – в самом широком понимании – формулируется как вербальное сообщение на определенном языке.

Тексту как лингвистической единице присущи следующие признаки: 1) информативность, 2) связность и 3) цельность, которые передают определенную информацию, обеспечивают когезию между элементами текста, выражают общий замысел автора соответственно. Связность – это одно из условий достижения цельности – третьего, текстообразующего признака, который позволяет тексту выступать непосредственно в качестве текста. По мнению А. А. Леонтьева, связность, как правило, выступает как условие цельности, с другой стороны, считает автор, и для связного текста не всегда характерна цельность [Леонтьев, 1974]. Л. Г. Бабенко полагает, что

цельность текста обусловлена концептуальностью текстового смысла, а связность обеспечивается наличием категорий информативности, интегративности, завершенности и хромотопичности [Бабенко, 2004].

Возникновение коннотации в процессе создания текста зачастую реализуется под воздействием разнообразных факторов, таких как: применение слова в нетипичной для него сочетаемости (ННК), вовлечение расширенного контекста произведения, пресуппозиция общения, характер дистанции между собеседниками, несоответствие лексического значения сообщения и «его реального значения в речевом фрагменте» [Верещагин, 2013 : 43]. Совокупность этих факторов обуславливает коннотативный потенциал текста, основной задачей которого является опосредствованное воздействие на адресата, читателя с расчетом на определенную «ценностную реакцию» [Глебова, 2017 : 27].

Рассмотрение фрагментов макроконтекстов¹⁶ с узловым словом «разведчик» показывает формально-стилистическое единство, цельность которого поддерживается наслоением смыслов, используемых лексических единиц, содержащих положительную оценку. На 35 слов – фрагментов контекста приходится 4 слова, выражающих положительную оценку (11,42 %):

1) *«Говорят, **разведчик** должен быть смелым, решительным, быстрым, все это так, но главное – хорошо ориентироваться на местности, без компаса, ночью, запоминать каждый кустик, каждую березку, слышать любой звук, любой шорох, слиться с местностью, раствориться в ней»* [Рыбаков, 1977].

Именно типовые контексты благодаря широкой сочетаемости позволяют увидеть значимые характеристики объекта, называемого данным словом и, соответственно, выбрать из объема значения слова необходимый инвариант. В примере № 1 слово «разведчик» сочетается с рядом качеств и

¹⁶ Фрагменты контекстов отобраны с помощью поисковых механизмов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

видов деятельности, имеющих положительную оценку (выделены подчеркиванием): *смелый, решительный, быстрый, хорошо ориентируется.*

Пример № 2 также показывает доминирующее употребление во фрагменте контекста качеств, действий и признаков действий, оценивающих объект положительно: *любил, приятно вспомнить, тихий, скромный, серьезный, верный, прославленный.* При этом на 61 слово контекста приходится восемь слов, выражающих положительную оценку (13,11 %):

2) *«Бугорков любил Травкина, своего земляка-волжанина. Прославленный разведчик, Травкин оставался тем же тихим и скромным юношей, каким был при их первой встрече. Встречались они, правда, довольно редко – у каждого хватало собственных служебных забот, – но приятно было иногда вспомнить, что здесь, где-то недалеко, ходит приятель и земляк Володя Травкин – скромный, серьезный, верный человек. Ходит вечно на виду у смерти, ближе всех к ней...»* [Казакевич, 1946].

Во фрагментах контекстов с узловым словом «шпион» (789 документов, 2010 вхождений) используется лексика, содержащая отрицательную оценку, а также разговорная сниженная лексика, которые повышают эмоциональность высказывания и направлены на понижение статуса адресата (45 слов контекста и 6 слов и словосочетаний, выражающих положительную оценку (13,33 %):

3) *Он корил себя за то, что недопонял, не сумел ничего предпринять. Тимоша... шут, **шпион**, которого я привык считать ничтожеством... А я-то, я-то все время был тут же и вообще на все плевать хотел! То есть не то что плевать... а просто не видел дальше собственного носа [Белоусова, 2000].*

В примере № 4 на пятьдесят семь слов контекста приходится пять слов, выражающих положительную оценку (8,77 %):

4) – *А это ты не теряла? – сказал я с видом волшебника, слегка уставшего от всеобщего ротозейства, и вынул из кармана золотой гребень. – **Шпион проклятый**, – неожиданно крикнула она и, выхватив гребень,*

убежала в комнату. Это было совершенно бессмысленное и глупое оскорбление. – Дура, – крикнул я в окно, стараясь догнать ее своим голосом, – надо читать книжки, чтобы знать, что такое шпион» [Искандер, 1973].

Коннотативные различия хорошо ощущаются носителями языка, как это видно из следующих примеров, представленных в НКРЯ и заимствованных из современных коллективных форумов и публицистических изданий: *«Кроме того, показанная история далека от стандартного клише о непобедимости и всемогуществе советских разведчиков (слово «шпион» как-то здесь не очень, на мой взгляд, уместно)»* [Коллективный Форум : 17 мгновений весны, 2010]. *«Олигарх-министр – наш разведчик, олигарх-бизнесмен – “ихний” шпион»* [ЮКОС, 2003].

Носители языка не просто ощущают разницу между этими словами: они играют на коннотативных различиях данных языковых единиц, достигая определенного стилистического эффекта и прагматического воздействия на реципиента информации. Положительная коннотация слова «разведчик» влияет и на дальнейшее развитие значения слова. Так, разведчиками называют специалистов по разведке недр и полезных ископаемых.

Англоязычными эквивалентами пары слов русского языка 1) «разведчик» и 2) «шпион» являются, согласно переводным словарям: 1) «scout», «intelligence officer», «secret service man/agent» и 2) «spy», «counter spy», «double agent» соответственно. Использование уточняющих определений перед словами «spy», «officer» и «man/agent» наводит на мысль, что поляризация значений этих слов по критериям «свой – чужой», «хороший/плохой» в английском языке не столь значительна, как в русском языке.

В толкованиях значений этих слов акцент делается на виде деятельности, осуществляемой лицом (*to get information about a country or organization for another country or organization* [Merriam-Webster, 2020]) и, видимо, этот факт является одной из причин того, что слова «scout» и «spy» активно используются как глаголы-конверсивы в гиперонимическом значении

«собирать информацию». Кроме того, совместное употребление в нормативном конвенциональном контексте в формате взаимоопределяемости также наводит на мысль о не столь значительном различии в коннотативном аспекте этих слов в английском языке, как в русском:

1) *This satirical **spy** series is set in 1960s France, a world in which the self-important **agents** of the **French secret service are all men**, the women are busy and secretarial, and colonialism still reigns.* – Roslyn Sulcas, «What to Watch on Netflix to Help Language Learning», 1 May 2020 [New York Times].

2) *The **agent spied** for the government for more than twenty years* [CED, 2020].

Добавим также, что, согласно английским толковым словарям, эти слова перечисляются как синонимы. Так, Collins English Dictionary предлагает следующий синонимический ряд для слова «spy»: *undercover agent, secret agent, double agent, secret service agent* [CED, 2020].

Об однозначно отрицательной коннотации можно говорить на примере слов для обозначения шпиона, которые и в английском, и в русском языке используются в переносном, эмоционально-оценочном значении, – это слова «крот» и «mole» соответственно. В обоих языках у этих слов, помимо основного значения «*млекопитающее отряда насекомоядных, живущее в норах под землей, а также мех его*» [Ожегов, 1975] и «*a small animal with black fur that lives underground*», актуализируемого в нормативном конвенциональном контексте, существует производное значение «агент спецслужб, действующий в разведывательных структурах или в криминальных сообществах» [БСТСРЯ, 2012] и «*a member of a government or other organization who gives secret information to the press or to a rival organization*» [CED, 2020].

Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих специфику функционирования данного значения, актуализируемого в нормативном неконвенциональном контексте (цифра, следующая за фрагментом контекста,

показывает процентное содержание лексем, оценочно конгруэнтных исследуемому слову):

1) «Со свечкой никто не стоял, но среди учителей многие придерживаются мнения, что важнейшую роль в этой индустрии играют утечки: из центрального аппарата Рособнадзора, из региональных контор. Однако ни один заметный “**крот**” в чиновничьих структурах так и не был разоблачен. Генпрокуратура, проведя собственную проверку, пришла к выводу, что школьники столкнулись с “неравными условиями прохождения итоговой аттестации”, но оргвыводов не последовало. Да, сразу после ЕГЭ-2013 выгнали главу Рособнадзора, но никто и не намекал, за что именно, – чуть ли – даже не опровергали нехорошие слухи» (6,17 %) [Привалов, 2014].

2) «– Компромат, что ли, нарыть хочешь? Я тебе говорю, – обратился он к брату, – он под видом книги роет, как **крот**. К Едвельской ходил, к дуре этой сумасшедшей, к Дортману ходил, а этот <...(уничижительно-презрительная этнономинация [скрыто автором. – Н. К.]> нас с детства всех не любит, всю нашу семью. Зачем ходил?» (14,89 %) [Слаповский, 2010].

3) «Второе судилище, куда затянули “Завтра” вместе с нашей старшей сестрой “Советской Россией”, – это процесс с Семигиным. “Дело крота” – так называют политический казус, в котором Семигин проявил себя как строптивый политик, наносящий вред НПСР и КПРФ, что и было сформулировано руководящими органами обеих организаций и отражено двумя газетами в публикации “Операция “крот””. Впервые в истории России распря внутри политического движения выносится в суд. Этого не было даже тогда, когда Ленин назвал Троцкого “политической проституткой”, а Лигачев бросил Ельцину сакраментальное: “Борис, ты не прав!”» (7,40 %) [Проханов, 2003].

4) «Не вдаваясь в детали, об этом заявил на пресс-конференции по случаю ареста Ханссена тогдашний директор ФБР Луис Фри: он сказал, что в распоряжении предварительного следствия были “подлинники

документов”. Вскоре после ареста в феврале 1994 года Олдрича Эймса американской контрразведке стало ясно, что в Вашингтоне работает еще один “крот”: в числе неудач американских разведки и контрразведки были такие, которым никак не мог способствовать Эймс – он просто не знал об этих операциях. Например, ему ничего не было известно о туннеле под советским посольством в Вашингтоне. К такому же выводу пришел сенатор Деннис де Кончини, тогдашний председатель комитета верхней палаты по делам разведки, имевший продолжительные беседы с Эймсом в его тюремной камере» (5,5 %) [Абаринов, 2003].

В четырех проанализированных фрагментах, демонстрирующих употребление слова «крот» в переносном значении, с отрицательной коннотацией, содержится отсылка к:

- темноте и темным помещениям с ограниченным пространством для перемещения (*со свечкой никто не стоял, в туннеле под советским посольством, в тюремной камере*);

- наименованиям организаций, мероприятий, которые направлены на осуществление процедур контроля и имеющим в случае выявления несоответствующей закону деятельности право осуществлять надлежащие санкции (*Рособрнадзор, предварительное следствие, процесс* (судебный – добавлено автором. – Н. К.), *оргвыводы*;

- условиям, событиям, материалам или действиям, которые противоречат намерениям, желаемым или планируемым задачам, обстоятельствам, не соответствующим представлениям актантов об успехе (*неравные условия, арест, неудача, распря, судилище, не любит, нарыть, роет, нехорошие слухи, утечка* [секретной информации – добавлено автором. – Н. К.]);

- оскорблениям или осуждению поведения (*дура, сумасшедшая, политическая проститутка, ты не прав*).

Особого внимания заслуживают метафорические высказывания «рыть», «нарыть компромат» и отсылка к тоннелям, темноте, так как это

ассоциируется с представлением об условиях существования крота-животного. Со стилистической точки зрения употребление таких слов и словосочетаний представляет собой развитие метафоры (prolonged metaphor), которая поддерживает коннотативное значение слова «крот» в обозначенном контексте, отражает отрицательные эмоции и оценку автора, а как когнитивный механизм, конвергирует два различных концептуальных измерения: скрытную подземную жизнь животного и тайную деятельность человека.

В англоязычных источниках также отмечается контекстуальная «поддержка» отрицательной оценки, коннотируемой словом «mole». Результат поиска в корпусе современного американского языка (COCA) контекстов с узловым словом «mole» показал 1 498 документов, 5 734 вхождения, среди которых методом сплошной выборки были отобраны микроконтексты, в которых слово «mole» используется с отрицательной коннотацией, в значении «шпион, доносчик»:

1) *«Well, you see, the **mole** wasn't a spy, he was an informant. Aha. Let's use a microscope to tell the difference. The **mole**: Stefan Halper, a Cambridge professor. Supposedly, Halper was gathering information for the FBI about a suspected Trump-Russia connection <...>. But we're supposed to believe, without evidence, that in 2016 Halper was only trying to dig up information on a Trump-Russia connection.*

What more do we know about Stefan Halper, the mole for hire? Breitbart: “Halper...served as an assistant to all three of President Gerald Ford's Chief of Staffs – Alexander Haig, Donald Rumsfeld, and Dick Cheney...” Quite a trio of politicians. I don't think you'd want to list them on your resume, if you were applying for a job with an organization that showed a shred of ethics» (8,7 %) [Rappoport, 2018].

2) *«Yesterday, an outfit called The Center For Public Integrity released a report alleging that the FBI had a “**mole**” at ABC News.*

The journalist, whose name is not disclosed in the document labeled “secret”, not only cooperated but provided the identity of a confidential source, according to the FBI memo – a possible breach of journalistic ethics if he or she did not have the source’s permission. Mr. Isham vehemently denied the allegations, which well he might, since they are, to anyone who has ever worked with Mr. Isham, preposterous. Specifically, Mr. Isham said: “The suggestion that I was an informant for the FBI is outrageous and untrue”. <...>. The reason that the entire upper echelon of the US national security apparatus talks to Mr. Isham on a regular basis is because he’s trustworthy. He’s exactly not the kind of person who would “snitch” or “rat out” a source» (6,08 %) [Ellis, 2011].

3) «Hunting a C. I. A. **mole**, Agents Gambled and Let a Suspect Return to China. Face to face with a former C. I. A. officer in 2013, federal agents took a calculated risk. They did not confront him about the classified information they had found in his luggage. And they did not ask what they most wanted to know: whether he was a spy for China. It was a life-or-death call. The Chinese government had been systematically picking off American spies in China, dismantling a network that had taken the C. I. A. years to build. A **mole** hunt was underway, and the former officer, Jerry Chun Shing Lee, was the prime suspect.

The F. B. I. could have arrested him on the spot for possessing classified information. But inside a secretive government task force, investigators argued against it, former American officials recalled. If Mr. Lee was a turncoat, arresting him on an unrelated charge would tip off the Chinese and allow them to cover their tracks. If he was not the **mole** – and some argued strenuously that he was not – an arrest might allow the real traitor to escape» (6,55 %) [Apuzzo, 2018].

4) «Hours after Burke pleaded not guilty to racketeering, bribery and extortion charges, Lightfoot said Burke has not responded to her demand that he resign from the City Council. <...>. One day before the feds brought the hammer down on (“the sword of Damocles” – дамоклов меч. – Добавлено автором. – H. K.). Burke using recordings gathered by FBI **mole** and former Zoning Committee Chairman Danny Solis (25th), Burke all-but-invited Lightfoot to

humiliate him during an early skirmish on the City Council floor. It happened after Burke inexplicably stood during her first City Council meeting to complain that the Council rules her administration had drafted were not gender-neutral» (7,69 %) [Spielman, 2019].

5) «...FMLA¹⁷ can be approved or denied by the employer. Alone by the wording it says “serious health condition”. Unfortunately a lot of companies make up their own rules and as long as they don't get sued, they will get away with it. I work in HR and my coworkers gossip all the time about stuff that's nobody's business. I'm still trying to figure out who the mole is. It must come all the way from the top. I'm talking about heavy duty stuff I don't even tell my husband, since he is working for the same company. # On their website it also says: # Q: Do I have to give my employer my medical records for leave due to a serious health condition? # No. You do not have to provide medical records. The employer may, however, request that, for any leave taken due to a serious...» (7,4 %) [FMLA, 2020].

В 1–5 фрагментах англоязычных контекстов употребления слова «*mole*» в переносном значении, с отрицательной коннотацией, содержится отсылка к следующим параметрам:

- ограниченным условиям видения, намеренному сокрытию информации (*use a microscope to tell the difference, to cover their tracks, to dig up information*);

- наименованиям организаций, мероприятий, которые направлены на осуществление процедур контроля и имеющим в случае выявления не соответствующей закону деятельности право осуществлять надлежащие санкции (*City Council, Zoning Committee, C. I. A., F. B. I., arrest, bring the hammer down on, to dismantle*);

- условиям, событиям, материалам или действиям, которые противоречат намерениям, желаемым или планируемым задачам, обстоятельствам, не соответствующим представлениям актантов об успехе

¹⁷ Family Medical Leave Act

(to humiliate, skirmish, racketeering, bribery, extortion charges, picking off, snitch, rat out, took a calculated risk, allegations, preposterous, supposed to believe, without evidence);

- оскорблениям или осуждению поведения, нарушающего принятые нормы или наносящего ущерб иным лицам (*turncoat, real traitor, prime suspect, not gender-neutral, mole for hire, informant*);

- нарушению принципов этики (*breach of journalistic ethics, (not) trustworthy, outrageous, untrue, shred of ethics, not to list them on your resume*).

В англоязычных фрагментах контекстов со словом «mole» также встречается метафорическое высказывание «to dig up information», которое с точки зрения стилистической и когнитивной функции аналогично употреблению в русскоязычных фрагментах контекстов с лексемами «рыть», «нарыть».

Таким образом, анализ фрагментов контекстов показал, что целостное рассмотрение реализации коннотации на гиперсинтаксическом уровне предполагает учет в исследовательской процедуре не только особенностей вокабуляра, сочетаемостных характеристик языковых единиц, конструкций предложений, текстообразующих признаков, но и иных, внешних по отношению к языку явлений окружающего мира: социокультурных, исторических, психологических, прагматических и др. [Jucker, 2004 : 204]. Эти явления соотносятся с экстралингвистическими компонентами феномена коннотации [Кислицына, 2017 : 188].

Экстралингвистические компоненты коннотации включают: эмоционально-оценочную составляющую, связанную с пониманием и оценкой ситуации с точки зрения «положительное – отрицательное – нейтральное»; эмоционально-экспрессивную составляющую, выражающую отношение говорящего к сообщаемой им информации; фоносемантическую составляющую, основанную на определении связи между тем, как слово звучит, и тем, что оно значит. Функционально-стилистическая характеристика коннотации языковых единиц, используемых в тексте,

соотносимая со словарными пометами *обл., простор., сленг, техн., устар.* и др., выступает маркером «индивидуального или группового разделения общества» [Андросова, 2006 : 87].

Таким образом, представляется возможным выделение трех ведущих типов коннотации на гиперсинтаксическом уровне: коннотация, которая содержится в лексическом значении слова (разведчик/шпион [*русс.*], agent/spy [*англ.*]), концептуальная коннотация (крот/mole) и текстообразующая коннотация (совокупность языковых единиц, создающих единый коннотативный потенциал текста и обуславливающих его информативность, цельность и связанность). Коннотативный потенциал текста можно считать существенным текстообразующим признаком, использование данного понятия важно для адекватного понимания текста, для выявления явных и скрытых контекстуально обусловленных оценочных смыслов и прагматики высказывания в целом.

4.4. Коннотативное значение на дискурсивном уровне: субъективная прагматика смыслообразования

Инновативный подход к изучению коннотативного значения языковых единиц обусловлен «внутренними закономерностями развития языкознания», которые, по мнению В. И. Карасика, характеризуются поэтапным «последовательным расширением науки о языке»: от определения и разработки «системы единиц и правил» к исследованию особенностей «функционирования этой системы» и, наконец, к выявлению основ «ситуативно-личностной обусловленности такого функционирования» и «его социокультурной детерминированности» [Карасик, 2009 : 13]. Иными словами, эти этапы символизируют последовательную смену фокуса научного рассмотрения лингвистических явлений с позиций структурализма к функционализму, когнитивизму и дискурсологии. Такая эволюция в области языкознания результировала, во-первых, в становлении новых научных

направлений, а во-вторых, в возможности пересмотра трактовок существующих научных понятий в свете новых подходов и парадигм, в частности исследования феномена коннотации в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Изучение реализации феномена коннотации, последовательно на лексическом, синтаксическом и гиперсинтаксическом уровнях осуществленное в параграфах 4.1, 4.2 и 4.3, подготовило почву для выхода на новый уровень – на уровень дискурса. Анализ отдельных слов или предложений, по мнению О. В. Федоровой, сводит исследуемые единицы до статуса «некоторого конструкта», а дискурсивный уровень с учетом всех составляющих позволяет установить заложенный в высказывании смысл [Федорова, 2016 : 8].

Минимальной единицей исследования коннотативного значения на дискурсивном уровне является речевой акт [Searle, Kiefer, Bierwisch, 1980, Rosaldo, 1982], позволяющий установить наличие коннотативного значения у языковой единицы, которое в значительной мере зависит от контекста, социокультурных установок языковой личности, индивидуального владения навыками межкультурного взаимодействия [Патюкова, 2017], и поэтому связано с прагматикой высказывания, его явными и скрытыми целями. Цели высказывания можно определить при интерпретации языковой единицы, оформленной как предложение [Арутюнова, 1998 : 413].

В силу специфичности коннотативного значения часто возникают ситуации, когда речевого акта недостаточно для однозначного определения коннотации. В этом случае единицей исследования выступает вербальный коммуникативный акт [Plunze, 2010; Reich, 2011], позволяющий на более объемном языковом материале установить, какие «из множества возможных вариантов» были выбраны адресантом, чтобы «произвести на адресата желаемый эффект» [Гуревич, 2007 : 104] в определенной коммуникативной ситуации. Вербальный материал коммуникативного акта может быть представлен несколькими высказываниями (предложениями в случае

письменной фиксации речи), необходимыми и достаточными для создания завершенного, цельностного (обладающего смыслом и для адресанта, и для адресата) сообщения.

Особенно продуктивным представляется рассмотрение коннотации в аспекте сравнительно-сопоставительного анализа ее реализации на дискурсивном уровне, что обусловлено открывающимися возможностями увидеть специфические черты каждого из языков, обнаружить динамику скрытых языковых преобразований, а также перспективой выявления когнитивных основ сходств и различий этих процессов. Комментируя значимость сопоставления языков, С. Йохансон считает, что сопоставление позволяет выявить универсальные и специфические характеристики, являющиеся важными для понимания языка как глобального явления, разработки многосторонней и непротиворечивой теоретической базы, а также для изучения каждого из сравниваемых языков: «It reveals what is general and what is language specific and is therefore important both for the understanding of language in general and for the study of individual languages compared» [Johansson, 2008 : 12].

При исследовании коннотации в контексте сопоставительного анализа языковых единиц в аспекте дискурсивного подхода главной целью является изучение и выявление особенностей функционирования и реализации коннотативного значения в разных культурах, прагматических намерений участников коммуникации и влияния условий коммуникации на «появление» коннотативного значения у слов, его не имеющих (по данным лексикографических источников). Таким образом, на передний план современных исследований прагматической функции языка выходят «проблемы, связанные с выявлением фактов, от которых зависит прагматическая сила речи, т. е. то, в какой мере она превратится в дело, преобразуется в практическое изменение мира» [Даниленко, 2010 : 24–25], а одним из таких фактов, несомненно, является коннотация языковых единиц.

Особый акцент при изучении коннотации на дискурсивном уровне делается на возможности развития коннотативного значения у языковых единиц в определенной конситуации. Отсутствие статичности значения в рамках дискурса обусловлено меняющимися условиями общения (коммуниканты, цели коммуникации, тональность и внешние по отношению к языку обстоятельства), поэтому в рамках дискурса значение языковой единицы следует рассматривать как принципиально динамическую сущность.

В предыдущих разделах настоящей работы фокус исследования последовательно был сосредоточен на слове (слово как операционная единица), микроконтексте употребления языковой единицы (словосочетание как операционная единица), макроконтексте употребления языковой единицы (предложение как операционная единица). Определение этих уровней для изучения коннотативного значения представляется теоретически и практически целесообразным, несмотря на то, что такая демаркация имеет условный характер и носители языка, не задающиеся специальными целями анализа специфики функционирования той или иной языковой единицы, не разделяют их в процессе коммуникации.

Исследование реализации коннотативного значения на каждом из обозначенных уровней на материале различных языков позволило подвергнуть высказанную в работе гипотезу многосторонней и многоаспектной проверке во избежание необоснованных субъективных обобщений, с одной стороны. С другой стороны, такой подход сделал возможным, во-первых, демонстрацию неразрывной связи и взаимопроницаемости границ каждого уровня, а во-вторых, подготовил условия для представления конситуативной реализации КЗ на уровне дискурса, который видится автору наиболее приемлемым для целостного и всестороннего характерологического описания феномена коннотации.

Иными словами, проведенный анализ позволил провести процедуру синтеза полученных данных относительно изучаемого феномена в наиболее характерных для него – естественных – условиях, когда ни один

компонент/член коммуникативного процесса не выпущен из внимания исследователя ради уделения приоритетного внимания другому явлению. Рассмотрение коннотации в аспекте ее дискурсивной реализации способствует достижению максимальной интерпретативной точности благодаря ее **дискурсивной контекстуализации**, под которой в данной работе понимается симбиоз свойств текста как филологической единицы и конкретной коммуникативной практики (дискурса).

Использование возможностей, которые дает сопоставительное исследование языковых явлений, предоставляет шанс объективировать представления о коннотации, которая в силу своей природы носителям конкретного языка кажется самоочевидной. Сопоставительное исследование языковых явлений с точки зрения их дискурсивной реализации ориентировано на фактически безграничный диапазон текстов, что, с одной стороны, затрудняет проведение исследования, с другой стороны, использование материалов и инструментария национальных корпусов текстов наделяет исследователя значительным и репрезентативным материалом. Результаты анализа материала, предварительно разложенного на определенные составляющие, позволяют выявить закономерности, актуальные непосредственно для анализируемого фрагмента и характерные для других фрагментов языковой и дискурсивной структуры, в соответствии с универсальным законом аналогий.

Сравнительно-сопоставительный анализ, проводимый на уровне дискурса, предполагает необходимость сравнения культурных особенностей. В частности, по мнению W. Czachur, «сравнение, независимо от того, проводится ли оно на уровне слова, предложения, текста или дискурса, всегда является сравнением в культурном плане, т. к. язык является продуктом культуры и в то же время стимулом ее развития» [Czachur, 2011 : 32].

Алгоритм проведения сопоставительного анализа нацелен на получение достоверных результатов. Одним из условий получения таких результатов является корректное определение *tertium comparationis*. В

настоящем исследовании в качестве *tertium comparationis* выступает коннотативное значение слова, которое может быть соотнесено с соответствующим концептом. Концепты как «смысловые кванты человеческого бытия в мире», как «своеобразные гены культуры» [Иная ментальность, 2005 : 25] могут выступать опорными сущностями при определении оснований развития коннотативного значения у той или иной языковой единицы.

Соизмерение коннотативного значения языковой единицы с концептом является принципиальной процедурой, так как между ними существует определенная связь, проходящая по следующим линиям соприкосновения:

- 1) социокультурные характеристики концепта, обусловленные его аксиологической составляющей, и оценочный компонент значения коннотации;
- 2) идеологическая составляющая концепта и одна из функций коннотации выражения идеологии определенного социального круга;
- 3) обусловленность содержания концепта культурно-историческими факторами и их мотивирующая функция при образовании коннотативного значения;
- 4) ментальность носителей языка, определяющая в виде концептов самосознание нации, ее культурный код, и ее генерирующий потенциал выстраивать ассоциативные ряды, порождающие новые значения слов.

Важно отметить, что одной из ключевых задач сравнительно-сопоставительного исследования является поиск эквивалентных соответствий. Будучи ментальной операцией, связанной с постижением целостного смысла, созданного языковыми средствами одного языка и вариантом его адекватной передачи средствами другого языка, сопоставление представляет собой когнитивную операцию, требующую существенных лингвистических и экстралингвистических знаний, а также значительного творческого потенциала личности, вовлеченной в межкультурную коммуникацию.

Этот тезис согласуется с мыслью, высказанной Дж. Карлом, относительно принципов проведения контрастивного анализа и его взаимосвязи с переводом, который, по мнению автора, должен включать в себя межличностный, текстовый, а также идеациональный смыслы, и только тогда он будет являться надежным основанием для проведения контрастивного анализа: «...translation including interpersonal, and textual as well as ideational meaning is the best available tertium comparationis for contrastive analysis» [Carl, 1980 : 178].

Эквивалентность, по утверждению Е. А. Ниды, достигается при совмещении лингвистических и культурных знаний при переводе (linguistic and cultural translation) [Nida, 2003 : 13]. Такое понимание эквивалентности, на наш взгляд, очень близко понятию «транслируемости», которое, по мнению В. И. Карасика, предполагает классификацию концептов по критерию возможности их передачи при межкультурном и межличностном общении [Иная ментальность, 2005 : 32]. В данной классификации концепты противопоставляются друг другу как «активно и пассивно транслируемые, содержательно модифицируемые и немодифицируемые, переводимые и непередаваемые», последние из которых соотносятся с пониманием лакунарности коннотации и необходимости введения интерпретативного комментария в процессе межкультурной коммуникации.

В свою очередь, П. Ньюмарк предлагает при осуществлении трансформации смыслового содержания сообщения, созданного на одном языке, в формат другого языка, «совместить» культурный эквивалент (cultural equivalent) с функциональным (functional equivalent) и дескриптивным (descriptive equivalent). В этом случае комбинацию двух последних исследователь определяет как «куплет» (couplet *фр.* – пара) [Newmark, 2006 : 82–84].

Для иллюстрации совмещения дескриптивного и функционального перевода автор приводит пример со словом «machete» («мачете») в английском языке. Дескрипция, по мнению автора, может быть представлена

в виде толкования «латиноамериканский широкий, тяжелый инструмент», а функционал данной языковой единицы может быть сформулирован как «резать или проявлять агрессию».

В аспекте настоящей работы представляется особенно важной функциональная характеристика предмета: «резать или проявлять агрессию». Эту интерпретацию можно разделить на две части: слово «резать» обозначает прямое назначение и функцию рассматриваемого латиноамериканского ножа. Второе словосочетание – «проявлять агрессию» – представляет собой развитие базового значения до уровня производного с отрицательной коннотацией, его метафорическую трансформацию, ассоциативно связанную с предполагаемыми поступками обладателя данного «инструмента», легко превращающегося в оружие, которое *режет, рубит, несет угрозу грубых, насильственных действий*. В данном толковании слово «machete» («мачете») представляет собой средство вербальной репрезентации концепта «агрессия».

Намеренное употребление коннотативно маркированных языковых единиц служит для фокусирования внимания реципиента на нужных автору локусах. Внимание, по мнению Е. С. Кубряковой, «чувствительно к контексту употребления» и непосредственно связано с прагматикой ситуации общения [Кубрякова, 2012 : 192]. При формировании высказывания автор пользуется доступными ему средствами языка, порой сам не осознавая, какие глубинные пласты (со)знания реципиента использованные им языковые единицы затронут, какую систему смыслов и образов создадут.

Рассмотрим несколько примеров из современного корпуса американского английского языка (Corpus of Contemporary American English [СОСА])¹⁸, представляющих выборку из разнообразных типов дискурса (публицистического, художественного, бытового), в которых актуализировано значение слова «machete» с отрицательной коннотацией (в СОСА найдено 367 документов со словом «machete»). Контекстуальный анализ показал, что

¹⁸ В круглых скобках указан непосредственный источник, откуда цитата была взята в СОСА, и номер строки в конкордансе.

2 % всех употреблений слова «machete» представляют переносное значение с отрицательной коннотацией, поскольку указывают на ограничение социальных потребностей людей и осуждаются в обществе (за исключением «урезания» расходов на содержание официальных структур):

1) «*But some public schools are refusing to let the **budgetary machete** finish off their early...*» (WEB : 2012 : texastribune.org, № 19) – «бюджетное мачете» предполагает функцию кардинального урезания бюджета на общеобразовательные школы;

2) «*Not so fast. Even if Congress takes a **machete** to those kinds of **government expenditures** – called....*» (News : 2011, № 150) – как и в первом примере, актуализировано переносное значение «урезать расходы»;

3) «*Red cross here. “When you negotiate with people with **machete**, how can you make them understand about humanitarian...”*» (News : 1994 : NYTimes, № 60) – «люди с мачете» в данном контексте подразумевает участников переговоров, не готовых идти на уступки, привыкших добиваться своей цели грубой силой;

4) «*I can't credit you with cleverness. You are just a **machete** running its course. I keep forgetting that. Sorry. Lucinda...*» (FIC : 2003, № 122) – «ты просто мачете» являет собой персонализированное обращение по смыслу, похожее на пример № 3. Люсинда видится писателю человеком бескомпромиссным и не учитывающим интересы других людей и внешние обстоятельства. Именно поэтому автор не может назвать ее поведение разумным (can't credit cleverness).

Следующие ниже примеры № 5–7 представляют особый интерес, так как в них не только актуализируется переносное значение слова «machete», но и получает подтверждение идея о том, что наименования различных инструментов являются аттрактивной группой для образования коннотативного значения и эти значения в когнитивном аспекте будут «притянуты» функциональным, дескриптивным или культурным компонентом значения языковой единицы.

5) «(Off-camera) and David Plouffe said we can't use a **machete**, we have to use **scalpel**. But it looks like....» (SPOK : 2011, № 258);

6) The M24 is a **scalpel**, M107 is a **machete**. T. J. Robertson Stonewall Snipers 29th Infantry Virginia (MAG : 208, № 315).

7) «...a **scalpel** to the discretionary budget rather than a **machete**. President Obama's budget far too...» [SPOK : 2011: 367].

В приведенных примерах «scalpel» и «machete» противопоставляются по функциональному принципу: «scalpel» предполагает тонкую, высоко профессиональную и, в определенной степени, деликатную работу; в то время как «machete» ассоциируется с грубой силой и такими же результатами ее применения.

В русском языке слово «мачете» по объективным культурно-историческим причинам не получило такого развития значения, но по аналогичной схеме отрицательное коннотативное значение развилось у инструмента, эндемичного для территории нашей страны, обозначаемого словом «топор» (в НКРЯ найдено 1590 документов, 3639 вхождений). Контекстуальный анализ показал, что 10 % всех употреблений слова «топор» представляет переносное значение с отрицательной коннотацией.

Так же, как и в английском языке у слова «мачете», у слова «топор» в русском языке переносным функциональным значением является обозначение процедуры «урезания, отрубания, сокращения», «опасность каких-либо действий, влекущих негативные последствия», а также «проявление агрессии». Эти значения представляют собой развитие базового значения, его метафорическую трансформацию, ассоциативно связанную с предполагаемыми поступками обладателя данного инструмента (топор плотника) или оружия (боевой топор) и наносящими вред оппозиционной стороне:

1) *«Параллельно предлагается проводить ликвидацию льгот. Первыми под **топор** просятся профессиональны привилегии: санаторно-курортное обслуживание, оплата медицинских, коммунальных услуг,*

транспортных расходов, предоставление земельных участков, дополнительные отпуска (например, для педагогических работников, членов семей сотрудников милиции предлагается, к примеру, лишить бесплатного медицинского обслуживания и предоставления путевок на санаторно-курортное обслуживание)...» [Мещанинова, 2003].

2) «Кроме того, внешнее управление может быть введено, если региональные власти допускают нарушения при использовании субвенций, выделенных из федерального бюджета, включая “нецелевое расходование средств”. Надо ли объяснять, что таким путем **топор** заносится практически над каждым регионом? Ведь дотационные регионы, каковых подавляющее большинство, просто вынуждены одалживать деньги, чтобы не остановился транспорт, не замерзли дома и школы, получили зарплату бюджетники...» [Вишневский, 2003].

Метафорическая трансформация базового значения слова «топор», ассоциативно связанная с использованием данного инструмента или оружия для процедуры «урезания, отрубания, сокращения», часто результирует в развернутой метафоре, что повышает образность высказывания и делает взаимодействие актантов дискурса более эмоциональным (примеры № 3–4):

3) «Александр Плитченко в творчестве своем всегда стремился говорить только языком любви и добра. Когда-то мечталось ему “сирое – просторнее засеять будущим добром”. И не вина поэта, что на склоне его жизни “в укрепившиеся корни вломилось **время с топором**”. **Топор времени** (так называемых перестроечных реформ и демократических перемен), безжалостно подрубивший многие устои нашего бытия, задел и поэзию Александра Плитченко. Она закровоточила» [Горшенин, 2013].

4) «Но пришло время, когда **топор цивилизации** безжалостно врубился в мой сказочный детский мир. На землю обетованную потоком хлынули доживать свой век на лазурных берегах Кавказа отставные чиновники, генералы и дельцы. В течение трех лет вековые реликты были выкорчеваны, заросли расчищены и на месте недавней

сказочной Колхиды стали расти и модные виллы, и скромные дачи со смешными названиями...» [Колмогоров, 2012].

Отметим интересную закономерность, следующую из предшествующего дискурсивного контекста. В английском языке для определения недружественных намерений и/или сознательного противодействия в переносном значении используются наименования оружия коренных народов, населявших Америку до вторжения европейских переселенцев (эта тенденция находит подтверждение и в наречении современных видов оружия – «Tomahawk» – ракетный комплекс и соответствующие крылатые ракеты). Подобное расширение сферы использования интердискурсивно высвечивает латентно сохраняющееся отношение неприятия между членами лингвосоциума.

Еще одна тенденция образования коннотативного значения, которое реализуется как в английском, так и в русском языке, – это использование наименований различных инструментов с актуализацией функционального, дескриптивного или культурного компонентов значения. Данная тенденция обусловила появление фразеологизмов и устойчивых словосочетаний (примеры № 5–6):

5) *«Официанты отчаялись – гости отказывались пить и есть. В воздухе как будто “повис топор”. Мне стало ясно – положение может спасти только Спиваков. Я рванула в артистическую, крича сразу всей очереди: ...» [Спивакова, 2002].*

6) *«Плавать можно как Александр Попов и как топор. Между этими крайностями находятся все те, кто “учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь”. В этом учебнике написано, как учить плавать правильно» [Рахаева, 2002].*

Данные фрагменты контекстов демонстрируют намеренную актуализацию автором высказывания дескриптивного компонента значения `тяжелый объект`. Это же значение используется реверсивно, при описании

окружающей тяжелой обстановки, когда даже топор представляется относительно легким (примеры № 7–9):

7) *«Я снова курю, но ты меня не воспитывай, я уже взрослая, Митя. Вот, веду ручку по бумаге, пепел сыплется, в комнате хоть топор вешай, и – ничего. Пустота. Последний листок»* [Завершнева, 2012].

8) *«Мат-перемат, папиросно-махорочный дым столбом, хоть топор вешай, обстановочка – как в общей камере городской тюрьмы, радио захлеб расписывает подвиги на трудовом фронте, гаишники и орудовцы забивают “козла”, попутно обмусоливая “парашу” – кем-то пущенный слух о том, что ГАИ со всеми потрохами передается Минавтотрансу, форму одежды и оклады сохраняют, однако»* [Азольский, 1997].

9) *«Почти все курили. Уже можно было вешать топор. Три женщины хлопотали вокруг стола, застланного красивой скатертью. На столе – несколько темных и прозрачных бутылок и два ровных ряда тарелочек с закусками»* [Шапко, 2016].

Культурный компонент значения, привязанный к реалиям того или иного лингвосоциума, в комбинации с функциональным компонентом значения, обозначающим опасность, используется для актуализации отрицательного коннотативного значения в следующих контекстах (примеры № 10–12):

10) *«Серьезным недостатком Берии были его слабые связи с двумя важнейшими отрядами сталинской бюрократии: армейской и партийной. Более того, и тот и другой отряд привыкли рассматривать Берию как врага, как сталинский кнут, как сталинский топор. Но одна из главных слабостей Берии – недооценка им Хрущева. Он настолько был в нем уверен, что после смерти Сталина предложил поручить Хрущеву отвечать за партаппарат и аппарат ЦК»* [Попов, Аджубей, 2008].

11) *«Депутат от блока “За Лебеда!” Александр Шведов считает, что официально провозглашать себя “лидером оппозиции” кому-то не стоит, “поскольку в существующих условиях выстраивания вертикали*

*власти незачем подставлять голову под **топор**». Мнения по поводу того, может ли возглавить оппозиционную фракцию Анатолий Быков, различны. Быков в последнее время отошел от политики и занялся исключительно бизнесом» [Графшин, 2004].*

12) *«Партийное знамя нацистов со свастикой становится государственным флагом Германии. В Советском Союзе первыми под **топор** идут дворяне, мгновенно высланные из Ленинграда, за ними – прочие “ненадежные” слои общества. Чрезвычайные суды ведутся помимо юридических правил, приговоры без обжалования исполняются немедленно. Идет повальная “чистка”» [Аннинский, 2008].*

Аналогично англоязычным примерам со словами «scalpel» и «machete», в которых лексические единицы в переносном коннотативном значении сопоставляются по функциональному принципу, в русском языке сравнение слова «топор» происходит с иными инструментами:

13) *«Да минует же их участь, добрые люди, вас, ваших детей и ваших жен! Уверяю вас, добрые люди, заполняющие зал судебного заседания, что все происходящее – это отнюдь не только одно осуждение невинного или сведение личных счетов правительства с неудобным ему журналистом, это даже не удушение вашей свободы, нет, это много страшнее: это новое покушение на вас самих, это тот **топор**, который завтра же опустится на вашу голову, **револьвер**, который убийцы тайком суют в руки вашего ребенка» [Домбровский, 1958].*

В публицистическом дискурсе такое использование слова «топор» дополнительно контекстно комбинируется с тематикой переговоров, в которых участники вопреки своим амбициям вынуждены искать компромисс:

14) *«В целом от того, что мы перекрестим мракобесие в иррационализм, ничего существенно не изменится. Мы поменяем одно идеологизированное и непригодное для честного интеллектуального разговора понятие на другое, сменим **финку** на **топор**: то и другое – оружие в споре, разница в удобстве для сражающихся, а вовсе не в том, что*

нам в самом деле поможет в чем-то разобраться такая смена вооружения. Оружие может помочь всего лишь победить; чтобы разобраться, нужна честность» [Любарский, 2013].

Лексема «топор» используется говорящими в форме устойчивого словосочетания в значении «прекратить или начать военные или преступные действия» (примеры 15–18):

15) *«В завершение беседы предложите женщине зарыть **топор** войны, хотя бы ради спокойствия одинаково любимого и дорогого вам человека – жены и дочери»* [Шаляпина, 2010].

16) *«Сделать это лучше у вас дома или на нейтральной территории, например, в кафе. Если женщины когда-то были близкими подругами, то тетя Мила наверняка найдет нужные слова, чтобы убедить твою маму “закопать **топор** войны”. Ведь повод для этого очень весомый – счастье детей. Если же твои попытки наладить отношения между будущими родственниками ни к чему не приведут, тебе придется проявить твердость»* [Шлейф старых обид, 2005].

17) *«Западные державы войну закончили. Зарыли **топор** войны американцы и японцы, британцы и немцы. А мы? Примирением от нашего понимания войны что-то не пахнет»* [Иванницкий, 2005].

18) *«Вы угадали. Вы поступили нечестно, но, к счастью, дело не зашло слишком далеко, вы не успели совершить преступления, вы только взяли **топор**, а за преступные намерения уголовного наказания не предусмотрено. Вы отделаетесь штрафом, а вашего секретаря, Франческу Суара... мы накажем по всей строгости закона! Маккавити и Лефевр бросили трубки, столкнулись в дверях, присели рядом на порожек и долго хохотали, как одержимые, слабея от смеха»* [Букша, 2005].

Следует отметить, что «мачете» в английском языке в значении «прекратить или начать военные действия» не используется. В этом значении используется слово «томагавк» – национальное оружие американских индейцев (в СОСА найдено 367 документов):

19) «*I don't know. Long ago we buried the **tomahawk** and accepted the white people. I am proud that you have...*» (FIC : 2006 : № 3).

20) «*Then pass that peace pipe and bury the **tomahawk**. Like those Chichimecs, Cherokees, Chapultepecs do*» (TV : 1997 : № 257).

Анализ исследуемых фрагментов корпусов текстов в русском и английском языках в аспекте частотности употребления рассматриваемых единиц с актуализированным отрицательным коннотативным значением показывает значительное превышение употребления слова «топор» над употреблением «machete» и «tomahawk» в английском языке. Возможно, что эти различия обусловлены тем фактом, что слово «топор» относится к праславянскому периоду развития русского языка и, таким образом, может считаться исконно русским, что обуславливает его потенциал к образованию новых слов и значений. В то же время оба исследованных слова американского варианта английского языка – «machete» и «tomahawk» – являются заимствованиями из испанского языка и языка индейцев, коренного населения Северной Америки, соответственно, что, безусловно, сказывается на их значимости в английском языке. Кроме того, высокая частотность совместного употребления в определенных контекстах способствует фразеологизации условно устойчивых сочетаемостных моделей, ядерным компонентом которых является коннотативно маркированная языковая единица.

Таким образом, анализ языкового материала в рамках отдельных дискурсивных фрагментов, отобранных методом сплошной выборки из НКРЯ и СОСА, показывает закономерности образования коннотативного значения у языковых единиц, а также системные отношения, обусловленные универсальными когнитивными процессами, связанными с освоением человеком окружающего мира. Коннотативные различия денотативно эквивалентных языковых единиц скоординированы с этноспецифическими и социоспецифическими концептуализированными представлениями, отражающими культурный код определенного лингвосоциума.

Учитывая многообразие типов дискурса, обслуживающих потребности членов лингвосоциума, для описания реализации коннотативного значения рассмотрим одну из разновидностей институционального дискурса, а именно офисный дискурс.

Тематика офисного дискурса во многом соотносится с понятием «работа», а используемый вокабуляр объективирует его связь с концептом РАБОТА – одним из ключевых синкретичных образований, закрепленных в языковом сознании людей. Исследование языковой репрезентации концепта РАБОТА в русском, английском, украинском и французском языках было выполнено нами в коллективном труде [Кислицына, Норец, 2012], в котором среди прочих вопросов был затронут аксиологический аспект и прозвучали некоторые наблюдения, которые, как нам представляется, следует упомянуть в настоящей работе, так как они будут способствовать пониманию истоков образования отрицательного или положительного коннотативного значения у тех или иных слов, используемых в офисном дискурсе.

Анализ внутренней формы слов-эквивалентов русского и английского языка «работа» и «work», выборки паремий, в которых данные слова использовались в качестве доминанты или смысл которых сводился к концепту РАБОТА, сравнение этимологических данных каждой лексической единицы позволили выявить «существование некоторой когнитивной структуры, которая отражает связь между накопленным опытом, информацией, знаниями о мире и значениями слов, мотивацией паремий, а также их коннотацией» [Кислицына, Норец, 2012 : 98–106].

Внутренняя форма слов «работа», «work» является основой для семантического развития слов, с одной стороны, и отражает важные свойства одноименного концепта – с другой. Анализ историко-этимологических данных [Ayto, 1990; OED, 2012] относительно появления и развития семантической структуры слова «work» в английском языке позволил сделать вывод о том, что «work» в английском языке соотносится в диахронном

аспекте с понятиями «охота, преследование», «активные, энергичные действия».

Обращаясь к истокам слова «работа» в русском языке, анализируя данные этимологических словарей [Фасмер, 2012; Черных, 2001], резюмируем, что «работа» в русском языке соотносится в диахронном аспекте с понятиями: «тяжелый, подневольный труд», «относящийся к рабству». Предположительно, общеславянское *orb-, *orbъ- породило в восточно-славянских языках значение «земледелец» (ср. *землероб*).

65 % (87 единиц) из выборки проанализированных пословиц и поговорок английского языка (всего 133 единицы выборки) являются аксиологически маркированными (выражают отрицательную или положительную оценку работы/труда); 49 % (57 единиц) из выборки проанализированных пословиц и поговорок русского языка (всего 115 единиц выборки) являются аксиологически маркированными (выражают отрицательную или положительную оценку работы/труда) и, таким образом, носят нравоучительный характер: *A bad workman quarrels with his tools. Doing is better than saying. Деревья смотри в плодах, а людей смотри в делах. Не одежда красит человека, а добрые дела. С мастерством люди не родятся, а добытым ремеслом гордятся.*

Остальные паремии носят инструктивный характер, рекомендуя, какой инструмент использовать, в какое время заниматься тем или иным видом деятельности и т. п.: *Make hay while the sun shine. They must hunger in winter that will not work in summer. Куй железо, пока горячо. Делу время, потехе час. С курами ложись, с петухом вставай. Кто мелко заборонит, у того рожь мелка.* Таким образом, значительное количество паремий оценочного, нравоучительного характера в рандомной выборке паремий подтверждает значимость концепта РАБОТА для каждого из лингвосоциумов.

Данный тезис примем в качестве обоснования выбора дискурсивного фрагмента «работа в офисе» с целью установления и описания особенностей функционирования коннотативно маркированных лексических единиц.

Существуют определенные концептуальные константы в организации труда, отношении к работодателю и наемным рабочим, сотрудникам офиса, закрепленные в КМЯЕ. Релевантным источником языкового материала, связанным с понятием «офисный дискурс», являются тексты соответствующих форумов, блогов и онлайн-изданий. Интернет-дискурс направлен на общение, в которое активно вовлечены адресант и многочисленные адресаты, принадлежащие к различным социальным и культурным кругам. Эта принадлежность проявляет себя в форме определенных языковых индикаторов, в число которых входят и коннотативно маркированные единицы.

В настоящее время много научно-исследовательских работ посвящено исследованию интернет-жанров (блогов, форумов), которые часто называют коллективными, исходя из большого количества участников, обсуждающих определенную тему или вопрос. Этот вид интернет-общения обеспечивает компьютерно-опосредованную коммуникацию (computer-mediated communication) [Walther, 1996] в киберпространстве.

Инновации в области коммуникационных технологий не оставили в стороне и методологию проведения лингвистических исследований. Так, в связи с массовым переносом общения людей в сеть Интернет, ныне особенно усугубленным появлением коронавирусной инфекции и режимом самоизоляции, конституировались новые формы и виды общения, требующие внимательного изучения и анализа. «Данные социальных сетей, блогов, форумов и пр.», по мнению М. А. Пильгун, «представляют огромные возможности для анализа <...> языка, речевого поведения, специфики языкового сознания и языковой картины мира» [Пильгун, 2018 : 100].

Характеризуя специфику современной интернет-коммуникации, следует остановиться на понятии киберпространства, «представляющего собой новую стремительно развивающуюся область виртуальной межличностной коммуникации, которая становится одним из инструментов социального воздействия благодаря оперативности и личностному подходу к

предоставлению информации» [Кислицына, Чернявская, 2019 : 368]. В широком смысле киберпространство представляет собой специфический «онлайн мир, в котором взаимодействия индивидов и групп осуществляются посредством электронных сетей, соединенных средствами информационно-коммуникационных технологий» [Добринская, 2018 : 57]. Под киберпространством в настоящей работе понимается та часть сети Интернет, где осуществляется интерактивная коммуникация индивидов, функционируют интернет-сообщества, конструируется идентичность адресанта [Войскунский, 2016] (identity construction) [Bamberg, Fina, Schiffrin, 2011] и эксплицируются отдельные характеристики адресата(ов).

В круг задач исследователей, занимающихся изучением интернет-дискурса, входит рассмотрение того, каким образом потребности адресанта и адресата реализуются в процессе коммуникации; в какой степени информация и знания, которые закладывает автор в текст, в сформулированную проблему, в побуждающий к дискуссии вопрос могут восприниматься реципиентом. Одной из важнейших задач является также выявление языковых способов репрезентации когнитивного поведения актантов.

В аспекте исследования коннотативного значения языковых единиц на дискурсивном уровне важным представляется такое свойство киберпространства, как возможность опосредованного общения людей – независимо от их территориального или временного нахождения, социального статуса, культурных или физических характеристик. Выбор в качестве источника материала исследования интернет-ресурсов дает возможность не только учесть, но и совместить в исследовании анализ фиксированного текстового материала, интегрированного в актуальную социальную среду, с форматом технологически новой среды общения. Интерактивный характер общения в форумах и блогах и их широкое распространение, большое количество коммуникантов обуславливают репрезентативность наблюдений и полученных выводов.

Отметим также, что интернет-дискурс в формате коллективных форумов и блогов является особо значимым для самопрезентации авторов, активно осваивающих новую среду существования. Возможность публично выразить свою точку зрения, создать образ эксперта в определенной области позволяет реализовать стратегию самопозиционирования. Это свойство современной коммуникационной среды отметила А. А. Зализняк, говоря, что «новые технологии дают возможность легко и быстро поделиться своими мыслями и чувствами с неограниченным числом людей», а также «позволяют предъявить этому множеству людей свой текст как свидетельство своего индивидуального бытия» [Zaliznyak, 2010 : 173], задать интересующие актуальные вопросы и услышать на них самые разные по содержанию и форме ответы.

Так, в офисном дискурсе относительно недавно в современном русском языке у слова «планктон» появилось новое переносное значение с отрицательной коннотацией, часто функционирующее в сочетании с определением «офисный» и используемое для унижительного наименования служащих, занимающих начальные позиции на карьерной лестнице.

Предположительно, образованию отрицательного коннотативного значения у этого термина, одновременно принадлежащего и зоологии, и биологии, способствовал образ жизни представителей зоопланктона и фитопланктона: условно говоря, нахождение в конце пищевой цепочки, предполагающее питание остатками и останками, поэтому и не считающееся престижным. Данная оценка переносится и на модель взаимоотношений людей, что предопределило перенос слова из узкоспециализированной сферы употребления в сферу повседневного офисного дискурса.

Интересно отметить, что данное предположение выборочно распространяется и на другие слова, которые можно сопроводить подобной энциклопедической информацией. Поиск в НКРЯ выдал в числе первых пятнадцати предложений следующий пример, подтверждающий данную гипотезу:

*«На столике перед ними стояла 1 (в скобках прописью: одна) крохотная зеленая баночка спрайта. Помимо деморализующей парочки в кафе была только стриженная **креветка** за игровым монитором. В огнестрельной чехарде на экране Вадиму почудилось знакомое. Он приблизился – негрела добросовестно выдвинулся из-за стола и навис подбородком над его макушкой» [Гаррос, Евдокимов, 2001].*

В английском языке у слова-эквивалента «*shrimp*» («креветка») также отмечается наличие переносного значения с отрицательной коннотацией, в случае если данное слово употребляется по отношению ко взрослому человеку: *Will you help change it. You? You are a **shrimp**. How many times am I gonna have to throw you...*» [ELR, 1997]. В переносном значении употребляется по отношению к маленьким детям в качестве диминутива [CED, 2020]. Таким образом, можно говорить о наличии универсальных алгоритмов образования коннотативного значения у слов, его не имеющих, но содержащих в своей семантической структуре семы оценочного характера.

Возвращаясь к «офисному планктону», скажем, что характерным контекстом употребления данного словосочетания может служить следующий:

«Кто из представителей офисного планктона не мечтает стать “акулой топового звена”? Но не у всех это получается. Бывает, что у работника и опыт большой, и знания с навыками отличные, а он годами сидит на одном месте, а его активный, общительный коллега всего год как устроился, и уже повышение получил, вот-вот переберется в отдельный кабинет. Просто везение? Нет, скорее умение найти общий язык со всеми, заявить о своих талантах и создать ощущение своей незаменимости» [Милай, 2020].

Клинический психолог Дарья Милай в статье «Как стать «гением общения»: 23 навыка, которые помогут карьерному росту» подробно и не без иронии делится секретами стратегий и тактик выживания в офисе. Для автора условием успешного продвижения по карьерной лестнице, прежде

всего, является «умение найти общий язык со всеми, заявить о своих талантах и создать ощущение своей незаменимости», быть «активным, общительным» – эти способности противопоставляются отрицательно оцениваемой тактике «годами сидеть на одном месте». Иными словами, «офисный планктон» должен активно двигаться, чтобы выжить и добиться поставленной цели, – такова идеологическая позиция автора, демонстрирующая дискурсивную личность психолога. «Не мечтать, а действовать» – именно такую схему, направленную на успешное существование в офисной среде, Д. Милай рекомендует читателям. Добавим, что данная работа является передовой статьей (editorial) популярного журнала «Marie Claire», что подтверждает актуальность рассматриваемого вопроса. В английском языке лексема «*plankton*» также используется в переносном значении с отрицательной коннотацией:

«When Olivia Nuzzi walked into Donald Trump’s office on the 26th floor of Trump Tower, she wasn’t sure what to expect. She’d seen the Republican nominee up close before – in media gaggles covering campaign events for the Daily Beast – but they’d never been introduced. She was there to interview Trump for a story she was writing about his spokeswoman, Hope Hicks. Hicks herself had declined to be interviewed, but Nuzzi figured Trump, as her boss, would be an ideal source.

*Trump was there behind his “enormous” desk – “he looks like **a plankton** behind it,” she said – and Hicks was there, too. “She was obviously nervous about having a reporter there,” Nuzzi said. “I don’t know why, but she turned to Trump and said, ‘This is Olivia, she’s very young.’ Trump looked at me and said, ‘Very young and very beautiful’» [Landsbaum, 2016].*

В данном фрагменте текста четко просматривается дискурсивная личность автора: молодая, настойчивая, смелая и сообразительная журналистка задалась целью взять интервью у экс-президента США Д. Трампа. Небольшой отрывок демонстрирует профессионализм К. Ландсбаум. Она умело поднимает актуальные проблемы, свойственные

современному политическому бомонду США, искусно и компетентно оформляя их:

– *She wasn't sure what to expect* – непредсказуемость президента США Д. Трампа;

– *Hicks herself had declined; She was obviously nervous* – боязнь подчиненными своего руководителя.

Негативное отношение к личности Д. Трампа выражается, во-первых, в сравнении с планктоном: *«he looks like a plankton behind it»*. Использование слова «plankton» по отношению к человеку создает негативные коннотации по следующим параметрам:

– размер – очень маленький, еле заметный, и это притом, что Д. Трамп отличается среди современных политиков высоким ростом и крепким телосложением;

– интеллект – сравнение с мелкими, разнородными организмами, дрейфующими по течению, предполагает по отношению к человеку приписывание ему отсутствия сознания и способности принимать самостоятельные решения;

– ассоциативность – планктон как совокупность мельчайших существ и организмов, которые порой трудно рассмотреть в воде, и которые в определенных условиях представляют опасность для здоровья человека, ассоциируется с недостаточно чистой водой и даже с паразитами (отметим, что слово «паразит» также имеет отрицательное коннотативное значение). Изобилие планктона в несоответствующих для этого, с точки зрения человека, местах вызывает брезгливость.

– омонимичность – помимо описанной выше ассоциации, возникающей на физиологическом уровне, вполне допустимо признание существования лингвистической ассоциации с омонимичной формой лексемы английского языка «plank». Основное значение данного слова – *a long, narrow, flat piece of wood or similar material, of the type used for making floors* [CD, 2020] – соответствует в русском языке слову «планка» (деревянная или из иного

материала). В качестве сленга данное слово обозначает очень глупого человека (*very stupid person*) [CED, 2020]. Достаточно распространенной является также идиома (*as*) *thick as two short planks*: *He's a very skilled football player but he's as thick as two short planks* [CD, 2020]. Наслоение данных негативных ассоциаций приводит к аккумуляции отрицательной оценки всего дискурсивного фрагмента.

Во-вторых, автор подчеркивает искусственно созданную дистанцию между президентом и народом, в данном случае – журналисткой, которая является представителем американских избирателей: «*Trump was there behind his “enormous” desk*». Стол невероятно больших размеров подсознательно ассоциируется с разделительной стеной, неким препятствием, оборонительным сооружением между президентом и остальными членами общества.

Не обошла журналист и сексистские наклонности Д. Трампа, профессионально подметив их в своей статье. В американском обществе не принято в лицо оценивать внешний вид человека, его возраст и т. п., однако: «*Trump looked at me and said, ‘Very young and very beautiful’*». Эксплицитное значение данного высказывания звучит положительно, однако такие оценочные фразы ставят собеседника в неловкое положение.

В-третьих, отметим употребление лексемы «*gaggle*», которая обозначает в своем основном денотативном значении стаю гусей, а во втором, переносном, значении – группу шумных и глупых людей [CED, 2020]. Используя данное слово в его коннотативном значении, автор не просто обесценивает работу пристрастных журналистов, освещающих избирательную кампанию Д. Трампа, а характеризует ее крайне отрицательно: «*in media gaggles covering campaign events*». Добавим, что американское аналитико-новостное издание «*The Daily Beast*», журналисты которой подверглись саркастической насмешке со стороны К. Ландсбаум, в свое время было победителем интернет-премии за успешную

профессиональную работу, а посещаемость его сайта ежемесячно составляет около 20 миллионов читателей.

Психологическая составляющая совокупной коннотации, задаваемой сравнением с планктоном и получающей дальнейшее развитие в данном фрагменте дискурса, зиждется на оценивании таких основных параметров, как аксиологический (хорошо/плохо в общеоценочном смысле), качественный (положительное/отрицательное качество в частнооценочном смысле), количественный (большой/маленький). Таким образом, можно сказать, что словосочетание «офисный планктон» задает особую тональность корпоративной культуре и отражает своеобразную иерархию корпоративных отношений.

Словосочетание «*офисный планктон*» (office plankton) и обозначение самого явления, безусловно, вызвало интерес у пользователей сети из разных стран, что результировало в дискуссию в формате интернет-форума на тему «Какие уничижительные термины используются в языках для наименования мелкого офисного служащего, с чьим мнением не считаются и чей труд низко оценивается». Данная тема параллельно была сформулирована на английском языке в варианте «*Derogatory term for a corporate employee*» [ELU, 2015] и за период своего существования набрала более девятнадцати тысяч активных посещений, что является серьезным аргументом в пользу актуальности поставленного вопроса.

В рамках форума прозвучало мнение носителя языка (Robin Williams) относительно употребления «office plankton» [ELU, 2015], который отметил, что знаком с выражением «офисный планктон» в русском языке, однако не встречал его кальку в английском языке, упомянув при этом то, что Urban Dictionary включил данное словосочетание в свою коллекцию в значении «типичный работник офиса, выполняющий круг стандартных рабочих поручений без всякой надежды на получение повышения или поощрения» [UD, 2015].

Онлайн-словарь Коллинз в 2013 г. зафиксировал словосочетание *office plankton* как неологизм (New Word Suggestion), который обозначает офисных служащих низшего ранга, сопроводив данную словарную статью статусом «ожидает валидации» со стороны администрации сайта (Pending Investigation) [CED, 2020].

Лингвистическая экспертиза предложенных пользователями вариантов представляет особый интерес с точки зрения их коннотативного содержания и когнитивных оснований. Тем более, среди участников представлено значительное количество носителей языка, которые предлагают примеры употребления языковых единиц, функционирующих в современном английском языке и отражающих актуальные ценностные, культурные, социальные стандарты, действующие в определенной среде общения, то есть то, что является наиболее значимым при изучении коннотативного значения языковых единиц в дискурсивном пространстве.

Анализ содержания материалов именно интернет-форума представляется релевантным целям настоящей работы так как, во-первых, помимо исследования отдельных слов или словосочетаний, связанных с предложенной тематикой (которые можно было бы отобрать методом сплошной выборки из словарей синонимов, тезаурусов, обратившись к текстам различных функциональных стилей и т. д.), анализ дискурсивных фрагментов позволяет проследить взаимодействие авторов, их аргументацию и выделить языковые единицы, которые уже активно используются в процессе вербальной коммуникации, но по объективным причинам не отражены в лексикографических источниках.

Во-вторых, представляется важным тот факт, что перед участниками форума не была поставлена задача назвать коннотативно маркированные языковые единицы, соответствующие теме запроса и, следовательно, можно говорить о том, что такой интернет-форум является идеальной искусственно созданной площадкой для лингвистического эксперимента, так как

участники, выступающие в роли информантов, не догадываются, что за их высказываниями ведется наблюдение в интересующем нас аспекте.

Что касается интерпретаций языкового материала автором настоящей работы, то в данном случае обратимся к понятию «мысленный эксперимент» в трактовке Л. В. Щербы, который признавал, что прием самонаблюдения, когда информант и исследователь представлен одним лицом, является вполне законным [Щерба, 1965]. Кроме того, преимущество работы с материалом интернет-форума, представляющего собой интерактивное общение участников, зафиксированное в виде совокупности значительных по объему естественно созданных дискурсивных фрагментов, позволяет неоднократно возвращаться к нему в случае необходимости уточнения определенных вопросов.

Участники форума, которых мы в соответствии с традицией проведения лингвистического эксперимента будем называть информантами, не только отвечают на центральный вопрос форума, являющийся фактически формулировкой единой когнитивной задачи и задающий рамки дискуссии, но и беседуют друг с другом, спонтанно высказывают мнение по поводу точки зрения собеседника. Интерактивная связь служит дополнительным источником верификации адекватности предложенных вариантов, отражая результат работы системы порождения и восприятия речи. Следует отметить, что текст переписки участников форума носит разговорный характер, будучи примером коллективной и индивидуальной речевой деятельности, встроенной в систему современных коммуникационных технологий:

«Yes, right back at ya with that +1, @Walter Mitty – I didn't understand your reference to "We ..." so I binged you with some poetry. Glad to finally meet you. You're rather famous in my circle. ;-) Thank you for your upvote! – user98990 Feb 17 '15 at 19:11» [ELU, 2015].

Таким образом, работу с материалами интернет-форумов можно соотнести с классическим пониманием полевого эксперимента [Crowley, 2007; Bower, 2008; Newman, 2009; Кибрик, 2010; Thieberger, 2012; Федорова,

2016; ДЯДКМНР, 2019], в который вовлечены информанты, коммуницирующие в естественной для них среде общения.

Использованное в заглавии темы форума определение «дерогативный» [ELU, 2015] предполагает наличие отрицательной оценки, но, кроме этого, никаких дополнительных рестрикций (метафоричность, образность, экспрессивность) выдвинуто не было, то есть отсутствует прямое апеллирование к языковым знаниям и лингвистической интуиции носителей языка. Это позволяет считать совокупность представленного материала репрезентативной основой для проведения «чистого» лингвистического эксперимента, отражающей использование языка в наиболее характерных и приближенных к естественным условиям, что дает возможность верифицировать гипотезу исследования, определить ее гносеологическую ценность, установить принципы и разработать модель межъязыкового варьирования коннотативного значения.

Отметим также, что рассмотрение особенностей функционирования словосочетания «офисный планктон» в русском языке и сравнение структурно-семантических и функциональных особенностей его эквивалентов в иных языках представляет собой частный случай, с одной стороны, но с другой стороны, «каждое явление как частный случай общего» есть «способ существования последнего» [Шахнарович, 2011 : 191], что, на наш взгляд, дает возможность обобщить наблюдения и представить их в виде генерализированной модели.

Итак, запрос о дерогативных словах-эквивалентах, обозначающих «маленького» человека, работающего в офисе на начальной, стартовой должности и выполняющего рутинную, повторяющуюся, скучную работу, отмечен значительным количеством посещений (более 19 000), что свидетельствует о значимости данного явления.

Предлагаем результат наблюдений за беседой участников форума, а также и его интерпретацию. Из семидесяти шести вхождений был проанализирован ряд наиболее репрезентативных и соответствующих

запросу ответов. Подавляющее количество аналогов русскоязычного словосочетания «офисный планктон» было предложено участниками форума на английском языке.

Для удобства восприятия материала иллюстративные примеры организованы в Таблицу 4.2. с параллельным приведением компилированных пояснений участников форума, сопутствующих каждой языковой единице (в случае их наличия), и авторских интерпретационных комментариев, выполненных с опорой на наиболее авторитетные переводные словари (методом элицитации [Chelliah, De Reuse, 2011 : 228–236; Федорова, 2016 : 12]). Жирным шрифтом выделены варианты ответов, которые предлагались участниками форума неоднократно:

Таблица 4.2.

Аналоги русскоязычного словосочетания
«офисный планктон» в английском языке

№	Слово или выражение	Пояснения участников форума	Комментарий автора (Н. К.)
1.	Drone (Corporate) Office drones	A person who does tedious or menial work	Трутень, туняец. Коннотативное значение, включающее семы `не способный принимать самостоятельные решения`, `подчиняющийся чьей-то воле`. Эти семы послужили триггером образования наименования беспилотного самолета и управляемого снаряда
2.	Bottom feeder	Is also great, perhaps it can be used in some instances in office environment. Like a fish: eats scraps that fall to the bottom but still sustains it's self	Контекстное употребление данного словосочетания предполагает следующие варианты соответствий на русском языке: неудачники, паразиты, лъстецы, которые нечистоплотными действиям пытаются сделать себе карьеру. Внутренняя форма слова наводит на мысль об обитающих на дне падальщиках
3.	Corporate Stooge		Stooge – марионетка, чмошник
4.	Cube dweller	Critical of white collar workers in general	Наименование работника по месту его нахождения. Cube, cubicle – маленькая кабинка (часто со стеклянными или невысокими пластиковыми перегородками), создающая рабочее пространство

			для служащего компании
5.	Desk jockeys		Словосочетание предполагает стремление агента получить преимущества в «забеге по карьерной лестнице» (словно жокей на скачках; вместо ипподрома агент работает за столом)
6.	Human Resource	Only half kidding	Термин, который в контексте может приобретать коннотативное значение, одним из элементов которого является сема `неодушевленность`
7.	Cog	A subordinate member of an organization who performs necessary but usually minor or routine functions [AHDEL] Informal: of a person who is a small part of a large organization [OLD]	Аналогично примеру № 6. наиболее близко соотносится со словом «винтик», используемым по отношению к человеку, чтобы подчеркнуть его незначительность в рабочем процессе
8.	Slacker	Doesn't do much but reaps benefits	Бездельник, лентяй. Образовано от «slack» – слабина, провисание; вялый, обвисший
9.	Dilbert (имя собственное)		Безынициативный герой одноименного американского комикса, рассказывающего о корпоративной культуре, в гротескной форме показывающий нелепые решения сотрудников, принимаемые в ответ на неграмотное руководство
10.	Middle-management suck-up, brown-noser	Particularly obsequious ladder-climbers at any level	Suck-up – подлиза, brown-noser – «коричневоносый» (не имеет никакого отношения к цвету кожи!)
11.	Drudge	Undervalued drones who labored in obscurity" if you wanted to emphasize the drudgery and hopelessness of the individual, (Caroline Bates)	Обозначает человека, выполняющего тяжелую работу умственного характера. В толковании данного слова наблюдается условие взаимоопределения: <i>drudge</i> определяется через <i>drone</i> , что свидетельствует об их максимальной семантической близости
12.	Wage-slave	A wage earner whose livelihood is completely dependent on the wages earned. Used to emphasize the helplessness of the individual	Обозначает человека, выполняющего тяжелую умственную работу и всецело зависящего от получаемой зарплаты. Компонент сложносоставного слова, соответствующий слову «раб» в русском языке, используется метафорически, а его образ придает экспрессивность
13.	Droid	A mobile robot or automaton, especially one that resembles a human.	Слово «droid» обозначает в английском языке робота, сфера использования – научная

		If you wanted to emphasize any mindlessness that might be involved	фантастика. Обращает на себя внимание производное слово, которое в настоящее время отличается высокой степенью употребления, – android, человекоподобный робот
14.	Sheep (corporate)	Slightly different, perhaps, but also fitting the question is	Слово «sheep» обладает широким рядом ассоциаций во многих европейских языках, среди которых в свете интересующей нас тематики выделим «покорность» и «глупость»
15.	Minion	A follower or underling of a powerful person, especially a servile or unimportant one	Коннотативное значение данного слова обусловлено семей `зависящий от другого человека`, `выполняющий свою работу с подобострастием`, `имеющий рабскую натуру`
16.	Dogsbody	Chiefly British Slang One who does menial work; a drudge	Дифференциальной семей данного слова, используемого в коннотативном значении, является `выполнять тяжелую умственную работу для других`. В толковании данного слова наблюдается условие взаимоопределения: <i>dogsbody</i> определяется через <i>drudge</i> , что свидетельствует об их максимальной семантической близости, а также связывает его с <i>drone</i>
17.	Paper pusher	«Someone who does boring or unimportant work in an office» [MW] is a relatively recent AmE usage, virtually unknown in BrE (where the standard term is still pen-pusher). : (or pencil-pusher in the US) a person who has an office job that is not interesting a person with a clerical job involving a lot of tedious and repetitive paperwork un-needed, bureaucratic employee not making any difference and hampering efficiency	Отрицательное коннотативное значение данного словосочетания связано, по-видимому, с представлением о работе чиновников-бюрократов, которые, по мнению общества, являются «крючкотворами», только «бумажки перекладывают» и препятствуют деятельности других людей. Возможным эквивалентом может являться словосочетание русского языка «крыса канцелярская»
18.	Company man Company's man	A term I've heard used dismissively - as in: "Ask a company man a question, get a company answer" or "There's no point asking him, he's the company's man". Basically the meaning is someone who is hopelessly biased and unable to think for themselves	Коннотативное значение, актуализируемое в контексте, включает семы `неспособный принимать самостоятельные решения`, `подчиняющийся чьей-то воле`. Это сближает данное словосочетание с приведенными выше <i>dogsbody</i> , <i>drudge</i> и <i>drone</i> , что свидетельствует об их семантической близости и когнитивной обусловленности

19.	Corporate Monkey Office Monkeys	It is one that I have used/heard used quite a lot. It comes from the term "circus monkey" which (obviously) came from the use of monkeys or chimps in the circus, performing tricks for the masters in order to get treats. It has been adapted into the workplace, generally referring to people who are attempting to climb the corporate ladder, "performing tricks for the masters (the boss man) in order to get treats (raise/promotion)"	Дополним развернутый комментарий автора, предложившего данное словосочетание, тем, что monkey (обезьяна) является одним из многочисленных наименований животных, которые являются аттрактивной группой слов, т. е. объединением лексических единиц, которые часто используются для образования коннотативно окрашенных значений, обладают особой притягательностью для человеческого воображения, образного мышления, результирующего метафорическими трансформациями коннотативного характера
20.	Corpo nobody	A person of no importance, influence, or power	В словарях не зафиксировано
21.	The terms <i>trog</i> (short for "troglodyte") and <i>pleb</i> (short for "plebeian") can be useful here	They're derogatory terms used by higher-class individuals to refer to those in a lower class. When corporate structure turns into an office's social structure, it's very similar to the class-based systems found in larger-scale society	Слово «троглодиты» и как название подвида людей, близких неандертальцам (актуализируется сема `тупиковая ветвь развития приматов`), и как более позднее переносное значение – невоспитанный, дикий человек – показывает отрицательное отношение к людям, по отношению к которым употребляется. Использование слова «плебеи» по отношению к коллегам – это уничижительная характеристика людей, подчеркивающая их ограниченные возможности пользоваться всеми правами, доступными для полноценных сотрудников данного коллектива
22.	Chair-warmer	Is virtually the same as Russian «протирает штаны» – (literally, workers who only sit at their desks and their pants wear off, or used as a verb «протирает штаны»)	Внутренняя форма данного сложносоставного слова при дословном переводе наводит на мысль о бессмысленной работе (см. № 28)
23.	Bean counter	Usually the later referring to someone doing accounting or finance work. But I think both imply tedious underling work. Someone might refer to their CPA as a bean counter, though the position may pay well. But someone from another profession may still look down on the work as being mindless and tedious despite the pay (so beneath them for other reasons).	Предложенный носителем языка вариант сложносоставного слова (см. комментарий) в словарях не отмечен [MWD, 2020; OLD, 2020]. Лексема «bean» («боб») относится к исконному английскому словарному составу, является многозначной и активно используется в идиомах. Предположительно, отрицательная коннотация могла появиться в результате комплекса факторов:

		I think bean counter could also be used to distinguish underling roles at a large company from roles with more decision making power. For example those who are spending the companies money vs those who are adding up those people's receipts	сленгового значения « <i>bean</i> » = a person's head и нарушения стандартной сочетаемости
24.	Lackey	It doesn't exactly match the definition, but I think the «servant» aspect works quite well. It also has a nice derogatory ring to it! Did you know that "Lackey" is a loanword from the Turkish <i>Ulak</i> (messenger)?	В аспекте сохранения потенциала к образованию коннотативного значения значимым представляется сохранение компонента значения 'слуга', который в силу ряда функций, выполняемых человеком, находящемся в таком статусе (должности такой нет!), считается унижительным, что и позволяет в определенном контексте актуализировать отрицательное коннотативное значение
25.	Bubble	From «Absolutely Fabulous» (The Movie, 2016)»	Лексема «bubble» была использована героинями известного сериала «Просто потрясающе» (Великобритания, США), однако в словарях это значение «bubble» зафиксировано не было
26.	Dead wood	Is more often used for people who have reached a level that makes it difficult to fire them, at which point they choose to become lazy and unproductive. You wouldn't normally say it about an entry-level employee, however, because generally it's easy to fire such people if they're unproductive	Обращение к англоязычным толковым словарям показывает, что основным значением данного словосочетания является «Dead wood, including fallen or standing trees, branches, and stumps» [FDF, 2020]. Мертвые, поваленные или стоящие деревья, а также их ветви нарушают нормальный баланс существования окружающей среды. По аналогии так называют некоторых сотрудников офиса, которые не работают активно в коллективе, а являются своеобразным балластом
27.	Gopher		Денотативное значение данного слова – эндемичный грызун, похожий на белку, живущий в Северной Америке. Коннотативное – человек, чья работа заключается в выполнении небольших, скучных заданий для других людей, особенно в офисе или на съемочной площадке (a person whose job is to do small boring tasks for other people, especially in an office or on a film set) [OLD, 2020]
28.	Clock watcher	Is self-explanatory, I think, and can be used for a person of any level	Внутренняя форма данного сложносоставного слова при

		whose job is (seemingly) to sit and drink coffee	дословном переводе наводит на мысль о бессмысленной работе (см. № 22)
--	--	--	---

На некоторых примерах языковых единиц, используемых для дерогативной номинации сотрудников с низким статусом, уровнем ответственности и отсутствием карьерных запросов, указанных неносителями (non-native speakers) английского языка, остановимся подробнее.

Так, в качестве одного из предложенных вариантов, существующих в польском языке, выступили слова «*korpoludek*» («*corpo little guy*») and «*korpoczwłowiek*» («*corpo man*»). Отметим, что возможным переводом лексемы «*korpoczwłowiek*» на русский язык, который бы отражал коннотацию этого польского слова и одновременно передавал бы его внутреннюю форму, мог бы выступить в русском языке вариант «*корпочел*». В русском языке уже существует сленговое слово «чел», придающее разговорный характер дискурсу и часто выражающее неуважительное, пренебрежительное отношение к человеку, например:

«Позови, пожалуйста, того **чела**, мне надо его кое о чем-то спросить» [ССЛЖиС, 2014];

«Очень я сомневаюсь в этом. Чтоб **чел** ходил на работу и делал ее более чем качественно, получая совсем маленькие деньги и никакого признания и никаких перспектив лично... я если б был училкой, думал бы как бы нарубить с детишек бабла и где бы подработать, чтоб вытянуть доход хотя б до среднестатистического» [Коллективный Форум, 2012];

«Про него мне Жора Абдрахимов по ушам ездил. Нормальный такой **чел**, говорит, мы с ним вместе в секцию регби ходили» [Зосимкина, 2015];

«Уже через несколько минут они один за другим явились по новой. – То, что не продается за деньги, продастся за большие деньги, – глубокомысленно изрек невысокий **чел** с перебитым носом и приплюснутым черепом под кепкой-аэродромом. – Нет, значит, нет, не собиралась сдаваться я. В это время Егор смотрел в окно: оказывается, все три босса

бандитов прибыли к нашему дому на джипах и теперь шестерки бегали с докладами прямо к ним» [Андреева, 2009].

Приведенные выше расширенные контексты употребления жаргонного слова «чел» свидетельствуют об ограничении его употребления разговорной сферой. Добавление морфемы «*корпо-*» видоизменяет это слово и переносит его функционирование в сферу офисного жаргона. Изменение сферы употребления усиливает экспрессивность данной лексемы, а значение базовой морфемы «чел» – «выражение неуважительного, пренебрежительного отношения к человеку» – становится основным.

Таким образом, интроспективно русскоязычный вариант перевода польских слов «*korpoludek*» и «*korpczłowiek*» – «*корпочел*» – представляется вполне приемлемым в качестве коэквивалента, сохраняющего коннотативное значение, а также с точки зрения его фонологической, морфологической, семантической и стилистической природы.

Уникальной в аспекте интерпретации внутренней формы слова и его коннотации является лексема «*sararīman*» в японском языке, предложенная участниками форума в качестве аналога русского словосочетания «офисный планктон». Особенности менталитета, сложившихся социокультурных приоритетов и ценностных ориентиров результировали необходимостью специфического прочтения слова «*sararīman*», образованного методом калькирования от англоязычного «*salary man*» – «служащий, работник на окладе» [Академик, 2020].

В отличие от английского словосочетания японское «*sararīman*», или «*salaryman*», имеет концептуальное значение. Это не просто термин, указывающий на специфику должностных обязанностей или заключенного трудового договора. Это имя концепта – SARARĪMAN, отражающее японское отношение к труду и работе (существует аналогичный термин и для японских женщин – «*salarywoman*») [Академик, 2020]. Появившись в середине сороковых годов прошлого века в японском языке, это слово использовалось для обозначения работников с постоянной работой и

стабильной зарплатой, что символизировало престиж, внушало уважение и являлось пределом мечтаний каждого японца. Соответственно, определение человека как «*sararīman*» показывало положительную оценку его социального статуса со стороны говорящего.

В современном японском языке данное слово стало использоваться и в контекстах, которые генерируют в том числе и отрицательную коннотацию. Причиной такого аксиологического сдвига послужил ряд лингвистических факторов. Во-первых, комбинация известного гипертрудолюбия японцев, их привязанности к постоянному месту работы (что, отметим, совсем не свойственно западному и, в частности, американскому стилю жизни), с возможностями современных коммуникационных технологий привела к увеличению интенсивности и продолжительности труда «белых воротничков». Во-вторых, последствия таких перегрузок не могли не сказаться на степени инициативности и творческого подхода. В современных японских и международных СМИ время от времени появляются заметки о различных психических, психологических и эмоциональных проблемах «*sararīman*»:

«*Dark-suited masses of salarymen crossed the intersection like instinct-blinded salmon*» [OESDTSET, 2020]. – Толпы служащих в темных костюмах перешли перекресток, словно стая ослепленного инстинктами лосося (перевод здесь и далее наш. – Н. К.). В данном предложении контекстуально актуализируется сема `машинальное выполнение работы` как ответная реакция на воздействие истощающей силы работы.

Следующие два примера фокусируют внимание на такой характерной черте работы японских офисных работников, как продолжительность рабочего дня: *Critics claim putting the clocks forward would force Japan's notoriously workaholic salarymen to spend more time in the office* [OESDTSET, 2020]. – Критики заявляют, что перевод часов заставит **печально известных японских трудоголиков** проводить больше времени в офисе.

*Let's say you're a **Japanese salaryman** and have spent a **long, grueling day** at the office [OESDTSET, 2020].* – Предположим, вы – японский служащий и провели **долгий изнурительный** день в офисе. Сочетаемость «*salaryman*» с «*notoriously workaholic*» и «*grueling*» актуализирует семы `тяжелый`, `трудный`, ассоциирующиеся с отрицательной оценкой.

*Forget what you have heard about the hard-working **Japanese salaryman**: since the early 1990's, the Japanese have drastically slackened their work habits.* – Забудьте то, что вы слышали о трудолюбивых японских служащих: с начала 1990-х годов японцы значительно ослабили свои трудовые традиции [Reverso Context, 2020]. Данный пример показывает, что изменение отношения японцев к труду не осталось незамеченным и отразилось на оценочной составляющей содержания концепта SALARYMAN.

Тем не менее, даже несмотря на такие критические замечания, которые, скорее всего, появились под влиянием западной культуры, изменение значений слов происходит куда более медленно, чем изменения окружающего мира. Поэтому положительная коннотация, возникшая под влиянием устоявшихся культурных традиций, подчеркивающих значимость усердия, постоянного трудоустройства, возможность иметь стабильную работу и заработок, поступательный карьерный рост в рамках одной компании все же доминируют в японской культуре, что подтверждает контент-анализ следующих высказываний:

*The **salarymen** constitute the **bedrock** of the Japanese managerial system.* [OESDTSET, 2020].

*My understanding was that **salaryman** was usually not derogatory in Japanese culture. Having a good stable job was something to strive for – something parents want for their children* [ELU, 2015].

Идея престижности быть служащим крупной компании нашла отражение и в многочисленных фильмах японского производства, среди которых назовем сериал «Salaryman Kintarou» [SK, 2001], экранизация которого началась в 2001 году и завоевала большую популярность среди

японских кинозрителей. На примере судьбы главного героя Кинтару продемонстрирована возможность перевоплотиться из байкера с судимостью в служащего строительной компании – невероятная трансформация, являющаяся мечтой рядового японца.

Таким образом, коннотативные различия слов, принадлежащих разным языкам и считающихся эквивалентами на основании близости денотативных значений, обусловлены несовпадением социокультурных факторов, оказывающих влияние на развитие переносных значений слов. Функционирование слова в контекстах с определенными лейтмотивами накладывает специфический отпечаток на лексему благодаря повторяемости, сочетаемости и встречаемости с определенными единицами.

Отметим, что социокультурный контекст функционирования языковой единицы важен не только при интеръязыковом сопоставлении. Интраязыковой анализ дискурса также показывает существование коннотативных девиаций, обусловленных преимущественно дискурсивным контекстом.

Под дискурсивным контекстом в настоящей работе понимается целостный конструкт, представляющий интеракционную деятельность коммуникантов, реализующуюся в виде текста (зафиксированный результат процесса вербально общения), включающую в себя социокультурные и когнитивные компоненты, анализ которых позволяет выявить причины, обуславливающие актуализацию коннотативного значения языковой единицы. Для решения эвристических задач представляется возможным и целесообразным выделять в тексте отдельные сегменты, достаточные с точки зрения исследователя для выявления искомого параметра.

В частности, в качестве дискурсивного контекста может выступить фрагмент интернет-форума, в котором участники обсуждают наличие коннотативного значения у английской лексики «suit». Данный фрагмент форума важен для настоящего исследования в двух аспектах: 1) тематический аспект связан с объектом исследования настоящей диссертации, 2) формат

форума соответствует понятию дискурса как коммуникативной ситуации, зафиксированной в виде текста и отражающей (со)знание коммуникантов. Коммуниканты обмениваются информацией относительно поставленного вопроса, что в компьютерно-опосредованной среде является вторым по частотности целевым запросом [Щипицина, 2011 : 31]. Таким образом осуществляются «трансфер идей» [Демьянков, 2018 (б): 5] и «трансляция смыслов» [Колесникова, 2019 : 76] в современных социальных сетях.

Отметим, что в процессе попытки установить наличие коннотативного значения у лексемы русского языка «костюм», являющейся, по данным лексикографических источников, эквивалентом англоязычной лексемы «suit», анализ лексических и фразеологических словарей, а также контекстов, представленных в НКРЯ, показал отсутствие отрицательной или положительной коннотации у данного слова. В то же время вопрос о существовании коннотации у «suit» вызвал оживленное обсуждение с аргументированным представлением точек зрения участников дискуссии.

Рассмотрим обозначенный фрагмент в функционально-когнитивном аспекте с фокусом на отдельных параметрах дискурса (в классификации Н. К. Кравченко: вербально-семиотическом, содержательно-смысловом, мотивационно-прагматическом и когнитивно-концептуальном [Кравченко, 2017 : 25]), а также ряда манифестируемых ими категорий (концептуальной целостности, жанра, интерактивности, процессуальности, контекстуальности) [Кравченко, 2017 : 12–17].

Исследуемый фрагмент определим как макротекст и в соответствии с бахтинской концепцией охарактеризуем как результат когнитивного «сотворчества, способ коммуникации двух (и более – добавлено нами. – Н. К.) сознаний: коммуникатора и реципиента в широком понимании этих терминов» [Бахтин, 1986 : 123]. Данный фрагмент дискурса представляет в эксплицитном виде вариант синхронизации знаний участников форума относительно предмета дискуссии: «правильное» прочтение сообщений друг друга участниками форума демонстрирует взаимное когнитивное и

лингвистическое соответствие регистров актантов. Отметим, что участники форума при общении пользуются модифицированными именами, что снимает фактор авторитарности, а также настраивает общение участников на равноправный, контактоустанавливающий регистр, ориентирует коммуникантов на интеракцию, обусловленную возможностями программы.

Известно, что формат форума не предполагает включения в качестве констант моделей приветствия, прощания или представления. Тем не менее коммуникативно-прагматическая составляющая форума как интернет-жанра проявляет себя в повторяющихся стандартных формах интеракций (возможно, сказывается специфика обсуждаемого вопроса, представляющая интерес для образованных, вдумчиво относящихся к употреблению родного и иностранных языков людей). Так, в качестве регулярно встречающихся моделей речевого поведения отметим лаудативные фразы, с одной стороны, являющиеся одобрением и признанием ценности мнения участников форума, а с другой стороны, показывающие, что данный участник ознакомился с высказываниями других актантов: *There are great answers above... I love the expression... I believe you are correct in your interpretation... I particularly like...* и другие¹⁹.

Такие фразы являются контактоустанавливающими, подтверждают желание коммуникантов активно взаимодействовать для формирования общего целостного знания относительно обсуждаемого вопроса, поддерживают связность и целостность дискурсивного контекста, свидетельствуют о наличии «разнородных когнитивных структур компонентов модели мира носителей языка» [Бутакова, 2016 : 65]. Они обусловлены необходимостью актуализации «социально значимых отношений» [Бутакова, 2016 : 65], которые и определяют дифференцированное прочтение авторских комментариев, эксплицитное выражение негативной или позитивной оценки, а также эмоций средствами языка.

¹⁹ См. Приложение Б.

Один из участников форума в начале беседы представляется как носитель британского варианта английского языка (*As a British native speaker...*), что в аспекте обсуждаемой темы придает особый вес его/ее комментарию. По мнению автора, «suit», особенно в сочетании «corporate suit» может употребляться в качестве пренебрежительного, оскорбительного обращения, умаляющего достоинства людей, на которых это слово «навешивается», словно ярлык. Как правило, продолжает автор, это слово применяется по отношению к сотрудникам больших международных компаний.

Отрицательная коннотация, подчеркивающая незначительную роль персонала, заключается в метонимическом употреблении наименований одежды, которую обязаны носить сотрудники корпорации согласно правилам дресс-кода [ELU, 2015]. Приравнивание людей к одежде, то есть к униформе, которую они вынуждены носить, приводит к деперсонализации личности. Помимо «corporate suit», автор также говорит об употреблении в британском варианте английского языка словосочетания «empty suit» в аналогичном значении. Следует отметить академический стиль комментария и статус комментатора, рейтинг которого, по данным форума, составляет более трех тысяч пунктов.

Следующий участник форума не представляется (что является нормативным поведением в таком формате дискуссии), и лейтмотивом его аргументации существования/отсутствия коннотации у английской лексики «suit» является утверждение о принадлежности слова к сленгу, а дерогативность этого слова, по мнению автора, определяется в большей степени контекстом: «it's mostly slangy, can be derogatory depending on context, but isn't necessarily derogatory automatically» [ELU, 2015], такого же мнения придерживаются и другие участники форума, утверждая, что отрицательная коннотация данного слова зависит от контекста, то есть во многом от субъективной трактовки ситуации: «“Suit” is all about context. It often does not have derogatory meaning» [ELU, 2015]. Подчеркнем, что никто из участников

форума не сказал, что у этого слова нет отрицательной коннотации, как у его русскоязычного эквивалента.

Со стилистической точки зрения, текст данного форума представлен стандартным вариантом английского языка, не выходящим за рамки нормативной лексики, не отягощенным значительным количеством книжной лексики. Комментарии участников впечатляют своими различиями по отношению к основной теме форума, экспрессивностью высказываний, употреблением разговорной речи, ее «демократизацией» [Руженцева, 2019 : 69] на лексическом и синтаксическом уровне. Во многих комментариях реализуется стратегия авторского самовыражения, участники привлекают к себе внимание, делятся с аудиторией своей точкой зрения, что обуславливает притягательность форума.

Кроме того, прагматика каждого комментария заключается в продвижении своего видения ситуации и знания вопроса, поэтому часто комментарий сопровождается гиперссылками на информационные сайты, содержащие релевантную информацию. Данный технический прием, поддерживаемый современными коммуникационными средствами, соответствует лингвистическому понятию интертекстуальности, т. е. межтекстовой связи, обуславливающей интерактивность реципиентов, их способность активно участвовать в форуме; создается ощущение значимости собственного мнения и удовлетворения от осознания того, что тебя слышат и на твой комментарий реагируют.

На это качество интернет-общения указывала Л. Ю. Щипицина, определяя «эксплицированность коммуникантов» а также требующую минимума времени возможность «создания сообщений участниками» как важные коммуникативные и когнитивные функции данного жанра [Щипицина, 2011 : 11, 24], способствующие открытому общению участников форума и служащие основой связности текста в коммуникативно-прагматическом аспекте. Фактически участники форума вступают в диалог, специфика которого заключается в доступности материала максимально

широкой аудитории независимо от места и времени нахождения адресанта и адресата благодаря техническим возможностям канала связи.

Проведенный анализ материалов форума позволил выявить и описать лингвистические и нелингвистические факторы, способствующие экспликации конвенционального использования языковых единиц, обусловленного появлением и/или актуализацией коннотативного значения. Такое описание служит своеобразной моделью, которая самостоятельно может быть использована на ином языковом материале для установления особенностей реализации коннотативного значения языковых единиц в различных языках, в этом заключается гносеологическая ценность данной модели.

В самом общем представлении при образовании коннотативного значения у языковых единиц происходят концептуальный и категориальный сдвиги. Категориальный сдвиг предполагает игру смыслов с опорой на синтаксически выделяемые категории, показывающие нарушение сочетаемости, морфологически выделяемые словоизменительные категории, выражающие род, число, одушевленность/неодушевленность.

Концептуальный сдвиг (ср. «conceptual blending» [Fauconnier, Turner, 2003]) предполагает выдвигание на первый план, на поверхностный смысловой уровень иного концепта, чем тот, который связан с исследуемой языковой единицей на основании интерпретационного анализа словарного толкования. Такие сдвиги придают языковой единице особую экспрессивность и оценочность, создавая в процессе интеракции коммуникантов единое когнитивное пространство, обладающее яркой, выразительной образностью.

4.5. Коннотативная диасемия в аспекте межъязыковых трансформаций

Результаты сопоставления лексикографически эквивалентных лексем разных языков с целью установления их коннотативной конгруэнтности

свидетельствуют о существовании значимых расхождений между сравниваемыми единицами, несмотря на тождественность их денотативных значений. Эти расхождения обусловлены особенностями сопоставляемых языковых систем, сложившимися правилами сочетаемости, культурными, историческими и социальными условиями, в которых происходило развитие родственных и неродственных языков, а также спецификой когнитивной интерпретации внешних по отношению к языку явлений.

Теоретическое переосмысление основных принципов межъязыкового сопоставления коннотативно маркированных языковых единиц в предыдущих разделах показало, что наиболее успешной стратегией при определении актуализированного значения языковой единицы или смысла высказывания является симбиоз когнитивного подхода, контекстового функционирования и конситуативной интерпретации.

Особую теоретическую и практическую значимость при межъязыковом сопоставлении коннотативно маркированных лексических единиц имеет сравнение многозначных слов-эквивалентов, демонстрирующих удивительную количественную и качественную неконгруэнтность составляющих их значений вообще и коннотативных значений в частности. Семантические расхождения, обусловленные различием коннотативных значений денотативно тождественных языковых единиц разных языков, специфицируем как **коннотативную диасемию**.

Понятие диасемии используется в лингвистике в значении «семантические расхождения» [Панькин, 2011 : 39; Лутфуллина, 2017 : 19], «формы семантического варьирования» [Киклевич, 2007 : 98] и соотносится с понятием семантического диапазона, предполагающего наличие несовпадений значений у языковых единиц-эквивалентов, гипотетически соизмеримых.

О необходимости учета диасемии при работе с терминами – языковыми единицами, основной функцией которых является однозначное обозначение предметов, явлений и процессов в какой-либо специализированной научной

или практической сфере человеческой деятельности, говорит А. А. Немыка, подчеркивая, что диасемия имеет место в тех случаях, когда задействованы «разные мировоззренческие системы и закрепленные за ними соответствующие концептуальные парадигмы» [Немыка, 2015 : 8].

Осмысление коннотативного значения в аспекте возможности его межъязыковой трансформации технически осуществляется с помощью перевода, используемого в качестве метода, эксплицирующего потенциально возможные значения и прочтения, а также позволяющего выйти на уровень «языкового сознания», «национального сознания коммуникантов» [Уфимцева, 2017 : 30–31].

В процессе поиска межъязыковых соответствий сложнейшим и «захватывающим предприятием» является исследование, сравнение и воспроизведение смыслов, созданных в разных «модусах мышления» [Смирнов, 2015 : 308–328], соотносимых с понятием «неуловимого содержания», «скрытых» смыслов, которые связаны с «выражением точки зрения, обычаев, традиций и культурой того или иного народа» [Радбиль, 2017 : 29], – всего того, что формирует менталитет и является неотъемлемой частью коннотативной сферы языка, входящей в культурный код народа [Рапай, 2015]. Осознание существования такой вариативности, принятие ее в качестве нормы имеет первостепенную важность, ибо «сопоставление <...> одних и тех же названий в разных языках позволяет увидеть то, на что мы часто не обращаем внимания, – следы языкового творчества народов, сравнить специфику этого творчества в своем и чужом, обогатив, таким образом, собственное языковое сознание» (Манакин, 2004 : 242).

Вторым по очередности, но не по значимости в процессе передачи коннотативного значения при межъязыковых трансформациях является понимание того, что коннотативное значение является результатом метафорической и метонимической модификаций основного значения слова. Появившееся у слова новое «переносное значение, содержащее аффективные и аксиологические смыслы, почти всегда является коннотативным»

[Кислицына, Мельниченко, 2018 (г) : 108] и используется автором/говорящим для прагматических целей, в первую очередь, чтобы передать и вызвать у реципиента эмоциональное отношение к объекту/ситуации [Телия, 1988].

Понятие «метафора» используется в настоящей работе в широкой трактовке – как способ косвенного выражения мысли или образное построение, имеющее в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии [Кобозева, 2001 : 136–137], как «когнитивно обусловленный инструмент вербализации явлений и событий» [Бородулина, 2015 : 42].

«Процесс метафорического переноса состоит из цепочки необходимых действий: определение объекта, выявление наиболее характерных признаков, присущих объекту, нахождение объекта, максимально идентичного по тем же признакам, закрепление переноса в речи» [Рахманова, Суздальцова, 1997 : 44], иными словами, осуществляется трансфер понятий из концептуальной сферы-источника в концептуальную сферу-цель [Демьянков, 2016; Lakoff G., Jonson, 1980]. Метафорические номинации передают лингвоспецифическое восприятие мира этносом и соответствуют общим правилам концептуализации и категоризации, которые характерны для определенной лингвокультуры. «В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифические концепты, одновременно “формируют” и “отражают” образ мышления носителей языка» [Телия, 1986 : 12].

В случае образования устойчивого коннотативного значения у лексической единицы можно говорить о реверсивной концептуализации: при актуализации основного, денотативного значения соблюдается правило «значение слова соответствует базовому концепту», при актуализации коннотативного значения срабатывает другое правило: «значение слова соответствует иному концепту, а базовый концепт становится “фоновым”». Так как в процессе употребления слова денотативное и коннотативное значения попеременно меняются, то механизм, лежащий в основе такого функционирования, определим как реверсивную концептуализацию.

Особая репрезентативность с точки зрения демонстрации коннотативных отличий характерна для целых групп слов, обладающих высокой степенью коннотативной аттракции. К ним относятся наименования животных, растений, цветонаименования и др. Будучи эквивалентными в соответствии с денотативным компонентом значения, на основании референтной соотнесенности они могут отличаться коннотацией.

К подобным «испытательным полигонам» относятся, например, топонимы. По наблюдению Е. С. Отина [Отин, 2004 : 5], они, в состав которых входят топонимы, не только выполняют номинативную функцию – именуют объекты окружающего мира, но и, впитав дополнительное «понятийное содержание, начинают функционировать в качестве универсальных экспрессивно-оценочных заместителей нарицательных имен: *Armageddon, Babylon, Buchenwald, Dachau, Sahara, Golgotha* и *Камчатка, Тмутаракань, Ташкент, Шанхай* и т. д.

Под влиянием социокультурных, географических, территориальных и исторических факторов языковые единицы прирастают новыми значениями, многие из которых обладают отрицательной или положительной коннотацией. Класс таких слов настолько значителен, что удостоился в научной литературе отдельного термина – *коннотонимы*, или коннотативные имена собственные [Отин, 2004]. Коннотонимы входят в лингвокультурный фонд этноса и содержат информацию о восприятии окружающего мира членами данного социума.

В зависимости от широты распространения коннотонимов, успешности вхождения в качестве заимствований в другие языки многие из них стали интернационализмами: *Клондайк* (золотое дно, источник обогащения), *Мекка* (объект стремлений, частых посещений, паломничества), *Монблан* (высочайшая вершина, великое достижение), *Олимп* (элита, верхушка некоего общества), *Рубикон* (условная или реальная граница, последствия пересечения которой нельзя предотвратить), *Эльдорадо* (место богатства, сказочных чудес) и др.

В то же время сама природа образования коннотонимов, привязка к определенной местности обуславливает трудности межъязыковых трансформаций коннотативно маркированных языковых единиц. Так, эмоциональная реакция носителей русского языка и культуры на фразу «Приезжайте к нам на *Колыму*» – «Нет уж, лучше вы к нам!», заимствованную из известного фильма, нуждается в пояснении людям, не знакомым с реалиями жизни в Советском Союзе периода 20–50-х гг. прошлого века, связанного с колымскими лагерями. Впрочем, как и немецкое название «*Rom des Nordens*» (букв. «*Северный Рим*»), смысл которого может быть воспринят неправильно инокультурными реципиентами, так как обозначает немецкий город Кельн, являющийся крупнейшим центром католицизма в Европе.

Многие коннотонимы часто носят выраженный интралингвальный характер, так как «коннотативное значение слова содержит оценочную информацию относительно некоторого объекта, явления или процесса, сформированную и закреплённую в сознании определенного лингвосоциума и нередко отсутствующую в сознании иного лингвосоциума» [Кислицына, 2015 (б) : 112]. Межъязыковая трансформация в таких случаях сводится, как правило, к перефразированию основного смысла коннотонима:

*И он передал ей о выступлениях
участников заседания.
– Весь этот официальный успех –
чушь. Но знаешь, тошен мне вечный
комплекс неполноценности. Входишь
в
зал заседаний,
первый ряд свободен,
но я не решаюсь сесть, иду на
Камчатку. А Шишаков, Постоев, не
колеблясь, сядут в президиум. Мне
плевать на это кресло, но
внутренне, внутренне хотя бы
ощущать свое право на него. – Как
бы Толя радовался, – сказала
Людмила Николаевна.*

*He told her about the various speeches.
'Of course, all this official recognition
means nothing. Still, I've had enough of m
y eternal inferiority complex. You know, if
I go into the conference hall and see free
seats in the front row, I never dare go and
sit there. Instead I hide away **in some
distant corner**. While Shishakov and
Postoev go and sit on the platform withou
t the least hesitation. I don't give a damn
about the actual chair, but I do wish I
could feel the right to sit in it.'
'How glad Tolya would have been,' said
Lyudmila.
[Гроссман, 1960], перевод Robert
Chandler, 1985*

Лингвистически пронизательно звучат слова Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова о том, что топонимы – это не просто конкретные географические термины. Особого внимания заслуживает наличие в их семантике яркого национально-культурного компонента, который, по мнению ученых, «свойствен именам собственным, пожалуй, даже в большей степени, чем апеллятивам» [Верещагин, Костомаров, 1990 : 56]. Помимо наименования географических объектов, топонимы успешно выполняют экспрессивную функцию, придавая высказываниям особую образность и эмоциональность.

В нашей работе, посвященной метафоризации топонимов [Кислицына, Жаглина, 2016], помимо топонимов, создающих яркий образ и выполняющих экспрессивную функцию, как, например, в данном предложении: *«Я и не думала, что ты способен на такие **африканские** страсти! Рвать в клочья душу и рубашку на груди в придачу <...>. Прямо-таки **Везувий** и сопка **Ключевская**, вместе взятые»* [Баконина, 2000 : 109], ряд топонимов демонстрировал также наличие оценочного компонента значения. Эти топонимы по определению относятся к классу коннотонимов, так как, помимо экспрессивной функции и создания яркого выразительного образа, выражают отрицательную или положительную оценку происходящего.

Так, например, в русскоязычной культуре подобными коннотациями обладает топоним «Сталинград», который в определенных контекстах приобретает оценочную коннотацию, ассоциируясь с тяжелейшими испытаниями. Название этого города получило столь широкую известность из-за кровопролитных боев во время Великой Отечественной войны, что используется в значении «тяжелейшие испытания, переломный момент» и в других языках. Так, «The Economist» опубликовала статью, посвященную войне против исламского государства на территории г. Кобани, получившую название «The Kurdish Stalingrad» [Economist, 2014].

Западным странам Вторая мировая война также подарила немало коннотонимов, в частности топоним «Dunkirk». Dunkirk – французский портовый город, получивший печальную известность благодаря дюнкеркской эвакуации английских, французских и бельгийских частей, – приобрел дополнительное коннотативное значение «отчаянное положение», послужившее впоследствии источником образования ряда фразеологизмов: «to do a Dunkirk» – «отступить без паники, осуществить планомерный отход»; «to show the Dunkirk spirit» – «проявить несокрушимое мужество в трудных обстоятельствах».

Таким образом, функционирование топонимов в определенных контекстах актуализирует их коннотативное значение и переводит в разряд коннотонимов – языковых единиц, хранящих знания об исторических, культурных и природно-географических особенностях среды существования народа – носителя языка, а результат межъязыковой трансформации будет являться следствием когнитивной деятельности человека или «сознательной деятельности переводчика» [Воскобойник, 2004 : 183].

В случаях расхождения коннотативного значения исходного языка и языка перевода возникает проблема поиска критерия, определяющего выбор искомого варианта. Наиболее значимыми из критериев могут быть личность адресанта (свойственны ли такие высказывания данному типу), личность адресата (сможет ли он адекватно декодировать информацию, содержащуюся в коннотативном значении), соответствие фактуальной информации (учет при межъязыковой трансформации реалий того или иного лингвосоциума, повлиявших на возникновение коннотативного значения у языковой единицы).

При трансформации коннотативно маркированных языковых единиц (КМЯЕ) одного языка в другой требуется значительно большее когнитивное усилие, чем при переводе коннотативно немаркированных языковых единиц (КНЯЕ). КМЯЕ содержат значительное количество имплицитной информации, которую необходимо соотнести с тождественной информацией

языка перевода, выявить возможные ассоциативные связи, которые могут положительно или отрицательно повлиять на процесс трансформации. Подчеркнем, что КМЯЕ, помимо лексикографически зафиксированного значения, содержит в себе дополнительную информацию, имплицитную различиям знания социокультурного порядка.

В теории перевода существует два направления выполнения межъязыковых трансформаций, которые определяются как доместификация, т. е. поиск максимально близкого соответствия в родном языке, и форенизация, т. е. использование в языке перевода таких единиц, которые максимально изоморфны трансформируемой языковой единице [Мирам, 2001]. При трансформации КМЯЕ с целью получения тождественно воспринимаемой реципиентами разных языков информации наиболее актуальна доместификация, так как именно информация, связанная с иной культурой, реалиями жизни другого лингвосоциума препятствуют адекватному восприятию лингвистического материала. При некорректной передаче коннотативного значения меняется фокус дискурса, что приводит к несовпадению интерпретации контекстов адресантом и адресатом.

Доместификация осуществляется за счет расширения использования ресурсов принимающего языка, воспроизведения конвенционального дискурса, естественно воспринимаемого целевой аудиторией. Основной стратегией при передаче КЗЯЕ является стратегия достижения максимального тождества, позволяющего создать целостные образы и избежать лакунизации. Приведенные ниже примеры²⁰ демонстрируют варианты доместификации КМЯЕ в процессе переводческих трансформаций.

Таблица 4.3.

Доместифицированные варианты КМЯЕ

№	Оригинальный текст	Текст перевода	Комментарий
1.	I axed what for, an she say, «Cause he is a nogood bastid like all	Я спросил, почему, а она отвечает: – Потому что он	Bastid =bastard (мерзавец, сволочь,

²⁰ Примеры представляют часть выборки из НКРЯ, параллельного подкорпуса общим объемом: 4 109 документов, 135 226 865 слов. В колонке «Комментарий» помимо лингвистической информации представлены статистические данные относительно количества найденных языковых единиц.

	the rest,» an so I says, «Why don't we go out an get ourselves some supper an talk bout it?» [Winston Groom. Forrest Gump (1986) Уинстон Грум. Форрест Гамп (Ю. Вейсберг, 2004)]	вонючий козел , как и все остальные мужики! – Почему бы нам тогда не поужинать и не обсудить все это? – спрашиваю я [Уинстон Грум. Форрест Гамп (Ю. Вейсберг, 2004)]	гад, негодяй, подонок, скотина, сукин сын) ~ козел Найдено 53 документа, 99 вхождений
2.	Remember, the SEC couldn't even find Bernie Madoff when he was handed to them on a silver platter . [John H. Cochrane. How did Paul Krugman get it so Wrong? [modeledbehavior.com] (2009) Полу Кругману, переставшему быть экономистом (slon.ru)]	Вспомните, Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) не могла найти криминала у Берни Мэдоффа даже тогда, когда его принесли им на блюдецке с голубой каемочкой [Полу Кругману, переставшему быть экономистом (slon.ru)]	On a silver platter ~ на блюдецке с голубой каемочкой Найден 131 документ, 310 вхождений
3.	– Тоска зеленая! [Максим Горький. Мать (1906) Maxime Gorky. Mother (D. J. Hogarth, 1921)]	– Oh, dreary as a graveyard! [Maxime Gorky. Mother (D.J. Hogarth, 1921)]	Тоска зеленая ~ dreary as a graveyard Найдено 189 документов, 468 вхождений
4.	«As for that swab , he's good and dead, he is», he added, indicating the man with the red cap [Robert Louis Stevenson. Treasure Island (1883) Роберт Луис Стивенсон. Остров сокровищ (Н. Чуковский, 1935)]	«А эта крыса померла», – прибавил он, кивнув в сторону человека в красном колпаке [Роберт Луис Стивенсон. Остров сокровищ (Н. Чуковский, 1935)]	Swab (сленг, поносное слово, средней степени оскорбительности, (изначально означало юнгу, дрящего палубу), обозначает человека, ведущего себя как низший чин, не по мужски, заискивающего и т. д. [Академик, 2020] ~ крыса Найдено 43 документа, 83 вхождения
5.	Her eyes grew fierce. «We was hungry – they made us crawl for our dinner. They took our dignity. They – I hate` em! An` – maybe Mis` Joyce took charity» [John Steinbeck. The Grapes of Wrath (1939) Джон Стейнбек. Гроздь гнева (Н. Волжина, 1940)]	Глаза у нее вспыхнули. – Мы голодали... а они заставили нас пресмыкаться из-за их обеда. Они принизили нас. Они... Ненавижу их! Может, и миссис Джойс приходилось когда-нибудь пользоваться благотворительностью [Джон Стейнбек. Гроздь гнева (Н. Волжина, 1940)]	Crawl for ~ пресмыкаться образовано от «ползти» Найдено 11 документов, 13 вхождений
6.	But what do you think of yourself spr eading reports about me like that, and then crawling to me for help the moment you are in trouble? [Arthur Conan Doyle. The Adventure of the Dying Detective (1913) Артур Конан Дойл. Шерлок Холмс при смерти (В. Штенгель, 1966)]	А хорошо ли это: сперва выдвигать против меня такие обвинения, а чуть сами оказались в беде, пресмыкаться передо мной, умоляя о помощи? [Артур Конан Дойл. Шерлок Холмс при смерти (В. Штенгель, 1966)]	Crawling to ~ пресмыкаться образовано от «ползти» Найдено 11 документов, 13 вхождений

Материалы, представленные в таблице, иллюстрируют, что КМЯЕ могут быть разные части речи (глаголы – № 5–6, существительные – № 1, 4, прилагательные – № 3), словосочетания (№ 2), многие из которых по категориальным признакам входят в состав тематических групп цветоименований, анимализмов и др. При этом адаптивная стратегия, направленная на создание контекста, который будет восприниматься реципиентом переводного текста аналогично восприятию оригинального текста носителем языка, фокусируется на передаче аксиологического компонента даже в ущерб денотативному.

Таким образом, при трансформации КМЯЕ с одного на другой язык необходимо синхронно держать в поле зрения не только их языковые особенности, но и экстралингвистические дискурсивные компоненты. Интерпретация КМЯЕ сильно подвержена индивидуальным когнитивным стилям и особенностям мировоззрения. Переводческий семиозис предполагает формирование особой чувствительности к инонациональной культуре и требует осознания того, что каждая отдельная языковая единица является неотъемлемой частью целого. «Гносеологическое призвание перевода в конечном счете определяется стремлением найти универсальное единство человеческих языков и культур» [Воскобойник, 2004 : 221].

Стремление к нивелированию коннотативного диссонанса – идеальная цель межъязыковых трансформаций, к которой следует стремиться, но которую, как показывает практика, трудно достичь. Предназначение термина «коннотативная диасемия» заключается в маркировании зоны турбулентности, в которой возникает смысловой диссонанс, обусловленный несовпадением коннотативного значения языковых единиц сопоставляемых языков.

ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ IV

В данной главе реализация коннотативного значения языковых единиц-эквивалентов была последовательно рассмотрена на лексическом,

синтаксическом, гиперсинтаксическом и дискурсивном уровнях. Полученные результаты способствовали разностороннему изучению причин возникновения коннотативной диасемии в аспекте межъязыковых трансформаций.

Показано, что коннотативное значение языковой единицы представляет единство познавательного и коммуникативного мышления: с одной стороны, оно отражает результат «осмысления» наивных представлений носителей языка, воплощаемых в национальной языковой картине мира, с другой стороны, предназначено для коммуникативного воздействия на реципиента.

Анализ отношений производности показал, что категориально-грамматические семы основного и производного коннотативного значения слова демонстрируют совпадение; расхождение наблюдается на уровне лексико-грамматических сем (параметры «одушевленность/неодушевленность», «женский/мужской род»); категориально-лексические семы, благодаря метафорической или метонимической трансформациям, меняются кардинально: актуализируются латентные, периферийные семы, выступающие в качестве элементов, в которых зафиксирован некий опыт взаимодействия носителей языка с окружающей их действительностью. Этот «опыт» хранится в памяти индивида до тех пор, пока он не будет востребован, т. е. актуализирован автором намеренно с помощью определенного контекста.

Показано, что для образования коннотативного значения важными мотивирующими факторами являются внешние по отношению к языку явления, которые часто не поддаются объяснению с точки зрения логики или не соответствуют действительности, но при этом активно функционируют в языке и, соответственно, представляют собой определенные константы, закрепленные в семантической памяти и сознании лингвосоциума.

Установлено, что экспрессивно-оценочные компоненты коннотативного значения слов относятся к неким обобщенным образам, стереотипам, усвоенным вместе с изучением родного языка и являющимся частью

коллективной памяти определенного лингвосоциума. Важным фактором, влияющим на успешность закрепления КЗ в семантической структуре слова, является частотность употребления языковой единицы.

Фиксация коннотативного значения в лексикографических источниках соотносима с помещением данного значения в долговременную память носителей языка и в дальнейшем может служить причиной приписывания вымышленных качеств, которые, закрепившись в языке, навязывают носителям языка определенные представления об объектах окружающего их мира. Специфика коннотаций денотативно тождественных лексем разных языков обусловлена расхождениями в когнитивном картировании лингвосоциумов, оперирующих определенными естественными языками.

Выявление конвергентного взаимодействия семантических элементов языковых единиц на уровне микро- и макроконтэкстов позволило описать основные механизмы, способствующие активизации коннотативного значения. К ним относятся валентностное и сочетаемостное варьирование, неконвенциональная контекстуализация.

Определена роль условно устойчивых сочетаемостных моделей (УУСМ), предполагающих свободное сочетание языковых единиц, характеризующихся относительно высокой частотностью совместного употребления. Установлено, что частотность употребления УУСМ содействует формализации повторяемого микроконтекста, обуславливая коннотемизацию одного из членов.

Актуализации коннотативного значения слова в УУСМ на уровне текста способствует совместное употребление с иными языковыми единицами, дисперсионно расположенными в тексте и синхронизированными с базовым словом по критерию оценочной модальности. Последняя является одним из параметров текстовой категории связности, которая обуславливает компрехенсивность понимания заложенной в тексте информации.

Сделан вывод относительно значимости конситуативного рассмотрения коннотации, предполагающего наблюдение и анализ реализации

коннотативного значения языковых единиц не только на уровне широкого лингвистического контекста, но и с привлечением внешних по отношению к языку данных социокультурного, исторического, психологического, когнитивного и прагматического характера. Это способствует осмыслению конвергенции значения языковой единицы и коллективного знания носителей языка в коннотативном значении слова, а на уровне текста обеспечивает реализацию категории цельности в качестве условия концептуального единства.

Исследование специфики реализации коннотации в формате широкого контекста позволило выявить конвергированное взаимодействие разноуровневых языковых единиц и конструкций. Для проведения такого исследования введено понятие нормативного конвенционального контекста (НКК), который отражает употребление слова в его общепринятом, закреплённом в словаре значении, а также нормативного неконвенционального контекста (ННК), не нарушающего правила употребления определенного языка, но, благодаря особому расположению компонентов высказывания, способствующего актуализации коннотативного значения языковой единицы.

Показано, что использование языковых единиц с актуализированным КЗ обусловлено востребованностью у пользователей осуществлять когнитивно-коммуникативную деятельность с соблюдением диапазона определенного эмоционально-оценочного регистра, являющегося одним из условий для полноценного существования личности.

Возникновение коннотации в процессе создания текста реализуется под воздействием разнообразных факторов, совокупность этих факторов создает коннотативный потенциал текста, основной задачей которого является опосредственное воздействие на адресата. Коннотативный потенциал текста является существенным текстообразующим признаком, обуславливающим его информативность, цельность и связность. Использование данного понятия важно для адекватного понимания текста, для выявления явных и

скрытых контекстуально обусловленных оценочных смыслов и прагматики высказывания в целом.

Анализ реализации коннотативного значения на дискурсивном уровне позволил провести исследование в среде, максимально приближенной к естественному функционированию КМЯЕ, и установить заложенный в высказывании инвариантный смысл. Исследование коннотации в контексте сравнительно-сопоставительного анализа языковых единиц в аспекте дискурсивного подхода позволило описать особенности функционирования и реализации коннотативного значения в разных культурах, определить влияние условий коммуникации на актуализацию коннотативного значения у слов, которые, по данным лексикографических источников, его не имеют.

Показано, что отсутствие статичности значения языковых единиц в рамках дискурса обусловлено меняющимися условиями общения (коммуниканты, цели коммуникации, тональность и внешние по отношению к языку обстоятельства), поэтому в рамках дискурса коннотативное значение языковой единицы следует рассматривать как принципиально динамическую сущность.

Внешнеязыковые компоненты коннотации включают эмоционально-оценочную составляющую, связанную с пониманием и оценкой ситуации с точки зрения «положительное – отрицательное – нейтральное», и эмоционально-экспрессивную составляющую, выражающую отношение говорящего к сообщаемой им информации.

Дискурсивная контекстуализация, под которой в данной работе понимается симбиоз свойств текста как филологической единицы и конкретной коммуникативной практики (дискурса), позволяет достичь максимальной точности при интерпретации КЗЯЕ в аспекте межъязыкового сопоставления.

Разработана процедура проведения сопоставительного анализа коннотативных значений языковых единиц-эквивалентов на уровне дискурса, предполагающая трансформацию смыслового содержания сообщения,

созданного на одном языке, в формат другого языка. Обязательными компонентами данной процедуры являются: 1) анализ семантической структуры языковой единицы; 2) анализ условий функционирования языковой единицы в контексте; 3) учет и сравнение культурных особенностей среды существования сопоставляемых языков; 4) соотнесение коннотативного значения языковой единицы с коррелирующим концептом; 5) определение межличностного и идеационального смыслов.

Описана техника проведения анализа языкового материала интернет-форума, представляющего собой интерактивное общение участников, зафиксированное в виде совокупности значительных по объему естественно созданных дискурсивных фрагментов. Обоснована возможность соотнесения работы с материалами интернет-форумов с классическим пониманием проведения полевого эксперимента, в который вовлечены информанты, коммуницирующие в естественной для них среде общения.

Соотносимость коннотативного значения языковых единиц, не являющихся эквивалентами с точки зрения переводных словарей, определяемая в работе как коэквивалентность, позволила осуществить коннотативную коллинеацию, т. е. построение интра- и интерязыковых синонимических рядов эквивалентов, являющихся тождественными на основании их системно-структурных, лексико-семантических, контекстуальных и когнитивно-дискурсивных свойств.

Отмечено, что контекстное употребление коннотативно маркированных языковых единиц служит для фокусировки внимания реципиента на нужных автору локусах и непосредственно связано с прагматикой ситуации общения.

Сделан вывод о том, что коннотативные различия денотативно эквивалентных языковых единиц скоординированы с этноспецифическими и социоспецифическими концептуализированными представлениями, отражающими культурный код определенного лингвосоциума.

Лингвистическая экспертиза языковых единиц с актуализированным КЗ, функционирующих в офисном дискурсивном пространстве, позволила

выявить в качестве основных параметров образования коннотации специфику внутренней формы языковых единиц, обусловленность ценностными, культурными и социальными приоритетами. В качестве наиболее характерных языковых единиц, используемых в офисном дискурсе для образования дерогативной номинации сотрудников с низким статусом и отсутствием карьерных запросов, являются: 1) частнооценочные лексемы, акцентирующие внимание на определенном качестве; 2) языковые единицы, ассоциирующиеся с определенным рабочим местом; 3) языковые единицы, фокусирующиеся на функциональных особенностях субъекта; 4) языковые единицы, контекстное употребление которых обуславливает переход значения слова из категории «одушевленность» в категорию «неодушевленность»; 5) аллюзия на прецедентные художественные произведения; 6) вульгаризмы; 7) языковые единицы, контекстное употребление которых обуславливает переход значения слова из категории «человек» в категорию «животное».

Установлено, что при образовании коннотативного значения у языковых единиц происходят концептуальный и категориальный сдвиги. Категориальный сдвиг предполагает игру смыслов с опорой на синтаксически и морфологически выделяемые категории.

Концептуальный сдвиг предполагает выдвижение на первый план, на поверхностный смысловой уровень иного концепта, чем тот, который связан с исследуемой языковой единицей на основании интерпретационного анализа словарного толкования. Такие сдвиги придают языковой единице особую экспрессивность и оценочность, создавая в процессе интеракции коммуникантов единое когнитивное пространство, обладающее яркой, выразительной образностью. Механизм, лежащий в основе таких концептуальных сдвигов в силу их попеременности, определен в работе как реверсивная концептуализация.

Введение в исследовательский аппарат термина «коннотативная диасемия» осуществляется на основании понятия диасемии, используемого в

лингвистике в значении «семантические расхождения» [Панькин, 2011 : 39; Лутфуллина, 2017 : 19], «формы семантического варьирования» [Киклевич, 2007 : 98]. Использование понятия «диасемия» в качестве опорного члена новой терминологической единицы обусловлено тем, что оно, помимо семантической составляющей, включает «мировоззренческие системы и закрепленные за ними соответствующие концептуальные парадигмы» [Немыка, 2015 : 8]. Исследование коннотативной диасемии, определяемой в настоящей работе как различие коннотативных значений денотативно тождественных языковых единиц (ДТЯЕ) сопоставляемых языков, переносит фокус внимания на возможность и способы достижения коннотативной конгруэнтности в аспекте межъязыковых трансформаций.

В качестве основной стратегии проведения исследования коннотативного значения языковых единиц предлагается симбиоз когнитивного подхода и контекстового функционирования коннотативно маркированных языковых единиц. Такой подход позволяет идентифицировать коннотативные расхождения значений ДТЯЕ, обусловленные структурными особенностями сопоставляемых языков, сложившимися правилами сочетаемости, менталитетом лингвосоциума, культурными, историческими и социальными условиями, в которых происходило развитие родственных и неродственных языков.

Осмысление коннотативного значения в аспекте возможности его межъязыковой трансформации технически осуществляется с помощью перевода, используемого в качестве метода, эксплицирующего коннотативные значения и позволяющего выйти на уровень языкового сознания дискурсивной личности. В процессе межъязыковой и межкультурной коммуникации национально-культурная специфика коннотации порождает у ДЯЛ эффект обманутого ожидания, вызванный несоответствием воспринимаемой информации привычным стандартам, нормам, аксиологическим установкам.

Исследование коннотативной диасемии в аспекте межъязыковых трансформаций требует учета механизма формирования коннотации – метафорической и метонимической модификации базового значения слова, в основе которой лежат аффективные и аксиологические смыслы. Понятие «метафора» используется в настоящей работе в широкой трактовке – как когнитивный механизм косвенного выражения мысли. Метафорические номинации передают лингвоспецифическое восприятие мира этносом и соответствуют общим правилам концептуализации и категоризации, которые характерны для определенной лингвокультуры.

В случаях расхождения коннотативного значения исходного языка и языка перевода возникает проблема поиска критерия, определяющего выбор искомого варианта. Наиболее значимыми из критериев являются: 1) личность адресанта (свойственны ли такие высказывания данному типу), 2) личность адресата (сможет ли он адекватно декодировать информацию, содержащуюся в коннотативном значении), 3) соответствие фактуальной информации (учет при межъязыковой трансформации реалий того или иного лингвосоциума, повлиявшего на возникновение коннотативного значения у языковой единицы).

При трансформации КМЯЕ с целью получения тождественно воспринимаемой реципиентами разных языков информации наиболее актуален прием доместификации, так как именно неизвестная или неосознаваемая информация, связанная с иной культурой, реалиями жизни другого лингвосоциума препятствует адекватному восприятию коннотативного значения. Доместификация осуществляется за счет расширения использования ресурсов принимающего языка, воспроизведения конвенционального дискурса, естественно воспринимаемого целевой аудиторией.

Основной стратегией при передаче КЗЯЕ является адаптивная стратегия, направленная на создание контекста, который будет восприниматься реципиентом переводного текста аналогично восприятию

оригинального текста носителем языка. Благодаря фокусировке на передаче аксиологического компонента (даже в ущерб денотативному), такая стратегия позволяет достичь максимального тождества, создать целостные образы и избежать коннотативной лакунизации информации. При межъязыковой трансформации переводческий семиозис предполагает формирование особой чувствительности к инонациональной культуре и требует осознания того, что каждая отдельная языковая единица является неотъемлемой частью целого. Предназначение термина «коннотативная диасемия» заключается в маркировании зоны, в которой возникает смысловой диссонанс, обусловленный несовпадением коннотативного значения денотативно тождественных языковых единиц сопоставляемых языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная в диссертации **концепция лингвистической коннотологии** – это результат осмысления проблемы, связанной с пониманием значимости феномена коннотации в свете современного состояния филологической науки, приоритизирующей социально-культурный контекст коммуникации. Проведение данного исследования было продиктовано необходимостью восполнить лакуну холистического описания коннотации в свете когнитивно-дискурсивного подхода, стремлением модернизировать обозначенную проблематику в аспекте парадигмальных изменений, произошедших за последние десятилетия в гуманитарной сфере.

Решению данной проблемы способствовали осуществленные в работе систематизация теоретических воззрений на феномен коннотации в различных научных направлениях и соответствующих им исследовательских пространств в диахронном и синхронном аспектах, разграничение терминологизированного понятия «коннотация» и смежных явлений-коррелятов, относящихся к сферам иных наук. Проведенный анализ различных подходов, посвященных исследованию коннотации, позволил определить причины диффузности понятия «коннотация» и определить его лингвистическую значимость.

В качестве базовых познавательных принципов авторской концепции изучения феномена коннотации в настоящей диссертации соблюдается принцип конвергенции, позволяющий выйти за пределы языковой системы (обуславливая междисциплинарность проводимой работы) и рамки одного языка (определяя сопоставительный характер исследования). Анализ и синтез воззрений на коннотативное значение, выработанных в доменах различных научных направлений, позволили обозначить ее научную ценность, а также значимость нелингвистических факторов, влияющих на возникновение и актуализацию коннотативного значения.

В основе обоснования лингвистической значимости коннотации лежит модифицированная автором диссертационного исследования версия семантического треугольника Огдена – Ричардса, в котором к вершинам, воплощающим взаимоотношения между Символом (Symbol), Референцией (Thought) и Референтом (Reference), добавлена четвертая вершина, представляющая Индивида (Individual) – носителя языка. Полученный четырехугольник помещен в сферу, символизирующую окружающие индивида естественно-природный и социокультурный миры (ноосферу), которые влияют на формирование дискурсивной языковой личности, выстраивание ее идентичности, создание коллективных конвенциональных ценностных установок, ассоциаций, стереотипов и, в конечном счете, мировоззрения лингвосоциума.

Воплощенная в предложенной схеме модель семантических отношений позволяет более стройно описать возможные семантические трансформации, связанные с понятием коннотации в лингвистике, и выстроить некий космос, пусть безграничный, с проницаемыми границами, но все же не хаос бесчисленного количества вариаций.

Центральная роль в интерпретации коннотативного значения отводится когнитивно-дискурсивному подходу, который позволяет представить и обосновать естественный устойчивый симбиоз между оценочностью (важнейшим свойством коннотации, являющимся результатом когнитивной интерпретации окружающего мира носителями языка), эмоциональностью (психическим свойством индивида) и экспрессивностью (свойством языковых единиц выражать отношение автора к продуцируемой информации).

Использование сопоставительной методики позволило продемонстрировать национально-культурную специфику объекта исследования и вместе с тем объяснить некоторые особенности менталитета определенного лингвосоциума, которые послужили триггером для

возникновения сходной или различной коннотации у языковых единиц-эквивалентов, принадлежащих разным языкам.

Сущность разработанной концепции лингвистической коннотологии можно сформулировать как изучение способности естественных языков образовывать, сохранять и реализовывать коннотативное значение языковых единиц в межъязыковом и межкультурном контекстах. Иными словами, основным назначением лингвистической коннотологии является осмысление выявленных закономерностей языковой системы в аспекте реализации коннотативного значения в разных языках, обобщение релевантных данных и создание предпосылок для прогнозирования существования подобных расхождений во избежание коммуникативных неудач в практике межъязыкового взаимодействия.

Необходимо признать, что целостное раскрытие особенностей образования и реализации коннотативного значения языковых единиц как неомогенной сущности, оказалось возможным исключительно при условии интегративного использования когнитивно-дискурсивного подхода и принципа межъязыкового сопоставления. Такой комплекс позволил выявить и охарактеризовать изоморфные и алломорфные аксиологические установки лингвосоциумов, проследить влияние когнитивного суперстрата на формирование производных эмоционально-оценочных значений языковых единиц, установить синергетическое воздействие контекста, провоцирующее коннотемизацию лексем.

Содержательная и методологическая составляющие лингвистической коннотологии представлены в работе в виде интегративного комплекса, фиксирующего новую систему рассмотрения коннотации, конвергирующую сопоставительную методику исследования языкового материала и когнитивно-дискурсивный подход. Такой фокус исследования позволил продемонстрировать на материале разных языков динамичность коннотации, ее способность симультанно сочетать логически-рациональную, иррациональную и экспрессивно-оценочную сущности.

Сопоставительное описание реализации коннотативного значения языковых единиц в статике и динамике сделало возможным представление коннотации в новом ракурсе, продемонстрировавшем ее холистичность, обусловленную синергетическим слиянием когнитивных, психологических, прагматических, социокультурных и собственно лингвистических факторов, получивших благодаря КЗЯЕ воплощение в языке и речи.

Установлено, что выявленная в процессе межъязыковых трансформаций коннотативная диасемия обусловлена дифференцированной направленностью векторов метафоризации в различных языках.

Систематизация теоретических знаний и положений о коннотативном значении языковых единиц, выработанных в рамках лингвистической коннотологии, расширила границы понятий лакунарности, эквивалентности, список критериев успешности межъязыковой коммуникации.

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Сущностной характеристикой феномена лингвистической коннотации является способность онтологизировать результаты когнитивной деятельности человека, его психических и эмоциональных реакций, аксиологических и духовных установок в единой вербальной форме. В основе образования коннотативного значения лежит концептуальный сдвиг, предполагающий выдвигание на первый план, на поверхностный смысловой уровень иного концепта, чем тот, который непосредственно связан с исследуемой языковой единицей. Такой сдвиг придает языковой единице особую экспрессивность и оценочность, создавая в процессе интеракции коммуникантов единое когнитивное пространство, обладающее яркой, выразительной образностью. Механизм, лежащий в основе данного концептуального сдвига, в силу его попеременности – поочередной контекстуально обусловленной актуализации денотативного и коннотативного значения, определен в работе как реверсивная концептуализация.

2. Формирование коннотативного значения осуществляется в результате конвергенции заложенных в языковой единице смыслов и внешних по отношению к языку факторов. Ввиду этого не существует жестко заданной модели образования коннотативного значения: с высокой долей вероятности она может быть гипотетически представлена в виде конфигурации, включающей в себя совокупность лингвистических, социокультурных, когнитивных и дискурсивных экспонентов. Реализация коннотативного значения в дискурсе является частным проявлением универсального явления и соответствует постулату Ч. С. Пирса о неограниченном семиозисе.

3. Иррациональность является важным свойством коннотации, однако отсутствие объективных оснований для коннотемизации лексем не исключает того, что в основе появления коннотативного значения у ЯЕ лежит акт познания, в процессе которого субъекту или объекту познания приписываются свойства и качества, связанные с тем, как индивид воспринимает и оценивает окружающий мир, находясь под влиянием норм и правил нативной культурной среды. Коннотация – это своеобразная рациональная иррациональность, знание и умение оперировать которой помогает субъекту адаптироваться в определенном социуме. Интерпретация иррациональных основ коннотативного значения эксплицирует характерные черты ментальности этнолингвосоциума.

4. Развитие и становление понятия и термина «коннотация» в лингвистике характеризуется векторной направленностью, определившей в качестве ключевых дефиниционных локусов межуровневость, кросс-дисциплинарность и интеракционность. Данные локусы предопределили в роли доминирующего качественного свойства коннотации *некомпозиционность*. Некомпозиционность коннотации позволяет ей реализовываться на всех уровнях языка, мимикрируя в соответствии со структурными особенностями последних.

5. Исследование КЗ в аспекте его рассмотрения в рамках гибридных наук позволяет говорить о том, что в качестве принципиально важного звена, обеспечивающего тесное взаимодействие между языком, культурой и менталитетом этнолингвосоциума, выступает дискурсивная языковая личность. Постоянное воспроизводство коммуникантами в устных и письменных текстах тех или иных КМЯЕ способствует закреплению социально значимых смыслов за определенными вербальными формами, а также их корректному «прочтению» всеми участниками дискурса.

6. Междисциплинарность феномена коннотации позволяет определить ее четыре важнейшие ипостаси: а) знак межкультурного уровня, отражающий культурно-мировоззренческие установки носителей языка; б) маркер национального менталитета, значимый для языковых картин мира; в) факт языка, свидетельствующий о его деятельностной направленности; г) мыслительно-языковой феномен, отражающий когнитивные модели коллективного бессознательного.

7. Коннотирование определенных свойств и качеств объектам и субъектам является фундаментальным свойством человеческого мышления, востребованным в процессе естественной языковой коммуникации. Процесс коннотирования результирует вербализацией социально значимых для определенного культурного и национально-языкового сообщества смыслов. Благодаря регулярному функционированию определенной языковой формы, являющейся носителем КЗ, последнее постепенно гипостазируется, утрачивает когнитивную маркированность и начинает оказывать миромоделирующее влияние на сознание носителей языка, задавая особый фокус восприятия действительности.

8. Существенным для понимания характера соотношения между коннотацией и смежными лингвистическими и нелингвистическими явлениями-коррелятами является понимание диффузности границ, отделяющих одно понятие от другого. Пересечение объема коррелирующих понятий обусловлено ценностно-познавательным синкретизмом коннотации,

представляющей вербализованную форму когнитивной интерпретации окружающего мира, специфический фрагмент организации пространства знания каждого лингвосоциума.

9. Сопоставительный анализ явлений-коррелятов, соотносимых с понятием «коннотация», показал, что в качестве основных разграничительных критериев выступают категориально-функциональные, ядерные признаки, определяющие целесообразность введения данного понятия в терминологический аппарат конкретного научного направления. Диффузия явлений-коррелятов проявляется при условии, если объем одного понятия пересекается с объемом другого понятия; репрезентацией таких случаев является процесс взаимоопределения. Недифференцированное употребление соотносимых понятий влечет за собой их синтез, приводящий к подмене и «размыванию» самого понятия коннотации. Дифференцированное определение явлений-коррелятов, наоборот, способствует их конституированию.

10. Интродуцирование лингвистической коннотологии в систему современных научных направлений обусловлено необходимостью осмысления значимости коннотации для дисциплин гуманитарного профиля, в которых данный термин активно используется. Систематизация разрозненных теоретических положений в рамках лингвистической коннотологии способствует интегральному охвату и упорядочиванию релевантных идей, обретению коннотацией фундаментального статуса.

11. Коэффициент коннотативной координированности, в качестве формализованного параметра, объективирует значимость степени несовпадения коннотативного фона сравниваемых языков, является индикатором потенциально возможных случаев с неясной семантикой. Сопоставление коннотативного значения слов-эквивалентов способствует выявлению гносеологических качеств слова, репрезентируя языковое творчество народа, креативность человеческого сознания.

12. Введение в терминологический инструментарий лингвистической коннотологии терминов «коэквивалентность», «коннотативная диасемия», «коннотемизация», «конситуативная интерпретация», «коннотативная коллинеация» имеет существенное значение для выявления специфики языкового воплощения и реализации КЗ на лексическом, синтаксическом, гиперсинтаксическом и дискурсивном уровнях в сравнительно-сопоставительном аспекте.

13. Трудности интерпретация КМЯЕ, возникающие в процессе межъязыковых трансформаций, обусловлены способностью человеческого мышления истолковывать информацию в соответствии с общепринятым, привычным для определенного социокультурного и национально-языкового сообщества ракурсом восприятия. Вербализированное коллективное социокультурное знание обуславливает межъязыковую вариативность КЗ денотативно тождественных ЯЕ и соотносится с проблемой лингвистической лакунарности.

В качестве **перспективных направлений** дальнейшей разработки обозначенной проблематики предлагается расширение исследовательской платформы за счет интегрирования естественнонаучного методического и технического обеспечения с целью объективации персуазивного воздействия коннотативно маркированных языковых единиц на реципиента. Положения, выработанные в рамках лингвистической коннотологии, могут служить основой для дальнейшего исследования значимости и роли коннотации в формировании межкультурного дискурсивного пространства, изучения дискурсивной языковой личности в интра- и интеръязыковой проекции.

Представляется, что изучение феномена коннотации в рамках лингвистической коннотологии с использованием предлагаемой интегративной методики позволит приблизиться к пониманию способности человека выражать свое эмоционально-оценочное отношение в вербальной форме, а коннотативное значение языковых единиц окажется тем ключом, который поможет приоткрыть дверь в тайны человеческого сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова С. Г. Прагмалингвистический аспект английской диалогической речи: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / С. Г. Агапова. – Ростов-на-Дону, 2003. – 269 с.
2. Агапова С. Г., Агапова Е. А., Гущина Л. В. Манипуляция общественным сознанием в политическом дискурсе СМИ (на материале английского языка) : учебное пособие на модульной основе с диагностико-квалиметрическим обеспечением / С. Г. Агапова, Е. А. Агапова, Л. В. Гущина. – Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2014. – 88 с.
3. Агапова С. Г., Кислицына Н. Н. Симбиоз языка и культуры: антрополингвистический, этно- и социоллингвистический аспекты / С. Г. Агапова, Н. Н. Кислицына // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – № 4 (28) . – 2017. – С. 56–63.
4. Азнаурова Э. С. Прагматика художественного слова / Э. С. Азнаурова; Ташк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Ф. Энгельса. – Ташкент : Фан, 1988. – 119 с.
5. Аквазба Е. О. Денотация и коннотация в художественном тексте (на материале лексики растительного и животного мира в произведениях М. М. Пришвина) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. О. Аквазба. – Тюмень, 2004. – 221 с.
6. Алефиренко Н. Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака / Н. Ф. Алефиренко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: междунар. симпозиум. – Волгоград : Перемена, 2003. – Ч. 1. – С. 3–13.
7. Алефиренко Н. Ф. Коннотация и прагматика «языка культуры» / Н. Ф. Алефиренко // Славянские языки в свете культуры : сб. науч. статей. – М. : ООО «А Темп», 2006. – С. 8–26.
8. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография / Н. Ф. Алефиренко – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

9. Альба-Хуэс Л., Ларина Т. В. Язык и эмоции: дискурсивно-прагматический подход / Л. Альба-Хуэс, Т. В. Ларина // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 9–37.

10. Амосова Н. Н. О синтаксическом контексте / Н. Н. Амосова // Лексикографический сборник. – М. : Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1962. – С. 36–45.

11. Андреева С. М., Ван Ци. Понятие стереотипа в контексте современных исследований / С. М. Андреева, Ван Ци. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.confcontact.com/2010alyans/fl4_andree.php (дата обращения 04.03.2021).

12. Андросова М. А., Лоскутова А. Е. Анализ лингвистических средств речевого этикета в публицистическом дискурсе на материале газетных статей / М. А. Андросова, А. Е. Лоскутова // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. – Ульяновск, 2006. – С. 84–89.

13. Апресян Ю. Д. Значение и употребление / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 2001. – № 4. – С. 3–22.

14. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Том 1. Лексическая семантика. – 2-е изд., испр. и доп. / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995 (а). – 472 с.

15. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995 (б). – 767 с.

16. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 156–177.

17. Апполонов А. «Спекулятивная грамматика» Фомы Эрфуртского и современность: случай семиотики Чарльза Пирса / А. Апполонов // Логос. – Т. 27. – № 6. – 2017. – 115-128.
18. Аракин В. Д. О лексической сочетаемости / В. Д. Аракин // К проблеме лексической сочетаемости : сб. статей. – М. : Наука, 1972. – С. 3–12.
19. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля) / А. Арно, К. Лансло; пер. с фр. Ю. С. Маслова, Е. Д. Панфилова, М. В. Гординой – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. – 1991. – 128 с.
20. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие / И. В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1991. – 140 с.
21. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Иностранные языки» / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – Л., М. : «Просвещение», 1981. – 295 с.
22. Арнольд И. В. Функции коннотативных компонентов значений в поэтическом тексте / И. В. Арнольд // Структура и семантика предложения и текста в германских языках : межвуз. сб. науч. тр. ЛГПИ им. А. И. Герцена. – Л., 1989. – С. 3–9.
23. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотация / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М. : Наука, 1991. – 204 с.
24. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5–32.
25. Арутюнова Н. Д. Речевой акт / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь: языкознание. – М. : БРЭ, 1998. – С. 412–413.
26. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

27. Аршинов В. И. Синергетика постижения сложного / В. И. Аршинов, В. Г. Буданов // Синергетика и психология: Тексты. Выпуск 3: Когнитивные процессы. – М., 2004. – 416 с.
28. Асабин Р. К. Способы интерпретации этноконнотаций в межкультурной коммуникации: на материале английских зоометафор : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Р. К. Асабин. – Уфа, 2011. – 209 с.
29. Ахманова О. С. Основы компонентного анализа : учеб. пособие / О. С. Ахманова, М. М. Глушко, И. В. Гюббенет и др.; под ред. Э. М. Медниковой. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 98 с.
30. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для филол. специальностей вузов / Л. Г. Бабенко. – М. : Академический проект, 2004. – 464 с.
31. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
32. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 632 с.
33. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Баранов. – 2-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2009. – 592 с.
34. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 2003. – № 2. – С. 73–94.
35. Барт Р. Основы семиологии / Р. Барт // Структурализм: «за» и «против» : сб. статей. – М. : Прогресс, 1975. – 114–163.
36. Барт Р. Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Р. Барт. – М. : Прогресс, 2000. – 536 с.
37. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1986. – 543 с.
38. Белл Р. Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы / Р. Т. Белл. – М. : «Международные отношения», 1980. – 319 с.

39. Белова Н. Н. Семантика оценки в именах прилагательных : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. Н. Белова. – Мичуринск, 2011. – 263 с.
40. Белоусов К. И. Моделирование понятийного потенциала термина заглавие / К. И. Белоусов, Н. Л. Зеланская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. – 2008. – № 4. – С. 62–71.
41. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд; пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат. – М. : Прогресс, Москва, 1968. – 608 с.
42. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г. И. Богин. – Л., 1984. – 354 с.
43. Богин Г. И. Современная лингводидактика / Г. И. Богин. – Калинин : Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1980. – 61 с.
44. Бодриар Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодриар; пер. с фр. А. Качалова. – М. : Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
45. Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение : с приложением «Сборник задач по “Введению в языковедение”» / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : URSS, 2019. – 320 с.
46. Болдырев Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2014 (а). – Вып. XIX. – С. 20–28.
47. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014 (б). – 236 с.
48. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25–36.
49. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка / Н. Н. Болдырев // Принципы и методы когнитивных исследований языка. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 11–29.

50. Болдырев Н. Н. Язык и структура сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2016. – Выпуск XXIV. – С. 35–48.
51. Болсуновская Л. М., Диденко А. Д. Дискурсология: анализ теоретических подходов к исследованию дискурса / Л. М. Болсуновская, А. Д. Диденко // Вестник ЧитГУ. – 2010. – № 7 (64). – С. 39–44.
52. Бородулина Н. Ю. Метафора в экономике vs экономическая метафора / Н. Ю. Бородулина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 2 (44): в 2-х ч. – Ч. 1. – С. 40–43.
53. Бредихин С. Н. Лингвостилистические особенности пограничного вида институционального типа дискурса: сравнительный и транслатологический аспекты / С. Н. Бредихин // Язык. Текст. Дискурс. – 2018. – № 16. – С. 41–50.
54. Бредихин С. Н. Сдвиги в семантических полях при актуализации периферийных ноем как способ порождения многомерного смысла / С. Н. Бредихин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2014. – № 2 (87). – С. 12–16.
55. Бубнова И. А. Насилие: лингвистическое, культурологическое, историческое / И. А. Бубнова // Культура как текст : сб. науч. ст. – М. : ИЯ РАН; Смоленск : СГУ, 2014. – Вып. XII. – С. 45–55.
56. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург, 2013. – № 1 (110). – С. 6–13.
57. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации : монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 248 с.
58. Булдаков В. А. Коннотация в знаменательной лексике и фразеологии современного немецкого языка (контенсивно-менталингвистический подход) : автореф. дис. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.04 / В. А. Булдаков. – СПб., 2011. – 42 с.

59. Бурукина О. А. Коннотативные лакуны / О. А. Бурукина // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М. : МГЛУ, 2000. – С. 41–42.

60. Буряковская В. А. Негативная семантика: комплексное воздействие на массового адресата / В. А. Буряковская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2013. – № 9 (84). – С. 8–11.

61. Буряковская В. А. Язык в условиях функционирования массовой культуры: тенденции развития дискурсивных практик / В. А. Буряковская // Коммуникативные практики речевой деятельности: сб. науч. ст. / отв. ред. Е. Ю. Ильинова. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2013. – С. 172–180.

62. Бутакова Л. О. Семантическое пространство мультимодального текста как эмотивно-ценностный феномен (на материале восприятия русских и американских мультфильмов) / Л. О. Бутакова // Филология и человек. – 2016. – № 2. – С. 63–73.

63. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – 276 с.

64. Быкова О. И. Проблема онтологии коннотации / О. И. Быкова // Когнитивные исследования языка: международный конгресс по когнитивной лингвистике (10–12 окт. 2012 г.) : сб. материалов. – М.–Тамбов, 2012. – Вып. XI. – С. 553–557.

65. Быкова О. И. Этноконнотация как вид культурной коннотации (на материале номинативных единиц немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / О. И. Быкова. – Воронеж, 2005. – 396 с.

66. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 224 с.

67. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М. : ЯСК, 2001. – 272 с.

68. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного /

Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с

69. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2013. – 450 с.

70. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Айрис-Пресс, 2013. – 576 с.

71. Вернадський В. І. Вибрані наукові праці академіка В. І. Вернадського. В 10 т. Т. 8. Праці з історії, філософії та організації науки / В. І. Вернадський. – Київ : НАН України, 2012. – 657 с.

72. Вестфальская А. В. Оценка и коннотация: современные подходы / А. В. Вестфальская // Язык и текст. – 2015. – № 3. – Т. 2. – С. 3–11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Vestfalskaya_full.shtml (дата обращения 04.03.2021).

73. Викулова Л. Г., Кулагина О. А. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции «свои» – «чужие» во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака «Чёрная тетрадь») / Л. Г. Викулова, О. А. Кулагина // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2013. – № 2 (12). – С. 33–42.

74. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Кулагина О. А. Семиметрия рефлексии о ценностях современного общества / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, О. А. Кулагина // Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов : коллективная монография. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 196–230.

75. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 162–189.

76. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959.
77. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц / Т. Г. Винокур. – М. : Либроком, 2009. – 242 с.
78. Войскунский А. Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы / А. Е. Войскунский // Человек. – 2016. – № 1. – С. 36–49.
79. Волкова Я. А., Панченко Н. Н. Деструктивность в политическом дискурсе / Я. А. Волкова, Н. Н. Панченко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. № 4. С. 161–178.
80. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
81. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 229 с.
82. Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Г. Д. Воскобойник. – Иркутск, 2004. – 296 с.
83. Вставский А. Н. Коннотативный компонент: проблемы интерпретации / А. Н. Вставский // Вестник Омского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. – Вып. 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-29.pdf> (дата обращения: 04.03.2021).
84. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – 5-е изд., испр. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.
85. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 480 с.
86. Гаврилова Г. Ф. Предложение и текст: системность и функциональность : коллективная монография / Г. Ф. Гаврилова. – Ростов-на-Дону : АкадемЛит, 2015. – 412 с.

87. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
88. Гаршин В. М. Рассказы / В. М. Гаршин. – Л. : Машиностроение, Ленингр. отделение. – 1980. – 320 с.
89. Герасимова С. А. Антропоцентрический подход к языку / С. А. Герасимова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2011. – № 4 (8). – С. 103–107.
90. Гинзбург Р. С. Значение слова и методика компонентного анализа / Р. С. Гинзбург // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 5. – С. 21–26.
91. Гладкова А. Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки / А. Гладкова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 303 с.
92. Глебова Н. Г. Коннотативно-оценочный потенциал слов – репрезентантов концепта РУССКОСТЬ в современном русском языке / Н. Г. Глебова // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 25–37.
93. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс; пер. с англ. А. Гутермана; вступ. ст. А. Филиппова. – М. : Рипол-классик, 2017. – 608 с.
94. Говердовский В. И. История понятия коннотации / В. И. Говердовский // Филологические науки. – М. : Наука, 1979. – № 2. – С. 83–86.
95. Говердовский В. И. Коннотемная структура слова / В. И. Говердовский. – Харьков : Выща школа при ХГУ, 1989. – 95 с.
96. Говердовский В. И. Опыт функционально-типологического описания коннотации : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В. И. Говердовский. – М. : 1977. – 21 с.
97. Говердовский В. И. Феномен коннотации на денотативном уровне / В. И. Говердовский // Языковая практика и теория языка. – М. : Издательство МГУ, 1974. – Вып. 1. – С. 139–147.

98. Гомберг Е. И. О способах компрессии информации в поэтическом тексте / Е. И. Гомберг // Контекстуальная семантика : сборник научных трудов / под ред. В. И. Агамджановой. – Рига : Изд-во ЛГУ им. П. Стучки, 1982. – 124 с.
99. Горохова Т. С. Коннотативный аспект семантики глагольной лексики в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. С. Горохова. – Тамбов, 2008. – 249 с.
100. Горшков А. И. Русская стилистика : учеб. пособие / А. И. Горшков. – М. : Астрель, 2001. – 367 с.
101. Графова Т. А. Роль эмотивной коннотации в семантике слова : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Графова. – М., 1987. – 187с.
102. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные / Т. А. Гридина // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 148–157.
103. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : Изд-во УГПУ, 1996. – 225 с.
104. Гриднева Т. В. Прагматический аспект коннотативного элемента семантической структуры фразеологических единиц / Т. В. Гриднева // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии : тез. докл. междунар. конф. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 12–14.
105. Гудков Л. Д. Метафора и рациональность как проблема социальной эпистемиологии / Л. Д. Гудков. – М. : Русина, 1994. – 429 с.
106. Гудков Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации / Д. Б. Гудков // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М. : Филология, 1997. – 116–129 с.
107. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Д. Б. Гудков. – Москва, 1999. – 400 с.
108. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.

109. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Принципы и методы семантических исследований. – М. : Наука, 1976. – С. 291–314.
110. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Наука, 1984.
111. Гуревич Л. С. Коммуникативный акт VS речевой акт: проблемы соотношения понятий / Л. С. Гуревич // Вестник НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2007. – Т. 1. – С. 103–108.
112. Гучепшокова С. А. Архетипический концепт «лицо/честь/совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты: на материале русского, адыгского, английского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. А. Гучепшокова. – Краснодар, 2011. – 174 с.
113. Давлетбаева Р. Г. Коннотативное значение в лексической системе (на примере русского и башкирского языков) / Р. Г. Давлетбаева // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 2. – С. 562–565.
114. Даниленко В. П. Введение в языкознание : курс лекций / В. П. Даниленко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.
115. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия / Р. Декарт. – М. : АН СССР, 1953. – 655 с.
116. Демьянков В. З. Коммуникативное знание в когнитивной и коммуникативной компетенциях / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXIV. *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова; Неолит, 2018 (а). – С. 52–55.
117. Демьянков В. З. О когниции, культуре и цивилизации в трансфере знаний / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 5–9.
118. Демьянков В. З. О социально-когнитивных параметрах дискурсных техник презентации научных результатов / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. XXII. – С. 39–51.

119. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Concept.html> (дата обращения: 04.03.2021).

120. Демьянков В. З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018 (6). – № 4 (057). – С. 5–14.

121. Денисенко М. В. Коннотативные/ассоциативные компоненты значения прилагательного «серый» / М. В. Денисенко // Вестник КемГУ. Филология. – 2013. – № 4. (56). – Т. 1. – С. 156–160.

122. ДПСИК – Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации : монография / под науч. ред. Л. В. Куликовой. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2015. – 182 с.

123. Добринская Д. Е. Киберпространство: территория современной жизни / Д. Е. Добринская // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 52–70.

124. Егоров О. Г. Психологические коннотации в творчестве Ф. М. Достоевского / О. Г. Егоров // Вопросы психологии. – 2012. – № 2. – С. 35–45.

125. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. Вып. I. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 264–389.

126. Желтухина М. Р. Конструирование мира в языке политики: когнитивно-прагматическое моделирование в ситуации медиаконфликта / М. Р. Желтухина // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 38. – С. 533–546.

127. Желтухина М. Р., Бородина С. Н. Оценочно-стилистические характеристики слухов в медиадискурсе / М. Р. Желтухина, С. Н. Бородина // Ценностная картина мира: лингвокультурные аспекты : коллективная монография / отв. ред. Ван Миньюй, В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2016. – С. 192–207.

128. Желтухина М. Р., Гавриш А. Д. Эмоциогенность современных медиатекстов / М. Р. Желтухина, А. Д. Гавриш // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 4 (32). – С. 120–125.

129. Желтухина М. Р., Зеленская Л. Л. Создание медиаобраза политического врага в современных российских и американских СМИ: лексико-грамматический аспект / М. Р. Желтухина, Л. Л. Зеленская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (127). – С. 121–130.

130. Жельвис В. И. К вопросу о характере русских и английских лакун / В. И. Жельвис // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М. : Наука, 1977. – С. 136–147.

131. Жлуктенко Ю. О. Контрастивний аналіз як прийом мовного дослідження / Ю. О. Жлуктенко // Нариси з контрастивної лінгвістики. – Київ : Наукова думка, 1979. – С. 5–11.

132. Заводчикова А. А. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации / А. А. Заводчикова // Язык и текст. – 2014. – № 4. – Т. 1. – С. 67–69.

133. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2007. – 560 с.

134. Залевская А. А. Вопросы естественного семиозиса : монография / А. А. Залевская. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2018. – 160 с.

135. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

136. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – М., : МГУ, 1973. – 248 с.

137. Зубкова Л. Г. Теория языка в ее развитии: от натуроцентризма к логоцентризму через синтез к лингвоцентризму и к новому синтезу / Л. Г. Зубкова. – М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 624 с.

138. Зуева Е. А. Вербализация паралингвистических актов в художественном тексте современной немецкой литературы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. А. Зуева. – Белгород, 2005. – 162 с.

139. Зыкова И. В. Коннотативные аспекты семантики топонима / И. В. Зыкова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2016. – С. 161–163.

140. Иная ментальность / В. И. Карасик, О. Г. Прохвачева, Я. В. Зубкова, Э. В. Граборова. – М. : Гнозис, 2005. – 352 с

141. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Коннотация в лингвистической семантике / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук // WienerSlawistischerAlmanach. – 1980. – Band 6. – S. 191–210.

142. Исаева Л. А. Коммуникативный и коннотативный аспекты книжных лексических и фразеологических единиц в художественных текстах (на материале рассказов М. М. Зощенко) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л. А. Исаева. – Махачкала, 2004. – 205 с.

143. Кабакчи В. В. Введение в интерлингвокультурологию : учеб. пособие / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 252 с.

144. Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития / В. И. Карасик // Ментальность и изменяющийся мир : коллективная монография: к 75-летию проф. В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова (Серия «Славянский мир» Вып. 1). – Севастополь : Рибест, 2009. – С. 13–20.

145. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии / В. И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2001. – С. 3–16.

146. Карасик В. И. Языковое проявление личности / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2015. – 384 с.

147. Караулов Ю. Н. Лингвистические основы функционального подхода в литературоведении / Ю. Н. Караулов // Проблемы структурной

лингвистики 1980 : сб. ст. / отв. ред. В. П. Григорьев. – М. : Наука, 1982. – С. 20–37.

148. Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–11.

149. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.

150. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

151. Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1980. – 207 с.

152. Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) : монография / В. В. Катермина. – М. : Флинта, 2018. – 220 с.

153. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия / С. Д. Кацнельсон. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.

154. Кашкин В. Б. Сопоставительная лингвистика / В. Б. Кашкин. – Воронеж : ВГУ, 2007. – 88 с.

155. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А. А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.

156. Кибрик А. Е. Когнитивный подход к языку / А. Е. Кибрик // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 29–59.

157. Кибрик А. Е. Полевая лингвистика // Интернет-Энциклопедия «Ломоносов». – 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127176:article> (дата обращения: 04.03.2021).

158. Киклевич А. К. Притяжение языка. В 2 т. Том 1. Семантика, лингвистика текста, коммуникативная лингвистика / А. К. Киклевич. – Олыштын, 2007. – 411 с.

159. Кипяткова И. С., Верходанова В. О., Ронжин А. Л. Сегментация паралингвистических фонационных явлений в спонтанной русской речи / И. С. Кипяткова, В. О. Верходанова, А. Л. Ронжин // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 2(18). – С. 17–23.

160. Кислицына Н. Н. Аспекты рассмотрения феномена коннотации: лакунарность и эмоциональная валентность / Н. Н. Кислицына, С. Г. Агапова // Научный диалог. – 2020 (6). – № 3. – С. 96–112.

161. Кислицына Н. Н. Внутренняя форма слов со значением «память» (на материале английского, французского, украинского и русского языков) / Н. Н. Кислицына // Studia Germanica et Romanica. – Донецк. – 2011 (6). – Т. 8. – № 2 (23). – С. 65–72.

162. Кислицына Н. Н. Использование компонентного анализа в процессе перевода (на материале английского, украинского и русского языков) / Н. Н. Кислицына // Нова філологія. Збірник наукових праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2009. – № 34. – С. 280–285.

163. Кислицына Н. Н. К вопросу о необходимости разработки контрастивной коннотологии / Н. Н. Кислицына // Южно-российские научные чтения. Язык как система и деятельность : материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию Южного федерального университета и 90-летию со дня рождения проф. Ю. А. Гвоздарева. – Ростов-на-Дону : Издательство ЮФУ, 2015 (6). – С. 111–113.

164. Кислицына Н. Н. Когнитивные основы коннотации / Н. Н. Кислицына // Германістика у ХХІ столітті: когнітивна, соціо- та прагмалінгвістика – II. Харків. – 2012. – С. 82–83.

165. Кислицына Н. Н. Коннотативное значение в аспекте перевода / Н. Н. Кислицына // Русский язык и культура в зеркале перевода : Материалы III Международной научно-практической конференции. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова. Высшая школа перевода. – 2012 (6). – С. 247–251.

166. Кислицына Н. Н. Коннотативный уровень лексической семантики: особенности межъязыковых трансформаций / Н. Н. Кислицына // Світова література на перехресті культур і цивілізацій : Збірник наукових праць. – Сімферополь : Кримський Архів. – 2012 (в). – Вип. 6. – С. 201–209.

167. Кислицына Н. Н. Коннотация в свете общей теории дискурса / Н. Н. Кислицына // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016 (а). – № 5 (109). – С. 85–89.

168. Кислицына Н. Н. Коннотация в свете гипотезы об «энергейтичности» языка / Н. Н. Кислицына // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2018 (в). – № 4. – С. 155–160.

169. Кислицына Н. Н. Коннотация метафорических номинаций / Н. Н. Кислицына, Ю. О. Моисеева // Язык и личность в поликультурном пространстве : сборник статей / под ред. И. Н. Авдеевой. – Москва : Перо, 2017 (а). – С. 148–153.

170. Кислицына Н. Н. Корреляция коннотативного значения слова и смежных лингвистических понятий / Н. Н. Кислицына // Международная научно-практическая конференция «Язык. Культура. Перевод. Коммуникация». – Москва. – 2015. – С. 188–189.

171. Кислицына Н. Н. Контекстуализация и деконтекстуализация как способы активации коннотативного значения слова / Н. Н. Кислицына // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018 (а). – № 4(25) – Т. 7. – С. 63–66.

172. Кислицына Н. Н. Кросс-культурная значимость лингвистической коннотации / Н. Н. Кислицына // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй международной научно-практической конференции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). – М. : МГИМО-Университет, 2015 (а). – Т. 1. – С. 588–594.

173. Кислицына Н. Н. Лексико-стилистический инструментарий моделирования образа государства / Н. Н. Кислицына // Политическая лингвистика. – 2018 (б). – № 6 (72) – С. 60–64.

174. Кислицына Н. Н. О месте коннотативного значения в семантической структуре слова / Н. Н. Кислицына // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 4. – Ч. 2. – С. 129–136.

175. Кислицына Н. Н. О понятии «коннотативный потенциал текста» / Н. Н. Кислицына // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ялта, Симферополь, 4–5 мая 2017 г. / гл. ред. А. Д. Петренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017 (б). – С. 184–190.

176. Кислицына Н. Н. Прилагательные со значением обобщенной положительной оценки как фрагмент языковой картины мира (на материале русского, украинского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.17 / Н. Н. Кислицына. – Киев, 2002 (а). – 184 с.

177. Кислицына Н. Н. Прилагательные со значением обобщенной положительной оценки как фрагмент языковой картины мира (на материале русского, украинского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.17 / Н. Н. Кислицына. – Киев, 2002. – 21 с.

178. Кислицына Н. Н. Проблематика языковой картины мира в современном польском языкознании / Н. Н. Кислицына // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 107. – С. 28–31.

179. Кислицына Н. Н. Стилистические приемы как инструмент когнитивного моделирования сознания / Н. Н. Кислицына, М. С. Меленцова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8. – № 1(26). – С. 82–85.

180. Кислицына Н. Н. Функционирование термина коннотация в специализированных текстах / Н. Н. Кислицына // Світова література на перехресті культур і цивілізацій : Збірник наукових праць. – Симферополь : Кримський Архів. – 2013. – Вип. 7. Частина II. – С. 132–144.

181. Кислицына Н. Н. Языковая личность как основа для конфигурации понятий язык, сознание и мышление / Н. Н. Кислицына // Культура народов Причерноморья. – 2010. – № 189. – С. 116–121.

182. Кислицына Н. Н., Жаглина О. С. Особенности перевода топонимов: коннотативный аспект / Н. Н. Кислицына, О. С. Жаглина // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик : материалы Первой международной конференции (Москва 14–16 апреля 2016 г.) / под общей ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. – М. : МГПУ; Языки Народов Мира, 2016. – С. 243–246.

183. Кислицына Н. Н., Мельниченко Т. В. Особенности передачи коннотаций при переводе экспрессивно-оценочных метафор в публицистических текстах / Н. Н. Кислицына, Т. В. Мельниченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018 (г). – № 3-1 (81). – С. 108–111.

184. Кислицына Н. Н., Мельниченко Т. В. Реализация коннотационного потенциала метафоры при создании образа женщины-политика (на материале англоязычных СМИ) / Н. Н. Кислицына, Т. В. Мельниченко // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020 (а). – № 65 (3). – С. 92–108.

185. Кислицына Н. Н., Новикова Е. А. Спортивный дискурс в системе институциональных видов дискурса / Н. Н. Кислицына, Е. А. Новикова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики / гл. ред. д-р филол. наук, проф. Т. Ю. Тамерьян. – Владикавказ : ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова». – 2017. – № 2 (26). – С. 28–35.

186. Кислицына Н. Н., Норец Т. М. Семантико-когнитивный анализ концепта РАБОТА (на материале английского, французского, украинского и русского языков) / Н. Н. Кислицына, Т. М. Норец // Studia Linguistica. Збірник наукових праць. – Київ : ВПЦ «Київський університет». – Вип. 6. Частина 2. – 2012. – С. 98–106.

187. Кислицына Н. Н., Чернявская О. Г. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации (на материале англоязычных блогов профессиональной направленности) / Н. Н. Кислицына, О. Г. Чернявская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2019 (6). – Том 12. – № 6. – С. 368–373.
188. Князева Е. Н. Методы нелинейной динамики в когнитивной науке / Е. Н. Князева // Синергетика и психология: Тексты. Выпуск 3: Когнитивные процессы / под ред. В. И. Аршинова, И. Н. Трофимовой, В. М. Шендяпина. – М. : «Когито-Центр», 2004. – 416 с.
189. Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе / И. М. Кобозева // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2 (32). – С. 41–46.
190. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 136–137.
191. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: структура, функции, типология (на материале русской прозы XIX–XX вв) : автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.01 / Н. А. Кожина. – М., 1986. – 22 с.
192. Колесникова О. И., Воронова Е. В. Когитивно-прагматические основания редактирования медиатекста / О. И. Колесникова, Е. В. Воронова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 1. – С. 75–81.
193. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 1999. – 368 с.
194. Колшанский Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 147 с.
195. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1990. – 108 с.
196. Кондратьева О. Н. Особенности развертывания концептуальной метафоры в цикле политических анекдотов (на материале анекдотов о баллотировании Ксении Собчак на пост президента Российской Федерации) /

О. Н. Кондратьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2019 (а). – № 60. – С. 28–44.

197. Кондратьева О. Н. Стереотипный медиаобраз сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) / О. Н. Кондратьева // Имагология и компаративистика. – 2019 (б). – № 12. – С. 222–236.

198. Коновалова Т. А. Метафора как когнитивно-дискурсивное средство репрезентации образа современной России в архитектурной картине мира / Т. А. Коновалова, А. Д. Зейферт // Политическая лингвистика. – 2018. – № 1 (67). – С. 158–166.

199. Коптева О. В. Стилистические лакуны / О. В. Коптева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4 (2). – С. 556–559.

200. Корконосенко С. Г. Политическая журналистика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/79322/zhurnalistika/politicheskaya_zhurnalistika (дата обращения: 04.03.2021).

201. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : КДУ, 2014. – 348 с.

202. Коростелева Л. В. Высокочастотные имена существительные, прилагательные и числительные в современном русском языке (по материалам лексикографии) : монография / Л. В. Коростелева. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. – 115 с.

203. Косиков Г. К. Идеология. Коннотация. Текст / Г. К. Косиков // Барт Р. S/Z. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8–29.

204. Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед / Г. К. Косиков // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред., вступит. статья Г. К. Косикова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 3–45.

205. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М. :

Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.

206. Кремшокалова М. Ч. Культурные коннотации в фольклорных текстах как маркеры национального мировидения (на материале русских и кавказских паремий) / М. Ч. Кремшокалова // Cuadernos de rusística española. Granada (España/Spain). – 2012. – № 8. – P. 95–101.

207. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.

208. Кронгауз М. А. Семантика : учебник для вузов / М. А. Кронгауз. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.

209. Кропотова Л. В. История развития лексической коннотации / Л. В. Кропотова // Язык и культура. – 2010. – № 1. – С. 33–47.

210. Кропотова Л. В. Многоаспектность лингвистической коннотации / Л. В. Кропотова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – № 3(3). – С. 766–772.

211. Крушельницкая К. Г. Проблемы взаимосвязи языка и мышления / К. Г. Крушельницкая // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / под ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Наука, 1970. – С. 371–416.

212. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова ; Ин-т языкознания РАН. – М. : Знак, 2012. – 208 с.

213. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

214. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты : сборник обзоров. – М. : РАН ИНИОН, 2000. – С. 7–25.

215. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
216. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: семантика производного слова / Е. С. Кубрякова ; отв. ред. Е. А. Земская ; предисл. В. Ф. Новодранова. – 2-е изд., доп. – М. : URSS, 2008. – 198 с.
217. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М. : Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 144–238.
218. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004 (а). – 560 с.
219. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время. – М. : Диалог: МГУ, 1997. – С. 19–20.
220. Кудрявцева И. Г. Модальность как словообразовательная категория в системе префиксальных имен существительных : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. Г. Кудрявцева. – Вологда, 2008. – 373 с.
221. Кузнецов А. М. О применении метода компонентного анализа в лексике / А. М. Кузнецов // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. – М. : Наука, 1971. – С. 257–268.
222. Кузнецов А. М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А. М. Кузнецов. – М. : Наука, 1986. – 125 с.
223. Кузнецов А. М. Основания для сравнения в контрастивной семасиологии / А. М. Кузнецов // Методы сопоставительного изучения языков. – М. : Наука, 1988. – С. 37–43.
224. Культурология: теория, школы, история, практика. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/theory/cultterm.htm> (дата обращения: 04.03.2021).

225. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

226. Кушникова Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход : дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Кушникова. – Пермь, 2004. – 426 с.

227. Ладыгин Ю. А. Информативная роль коннотативных значений в прозаическом художественном тексте / Ю. А. Ладыгин // Филологические науки. – 2000. – № 2. – С. 75–83.

228. Ладыгин Ю. А. Коннотация как средство обеспечения изотопии в художественном тексте / Ю. А. Ладыгин // Проблемы структурно-семантической организации текста : межвуз. сб. науч. тр. – Иркутск : ИГЛУ, 1999. – С 78–84.

229. Лазарев В. А., Ласкова М. В., Петренко А. Д. Семантические и прагматические особенности слов-реалий в процессе декодирования элементов национальной языковой картины / В. А. Лазарев, М. В. Ласкова, А. Д. Петренко // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 1. – С. 76–80.

230. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – Благовещенск : БГК, 1999. – 536 с.

231. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

232. Ласкова М. В. Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / М. В. Ласкова. – Ростов-на-Дону, 2001. – 302 с.

233. Ласкова М. В., Лазарев В. А., Ивченко М. В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, М. В. Ивченко. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2016. – 112 с.

234. Лебедева М. С. К проблеме описания образной коннотации в семантике слова / М. С. Лебедева // Вопросы лексикологии английского языка : сб. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. / отв. ред. Г. Ю. Князева. – М. : – 1980. – Вып. 160. – С. 219–234.

235. Леви-Стросс К. Узнавать других. Антропология и проблемы современности / К. Леви-Стросс. – М. : Тест, 2016. – 158 с.

236. Левицкий А. Э. Взаимодействие языков и культур как социокультурный вызов 21 века (на материале опроса студентов из КНР, обучающихся в МГУ) / А. Э. Левицкий // Когнитивные исследования языка. – 2020 (а). – № 1 (40). – С. 226–243.

237. Левицкий А. Э. Перспективы сопоставления разноязычных дискурсивных практик в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы / А. Э. Левицкий // Языковой дискурс в социальной практике : сб. науч. тр. междунар. науч.-практич. конф. – 2019 (а). – С. 21–23.

238. Левицкий А. Э. Текст и дискурс с позиции трансфера знаний: «им не жить друг без друга» / А. Э. Левицкий // Германистика: *nove et nova* : материалы второй международной научно-практической конференции. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ. – 2019 (б). – С. 236–238.

239. Левицкий А. Э. Художественный текст как зеркало межкультурной коммуникации / А. Э. Левицкий // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы IV международной науч.-практич. конф. / ред. кол.: О. Г. Прохоренко (отв. ред.), О. В. Дубровина, А. И. Головня, А. О. Долгова, О. И. Копач, Н. А. Куркович, Л. М. Блинкова, Е. А. Дичковская, В. В. Воронович, Е. Э. Жевнерович. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2020 (б). – С. 13–17.

240. Левицкий В. В. Изучение коннотативного значения слова в межнациональном аспекте / В. В. Левицкий // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин : КГУ, 1983. – С. 73–81.

241. Левицкий В. В. Семасиология / В. В. Левицкий. – Винница : Нова Книга, 2006. – 512 с.
242. Левицкий В. В. Семасиология : монография для молодых исследователей / В. В. Левицкий. – Изд. 2, исправл. и дополн. – Винница : Нова Книга, 2012. – 680 с.
243. Лекант П. А. О коннотативных смыслах высказывания. Грамматическое значение предложения и семантика высказывания / П. А. Ленкант. – М. : Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1987. – С. 12–20.
244. Леонтьев А. А. Признаки связности и цельности текста / А. А. Леонтьев // Лингвистика текста : материалы науч. конф. – М., 1974. – Ч. 1. – С. 46–172.
245. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2001. – 703 с.
246. Лузина Л. Г. Распределение информации в тексте: когнитивный и прагматилистический аспекты / Л. Г. Лузина. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – 139 с.
247. Лутфуллина Г. Ф. Введение в сопоставительную лингвистику. Английский и родной языки : учебное пособие / Г. Ф. Лутфуллина. – Казань : Казан. гос. энерг. ун-т, 2017. – 84 с.
248. Макаров М. Основы теории дискурса / М. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 277 с.
249. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана / Б. Малиновский. – М. : РОССПЭН, 2004. – 552 с.
250. Манаенко Г. Н. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен и его структура / Г. Н. Манаенко // Актуальные проблемы стилистики. – 2017. – № 3. – С. 108–114.
251. Манаенко Г. Н. Информация в языке и по данным языка / Г. Н. Манаенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 2. – С. 12–20.

252. Манаенко Г. Н. Когниция – языковое выражение – коммуникация / Г. Н. Манаенко // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь : СКФУ, 2017. – С. 24–39.

253. Манаенко Г. Н. Языковая природа факта и конструирование социальной реальности / Г. Н. Манаенко // Русский язык в поликультурном мире : материалы I международного симпозиума. – Симферополь : ООО «Издательство Типография “Ариал”», 2017. – С. 304–310.

254. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – Киев : Знания, 2004. – 326 с.

255. Манакин В. М. Загальні проблеми зіставної семантики у пошуках мовної моделі світу / В. М. Манакин // Проблеми зіставної семантики : збірник наукових праць. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2009. – Вип. 9. – С. 8.

256. Манакин В. Н. Когнітивні аспекти контрастивної семантики / В. Н. Манакин // Збірник статей за доповідями Міжнародної наукової конференції «Проблеми зіставної семантики» – Киев : КДЛУ, 1999. – С. 3–6.

257. Марковина М. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785970415634.html> (дата обращения: 04.03.2021).

258. Маслова В. А. К построению психолингвистической модели коннотации / В. А. Маслова // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1989. – № 1. – С. 108–120.

259. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2008. – 272 с.

260. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

261. Матвеева Т. Н. Перифразы русского языка, их культурные коннотации и роль в коммуникативном процессе / Т. Н. Матвеева // Русский язык в современном образовательном пространстве : материалы

международной научно-методической конференции. Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна. – 2003. – С. 71–74.

262. Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова / Т. В. Матвеева. – Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2013. – 173 с.

263. Матезиус В. О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) / В. Матезиус // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / сост. В. П. Нерознак ; общ. ред. и вступ. ст. В. Г. Гака. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 18–26.

264. Международная конференция «Документирование языков и диалектов коренных малочисленных народов России» (ДЯДКМНР) : тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 14–16 октября 2019 г. – СПб.: ИЛИ РАН, 2019. – 88 с.

265. Мизис И. Ю. Денотативный и коннотативный компоненты в семантике инвективных слов / И. Ю. Мизис // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – Вып. 9 (77). – С. 223–227.

266. Микулина Л. Г. Национальное своеобразие русской коннотативной лексики / Л. Г. Микулина // Из опыта создания лингвострановедческих пособий. – М. : Издательство Моск. ун-та, 1977. – С. 74–82.

267. Миньяр-Белоручева А. П., Вестфальская А. В. Пути исследования понятия «коннотация» / А. П. Миньяр-Белоручева, А. В. Вестфальская // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях. – М. : ИД «Международные отношения», 2014. – С. 33–42.

268. Миронова Н. И. Коннотации прилагательного агрессивный в атрибутивных именных словосочетаниях / Н. И. Миронова // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2020. – Вып. 62. – С. 27–38.

269. Могутова Н. В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и

эмоциональности (на примере английских междометий) / Н. В. Могутова // Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж, 2002. – Вып. 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lse2010.narod.ru/yazik_kommunikatsiya_i_sotsialnaya_sreda_vipusk_2_2002/nvmogutova_osnovnie_problemi_ispolzovaniya_emotivnih_yazikovih_edinits/ (дата обращения: 04.03.2021).

270. Молев Е. А. История исследования семантики образа зайца в греко-скифской тореvтике / Е. А. Молев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История. – 2015. – № 2. – С. 57–65.

271. Морозова А. Н., Власова Л. И. Оценочность и эмотивность определения в составе атрибутивного словосочетания (на материале англоязычных медиатекстов жанра “features”) / А. Н. Морозова, Л. И. Власова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 43–47.

272. Муравьев В. Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков) / В. Л. Муравьев. – Владимир : Владимир. пед. ин-т, 1975. – 96 с.

273. Немыка А. А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление: дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.19 / А. А. Немыка. – Орел, 2015. – 354 с.

274. Ненашева Т. А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени : монография / Т. А. Ненашева. – Н. Новгород : Нижегород. техн. ун-т, 2012. – 153 с.

275. Никитина О. А. О становлении понятия коннотация в лингвистике / О. А. Никитина // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2017. – № 2. – Т. 1. – С. 1–7.

276. Николаенко И. С. Сопоставительный анализ параллельных художественных текстов как средство предпрофессиональной подготовки переводчиков : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / И. С. Николаенко. – Елец, 2004. – 188 с.

277. Никонов В. М. Коннотативные аспекты прагматически ориентированных фразем / В. М. Никонов // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии : тез. докл. междунар. конф. – Волгоград : Перемена, 1999. – С. 18–20.

278. Никонов В. М. Коннотация как смысл / В. М. Никонов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2011. – № 1. – С. 14–18.

279. Никонов В. М. Некоторые аспекты лингвокультурологических проблем перевода (денотативные и коннотативные параметры) / В. М. Никонов // Социокультурные проблемы перевода : сб. науч. трудов. – Воронеж : Петровский сквер, 1998. – Вып. 2. – С. 72–80.

280. Нифанова Т. С. О коннотативно-ориентированных основаниях межъязыкового исследования семантических структур / Т. С. Нифанова // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру : материалы IV междунар. конгр. – Пятигорск : Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2004. – С. 138–141.

281. Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект: на материале современной английской прозы : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Н. Н. Орлова. – Ростов-на-Дону, 2009. – 188 с.

282. Островская Т. А. Дискурс элиты: когнитивный, прагматический и семиотический аспекты: дис.... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Т. А. Островская. – Майкоп: АГУ, 2016 (а). – 374 с.

283. Островская Т.А., Хачмафова З.Р. Основные направления исследования дискурса в современной лингвистике / Т. А. Островская, З. Р. Хачмафова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016 (б). – №. 2 (177). – С. 99–105.

284. Отин Е. С. Избранные труды по языкознанию. В 2 т. Т. II / Е. С. Отин. – Донецк : Донеччина. – 1999. – 400 с.

285. Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е. С.Отин // Вопросы языкознания – М. : Наука, 2003. – № 2. – С. 55–72.
286. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2004. – 412 с.
287. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
288. Падучева Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 3–24.
289. Панасюк И. Теория лакун и проблема эквивалентности перевода / И. Панасюк // Вопросы психолингвистики. – М. : Институт языкознания РАН, 2007. – № 6. – С. 51–72.
290. Панькин В. М., Филиппов А. В. Языковые контакты : краткий словарь / В. М. Панькин, А. В. Филиппов. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 160 с.
291. Парахонская Г. А. Из опыта преподавания курса «Контент-анализ текстов» / Г. А. Параховская // Социологические исследования. – 2006. – № 5. – С. 113–117.
292. Патюкова Р. В. Особенности процесса межкультурного взаимодействия: прагматические аспекты / Р. В. Патюкова // Новая наука: теоретический и практический взгляд : науч. журн. – Уфа : Агентство международных исследований, 2017. – № 2-2. – С. 44–46.
293. Патюкова Р. В. Соотношение культурной (концептуальной) картины мира и языковой картины мира сквозь призму эмоциональной компетентности языковой личности / Р. В. Патюкова // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах. – Ставрополь : Северо-Кавказский федер. ун-т, 2016. – № 14. – С. 117–124.
294. Переверзев В. Ф. Основы эйдологической поэтики (Введение в литературоведение) / В. Ф. Переверзев // Гоголь. Достоевский: Исследования. – М. : Сов. писатель, 1982. – С. 498–501.

295. Петренко А. Д., Ласкова М. В., Лазарев В. А., Петренко Д. А., Храбскова Д. М., Мележик К. А., Бридко Т. В., Пономарева А. В., Иштоян К. Г. Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры : коллективная монография / А. Д. Петренко, М. В. Ласкова, В. А. Лазарев, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, К. А. Мележик, Т. В. Бридко, А. В. Пономарева, К. Г. Иштоян. – М. : Изд-во «Перо», 2015. – 282 с.

296. Петренко А. Д., Петренко Д. А., Храбскова Д. М., Исаев Э. Ш. Социолингвистическая вариативность национального языка как целостной структуры : монография / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко, Д. М. Храбскова, Э. Ш. Исаев. – Севастополь : Украин. мор. ин-т, 2009. – 182 с.

297. Пильгун М. А. Психолингвистический анализ медиаконтента в мультимодальном аспекте: протестные коммуникации и большие данные / М. А. Пильгун // Вопросы психолингвистики. – 2018. – 2(36) – С. 99–117.

298. Пименова М. В. Предисловие / М. В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику : уч. пособие. / под ред. М. В. Пименовой. – Вып. 4. – Кемерово : Кемер. гос. ун-т, 2004. – С 4–11.

299. Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? / В. А. Плунгян // Национальный корпус русского языка 2003–2005. Результаты и перспективы. – М. : Индрик, 2005. – С. 6–20.

300. Плунгян В. А. Приставка под- в русском языке: к описанию семантической сети / В. А. Плунгян // Московский лингвистический журнал. – 2001. – Т. 5. – № 1. – С. 95–124.

301. Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Русистика сегодня. – 1996. – № 3. – С. 5–6.

302. Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. Ч 2. / отв. ред. В. А. Лекторский. – М. : ИФРАН, 2014. – 221 с.

303. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – Москва : Изд-во Юрайт, 2019. – 378 с.

304. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание / Е. Д. Поливанов. – М. : URSS, 2020. – 230 с.
305. Попов Л. Н. Коннотация в музыке как средство развития художественного сознания старшего дошкольника : дис. ... канд. филол. наук: 13.00.07 / Л. Н. Попов. – Екатеринбург, 2003. – 150 с.
306. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
307. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – 191 с.
308. Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика / Р. К. Потапова. – М. : Триада, 1997. – 67 с.
309. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Слово и миф. – М. : Правда, 1989. – С.17–200.
310. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 256 с.
311. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М. : Высшая школа, 1990. – 344 с.
312. Приходько А. И. Коннотация в лингвокультурологическом контексте / А. И. Приходько // ScienceandEducationNewDimension: Philology. – 2014. – II (I). – Issue: 17.
313. Приходько А. М. Концепти і концептосистеми в когнітивно-дискурсивній парадигмі лінгвістики / А. М. Приходько. – Запоріжжя : Прем'єр, 2008. – 332 с.
314. Пронина Е. С. Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е. С. Пронина. – М., 2014. – 203 с.
315. Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения / Т. Б. Радбиль. – М. : Издательский дом ЯСК : Языки славянской культуры, 2017. – 592 с.

316. Ракитина О. Н. Национально-культурная коннотация как семантическая категория (на материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. Н. Ракитина. – Воронеж, 2005. – 192 с.

317. Ракитина О. Н. Этноконнотат и этноэмотив как категории этнолингвистики / О. Н. Ракитина // Филология и культура : тезисы II-й международной конференции. – Тамбов, 1999. – С. 59–61.

318. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему / К. Рапай. – М. : «Альпина Паблишер», 2015. – 168 с.

319. Рахманова Л. И. Современный русский язык : учеб. пособие / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцова. – М. : Изд-во МГУ : Изд-во «ЧеРо», 1997. – 480 с.

320. Ревзина О. Г. О понятии коннотации / О. Г. Ревзина // Языковая система и её развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – С. 436–446.

321. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 536 с.

322. Ризель Э. Г. Стилистическое значение и коннотация / Э. Г. Ризель // Лингвистические проблемы текста : сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1980. – Вып. 158. – С. 134–143.

323. Ризель Э. Г. К вопросу о коннотации / Э. Г. Ризель // Вопросы романо-германской филологии : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза – М., 1978. – Вып. 125. – С. 9–19.

324. Ромашина О. Ю. Эмоциональная коннотация как особый вид деятельности языкового сознания / О. Ю. Ромашина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 6. – С. 145–150.

325. Руженцева Н. Б. Когнитивно-стилистические процессы в политическом нарративе популярных печатных СМИ / Н. Б. Руженцева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 1. – С. 66–74.

326. Русакова О. Ф., Грибовод Е. Г. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / О. Ф. Русакова, Е. Г. Грибовод // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Том 14. – Вып. 4. – С. 65–77.

327. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов. (На материале некоторых русских глаголов) / О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1975. – 240 с.

328. Селиверстова О. Н. Некоторые принципы организации семантических систем и роль компонентного анализа / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6.

329. Сепир Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М., СПб. : Terra Fantastica, 2003. – С. 131.

330. Сергеева Л. А. Коннотация, культурный компонент значения и фоновые знания / Л. А. Сергеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 12. – Ч. 1. – С. 152–155.

331. Серебрякова С. В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей / С. В. Серебрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 1 (54). – С. 137–143.

332. Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Семантическая эмерджентность как переводческая проблема / С. В. Серебрякова, А. И. Милостивая // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 3. – С. 48–57.

333. Сидорова Н. А. Речевое высказывание в контексте ценностно обусловленного дискурса / Н. А. Сидорова // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания : материалы Второй науч.-

практич. конф. / отв. ред. Д. А. Крячков ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений. – Секции 1–4. – М. : МГИМО-Университет, 2015. – С. 430–434.

334. Скаличка В. К вопросу о типологии / В. Скаличка // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1966. – № XV. – С. 22–30.

335. Смирнов А. В. Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл / А. В. Смирнов. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – 712 с.

336. Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л. Г. Смирнова. – Смоленск, 2013. – 609 с.

337. Соловьева Л. Я. Метафорическая коннотация в теоретическом тексте / Л. Я. Соловьева // Лингвистические закономерности организации текста / под ред. И. Б. Воронцова. – М. : Изд-во Моск. лингв. ун-та, 1991. – Вып. 379. – С. 29–33.

338. Солодилова И. А., Шепеля И. В. Оценочность и эмотивность в семантике слова / И. А. Солодилова, И. В. Шепеля // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 11 (186). – С. 172–178.

339. Сорокин Ю. С. Лакуны как сигналы специфики лингвокультурной общности / Ю. С. Сорокин // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М. : Изд-во «Наука», 1982. – С. 22–28.

340. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.

341. Стадульская Н. А. Компонентный анализ значения слова как способ выявления содержания концепта / Н. А. Стадульская // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 71. – 2012. – № 32 (286). – С. 112–117.

342. Степанов А. И. Психологические коннотации темпоральных скачков: от книжной культуры к современной / А. И. Степанов // Мир психологии : науч.-метод. журн. – М. ; Воронеж : Рос. акад. гос. службы при

Президенте РФ : Моск. психол.-соц. ин-т : Рос. акад. образования, 2011. – № 2. – С. 222–228.

343. Степанов Ю. Семиотика, философия, авангард / Ю. Степанов // Семиотика и Авангард : антология / ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фешенко, Н. С. Сироткин; под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М. : Акад. Проект, 2006. – С. 5–32.

344. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1986. – 138 с.

345. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979. – 156 с.

346. Стернин И. А., Быкова Г. В. Концепты и лакуны / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М. : ИЯ РАН, 1998. – С. 55–67.

347. Столяренко Л. Д. Основы психологии : учеб. пособие / Л. Д. Столяренко. – 8-е изд., перераб. и дополн. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – 672 с.

348. Сторожева Е. М. Социальная обусловленность идиомного компонента лексической коннотации : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. М. Сторожева. – Пермь, 2009. – 249 с.

349. Стоянова Е. Культурная коннотация как инструмент лингвокультурного исследования и показатель лингвокультурной компетенции инокультурной личности / Е. Стоянова // FoliaLinguisticaRossica. – 2012. – № 8. – С. 85–94.

350. Тамерьян Т. Ю. Лингвокогнитивные и психолингвистические основы поликультурной коммуникации : монография / Т. Ю. Тамерьян ; под ред. докт. филол. наук, проф. Л. В. Бабиной; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2009. – 150 с.

351. Тамерьян Т. Ю. Межкультурное взаимодействие в полиязычном пространстве региона / Т. Ю. Тамерьян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – Т. 8.

–№ 1. – С. 24–32.

352. Тамерьян Т. Ю. Модель мира в языке: проблемы двуязычного пространства / Т. Ю. Тамерьян ; под ред. Ю. Д. Каражаева, Сев.-Осет. Гос.ун-т. – Изд. 2-е. – Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2011. – 217 с.

353. Тамерьян Т. Ю. Осетинский язык в языковом ландшафте Северной и Южной Осетий: ценностный ракурс и метафорическая репрезентация. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 20-512-07003 // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2020. – Том 6 (72). – № 4. – С. 182–196.

354. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1986. – 144 с.

355. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1988. – С. 26–51.

356. Телия В. Н. О различии рациональной и эмотивной/эмоциональной оценки / В. Н. Телия // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е. М. Вольф. – М. : Институт языкознания РАН, 1996. – С. 31–38.

357. Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В. Н. Телия // Филология и культура : материалы II междунар. конф. 12–14 мая 1999 г. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – Ч. III. – С. 14–15.

358. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

359. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово/Slovo, 2008. – 624 с.

360. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла : сб. ст. в честь академика Н. Ю. Шведовой / отв.

ред. М. В. Ляпон. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622.

361. Токарев Г. В. К вопросу о типологии культурных коннотаций / Г. В. Токарев // Филологические науки. – 2003. – № 3. – С. 56–60.

362. Томашева И. В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивные лакуны / И. В. Томашева // Язык и эмоции. – Волгоград : Перемена, 1995. – С. 50–60.

363. Тульнова М. А. Структура социокультурной коннотации слова в учебном словаре (на материале британских учебных одноязычных словарей) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М. А. Тульнова. – М., 1996. – 158 с.

364. Турчинская Э. И. Заголовок как особый тип высказывания / Э. И. Турчинская // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. – М., 1986. – Вып. 267. – С. 97–115.

365. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Языки как образ мира. – М. –СПб., 2003. – С. 180–182.

366. Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных / В. А. Успенский // Семиотика и информатика. – М. : Русские словари, 1979. – Том. 11. – С. 142–148.

367. Уфимцева Н. В. Этнопсихолингвистика как раздел теории речевой деятельности / Н. В. Уфимцева // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. – М. : Гнозис, 2017. – С. 21–96.

368. Федорова О. В. Психолингвистические исследования дискурса в полевой лингвистике / О. В. Федорова // Социо- и психолингвистические исследования. – М., 2016. – Вып. 4. – С. 7–19.

369. Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации / А. В. Филиппов // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1978. – № 1. – С. 57–63.

370. Фомичева И. Д. Контент-анализ рекламы: возможности и опыт применения / И. Д. Фомичева // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 1991. – № 3. – С. 10–32.

371. Фролова О. Е. О коннотациях слов аристократ, барин, буржуа и их дериватов в русском языке / О. Е. Фролова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 19. – № 3 (166). – С. 174–190.

372. Фролова О. Е. О коннотативной актуализации слова / О. Е. Фролова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2020. – Вып. 62. – С. 16–26.

373. Фрост С. Г. Лингвокультурологический аспект исследования коннотаций (на примере коннотаций существительных тематической группы «семья») : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. Г. Фрост. – Челябинск, 2006. – 19 с.

374. Ханзен Б., Фисун Р. О лексических коннотациях лексем европейский, европейски, по-европейски по сравнению с русский, по-русски и российский, по-российски / Б. Ханзен, Р. Фисун // Welt der Slaven-Halbjahresschrift fur Slavistik. – 2018. – January (63) 2. – С. 271–312.

375. Харченко В. К. Экспрессивность, эмоциональность, оценочность и образность как категории лингвостилистики / В. К. Харченко // Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации : сб. ст. – Орджоникидзе, 1983. – С. 38–40.

376. Хачмафова З. Р. Женская языковая личность в художественном тексте: на материале русского и немецкого языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / З. Р. Хачмафова – Ставрополь, 2011. – 45 с.

377. Хачмафова З. Р., Барашян В. К. Образные характеристики базового гендерного концепта «MASKULINITY» / З. П. Хачмафова, В. К. Барашян // Лингвистика будущего: новые тенденции и перспективы : материалы междунар. науч. конф. – 2019. – С. 162–174.

378. Хачмафова З. Р., Погребняк Н. В. Метафорическое моделирование образа политика в медиадискурсе / З. Р. Хачмафова, Н. В. Погребняк // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2018. – № 4 (227). – С. 112–116.

379. Ходжаян Т. Р. Психологические предпосылки создания коннотативных значений / Т. Р. Ходжаян // Иностранные языки. Зарубежная литература / под ред. М. Б. Пирумовой. – Ереван : Изд-во Ереванск. ун-та, 1986. – С. 185–191.

380. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: Семантика и прагматика / В.Н. Цоллер // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1996. – №6. – С. 62 – 71.

381. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации : дис.... д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Л. В. Цурикова. – Воронеж, 2002. – 324 с.

382. Чанышева З. З., Асабин Р. К. Сопоставительный анализ лексикографической интерпретации коннотации зоонимов с антропологической семантикой / З. З. Чанышева, Р. К. Асабин // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т.14. – № 4. – С. 1458–1460.

383. Чернейко Л. О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи / Л. О. Чернейко // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – С. 43–73.

384. Черниговская Т. В. Экспериментальное исследование языка и мышления в XXI веке: традиции и возможности / Т. В. Черниговская // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. – 2015. – Т. 2014. – С. 64–76.

385. Черниговская Т. В. Языки человека: мозг и культура / Т. В. Черниговская // Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации : коллективная монография / под науч. ред.

Т. В. Черниговской, Ю. Е. Шелепина, О. В. Защириной. – СПб. : ООО «Изд-во ВВМ», 2016. – С. 11–16.

386. Черногрудова Е. П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. П. Черногрудова. – Воронеж, 2003. – 190 с.

387. Чернокожева Э. Межкультурный диалог: концепты и практические шаги / Э. Чернокожева // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). – 2009. – Вып. № 1. – С. 105–109.

388. Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В. Е. Чернявская // Вестник Томского университета. Филология. – 2017. – № 50. – С. 135–148.

389. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – Вып. 1. – С. 91–105.

390. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М. : Изд-ва «Флинта», «Наука», 2006. – 254.

391. Чуковский К. И. Высокое искусство: принципы художественного перевода / К. И. Чуковский. – М. : Азбука-классика, Авалонь, 2008. – 448 с.

392. Чу Цзы-Чэн. Коннотативная семантика имен числительных во внутренней форме фразеологических единиц: на примерах русских слов один, первый и китайского слова уї / Чу Цзы-Чэн // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. – 2016. – Вып. 4. – С. 4–12.

393. Шабалина Е. В. Культурные коннотации числительного девять в русской языковой традиции (на польском фоне) / Е. В. Шабалина // Славяноведение. – 2013. – № 5. – С. 20–25.

394. Шабалина А. Е. Социо-культурные коннотации парадигм развития научного знания : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / А. Е. Шабалина. – СПб., 2005. – 180 с.

395. Шабалина Е. В. Числительное: механизмы порождения оценочных коннотаций (на материале русского и польского языков) /

Е. В. Шабалина // Славяноведение: Отделение историко-филологических наук РАН. – М. : Академиздатцентр «Наука», 2010. – № 1. – С. 74–82.

396. Шахнарович А. М. Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования / А. М. Шахнарович // Вопросы психолингвистики. Наш архив. – 2011. – № 13. – С. 191–195.

397. Шаховский В. И. К проблеме трансляции коннотативных компонентов переводимой единицы содержания текста оригинала / В. И. Шаховский // Тетради переводчика : ученые записки / под ред. проф. Л. С. Бархударова. – М. : Ин-т междунар. отношений, 1980. – Вып. 17. – С. 25–36.

398. Шаховский В. И. К типологии коннотации / В. И. Шаховский // Аспекты лексического значения : сб. стат. / отв. ред. З. Д. Попова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. – С. 29–34.

399. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики / В. И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 20–25.

400. Швенке Х. Мультикультурный, интеркультурный, транскультурный, – культурный? / Х. Швенке // Студия. Независимый русско-немецкий литературный журнал. – 2010. – № 14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/studio/2010/14/sh22.html> (дата обращения: 04.03.2021).

401. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук:10.02.01 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.

402. Шумейко Т. С. Функционирование абстрактных существительных с семой оценки: на материале современного французского языка : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Т. С. Шумейко. – М., 1999. – 202 с.

403. Шунейко А. А., Чибисова О. В. Иронические коннотации в устойчивых сочетаниях с упоминанием ученых / А. А. Шунейко, О. В. Чибисова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2019. – Т. 5. – № 4. – С. 32–45.

404. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба ; ред. М. И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М. : Учпедгиз, 1957. – 186 с.

405. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. – М. : Просвещение, 1965. – С. 361–373.

406. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Л. Ю. Щипицина. – Воронеж, 2011 (а). – 40 с.

407. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Л. Ю. Щипицина. – Воронеж, 2011 (б). – 446 с.

408. Эйнуллаева Е. А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Е. А. Эйнуллаева. – М., 2003. – 167 с.

409. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

410. Эрфуртский Ф. Трактат о модусах обозначения, или Спекулятивная грамматика / Ф. Эрфуртский // Савельев А. Л. История идеи универсальной грамматики (с древнейших времен и до Лейбница). – СПб. : Изд-во СПб. ун-та., 2006. – С. 285–381.

411. Юдина Н. В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте (на материале конструкции «прилагательное+существительное» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Юдина. – М., 2006. – 41 с.

412. Ярцева В. Н. Контрастивная лингвистика / В. Н. Ярцева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 239.

413. Яшина Т. В. Вариативность семантического треугольника в аспекте изучения терминологических единиц / Т. В. Яшина // Электронное периодическое издание для студентов и аспирантов «Огарёв-online». Филологические науки. – 2013. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2013/10/Variativnost-semanticheskogo-treugolnika2.pdf> (дата обращения: 04.03.2021).

414. Abdelaal N. M. Translating Connotative Meaning in the Translation of the Holy Quran: Problems and Solutions / N. M. Abdelaal // AWEJ for Translation and Literary Studies. – Vol. 2. – No 1.5. – P. 76–87.

415. Abdiu X. On Positive and Negative Connotations of Synonyms, borrowed from the Turkish Language in the Albanian Dictionaries / X. Abdiu // *Türcologia*. – 2019. – No. 2. – P. 21–31.

416. Abrams M. H. The Mirror and the Lamp: Romantic Theory and the Critical Tradition / M. H. Abrams. – Oxford: Oxford University Press. – 1953. – 392.

417. Allaway E., McKeown K. A Unified Feature Representation for Lexical Connotations / E. Allaway, K. McKeown. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://deepai.org/publication/a-unified-feature-representation-for-lexical-connotations> (date of access: 04.03.2021).

418. Alm C. O., Roth D., Sproat R. Emotions from text: Machine learning forttext-based emotion prediction / C. O. Alm, D. Roth, R. Sproat // Proceedings of the Joint Conference on Human Language Technology / Empirical Methods in Natural Language Process-ing (HLT/EMNLP-2005). – Vancouver, Canada, 2005. – P. 579–586.

419. Alrashdan I., Al-Salem M. N. The Connotations of Bird Names in Arabic and English / I. Alrashdan, M. N. Al-Salem. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/342865952https://www.researchgate.net/publication/342865952_The_Connotations_of_Bird_Names_in_Arabic_and_English/citation/download (date of access: 04.03.2021).

420. Alyunina Y. M., Nagel O. V. The influence of modern English loanwords on the verbal code of Russian culture / Y. M. Alyunina, O. V. Nagel // *Russian Journal of Linguistics*. – 2020. – 24 (1). – 176–196.
421. Anokhina T. The linguistic lacunicon: cognitive mapping in schemes and terms / T. Anokhina // *Journal of Education Culture and Society*. – 2013. – No. 1. – P. 166–174.
422. Arboleda-Guirao I. Religious connotations in Spanish and English forenames: A Contrastive Study / I. Arboleda-Guirao // *Religions*. – 2020. – Vol. 11. – 674 p.
423. Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction / M. Bamberg, A. De Fina, D. Schiffrin // Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds) *Handbook of Identity Theory and Research*. Springer, New York, NY – 2011. – P. 177–199.
424. Bartmiński J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji / J. Bartmiński // *Konotacja / Podred. J. Bartmińskiego*. – Lublin : Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1988. – S. 169–183.
425. Bartmiński J. Punkt widzenia, perspektywa, językowy obraz świata / J. Bartmiński // *Językowy obraz świata*. – Lublin : Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. – P. 109–129.
426. Bassnett S. Translating across cultures / S. Bassnett // *Language at Work*. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. – P. 72–85.
427. Beiruti A. M. Translating connotative meaning in literary texts at the University of Petra / A. M. Beiruti // *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. – Australian International Academic Centre, Australia. – Vol. 2. – No. 5; September 2013. – P. 81–86.
428. Benini S., Canini L., Leonardi R. A connotative space for supporting movie affective recommendation / S. Benini, L. Canini, R. Leonardi // *IEEE*. Brescia, Italy, 2011. – P. 2–15.
429. Black C., Chaput L. / C. Black, L. Chaput // *Connotation*. – 2020. – P. 112–114.

430. Bloomfield L. An introduction to the study of language / L. Bloomfield. – New York : Henry Holt and Company, 1914. – 335 p.

431. Bloomfield L. Language. University of Chicago Press / L. Bloomfield. – 1984. – 580 p.

432. Bloomfield L. A set of postulates for the science of language / L. Bloomfield // Language 2. – 1926. – P. 153–164. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2282987_2/component/file_2282986/content (date of access: 04.03.2021).

433. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. Cross-cultural pragmatics / S. Blum-Kulka, J. House, G. Kasper. – Norwood, NJ: Ablex, 1989. – P. 1–34.

434. Bolinger D. The atomization of meaning / D. Bolinger. // Readings in the psychology of language. – Englewood Cliffs, N. J., 1967. – P. 432–448.

435. Bower C. Linguistic fieldwork. A practical guide / C. Bower. – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – 253 p.

436. Bransford J. D., Johnson M. K. Contextual prerequisites for understanding: some investigations of comprehension and recall / J. D. Bransford, M. K. Johnson // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1972. – № 11. – P. 717–726.

437. Bredikhin S. N., Alikaev R. S. Connectionist theories and cognitive discursive approach: formalism vs. phenomenologist / S. N. Bredikhin, R. S. Alikaev // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS (SCTCMG 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (01–03 November 2018)). – 2019. – Vol. LVIII. London: Future Academy, 2019. – No. 33. – P. 279–285.

438. Brzozowska M. Etymologia a konotacja słowa (na material współczesnej polszczyzny literackiej i ludowej) / M. Brzozowska // Studiasemantyczne. Lublin : Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 2009. – 158 s.

439. Brzozowska M. Etymologia a konotacja wybranych nazw kamieni / M. Brzozowska // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. – 2000. – Vol. 12. – S. 265–278.

440. Bruning J. L. The effects of connotative meaning on the learning of names / J. L. Bruning // *The Journal of Social Psychology*. – 1972. – 86:1. – P. 105–110.

441. Buchanan B., Bruning J. L. Connotative meaning of names and nicknames on three dimensions / B. Buchanan, J. L. Bruning // *J. Soc. Psychol.* – 1971. – 85 – P. 143–144.

442. Budlong E. R., Sharon M.W., Ozgur Y. Recognizing connotative meaning in military chat communications / E. R. Budlong, M.W. Sharon, Y. Ozgur // *Proc. SPIE 7347, Evolutionary and Bio-Inspired Computation: Theory and Applications III, 73470G* (29 April 2009). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1117/12.821281> (date of access: 04.03.2021).

443. Bullon S. The treatment of connotation in learners` dictionaries / S. Bullon // *BudaLEX`88 Proceedings. Papers from the EURALEX third international Congress, Budapest, 4-9 Sept., 1988*. – Budapest : Akademiai Kiado, 1990. – P. 27–33.

444. Burling R. Cognition and componential analysis: God's truth or hocus-pocus? / R. Burling // *«American Anthropologist»*. – 1964. – V. 66. – P. 20–28.

445. Carl J. *Contrastive analysis* / J. Carl. – London : Longman, 1980. –208 p.

446. Carter R. A. *Common language: corpus, creativity and cognition* / R. A. Carter // *Language and Literature*. – 1999. – 8(3). – P. 195–216.

447. Carter R. A. *Language and creativity: the art of common talk* / R. A. Carter. – London : Routledge, 2004. – 255 p.

448. Carpuat M. *Connotation in translation* / M. Carpuat // *Proceedings of 6th Workshop on Computational Approches to Subjectivity, Sentiment and Social Media Analysis s (WASSA 2015)*. – Lisboa, Portugal, 2015. – P. 9–15.

449. Chandler D. *Semiotics: The Basics* / D. Chandler. – London : Routledge, 2007. – 328 p.
450. Cienki A., Müller C. *Metaphor, gesture, and thought* / A. Cienki, C. Müller // Raymond W. Gibbs, Jr., ed. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 483–501.
451. Chelliah Sh. L., De Reuse W. J. *Handbook of descriptive linguistic fieldwork*. Dordrecht / Sh. L. Chelliah, W. J. De Reuse/ – Heidelberg – London – New York : Springer, 2011. – 492 p.
452. Chesterman A. *Contrastive Functional Analysis* / A. Chesterman. – Amsterdam : Benjamins, 1998. – 230 p.
453. Chesterman A. *Contrastive textlinguistics and translation universals* // *Contrastive analysis in language. Identifying linguistic units of comparison* / ed. by D. Willems, B. Defrancq, T. Coleman, D. Noël. – New York : Palgrave Macmillan, 2004. – P. 213–227.
454. Chomsky N. *Language in a psychological setting* / N. Chomsky // *Sophia Linguistica*. –1987. – 22. – P. 1–73.
455. Chomsky N. *Language and politics* / N. Chomsky ; edited by C. P. Otero. 2nd ed., rev. and expended. – Oakland, Calif. : AK Press, 2004. – 802 p.
456. Chomsky N. *Requiem for the american dream: the 10 principles off concentration of wealth and power*; edited by Peter Hutchinson, Kelly Nyks and Jared P. Scott. – New York : Seven Stories Press, 2017. – 172 p.
457. Conforti C., Pilehvar M. T., Collier N. *Towards automatic fake news detection: Cross-level stance detection in news articles* / C. Conforti, M. T. Pilehvar, N. Collier // *Proceedings of the First Workshop on Fact Extraction and VERification (FEVER)*. – 2018. – P. 40–49.
458. Corbett J. *Intercultural language activities* / J. Corbett. – Cambridge : Cambridge University press, 2010. – 262 p.
459. Crowley T. *Field linguistics. A beginner's guide* / T. Crowley ; ed. by N. Thieberger. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 202 p.

460. Čyras V., Lachmayer F., Schweighofer E. Visualization as a tertium comparationis within multilingual communities. *Baltic Journal of Modern Computing*. – 4. – 2016. – P. 524–545.

461. Czachur W. Diskursive weltbilder im kontrast. *Linguistische Konzeption und Methode der kontrastiven Diskursanalyse deutscher und polnischer Medien* / W. Czachur. – Wrocław : Oficyna Wydawnicza Atut, 2011. – 310 s.

462. Czeżowski T. Connotation and denotation / T. Czeżowski // Pelc J. (eds) *Semiotics in Poland 1984–1969. Synthese Library (Studies in Epistemology, Logic, Methodology, and Philosophy of Science)*. – 1979. – Vol. 119. Springer, Dordrecht. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/978-94-009-9777-6_11 (date of access: 04.03.2021).

463. Davletbaeva R. G., Tagirova S. A., Abubakirova L. F., Khisamova D. D., Makhmutova S. A., Khanova Z. D. The Connotative Component as Part of the Systemic Lexical Meaning of a Word (The Case of the Russian and Bashkir Languages) / R. G. Davletbaeva, S. A. Tagirova, L. F. Abubakirova, D. D. Khisamova, S. A. Makhmutova, Z. D. Khanova // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – MCSER Publishing, Rome-Italy. – Vol. 6. – No. 5. – 4 October 2015. – P. 158–166.

464. Dickins J. Types of connotative meaning, and their significance for translation / J. Dickins // *Discourse in Translation*. – Routledge, 2019. – 242 p.

465. Dickins J. Tropes and translating / J. Dickins // Adelina Hild and Kirsten Malmkjaer, eds, *The Routledge Handbook of Translation and Linguistics*. – London, New York: Routledge, 2018. – P. 208–222.

466. Dijk T. A. van. *Pragmatics and poetics* / T. A. van Dijk // *Pragmatics of Language and Literature*. – Amsterdam, 1976. – P. 23–55.

467. Dinneen F. P. *Papers in the history of linguistics* / Eds.: Aarsleff H., Kelly L. G., Niederehe H-J. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987. – P. 117–127.

468. Dowd M. Sarah Palin saves feminism / M. Dowd // The New York Times. – 2016. – Jan., 23. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/01/24/opinion/sunday/sarah-palin-saves-feminism.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FPalin%2C%20Sarah> (date of access: 04.03.2021).

469. Doyle J. R., Bottomley P. A. Connotations in the look and sound of brand names: The Moderating Role of Perceptual Fluency (July 5, 2010). Electronic Journal. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1634788> (date of access: 04.03.2021).

470. Ekman P. An argument for basic emotions / P. Ekman // Cognition and Emotion. – 1992. – Vol. 6(3). – P. 169–200.

471. Fauconnier G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – New York: Basic Books. – 2003. – 464 p.

472. Feng S., Bose R., Choi Y. Learning general connotation of words using graph-based algorithms. In Proceedings of the 2011 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – Edinburgh, Scotland, UK : Association for Computational Linguistics. – 2011. – P. 1092 – 1103.

473. Feng S., Kang J. S., Kuznetsova P., Choi Y. Connotation lexicon: A dash of sentiment beneath the surface meaning / S. Feng, J. S. Kang, P. Kuznetsova, Y. Choi // Proceedings of the 51st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 1: Long Papers). – Sofia, Bulgaria, August. Association for Computational Linguistics. – 2013. – P. 1774–1784.

474. Feresztyn E. The influence of cultural consciousness on intercultural communication problem resolution / E. Feresztyn // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С. 34–58.

475. Field A., Bhat G., Tsvetkov Y. Contextual affective analysis: A case study of people portrayals in online #metoo stories. // Proceeding of the 13th International AAAI Conference on Web and Social Media. – [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: Contextual Affective Analysis: A Case Study of People Portrayals in Online #MeToo Stories (arxiv.org) (date of access: 04.03.2021).

476. Field A., Bhat G., Tsvetkov Y. Contextual affective analysis: A case study of people portrayals in online #MeToo Stories / A. Field, G. Bhat, Y. Tsvetkov // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. – 2019. – Vol. 13(01). – P. 158–169.

477. FLC – Figurative language comprehension: social and cultural influences / edit. Colston H. L., Katz A. N. Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Routledge, 2004. – 360 p.

478. Filler J. W., Williams J. E. Conditioning the connotative meanings of color names to human figures / J. W. Filler, J. E. Williams // Perceptual and Motor Skills. – 1971. – 32. – P. 755–763.

479. Fillmore C. J. Lexical semantics and text semantics / C. J. Fillmore // New directions in linguistics and semiotics, ed. by James E. Copeland. – Houston : Rice University, 1984. – P. 123–147.

480. Fillmore C. J., Atkins B. T. Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors. Frames, fields, and contrasts: New essays in semantic and lexical organization / C. J. Fillmore, B. T. Atkins. – NJ : Lawrence Erlbaum, 1992. – P. 75–102.

481. Fillmore C. J. Encounters with language / C. J. Fillmore // Computational Linguistics. – 2012. – Volume 38. Issue 4. – P. 701–718.

482. Findlay J. N. Values in Speaking / J. N. Findlay // Philosophy. – 1950. – V. 25. – N 92.

483. Flamholtz E., Cook E. Connotative meaning and its role in accounting change: A field study / E. Flamholtz, E. Cook // Accounting, Organizations and Society. – Elsevier, 1978. – Vol. 3 (2). – P. 115–139.

484. Fodor J. A. Language, thought and compositionality / J. A. Fodor // Mind & Language. – 2001. – 16 (1). – P. 1–15.

485. Fontaine J. J. R. Dementional, basic emotion, and componental approaches to meaning in psychological emotion research / J. J. R. Fontaine // *Components of Emotional Meaning: A Sourcebook* / edited by Johnny R. J. Fontaine, Klaus R. Scherer, Cristina Soriano. – Oxford University Press, 2013 – P. 31–45.
486. Frolova O. On the connotative actualization of the word / O. Frolova // *Language – Mind – Communication*. – March 2020. – Issue 62. – P. 16–26.
487. Fulop S. A., Keenan E. L. Compositionality: a global perspective / S. A. Fulop, E. L. Keenan // *Semantics* / ed. by F. Hamm and T. E. Zimmermann. – Hamburg : Helmut Buske Verlag, 2002. – P. 129–137.
488. Garvin P. L. Prolegomena to a theory of language by Louis Hjelmslev; Francis J. Whitfield Review by: Garvin P. L. // *Language*. – Vol. 30. – No. 1 (Jan. – Mar., 1954). – P. 69–96.
489. Garza-Cuarón B. Connotation and meaning. Mouton de Gruyter / B. Garza-Cuarón. – Berlin. New-York., 1991. – 286 p.
490. Geeraerts D. Cultural models of linguistic standardization // René Dirven, Roslyn Frank & Martin Pütz (eds.), *Cognitive Models in Language and Thought. Ideology, Metaphors and Meanings* 25-68. Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – 42 p.
491. Goddard C. Contrastive semantics and cultural psychology: “surprise” in Malay and English / C. Goddard // *Culture and psychology*. – 1997. – 3(2). – P. 153–181.
492. Goddard C. Semantic primes within and across languages / C. Goddard // *Contrastive analysis in language: identifying linguistic units of comparison*. – London : Palgrave Macmillan, 2004. – P. 14–43.
493. Goddu A. Connotative concepts and mathematics in Ockham's “Natural Philosophy” / A. Goddu // *Vivarium* 31. – 1993. – No. 1. – P. 106–139. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/42569881> (date of access: 04.03.2021).

494. Gödel K. Collected works. Ed. by S. Feferman, J.W. Dawson, S. C. Kleene, G. H. Moore and others. Vol. I: Publications 1929–1936. – Oxford University Press, 2001. – 504 p.
495. Goodenough W. H. Componential analysis and the study of meaning. *Language* / W. H. Goodenough // *Linguistic Society of America*. – Vol. 32. – No. 1 (Jan. – Mar., 1956). – P. 195–216.
496. Goodenough W. H. Cultural anthropology and linguistics / W. H. Goodenough // Garvin, P.L. (ed.), *Report on the 7th Annual Round Table Meeting in Linguistics and Language Study, Washington/DC : Georgetown University*. – 1957. – Pp. 109–173.
497. Grice H. P. *Logic and conversation* / H. P. Grice // *Studies in the Way of Words*. – Cambridge, MA : Harvard UP, 1991. – P. 22–40.
498. Grzegorzczkova R. Pojęcie językowego obrazu świata / R. Grzegorzczkova // *Językowy obraz świata*. – Lublin : Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. – P. 39–46.
499. Harbin S. P., Williams J. E. Conditioning of color connotations / S. P. Harbin, J. E. Williams // *Perceptual and Motor Skills*. – 1966. – 22. – P. 217–218.
500. Hatim B., Mason I. *The translator as communicator* / B. Hatim I. Mason. – London : Routledge, 2005. – 217 p.
501. Hatim B. *Communication across cultures: translation theory and contrastive text linguistics* / B. Hatim // *Linguistics and Lexicology*. Exeter: University of Exeter Press. – 2006. – 235 p.
502. Heise D. R. Some methodological issues in semantic differential research / D. R. Heise // *Psychological Bulletin*. – 1969. – 72(6). – P. 406–422. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1037/h0028448> (date of access: 04.03.2021).
503. Heise R. D. *The semantic differential and attitude research* / R. D. Heise // *Attitude Measurement*. – Chicago : Rand McNally, 1970. – P. 235–253.

504. Hjelmslev L. Prolegomena to a theory of language. / Trans. by Francis J. Whitfield. – Madison : Univ. of Wisconsin Press. – 1961. – 158 p.
505. Hodges W. Formal features of compositionality / W. Hodges // *Journal of Logic, Language and Information*. – 2001. – 10. – P. 7–28.
506. Hodkinson P. Saturation, fluidity and loss of meaning / P. Hodkinson // *Understanding the media landscape*. – London : Sage, 2020. – P. 290–305.
507. Holland D., Quinn N. Culture and cognition / N. Quinn, D. Holland (Eds.) // *Cultural models in language and thought*. – 1987. – P. 3–42.
508. Hoskins W. G. The Making of the English landscape. London: Folio Society by arrangement with Hodder and Stoughton / W. G. Hoskins. – New York : Cambridge University Press, 2005. – 280 p.
509. Ibrishimova M., Li K. F. Introducing connotation similarity / M. Ibrishimova, K. F. Li // *Advances on P2P, Parallel, Grid, Cloud and Internet Computing*. – 2020. – Vol. 96. – P. 141–151.
510. Janda L. A., Dickey S. M. Cognitive linguistics: a neat theory for messy / L. A. Janda, S. M. Dickey // *Journal of Slavic Linguistics*. – 2017. – Vol. 25. – Number 2. – Summer-Fall. – P. 367–385.
511. Jankovic D. Connotative aspect of meaning: Construction of the connotative differential / D. Jankovic // *Psihologija*. – 2000. – 33. (1-2). – P. 221 – 239. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/277247103_Connotative_aspect_of_meaning_Construction_of_the_connotative_differential (date of access: 04.03.2021).
512. Janssen Th. Compositionality: its historic context / Th. Janssen // *The Oxford Handbook of compositionality* / ed. by M. Werning, W. Hinzen, E. Machery. – Oxford Univ. Press, 2012. – P. 19–46.
513. Jaskot M. P. Culturemes and non-equivalent lexis in dictionaries / M. P. Jaskot, I. Ganoshenko // *Cognitive Studies. Études Cognitives* / ed. V. Koseska-Toszewa. – Warsaw : Institute of Slavic Studies, 2015 – P. 115–124.

514. Johansson S. Contrastive analysis and learner language: A corpus-based approach / S. Johansson. – Oslo : Department of British and American studies, University of Oslo Contrastive linguistics and corpora, 2008. – 168 p.

515. Jolowicz J. O. Lacuna theory in intercultural communication: Focus on axiological lacunae / J. O. Jolowicz // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С. 58–77.

516. JOŚ – Językowy obraz świata – Lublin : Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. – 297 p.

517. Jong W. R. The semantics of John Stuart Mill / W. R. Jong. – Amsterdam: Free University, 1982. – 249 p.

518. Jucker A. H. Contrastive analysis across time: issues in historical dialogue analysis / A. H. Jucker // Contrastive analysis in language identifying linguistic units of comparison. – Palgrave Macmillan, 2004. – P. 197–213.

519. Kang J. S., Feng S., Akoglu L., Choi Y. Connotation Word Net: Learning connotation over the Word+Sense network / J. S. Kang, S. Feng, L. Akoglu, Y. Choi // Proceedings of the 52-nd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. Baltimore, Maryland, Association for Computational Linguistics. – Volume 1: Long Papers, 2014. – P. 1544–1554.

520. Karwowska B. Czesław Miłosz's self-presentation in English speaking countries / B. Karwowska // Canadian Slavonic Papers. – University of Alberta: Hignell Printing Ltd., 1999. – P. 273–295.

521. Katermina V., Solovyeva N. Linguistic and extralinguistic aspects of studying English anthroponyms in academic discourse / V. Katermina, N. Solovyeva // Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. – Volume V. – May 22th–23th, 2020. – P. 439–449. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.17770/sie2020vol5.4827> (date of access: 04.03.2021).

522. Katermina V., Solovyeva N. Gastronomic view of the world in English neology: lingocultural aspect / V. V. Katermina, N. S. Solovyeva // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. – [Электронный

ресурс]. – Режим доступа:
https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/1021/10605/article_1021_10605_pdf_100.pdf (date of access: 04.03.2021).

523. Katz J. J., Fodor J. A. The structure of a semantic theory / J. J. Katz, J. A. Fodor // *Language*. – 1963. – № 2. – Vol. 39. – P. 170–210.

524. Kępa D. Konotacje kulturowe i ich językowe realizacje (na przykładzie leksemu «ptak») / D. Kępa // *Współczesna leksyka*. – Cz. I. Łódź, 2001. – S. 130–148.

525. Kess J. F., Hoppe R. A. Ambiguity in psycholinguistics / J. F. Kess, R. A. Hoppe. – Amsterdam : John Benjamins, 1981. – 123 p.

526. Kilgarriff A. Language is never ever ever random / A. Kilgarriff // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. – 2005. – № 1 (2) – P. 263–276. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kilgarriff.co.uk/Publications/2005-K-linear.pdf> (date of access: 04.03.2021).

527. Kislitsyna N. N. «We/They» opposition within intercultural dialogue / N. N. Kislitsyna // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Conference proceedings*. – Vol. 95. DCCD. European Publisher, 2020. – P. 383–390. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.41

528. Kislitsyna N. N. Lacunae in language and speech: intercultural and textual aspects / N. N. Kislitsyna // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Conference proceedings*. Vol. 102. NININS. European Publisher, 2021. – P. 496–505. DOI: 10.15405/epsbs.2021.02.02.62

529. Klenner M. An object-oriented model of role framing and attitude prediction / M. Klenner // *Proceedings of the 12th International Conference on Computational Semantics*. – 2017. – 6 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aclweb.org/anthology/W17-6917.pdf> (date of access: 04.03.2021).

530. Klenner M. Offensive language without offensive words (OLWOW) / M. Klenner // *KONVENS 2018 (The Conference on Natural Language*

Processing). Germeval Task 2018 – Shared Task on the Identification of Offensive Language, Wien, 19 September 2018 – 21 September 2018. – 6 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/159174/1/konvens2018.pdf> (date of access: 04.03.2021).

531. Klettner S. More than identifiers: map symbols and their connotative meaning / S. Klettner // Abstracts of the International Cartographic Association, 2, 2020. Central European Cartographic Conference and 68-th German Cartography Congress – EuroCarto 2020, 21–25 September 2020, Vienna, Austria (online). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.5194/ica-abs-2-4-2020> (date of access: 04.03.2021).

532. Krippendorf K. Content analysis: an introduction to its methodology / K. Krippendorf. Krippendorf K. Beverly Hills, CA, Sage, 2004. – 412 p.

533. Kryukova I. Connotative advertising names: the dynamic aspect / I. Kryukova // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. WUT 2020 : 10-th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. – 2020. – Vol. – P. 796–804.

534. Krzeszowski T. P. Contrasting languages: the scope of contrastive linguistics / T. P. Krzeszowski. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1990. – 288 p.

535. Kuzmanović B., Petrović N. The changes in connotative meaning of politically relevant terms in Belgrade highschoolers / B. Kuzmanović, N. Petrović ; Department of Psychology, University of Belgrade // PSIHOLOGIJA. – 2005. – Vol. 38 (4). – S. 423–444.

536. Lado R. Linguistics across cultures / R. Lado. – Ann Arbor : The University of Michigan Press, 1971. – 141 p.

537. Lakoff G., Jonson M. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Jonson. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

538. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor in Cognitive linguistics : basic readings / edited by Dirk Geeraerts. (Cognitive linguistics research; 34). Lakoff G., Jonson M. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. – P. 195.

539. Langacker R. W. University of California, San Diego Semantic motivation of the English auxiliary / Ronald W. Langacker // Panther, Klaus-Uwe and Günter Radden (eds.), Motivation in Grammar and the Lexicon. – 2011. – VII. – P. 29–48.

540. Larina T. Culture-specific communicative styles as a framework for interpreting linguistic and cultural idiosyncrasies / T. Larina // International Review of Pragmatics. – Vol. 7 (5). Special Issue: Communicative Styles and Genres. – 2015. – 195–215.

541. Li Y. Precedent name and its connotations / Y. Li // Litera. – 2020. – P. 30–36.

542. Li P. A Comparative study of the cultural connotations in Chinese and British landscape pastoral poetry / P. Li // Journal of Literature and Art Studies. – July 2020. – Vol. 10. – No. 7. – P. 560–569.

543. Lipski W. Wieloznaczność rozumienia terminu „konotacja” i jego aplikatywność w badaniach nad zaburzeniami mowy // Logopedia Silesiana, 2017. t. 6. – 57–72 s.

544. Lounsbury F. G. A semantic analysis of the Pawnee kinship usage / F. G. Lounsbury // Linguistic Society of America. – Vol. 32. – No. 1 (Jan. – Mar., 1956). – Language 32(1). – P.158–194.

545. Maarten S., Prasettio M. C., Holtzman A., Rashkin H., Choi Y. Connotation frames of power and agency in modern films / S.Maarten, M. C. Prasettio, A. Holtzman, H. Rashkin, Y. Choi// Proceedings of the 2017 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – Denmark, Copenhagen : Association for Computational Linguistics, 2017. – P. 2329–2334.

546. MacCormac Earl R. A Cognitive theory of metaphor / Earl R. MacCormac. – Cambridge : MIT Press, 1985. – 254 p.

547. Martin J. Intercultural communication in contexts / J. Martin, Th. Nakayama. – London, Toronto : Allyn and Bacon, INC., 2000. – 257 p.

548. Martin J. R., White P. R. R. The Language of evaluation. Appraisal in English / John R. Martin, P. R. R. White. – New York : Palgrave Macmillan, 2005. – 278 p.

549. Martin-Rubio X. The construction of linguistic identities in officially bilingual contexts / X. Martin-Rubio // Interlingüística. – 2006. – №. 17. – 689–697.

550. Matthews P. B. C., et al. Human nervous system: emotion and behavior / P. B. C. Matthews. – 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: britannica.com/science/human-nervous-system/Emotion-and-behaviour (date of access: 04.03.2021).

551. McCarthy M. Issues in applied linguistics / M. McCarthy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 175 p.

552. Megginson D. Connotations and denotations / D. Megginson. – 1996. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uottawa.ca/academic/arts/writcent/hypergrammar/conndeno.html> (date of access: 04.03.2021).

553. Mill J. Analysis of the phenomena of the human mind / James Mill // The Project Gutenberg EBook of Analysis of the Phenomena of the Human Mind. – 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/56441/56441-h/56441-h.htm> (date of access: 04.03.2021).

554. Mill J. S. A system of logic, ratiocinative and inductive / J. S. Mill // The Project Gutenberg EBook of A System Of Logic, Ratiocinative And Inductive by John Stuart Mill. – 2009. – 659 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/27942/27942-h/27942-h.html> (date of access: 04.03.2021).

555. MLLTA – Modern languages: learning, teaching, assessment // A Common European Framework of Reference, Council for Cultural Co-operation, Education Committee. – Cambridge University Press, 2001. – 12 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://assets.cambridge.org/052180/3136/sample/0521803136ws.pdf>

556. Mohammad S. M., Turney P. D. Emotions evoked by common words and phrases: using mechanical turk to create an emotion lexicon / S. M. Mohammad, P. D. Turney // Proceedings of 2010 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. – 2010. – P. 26–34.
557. Mohammad S., Kiritchenko S., Zhu X. NRC-canada: Building the state-of-the-art in sentiment analysis of tweets / S. Mohammad, S. Kiritchenko, X. Zhu // Second Joint Conference on Lexical and Computational Semantics (*SEM). Volume 2: Proceedings of the Seventh International Workshop on Semantic Evaluation (SemEval 2013), Atlanta, Georgia, USA, June. Association for Computational Linguistics. – 2013. –P. 321–327.
558. Moon R. Lexicography and linguistic creativity / R. Moon // Lexikos 18. – 2008. – P. 131–153.
559. Nack F., Hardman L. Denotative and connotative semantics in hypermedia: proposal for a semiotic-aware architecture / F. Nack, L. Hardman // New Rev. Hypermedia Multimedia. – 2002. – 7(1). – P. 7–37.
560. Neuendorf K. A. The content analysis guide book / K. A. Neuendorf. – London : Sage publications, 2002. – 301 p.
561. Neuman L. W. Social research methods: Quantitative and qualitative approaches / L. W. Neuman. – Boston, MA: Allyn and Bacon, 2000. – 558 p.
562. Newman P. Fieldwork and field methods in linguistics / P. Newman // Language Documentation and Conservation. – June 2009. – Vol. 3. – No.1. – P. 113–125.
563. Newmark P. A Textbook of translation / P. Newmark. – London : Pearson Education Limited, 2006. – 292 p.
564. Nicolaisen W. Are there connotative names? / W. Nicolaisen // Names. A journal of onomastics, 1978. – Vol. 26. – 40–47.
565. Nida E. A. Componential analysis of meaning: an introduction to semantic structures / E. A. Nida. – The Hague, Paris : Mouton, 1975. – 272 p.

566. Nida E. A., Taber Ch. R. The theory and practice of translation / E. A. Nida, Ch. R. Taber. – Netherlands : Leiden, 2003. – 218 p.

567. Noland V. J., Daley E. M., Drolet J. C. et al. Connotative interpretations of sexuality-related terms / V. J. Noland, E. M. Daley, J. C. Drolet // Sex Roles. – 2004. – 51. – P. 523–534.

568. Nord C. A functional typology of translations / Christiane Nord // Trosborg A. (ed.) Text typology and translation. – Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 1997. – P. 43–66.

569. Norrick N. Poetics and conversation / N. Norrick // Connotations. – 2001. – Vol. 10. – P. 241–267.

570. Ockham W. Philosophical writings: a selection. Translated by Philotheus Boehner. Indianapolis. – Indiana : Hackett Publishing Company, Inc. 1990. –167 p.

571. Ogden C. K., Richards I. A. The meaning of meaning: a study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. London – New York: Routledge, 2001. – 386 p.

572. Omar Y. Z. The challenges of denotative and connotative meaning for second-language learners / Y. Z. Omar // ETC: A Review of General Semantics. – 2012. – 69. – No. 3. – P. 324–351.

573. Osgood C. E. Cross-cultural comparability in attitude measurement via multilingual semantic differentials // I. D. Steiner, M. Fishbein (Eds.), Current studies in social psychology. – New York : Holt, Rinehart and Winston, 1965. – P. 95–107.

574. Osgood C. E., Tannenbaum P. H., Suci G. J. The measurement of meaning / C. E. Osgood, P. H. Tannenbaum, G. J. Suci. – Urbana : University of Illinois Press, 1957. – 342 p.

575. Pamboukian S. Denotation and connotation / S. Pamboukian // Research Methods in Health Humanities Current Publisher: OUP. – 2019. – P. 15–24.

576. Partee B. H. Lexical semantics and compositionality / B. H. Partee // Invitation to Cognitive Science. / ed. by L. Gleitman and, M. Liberman. – Vol. 1. – Cambridge, MA : MIT Press, 1995. – P. 311–360.

577. Patjukova R. V. Lexico-Semantic analysis of the emotion “Grief and Suffering”: cross-cultural overlapping of linguistic worldviews (on the material of Russian and English languages) / R. V. Patjukova // XLinguae: journal. – Vol. 11. – Is. 1. Slovenska Vzdelavacia a Obstaravacia s.r.o. – 2018. – P. 242–250.

578. Patterson C. E. P. Management briefs: management and leadership theory made simple / C. E. P. Patterson. – London : Ventus Publishing ApS, 2010. – P. 20.

579. Peirce C. S. The essential Peirce: selected philosophical writings. Vol. 2 (1893–1913) / C. S. Peirce ; ed. by the Peirce Edition Project. – Bloomington; Indianapolis : Indiana University Press, 1998. – 584 p.

580. Pennington J., Socher R., Manning C. D. GloVe: Global vectors for word representation / J. Pennington, R. Socher, C. D. Manning // Proceedings of the 2014 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. – 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nlp.stanford.edu/pubs/glove.pdf> (date of access: 04.03.2021).

581. Pekkilä E. Connotative meaning and advertising music / E. Pekkilä // Applied semiotics: an international journal of literary research. – Toronto : University of Toronto, 2005. – Volume 2. – P. 119–131.

582. Philip G. Connotation and collocation: a corpus-based investigation of colour words in English and Italian : PhD dissertation / G. Philip. – Birmingham : The University of Birmingham, 2003. – 384 p.

583. Philip G. Connotative meaning in English and Italian colour-word metaphors / G. Philip // Metaphorik. – 2006. – Vol. 10. – P. 59–93.

584. Philip G. Coloring meaning. Collocation and connotation in figurative language / G. Philip. – John Benjamins Publishing Company, 2011. – 232 p.

585. Pisarkowa K. Konotacja semantyczna nazw narodowości / K. Pisarkowa // Zeszyty Prasoznawcze. – 1976. – Nr 1. – S. 5–26.

586. Plunze C. Speaker-meaning and the logic of communicative acts. / C. Plunze // Petrus K. (eds) *Meaning and Analysis*. Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition. Palgrave Macmillan. – London, 2010. – 235–251 p.

587. Porter R., Samovar L. *An Introduction to Intercultural Communication* / R. Porter, L. Samovar // *Intercultural Communication*. – Wadsworth Publishing Company, 1997. – P. 5–26.

588. Pratiwi D. R., Indrayani L. M., Soemantri Y. S. The analysis of denotative and connotative meaning in Ariana Grande's song lyrics: a semantic study / D. R. Pratiwi, L. M. Indrayani, Y. S. Soemantri // *ELS Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. – June 2020. – Vol. 3. – No. 2. – P. 231–235.

589. Predko O., Predko D. Worldview essence and cosmic connotations of religious feelings / O. Predko, D. Predko // *Philosophy and Cosmology*. – 2020. – Vol. 25. – P. 130–138.

590. Putra A. G. M., Qodriani L. U. Connotative meaning of L. A. Bold cigarette advertisement My Kind of Bold Version / A. G. M. Putra, L. U. Qodriani // *TEKNOSASTIK*. Indonesia : Universitas Teknokrat, 2017. – Vol. 15 (1). – Pp. 36–45.

591. Pym A. Lacunae and uncertain limits in Australian culture, with suggestions on their translation into Spanish / A. Pym // *Australia in Barcelona* / eds K. Firth, S. Ballyn. – Barcelona : Universitat de Barcelona, 1993. – P. 27–37.

592. Rao V. C. S. A brief study of words used in denotation and connotation / V. C. S. Rao // *Journal for Research Scholars and Professionals of English Language Teaching*. – 2017. – Issue 1. – Vol. 1. – 5 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/35356809/A_Brief_Study_of_Words_Used_in_Denotation_and_Connotation (date of access: 04.03.2021).

593. Rashkin H., Singh S., Choi Y. Connotation frames: A data-driven investigation / H. Rashkin, S. Singh, Y. Choi // *Proceedings of the 54-th Annual*

Meeting of the Association for Computational Linguistics. – Germany, Berlin, 2016. – Vol. 1: Long Papers. – P. 311–321.

594. Rashkin H., Bell E., Choi Y., Volkova S. Multilingual connotation frames: a case study on social media for targeted sentiment analysis and forecast / H. Rashkin, E. Bell, Y. Choi, S. Volkova // Proceedings of the 55th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics Canada, Vancouver. – 2017. – Vol. 2: Short Papers. – P. 459–464.

595. Reich W. The cooperative nature of communicative acts / W. Reich // Journal of Pragmatics. – 2011. – 43. – P. 1349–1365.

596. Requejo M. D. P. The role of context in word meaning construction: a case study / M. D. P. Requejo // International Journal of English Studies. – 2007. – Vol. 7 (1). – P. 169–179.

597. Rieger B. B. Procedural meaning representation by connotative dependency structures. An empirical approach to word semantics for analogical referencing / B. B. Rieger // Proceedings of the 9th International Conference on Computational Linguistics (Linguistic Series 47). – Vol. 1. Amsterdam/New York/Oxford (North Holland). – 1982. – P. 319–324.

598. Roberts C.W. Other than counting words: a linguistic approach to content analysis // Social Forces. 1989. Vol. 68. – P. 147–177.

599. Rosaldo M. Z. The things we do with words: Ilongot speech acts and speech act theory in philosophy / M. Z. Rosaldo // Language in Society. – Vol. 11. – No. 2 (Aug.). – 1982. Published by: Cambridge University Press, 2008. – P. 203–237.

600. Russell B. On denoting / B. Russell // Logic and Knowledge. – London : George Allen and Unwin, 1956. – P. 41–56.

601. Şaban ÇEPÝK Positive neutral negative evaluation in connotation / ÇEPÝK Şaban // IBSU International Refereed Multi-diciplinary Scientific Journal. – 2006. – No. 1. – P. 144–147.

602. Sapir E. Conceptual categories in primitive language / E. Sapir // Science, 1931. – Vol. 74. – 578 p.

603. Sapir E. The status of linguistics as a science / E. Sapir // *Language*. – Chicago : Linguistic Society of America, 1929. – Vol. 5. – No. 4. – P. 207–214. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pure.mpg.de/rest/items/item_2381144/component/file_2381143/content (date of access: 05.03.2021).
604. Sapir E. *Language: An introduction to the study of speech* / E. Sapir // *English as language. Backgrounds, development, usage*. – New York : Harcourt, Brace and World, Inc., 1961. – P. 201–279.
605. Sapir E. *Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality* / E. Sapir / ed. by David G. Mandelbaum / 5 print. – Berkley; Los Angeles : University of California press, 1968. – 617 p.
606. Sato W., et al. The structural neural substrate of subjective happiness. – 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nature.com/articles/srep16891> (date of access: 04.03.2021).
607. Schröder H. Lacunae and the covert problems of understanding texts from foreign cultures / H. Schröder // Brett Dellinger: *Lacunaology. Studies in Intercultural Communication*. – Vaasa : Schildts & Söderströms Ab, 1995. – P. 10–25.
608. Schwarz-Friesel M. Language and emotion. The cognitive linguistic perspective. In *Emotion in Language*. U. Lüdke (ed.). – Amsterdam, John Benjamins. – 2015. – P. 157–173.
609. Searle J. R., Kiefer F., Bierwisch M. *Speech act theory and pragmatics* / J. R. Searle, F. Kiefer, M. Bierwisch. – Holland. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980. – 315 p.
610. Sembiring R. A., Hum S. S. Analysis of connotative meanings in outdoor advertisements / R. A. Sembiring, S. S. Hum // *Proceedings of the First Nommensen International Conference on Creativity & Technology*. – NICCT, 20–21 September 2019, Medan, North Sumatera, Indonesia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eudl.eu/doi/10.4108/eai.10-6-2020.165509> (date of access: 05.03.2021).

611. Setiani R. Denotative and connotative meaning used in writing poetry / R. Setiani // *Edukasi Lingua Sastra*. – 2020. – V. 18. – No. 2. – P. 85–92.
612. Shapiro G., Markoff J. «A matter of definition» in C.W. Roberts (Ed.). *Text analysis for the social sciences: methods for drawing statistical inferences from texts and transcripts* / G. Shapiro, J. Markoff. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1997. – P. 9–34.
613. Shmelev A. Cognitive and communicative sources of enantiosemy / A. Shmelev. *Proceedings of the 10th World Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS) Universidade da Coruña (España / Spain)*. – 2012. – P. 837–844.
614. Sims K. *Translating sensitive texts: linguistic aspects* / K. Sims. – Amsterdam : Rodopi, 1997. – 333 p.
615. Simpson G. B. Context and the processing of ambiguous words / G. B. Simpson // *Handbook of Psycholinguistics*. San Diego. – New York; Boston : Academic Press, 1994. – P. 359–374.
616. Snyder J., D'Eredita M. A., Yilmazel O., Liddy E. D. Towards a cognitive approach for the automated detection of connotative meaning / J. Snyder, M. A. D'Eredita, O. Yilmazel, E. D. Liddy // *Proceedings of the 8th International Conference on Computational Semantics*. – Tilburg, 2009. – P. 326–332.
617. Solso R. L. *Cognitive psychology*. Edinburgh Gate / R. L. Solso. – 8th edition edition. – Harlow : Pearson Education Limited, 2014. – 533 p.
618. Supriya K. E. The language of honour (izzat) and shame (sharm): national and gender identities in Apna Ghar (Our Home) / K. E. Supriya // *Transforming Communication about Culture*. – London : Sage Publications, 2001. – Vol. XXIV. – P. 106–131.
619. Sutton Ph. A Translator's dilemma // *Translating Sensitive Texts*. – Amsterdam-Atlanta, GA: Rodopi. – 1997. – 333 p .
620. *The Parts of your Brain that Control Emotion*. (PBCE). – 2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cbhs.com.au/health-well-being-

blog/blog-article/2017/05/17/here-are-the-parts-of-your-brain-responsible-for-emotion (date of access: 04.03.2021).

621. Thibault P. J. Connotation in literature // R. E. Asher, J. M. Y. Simpson (eds). The encyclopedia of language and linguistics. Vol. 2. – Oxford, Tokyo : Pergamum Press. 1994. – P. 707–710.

622. Thieberger N. The Oxford handbook of linguistic fieldwork. Oxford – 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 10.1093/oxfordhb/9780199571888.001.0001A (date of access: 04.03.2021).

623. Tokarski R. Konotacja jako składnik treści słowa / R. Tokarski // Konotacja. Lublin, 1988. – S. 35–54.

624. Tokarski R. Językowy obraz świata w metaforach potocznych / R. Tokarski // Językowy obraz świata. – Lublin : Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1999. – P. 65–81.

625. Tokarski R. Konotacja semantyczna – strukturalistyczna czy kognitywna? / R. Tokarski // Językoznawstwo kognitywne III. Kognitywizmu w świetle innych teorii. – Gdańsk, 2006. – S. 209–226.

626. Urdang L. Meaning: denotative, connotative, allusive / L. Urdang // R.R.K. Hartmann (ed.). Dictionaries and their users. Exeter Linguistic Studies, IV, Exeter. – 1979. – P. 47–52

627. Vinay J.-P. Comparative stylistics of French and English: a methodology for translation. [Stylistique Compare du Francais et de l'Anglais. Methode de 403 Traduction] / J.-P. Vinay, J. Darbelnet / trans. and ed. by J. C. Sager and M.-J. Hamel. – Philadelphia : Benjamins Translation Library, 1995. – 359 p.

628. Vorobyova Y., Trifanova S. Connotative features of a person naming in the American prison slang / Y. Vorobyova, S. Trifanova // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2020. – P. 199–202.

629. Vrublevskaia O. V. Connotative toponyms OXFORD, CAMBRIDGE. / O. V. Vrublevskaia // Onomastics of the Volga Region. – 2020. – P. 33–37.

630. Wallace A. F. C., Atkins J. The meaning of kinship terms / A. F. C. Wallace, J. Atkins // *American Anthropology, 1946–1970: Papers from the American Anthropologist* edited by Robert F. Murphy // *papers from the American Anthropologist*. – Lincoln and London : University of Nebraska Press, 1976. – P. 342–367.
631. Walther J. B. Hyperpersonal interaction computer-mediated communication: impersonal, interpersonal, and hyperpersonal interaction / J. B. Walther // *Communication research*. – 1996. – Vol. 23. – No.1, Sage Publications, Inc. – P. 3–43.
632. Weber R. P. Basis content analysis / R. P. Weber. – Newbury Park, CA : SAGE Publications. 1990. – 96 p.
633. Weißenberger B., Holthoff G. Cognitive style and connotative meaning in management accounting communication / B. Weißenberger, G. Holthoff // *Metrika: International Journal for Theoretical and Applied Statistics*, Springer. – 2013. – Vol. 24 (1). – P. 1–25.
634. Whissell C. M. A computer program for the objective analysis of style and emotional connotations of prose: Hemingway, Galsworthy and Faulkner compared // *Perceptual and Motor Skills*. – 1994. – Vol. 79. – No. 2. P. 815–824.
635. Whorf B. L. Language, thought, and reality / B. L. Whorf. – Cambridge, MA : MIT Press. – 1956. – 278 p.
636. Wierzbicka A. Different cultures, different languages, different speech acts / A. Wierzbicka // *Journal of Pragmatics*. – 1985. – No 9. – P. 145–163.
637. Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: universal human concepts on culture specific configurations / A. Wierzbicka. – New York : Oxford University Press, 1992. – 487 p.
638. Wierzbicka A. Semantic primes and universal syntax in Polish / A. Wierzbicka // *Meaning and universal grammar – theory and empirical findings*. Vol. II. – Amsterdam : John Benjamins, 2002. – P. 65–144.
639. Wierzbicka A. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction / A. Wierzbicka. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – 502 p.

640. Williams J. E. Connotations of color names among Negroes and Caucasians / J. E. Williams // *Perceptual and Motor Skills*. – 1964. – 18. – P. 721–731.

641. Williams J. E. Individual differences in color name connotations as related to measures of racial attitude / J. E. Williams // *Perceptual and Motor Skills*. – 1969. – 29. – P. 711–714.

642. Williams J. E., Foley J. W., JR. Connotative meanings of color names and color hues / J. E. Williams, J. W. Foley JR. // *Perceptual and Motor Skills*. – 1968. – 26. – P. 499–502.

643. Wines G. The Connotative meaning of independence in alternative audit contexts: an exploratory study / G. Wines // *Pacific accounting review* Publisher: Emerald Group Publishing Limited. – 2006. – Vol. 18. – No. 1. – P. 90–122.

644. Wogalter M. S., Israel J. R., Kim S., Morgan E. R., Coleman K. M., West J. Hazard connotation of fire safety terms / M. S. Wogalter, J. R. Israel, S. Kim, E. R. Morgan, K. M. Coleman, J. West // *Proceedings of the human factors and ergonomics society 54-th annual meeting*. – Raleigh, North Carolina : North Carolina State University, 2010. – P. 1837–1840.

645. Wogalter M. S., Kalsher M. J., Litynski D. M. Influence of food label quantifier terms on connoted amount and purchase intention / M. S. Wogalter, M. J. Kalsher, D. M. Litynski // *Proceedings of the human factors and ergonomics society 40th annual meeting*. Sage. – 1996. – Issue 7. – P. 385–389.

646. Wundt W. M. *Outlines of psychology* / W. M. Wundt. – Charleston, South Carolina : Nabu Press, 2010. – 424 p.

647. Wysotska A. Zwierzęciem bywam bardzo rzadko. O roli konotacji słowa «zwierzę» w erotykach M. Pawlikowskiej-Jasnorzewskiej, A. Świrszczyńskiej i H. Poświatowskiej / A. Wysotska // *Język polski. Współczesność – historia*, IV. – Lublin, 2003. – S. 175–187.

648. Xiao P., Arroyo E., Blat J. Construct connotation dictionary of visual symbols / P. Xiao, E. Arroyo, J. Blat // Visual information Communication. – Springer, 2009. – P. 119–134.

649. Yaneva M., Saykova M. Latin as tertium comparationis in the diachronic study of metaphorical terms in Bulgarian and English anatomical systems / M. Yaneva, M. Saykova // Научни трудове на Съюза на учените – Пловдив. Серия А: Обществени науки, изкуство и култура, vol. 4. – 2017. – P. 4–7.

650. Yarkina N., Yarkina L., Pougachev I. Translating ideology: an intergroup mediation perspective / N. Yarkina, L. Yarkina, I. Pougachev // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – T. 23. – No 2. – P. 383–398.

651. Zaliznyak A. A. Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: the definition of the genre] / A. A. Zaliznyak // Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer. – 2010. – 106. – P. 162–180.

652. Zaron Z. Niektóre problemy z konotacją syntaktyczną / Z. Zaron // Konotacja. Red. J. Bartmiński. – Lublin : Wydaw. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1988. – S. 113–119.

653. Zheleznova Yu. V. Ethnical and evaluative connotations of ergonim / Yu. V. Zheleznova // Onomastics of the Volga Region. – 2020. – P. 113–118.

654. Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Gerasimova S. A., Borbotko L. A. Identity as an element of human and language universes: axiological aspect / M. R. Zheltukhina, L. G. Vikulova, E. F. Serebrennikova, S. A. Gerasimova, L. A. Borbotko // International Journal of Environmental and Science Education, 2016. – 11(17). – P. 10413–10422.

655. Zheltukhina M. R., Vikulova L. G., Kovaleva N. A., Ryanskaya E. M., Fomina Zh. V. Symbolic nature of culture: features of the English floristic symbolics in modern economic and political media texts / M. R. Zheltukhina, L. G. Vikulova, N. A. Kovaleva, E. M. Ryanskaya, Zh. V. Fomina // Man in India. – 2017. – 97 (14). – P. 61–71.

656. Zhicheng D. Connotation of «Belonging-Identity» and contemporary appeal under political Confucianism / D. Zhicheng // International Communication of Chinese Culture. – 2020. – Vol. 7. – 445–453.

657. Zipf G. K. Human behavior and the principle of least effort: an introduction to human ecology / G. K. Zipf. – Cambridge : Addison-Wesley Press, 1949. – 573 p.

658. Zuhdah D. R., Alfain S. N. An analysis of denotation and connotation in Chairil Anwar's poem / D. R. Zuhdah, S. N. Alfain // E-Journal of Linguistics. – 2020. – 14 (1). – P. 103–112.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Абаринов В. «Крот» в мешке // «Совершенно секретно». 2003.04.08. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
2. Азаров Ю. Подозреваемый. 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
3. Азольский А. Монахи // «Новый Мир», 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
4. Академик // Словари и энциклопедии на академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki%20/31863> (дата обращения: 04.03.2021).
5. Академик // Словари и энциклопедии на академике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lopatin.academic.ru/45494/имбецил> (дата обращения: 04.03.2021).
6. Аксенов В. Романтик Китоусов, академик Великий-Салазкин и таинственная Маргарита // «Литературная газета», 1973. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
7. Алабугина Ю. В. Толковый словарь русского языка. – М. : АСТ, Lingua, 2015. – 320 с.
8. Андреев Л. Н. Дневник сатаны. 1919. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
9. Афиша // «Столица». 1997.05.13. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).

10. Белоусова В. Второй выстрел. 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
11. Бакатов С. Ю. Поговори со мной (Записки ветеринарного врача) // «Наука и жизнь», 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
12. Баконина М. Девять граммов пластита. 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
13. Баранов В. Малый народ как малый параметр // Интернет-альманах «Лебедь». 2003.11.16. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
14. БАРС – Большой англо-русский словарь: в 2-х томах / Ю. Д. Апресян, И. Р. Гальперин, Р. С. Гинзбург ; под ред. И. Р. Гальперина и Э. М. Медниковой. – 4-е изд. – М. : Рус. яз., 1987. – Т. I. – 1038 с.
15. Белянин А. Свирепый ландграф. 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
16. Букин А., Бобрин И., Бестемьянова Н. Пара, в которой трое. 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
17. Белоусова В. Второй выстрел. 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
18. БД – Библиотека диссертаций. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/analiz-zoosimvoliki-v-russkom-i-anglijskom-jazykah.html> (дата обращения: 05.03.2021).
19. Бондарев Ю. Горячий снег. 1969. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

20. БТСРЯ – Большой современный толковый словарь русского языка. 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar.cc/rus/tolk/44324.html> (дата обращения: 05.03.2021).
21. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2004. – 1536 с.
22. Войнович В. Замысел. 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
23. Войнович В. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
24. Галицкий П. Опасная коллекция. 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
25. Геласимов А. Год обмана. 2003. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
26. Гиголашвили М. Чертово колесо. 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
27. Губарев В. Трое на острове. 1950–1960. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
28. Данилкина Л., Зимина Е. Филиалов станет больше. 2012.11.17. // «Новгородские ведомости», 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
29. Джонсон Б. Мне есть, что вам сказать / Б. Джонсон. – М. : Альпина Паблишер, 2012. – 520 с.
30. Дружников Ю. Виза в позавчера. 1968–1997. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html>

31. Ева.Ру. Форум. Я – женщина. Психология отношения. Телефон доверия. (Дата: 26.06.17. Время 12:38). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eva.ru/forum/topic/message/95218099.htm><https://eva.ru/forum/topic/message/95218099.htm> (дата обращения: 05.03.2021).
32. Евсеев Б. Евстигней // «Октябрь», 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
33. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. – М. : Русский язык. – 2000. – 1209 с.
34. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/147796/Вождь>. (дата обращения: 05.03.2021).
35. Заковский Л. М. О некоторых методах и приемах иностранных разведывательных органов и их троцкистско-бухаринской агентуры 1937. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
36. Илличевский А. Перс. 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
37. Искандер Ф. Время счастливых находок 1973. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
38. Казакевич Э. Г. Звезда. 1946. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
39. Каралис Д. Автопортрет. 1999. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
40. Кермани Х. М. Вы же не чужой / пер. с перс. А. И. Полищук. – М. : ООО «Садра», 2015. – 373 с.
41. Коллективный. Форум: 17 мгновений весны (2010) [Andron, муж]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search->

[main.html](#) (дата обращения: 05.03.2021).

42. Коллективный Форум: Укрупнение терапевтического участка. В чем подвох? 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

43. Краева И. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть. 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

44. КРАС – EN.КАРТАСЛОВ.РУ – Контекстный русско-английский словарь^{БЕТА} – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.kartaslov.ru/перевод-в-контексте/troll> (дата обращения: 05.03.2021).

45. Кунин В. Кыся. 1998–2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

46. Ли М. В любви все средства хороши / пер. М. Авдокушина. 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

47. Ляшевская О. Н, Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). – М. : Азбуковник, 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php?> (дата обращения: 03.04.2021).

48. Макушинский А. Город в долине. 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

49. Малинецкий Г. От homo sapiens к homo ludens // «Знание – сила», 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

50. Маринина А. Ангелы на льду не выживают. Т. 1. 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

51. Мюллер В. К. Англо-русский словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/dictionary-english-russian-Mueller-term-3343.htm> (дата обращения: 05.03.2021).

52. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь: В новой редакции 220 000 слов. – Изд. 10-е, стереотип. – М. : Вече, 2009. – 832 с.
53. Наумов И. Гарлем – Детройт. 2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
54. Находчивый заяц. Сказка. Арабский язык. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alfarabinur.kz/vostochnaya-satira/nakhodchivuyj-zayac.html> (дата обращения: 04.03.2021).
55. Неизвестный. Судебные вести. 1910.03.17. // «Речь», 1910. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
56. Нузов В. Борис Немцов: Бюрократы и есть реальные властители России // «Вестник США», 2003.08.20. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
57. НКРЯ – Национальный корпус русского языка, 2003–2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 04.03.2021).
58. Одарчук П. И. Я как жук навозный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2018/08/18/1080> (дата обращения: 05.03.2021).
59. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Ю. Н. Шведовой. – М. : Русский язык, 1975. – 846 с.
60. Павлова Е. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004. № 10 – ИД «Бурда». (НКРЯ, ПК письменных текстов). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
61. Павлов О. Дело Матюшина. 1996. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).
62. Полищук Р. Портреты // «Вестник США», 2003.12.10. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

(дата обращения: 05.03.2021).

63. Привалов А. О неуместной креативности // «Эксперт», 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

64. Проханов А. Время судебных мантий // «Завтра», 2003.03.02. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

65. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 479 с.

66. Ротару И., Гельфанд М. О научных деньгах // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля, 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

67. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Волшебный камень / пер. М. Спивак. 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

68. Рыбаков А. Тяжелый песок. 1977. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

69. Салимов М. Б. Сказка о последнем хане // «Бельские Просторы», 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

70. Сахарова Т. Добрая фея с острыми зубками. 2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

71. Слаповский А. И. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

72. Словарь русского языка: 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 13-е изд. – М. : Рус. яз., 1981. – 816 с.

73. Спивакова С. Не всё. 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

74. СРС – Словарь русских синонимов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jeck.ru/tools/SynonymsDictionary/увалень> (дата обращения: 05.03.2021).

75. СРЯ – Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. I. А – Й. – 1985. – 696 с.

76. СРЯ – Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. IV. С–Я. – 1988. – 800 с.

77. ССЛЖиС – Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://argo.academic.ru/> (дата обращения: 05.03.2021).

78. СУМ – Словник української мови. В 11 томах. Том 2. – 1971. – С. 27. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sum.in.ua/s/ghanchirka.access> (дата обращения: 04.03.2021).

79. ТСРЯ (а) – Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tolkru.com/page/trans____.php (дата обращения: 05.03.2021).

80. ТСРЯ (б) – Толковый словарь русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedu.ru/expdic/76259/> (дата обращения: 05.03.2021).

81. Титаренко М. Л. «Трансконтинентальный мост АЗИЯ – ЕВРОПА» и перспективы российско-китайского сотрудничества. Обозреватель – Observer. Внешняя политика – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/oboz/N04_99/4_05.HTM (дата обращения: 03.04.2021).

82. Труд. От чего вам пришлось отказаться из-за понижения оклада? // Труд-7, 2010.01.15. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

83. Тырин М. Будет немножечко больно. 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

84. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция. – Москва : Дом Славянской книги, 2008. – 959 с.

85. Феоктистов К. Траектория жизни. 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

86. Цинк снова в цене // «Металлы Евразии», 2004.08.06. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

87. Чарская Л. А. Приключения Таси. 1905–1915. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

88. Чижова Е. Лавра // «Звезда», 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

89. ЧиН – Человек и наука. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 04.03.2021).

90. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус.яз., 2001. – Т. 2: Панцирь – Ящур. – 560 с.

91. Шаба И. К. Сравнительный анализ русских и арабских фразеологических единиц (обороты) / Имад Карим Шаба // *تقرير علاو تيسور لا تاحلاطصال نراقملا ليلحتلا* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iasj.net/iasj?func=fulltext&aId=66888> (дата обращения: 04.03.2021).

92. ЭБД – Электронная библиотека диссертаций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissforall.com/_catalog/t13/_science/76?page=243&sort=author (дата

обращения: 05.03.2021).

93. ЮКОС – что дальше? Ходорковский и «кремлевская доля» // «Газета», 2003.07.07. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 05.03.2021).

94. ЯБЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

95. Aruzzo M., Goldman A. Hunting a C.I.A. mole, agents gambled and let a suspect return to China. Jan. 17. 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/01/17/world/asia/jerry-lee-cia-china-mole-hunt-suspect.html> (date of access: 05.03.2021).

96. Alter C. How women candidates changed american politics in 2018 // Time. 2018. Nov., 7. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://time.com/5446556/congress-women-pink-wave/> (date of access: 05.03.2021).

97. Bacharach A. We Need More Moms in Government. Here's How to Get Them // Huffingtonpost. 2018. March, 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.huffingtonpost.com/entry/opinion-bacharach-moms-in-government_us_5abbd9aae4b06409775c836c (date of access: 25.04.2019).

98. Batman: The killing joke (IMDB) (Open Subtitles) Year: 2016 / Genre: Animation, Action, Crime. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 05.03.2021).

99. BNC – British National Corpus. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date of access: 05.03.2021).

100. CD – Cambridge Dictionary. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/as-thick-as-two-short-planks> (date of access: 05.03.2021).

101. COCA – Corpus of Contemporary American English. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/>

(date of access: 05.03.2021).

102. CED – Collins English Dictionary. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (date of access: 05.03.2021).

103. Common european framework of reference for languages: learning, teaching, assessment / Cambridge: Cambridge University Press. 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/source/framework_en.pdf (date of access: 05.03.2021).

104. Dissercat. 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/#ixzz5SE2tflwV><http://www.dissercat.com/> (date of access: 05.03.2021).

105. Dreaming of Barack Obama's forced retirement. 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.westernjournalism.com/dreaming-of-barack-obamas-forced-retirement/>(<https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 05.03.2021).

106. Ellis J. The CBS reporter Chris Isham is an FBI mole story is a crock. 2011, Apr 6, 8:17 PM. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.businessinsider.com/the-chris-ishamfbi-mole-story-is-a-crock-2011-4> (date of access: 05.03.2021).

107. ELU – English language usage. Stack exchange. Derogatory term for a corporate employee. 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://english.stackexchange.com/questions/227761/derogatory-term-for-a-corporate-employee> (date of access: 05.03.2021).

108. FDF – The Free Dictionary by Farlex. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thefreedictionary.com/bungler> (date of access: 05.03.2021).

109. FMLA – Family Medical Leave Act questions....HELP!!!, Message Boards. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://messageboards.makemeheal.com/tummy-tuck/family-medical-leave-act->

[questions-help-t96697.html](#) (date of access: 05.03.2021).

110. FDCAE – Frequency Dictionary of Contemporary American English: word sketches, collocates, and thematic lists / M. Davies, D. Gardner. 2009. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wordfrequency.info/files/book.pdf> (date of access: 05.03.2021).

111. Friedman V. Open thread // The New York Times. 2019. Nov., 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://static.nytimes.com/email-content/TZ_sample.html (date of access: 05.03.2021).

112. Gambino L. We will keep fighting’: inside the push to put democratic women in power for the long haul // The Guardian. 2019. March, 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2019/mar/03/women-politics-democrats-emerge-america-virginia> (date of access: 05.03.2021).

113. Glosum (Список словарей). – 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glosum.ru/Значение-слова-Консерватор-в-словаре-синонимов> (date of access: 05.03.2021).

114. Inter-Parliamentary Union (a). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ipu.org/our-impact/gender-equality> (date of access: 05.03.2021).

115. Inter-Parliamentary Union (б). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=9&year=2019> (date of access: 05.03.2021).

116. Johnson B. Have I got views for you. – London : Harper Collins Publisher, 2008. – 448 p.

117. Landler M. U.K. to hold election in december, opening new phase in Brexit Odyssey // The New York Times. 2019. – Nov., 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/10/29/world/europe/brexit-election-corbyn.html?module=inline> (date of access: 05.03.2021).

118. Lee M. Fugitive bride. 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (date of access: 05.03.2021).

119. Lee M. West crazy // Ladies Harper Perennial, New York Crazy Ladies. 1990. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 05.03.2021).

120. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English Online. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/> (date of access: 05.03.2021).

121. Lyons K. Rise of the «Strongman»: Dozens of female world leaders warn women's rights being eroded // The Guardian. 2019. Feb., 28. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2019/feb/28/rise-of-the-strongman-dozens-of-female-world-leaders-warn-womens-rights-being-eroded> (date of access: 05.03.2021).

122. MWD – Merriam-Webster Dictionary. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/inept> (date of access: 05.03.2021).

123. MWLD – Merriam-Webster learner's dictionary definition of RAG. 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.learners-dictionary.com/definition/rag> (date of access: 05.03.2021).

124. Meisler S. Biography portrays Condoleezza Rice as talented, ambitious and loyal to a fault // Tribune Newspapers: Los Angeles Times. 2007. December, 22. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://articles.chicagotribune.com/2007-12-22/entertainment/0712200314_1_elisabeth-bumiller-condoleezza-rice-virtuoso-career (date of access: 05.03.2021).

125. OED – Online Etymology Dictionary. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.etymonline.com/index.php?search=Widow%27s+weeds> (date of access: 05.03.2021).

126. OESDTSET – Oxford English and Spanish Dictionary, Thesaurus, and

Spanish to English Translator. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lexico.com/definition/dead_wood (date of access: 05.03.2021).

127. OLD – Oxford Learner`s Dictionary. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/gopher?q=Gopher> (date of access: 05.03.2021).

128. Payne M. A. Dictionary of Cultural and Critical Theory. – Malden: Blackwell Publishing Ltd, 2004. – 644 p.

129. Phillips M. Condoleezza Rice: Now that`s a performer // Chicago Tribune. – 2014. – Nov., 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://articles.chicagotribune.com/2004-04-11/news/0404110001_1_condoleezza-rice-narrow-war-smile (date of access: 05.03.2021).

130. IPU – Percentage of women in national parliaments // New Parline: the IPU`s Open Data Platform (beta). 2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.ipu.org/women-ranking?month=9&year=2019> (date of access: 05.03.2021).

131. Pleysier L. White always looks good // Review of Contemporary Fiction (Summer). 1994. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 05.03.2021).

132. Rappoport J. Say hello to the FBI mole inside the Trump campaign by // OEN. Opednews.com. 5.21.2018 at 19:59:02. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.opednews.com/articles/Say-hello-to-the-FBI-mole-by-Jon-Rappoport-CIA_Fbi-Mole_Inside-Job_Stefan-Halper-180521-733.html (date of access: 05.03.2021).

133. Reeves R. Power dressing: why female MPs have faced a century of scrutiny // The Guardian. 2019. March, 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2019/mar/02/female-mps-100-years-clothing-style-newspapers> (date of access: 05.03.2021).

134. Reverso Context. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://context.reverso.net/перевод/английский-русский/chillax> (date of access: 05.03.2021).

05.03.2021).

135. Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone. 1997. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (date of access: 05.03.2021).

136. Salami M. Where are the West's Female Leaders? // The Guardian. 2014. Oct., 31. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/oct/31/slowed-gender-equality-and-lack-of-female-leaders-in-the-west> (date of access: 05.03.2021).

137. Sharma D. How Hillary Clinton's 'Smart Power' Feminism Informs her Foreign Policy // The Conversation. 2016. June, 9. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theconversation.com/how-hillary-clintons-smart-power-feminism-informs-her-foreign-policy-60506> (date of access: 05.03.2021).

138. Salaryman Kintaro. 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://1000animelist.blogspot.com/2016/07/30-salaryman-kintaro-2001.html> (date of access: 05.03.2021).

139. Specia M. Threats and Abuse Prompt Female Lawmakers to Leave U.K. Parliament // The New York Times. 2019. – Nov., 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2019/11/01/world/europe/women-parliament-abuse.html> (date of access: 05.03.2021).

140. SPOK: NBC Dateline 2006 (20060818) Food Fight; Fast food and marketing targeted at children blamed for childhood obesity in the US. 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 05.03.2021).

141. Thebault R., Tran A. B., Williams V. The coronavirus is infecting and killing black Americans at an alarmingly high rate // The Washington Post. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – April 7. <https://www.washingtonpost.com/nation/2020/04/07/coronavirus-is-infecting-killing-black-americans-an-alarmingly-high-rate-post-analysis-shows/?arc404=true> (date of access: 05.03.2021).

142. UD – Urban Dictionary. 2015. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.urbandictionary.com/add.php> (date of access: 09.01.2015).

143. Wallacejan N., Palin S. Rage Whisperer // The New York Times. 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Jan., 26. <https://www.nytimes.com/2016/01/26/opinion/sarah-palin-rage-whisperer.html?rref=collection%2Ftimestopic%2FPalin%2C%20Sarah> (date of access: 05.03.2021).

144. WEF – World Economic Forum. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2016/infographics/> (date of access: 04.03.2021).

145. World Economic Forum. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/measuring-the-global-gender-gap/> (date of access: 04.03.2021).

146. Landsbaum C. What it`s like to be a female reporter covering Donald Trump // The Cut. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thecut.com/2016/09/what-its-like-to-be-a-female-reporter-covering-donald-trump.html> (date of access: 05.03.2021).

147. We are the change we seek/ The speeches of Barack Obama// Edited by E. J. Dionne Jr. and Joy-Ann Reid/ London: Bloomsbury Publishing, 2017. – 339 p.

148. WNWCD – Webster's new world college dictionary. 2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mobisystems.com/ru-ru/websters-new-world-college-dictionary/> (date of access: 05.03.2021).

149. What we named the needle // Analog Science Fiction Fact. 2019. – Vol. 139. – Iss.7/8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 05.03.2021).

150. Wiseman E. «Democracy is broken»: Women`s equality party leader tells why she quit // The Guardian. 2019. Jan., 26. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/politics/2019/jan/26/sophie-walker-interview-resignation-womens-equality-party-leader-new-voices-next->

generation (date of access: 05.03.2021).

151. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://24tv.ua/ru/krymskij_most_v_razgar_kurortnogo_sezona_pokazali_s_vysoty_interesnoe_video_n1006283 (date of access: 05.03.2021).

152. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://24tv.ua/ru/krymskij_most_mozhet_povlech_jekologicheskuju_katastrofu_je_ks_nardep_objasnil_opasnost_n1002863 (date of access: 05.03.2021).

153. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://petrimazepa.com/panamax_ne_proidet_kercenskii_most_vs_porty_ukrainy?gid=1&tid=site&cid=7&gclid=Cj0KCQjw5s3cBRCAARIsAB8ZjU1tc6Vo5nMDOJIvFjz2EXXKbXqTAR5XAeHz3GUMiQldKHc4G2lMWAaAsg_EALw_wcB (date of access: 05.03.2021).

154. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://profidom.com.ua/video/klub-stroitelej/28546-kak-vyglyadit-kerchenskij-krymskij-most-samaya-svezhaya-s-emka-video> (date of access: 05.03.2021).

155. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://utro.ru/economics/2018/09/07/1373167.shtml> (date of access: 05.03.2021).

156. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://twitter.com/krymsky_bridge?lang=en (date of access: 05.03.2021).

157. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.most.life/novosti/novosti/v-kinoteatrah-rossii-pokazhut-hudozhestvennyj-film-pro-krymskij-most/> (date of access: 05.03.2021).

158. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://новости.ru-an.info/новости/крымский-мост-строительство-железнодорожной-части-моста/> (date of access: 29.07.2018).

ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ

Слова, входящие в синонимический ряд слова *увалень*, с основным значением «неловкий, неуклюжий, неповоротливый, медлительный в движениях человек»

№	Языковая единица	Степень эмоциональности			Метафоричность		Внутренняя форма		Образность		Экспрессивность (степень интенсивности) риторичность			Оценка			Итого
		-	=	+	Мертвая метафора	Оригинальная метафора	Скрытая	Явная	Есть	Нет	<	=	>	+	=	-	
		1	0	1	0	1	0	1	0	1	0	1	1	0	1		
14	Увалень		0			1		1	1			1			1		5
15	Мешок		0			1	0			0	1					1	3
16	Медведь			1		1		1	1			0		1			5
17	Пентюх			1		1	0			0			1			1	4
18	Loser			1	0			1	1				1			1	5
19	Dumpling		0		0		0			0		0			0		0
20	Laggard		0			1	0			0		0			0		1

- 1) **Степень эмоциональности:** – эмоции отсутствуют; = эмоции нейтральные и/или контролируемые; + ярко выраженные эмоции.
- 2) **Метафоричность:** 0- мертвая метафора, переносное значение не ощущается; 1- оригинальная метафора, непривычное изображение действительности.
- 3) **Внутренняя форма:** мотивированность переносного значения слова его основным значением. 0 не прослеживается; 1 явно прослеживается.
- 4) **Образность:** 1 - легко провоцирует возникновение представления (образа/картинки) в воображении человека; 0 - не провоцирует возникновение представления (образа/картинки) в воображении человека.
- 5) **Экспрессивность:** < абсолютное отсутствие эмоций у говорящего; = нейтральное проявление эмоций у говорящего; > яркое проявление эмоций у говорящего.
- 6) **Оценка:** + оценка субъекта положительная (хороший/хорошо); = оценка субъекта нейтральная; - оценка субъекта отрицательная (плохой/плохо).

Ссылка на Google Forms дистанционного анкетирования:
<https://forms.gle/5Pa6Fxo8x2dN2vwX8>

ЛАУДАТИВНЫЕ ФРАЗЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ
ФОРУМА (ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ ФРАГМЕНТЫ)

<p>Zibbobz 7,21922 gold badges2222 silver badges4141 bronze badges</p> <ul style="list-style-type: none"> • a more sophisticated word would be software simion – user13267 Feb 21 '15 at 10:00 • @user13267 "Software Simion like fritos" doesn't have the same ring. – Zibbobz Feb 21 '15 at 15:01 <p>add a comment 8</p> <p>There are great answers above, but one possible choice that hasn't been mentioned yet is the noun-form idiom <i>working stiff</i>. <i>Macmillan Dictionary</i> defines the term as: an ordinary person who works in order to earn enough money to live, usually at a very boring job <i>Endangered Phrases by Steven D. Price</i> offers: A hardworking employee. First heard in the 1930s, this phrase describes your average guy or gal who works at a not-very-interesting-or-stimulating job and for wages that mean a paycheck-to-paycheck existence. “Stiff” might have come from muscle fatigues at the end of the day or week, but it’s just as likely to be the slang word for “corpse,” which would reflect the idea of a working stiff in a dead-end job.</p>
<p>jdmc 61622 gold badges55 silver badges1414 bronze badges</p> <ul style="list-style-type: none"> • I love the expression <i>working-stiff</i> I have never heard it before. In BrEng a "stiff" is slang for a dead person. Could you include the dictionary definition(s)? Links may rot over time, and the best answers are self-contained. – Mari-Lou A Feb 17 '15 at 12:08 • 1 Same with jdmc's "working stiff", @Mari-Lou. It means "dead man <i>working</i>". – user98990 Feb 17 '15 at 12:16 • 2 <i>Working stiff</i> in my mind implies a blue-collar job, rather than the white-collar one implied by the question. And I usually hear it mostly used in a fairly positive light – for the person. An honest person doing an honest day’s work – but at a heartless and apathetic company. Much more derogatory towards the place of work than the person working there. – KRyan Feb 18 '15 at 14:57
<ul style="list-style-type: none"> • 1 +1 @KRyan - I believe you are correct in your interpretation of "<i>working stiff</i>". My personal experience led me to connote "stiff" with "dead person" in the sense that the experience of daily, unendingly repetitive drudgery can often be spiritually fatal or <i>deadening</i> and result in a man or woman who is but a shell of the person they once were or had the capacity to be. On the other hand I have met many who survive that type of work, spiritually and creatively--ie, with their essential humanity--intact. Thanks. – user98990 Feb 19 '15 at 6:10
<ul style="list-style-type: none"> • I particularly like 'peon' and 'grunt' – Nathan Goings Feb 21 '15 at 6:14 <p>add a comment 8</p> <p>In programming, we have a specific term for the shmoes who are stuck with the simplistic, repetitive, insignificant and mind-numbing programming work. Code Monkey. There's even a Johnathan Coulton song all about their daily dreary lives. share improve this answer follow answered Feb 17 '15 at 20:47</p>